

ЮРИСЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Журнал основан в 1999 г.

№ 34

2024

Учредитель

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор

А.А. Васильев, Алтайский государственный университет

Редакционная коллегия

С.В. Доронина, Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва

Н.Д. Голев, Кемеровский государственный университет

Т.В. Чернышова, Алтайский государственный университет

М.В. Горбаневский, председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам

А.М. Плотникова, Уральский федеральный университет, Уральский региональный центр судебной экспертизы

П.А. Манянин, Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Алтайскому краю

О.В. Барабаш, Научно-исследовательский институт фундаментальных и прикладных исследований Пензенского государственного университета

Н.Н. Шпильная, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Б. Лебедева, Кемеровский государственный университет

Л.Г. Ким, Кемеровский государственный университет

Е.В. Кишина, Кемеровский государственный университет

Т.В. Дубровская, Пензенский государственный университет

Е.С. Аничкин, Алтайский государственный университет

Модератор журнала

С.В. Доронина, Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва

Адрес редакции: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Адрес издателя: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: doroninasv73@mail.ru

Адрес сайта журнала: <http://legallinguistics.ru/>

Адрес в системе РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=31947

Журнал утвержден к печати объединенным научно-техническим советом АлтГУ.

ISSN 2587-9332

Рег. номер Эл № ФС77-78616 (решение от 30.07.2020 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

Язык права	
Вольфсон В.Л. ЯЗЫК ДОГМЫ: ОЗНАЧАЮЩЕЕ И ОЗНАЧАЕМОЕ	6
Зорина Е.М. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ	20
Юридическая техника	
Зацепина О.Е. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКА И ПРАВА КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ	26
Плохова В.И. КРИТЕРИИ ПРАВОМЕРНОГО ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СТРУКТУРЕ ЭТОГО ИНСТИТУТА В ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ОТРАСЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	30
Поляков В.В. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ КАК ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОСИСТЕМ ПРЕСТУПНЫХ СООБЩЕСТВ	37
Правовая коммуникация	
Васильев А.А., Шугуров М.В., Печатнова Ю.В. АКАДЕМИЧЕСКИЙ БОЙКОТ ИЗРАИЛЯ УНИВЕРСИТЕТАМИ СТРАН АФРИКИ, АЗИИ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ: АНАЛИЗ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО ДИСКУРСА	42
Зеленин Ю.А., Васильев А.А. ПРАВОВАЯ (ЮРИДИЧЕСКАЯ) ПАМЯТЬ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ И СООТНОШЕНИЯ С ИНЫМИ ПРАВОВЫМИ ПОНЯТИЯМИ	58
Лингвоэкспертология	
Бринев К.И., Куликова М.Г. О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ДИАГНОСТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСАХ В СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ	63
Галяшина Е.И. ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАТЕКСТА	71
Журавлева О.Н., Перминова Н.Г. ДИСКРЕДИТАЦИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЗОНЕ ПРОВЕДЕНИЯ СВО: ОБ ОДНОМ ЭКСПЕРТНОМ СЛУЧАЕ	77
Кашарина Т.С., Батурина Э.Р. ВЫРАЖЕНИЕ ВРАЖДЫ И УНИЖЕНИЯ В КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ)	82
Кузнецов В.О. СПЕЦИАЛИСТ-ЛИНГВИСТ КАК СУБЪЕКТ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	90
Новожилова Е.В. МЕТОДИКА РЕШЕНИЯ ЭКСПЕРТНОЙ ЗАДАЧИ НА ЗАИМСТВОВАНИЕ ТЕКСТА	97
Секераж Т.Н.	108

РАЗДЕЛЕНИЕ СПОНТАННОЙ И НЕСПОНТАННОЙ РЕЧИ В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ: ДИАГНОСТИЧЕСКОЕ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИЗНАКОВ	
Доронина С.В., Мурса И.Н. ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В АВТОРОВЕДЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ СЕКСТИНГА	113
Лингвоконфликтология	
Савочкина Е.А. КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПУБЛИЧНОГО ИНТЕРВЬЮ	119
Речевые правонарушения	
Дединкин А.Л. СИМБИОТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ДЕСТРУКТИВНОГО ДИСКУРСА В АСПЕКТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТОЛОГИИ	126
Язык и право	
Глушко Е.В., Орлова В.В. К ПРОБЛЕМЕ МЕТОДИКИ АНАЛИЗА КАЧЕСТВА СУДЕБНОГО ПЕРЕВОДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	132
Фокина А.Д., Данилова С.А. К ПРОБЛЕМЕ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ И ТОЛКОВАНИЯ ТЕРМИНОВ АУТЕНТИЧНЫХ ТЕКСТОВ ДОГОВОРА О ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ (МАДРИД, 1990 Г.) НА РУССКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ	140
Чирков Ф.В. РОССИЙСКИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ И ИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА В XVI–XIX ВЕКАХ	147

CONTENTS

Language of Law	
Volfson V.L. DOGMA LANGUAGE: THE SIGNIFIER AND THE SIGNIFIED	6
Zorina E.M. LINGUISTIC FEATURES OF LEGAL TEXTS	20
Legal Techniques	
Zatsepina O.E. INTERACTION OF LANGUAGE AND LAW AS ONE OF THE ASPECTS OF LEGAL TECHNIQUE	26
Plokhova V.I. CRITERIA OF LAWFUL LIMITATION OF HUMAN RIGHTS IN THE STRUCTURE OF THIS INSTITUTION AS PART OF GENERAL-PURPOSE AND SECTORAL STUDIES	30
Polyakov V.V. THE USE OF DIGITAL PLATFORMS AS A TECHNOLOGICAL BASIS FOR THE FORMATION OF CRIMINAL COMMUNITIES ECOSYSTEMS	37
Legal Communication	
Vasiliev A.A., Shugurov M.V., Pechatnova Yu.V.	42

ACADEMIC BOYCOTT OF ISRAEL BY UNIVERSITIES IN AFRICA, ASIA AND LATIN AMERICA: ANALYSIS OF POLITICAL AND LEGAL DISCOURSE	
Zelenin Yu.A., Vasiliev A.A. LEGAL MEMORY: THE PROBLEM OF DEFINITION AND CORRELATION WITH OTHER LEGAL CONCEPTS	58
Linguoexpertology	
Brinev K.I., Kulikova M.G. CONCERNING CRIMINALISTIC DIAGNOSTIC COMPLEXES IN FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE	63
Galyashina E.I. DISTINCTIVE FEATURES OF FORENSIC LINGUISTIC EXAMINATION OF MODERN MEDIA TEXT	71
Zhuravleva O.N., Perminova N.G. DISCREDITING THE MILITARY ACTION OF THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE ZONE OF THE SMO: ON ONE EXPERT CASE	77
Kasharina T.S., Baturina E.R. EXPRESSION OF ANIMOSITY AND DISPARAGEMENT IN INTERNET-MEMES AS HUMOROUS CREOLIZED TEXTS	82
Kuznetsov V.O. A LANGUAGE SPECIALIST AS A SUBJECT OF LAW ENFORCEMENT	90
Novozhilova E.V. EXPERT'S METHODS OF TEXT PLAGIARISM DETECTION	97
Sekerazh T.N. SEPARATION OF SPONTANEOUS AND NON-SPONTANEOUS SPEECH IN FORENSIC EXAMINATION: INFORMATION CONTENT OF FEATURES AND EVIDENTIAL SIGNIFICANCE	108
Doronina S.V., Mursa I.N. DISCURSIVE STRATEGIES IN AUTHORSHIP STUDIES OF SEXTING	113
Linguoconflictology	
Savochkina E.A. CONFLICT-INDUCING POTENTIAL OF PUBLIC INTERVIEWS	119
Speech Offenses	
Dziadzinkin A.L. THE SYMBIOTIC NATURE OF DESTRUCTIVE DISCOURSE IN RESPRCT OF LINGUISTIC EXPERTISE	126
Language and law	
Glushko E.V., Orlova V.V. ON THE METHODOLOGY FOR ANALYZING THE QUALITY OF JUDICIAL TRANSLATION IN THE RUSSIAN FEDERATION	132
Fokina A.D., Danilova S.A. THE PROBLEM OF EQUIVALENCE OF TRANSLATION AND INTERPRETATION OF AUTHEN-TIC TEXTS OF THE AGREEMENT ON LEGAL ASSISTANCE IN CIVIL MATTERS (MADRID, 1990) IN RUSSIAN AND SPANISH	140
Chirkov F.V. RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUES AND THEIR CRIMINAL-LEGAL PROTECTION IN THE 16TH – 19TH CENTURIES	147

Язык догмы: означающее и означаемое

В. Л. Вольфсон

*Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Каменноостровский пр., д. 66, г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: vwolfson@mail.ru*

Природа языка легального текста сама по себе является важнейшей теоретической темой правоведения. Вместе с тем от того, как понимается язык позитивного права, напрямую зависит методология его прочтения, то есть прикладная юриспруденция в своей основной функции – аналитической. И то, и другое очень редко становится объектом исследования в российской юридической науке.

Как следствие, в отечественной доктрине отсутствует конкуренция теорий и сопутствующая дискуссия по этой проблематике. Между тем едва ли есть другая область юридического знания, где бы экономия на теории обходилась столь дорого практике. В отличие от сугубо отраслевых проблем, где доктринальная невзыскательность может ретушироваться прикладными навыками, которые могут в несложных случаях обеспечить приемлемый уровень правоприменения, язык догмы и дефицит попыток ее осмысления имеют прямой эффект на правосудие и правопонимание.

В этой статье, которая стала новым «изводом» труда, созданного в 2011-2012 г., автор предлагает свое понимание природы легального текста, определяет и раскрывает его существенные свойства – аксиоматичность, верификационную автономию, однозначную внятность. При этом высказывания, образующие легальные правила, рассматриваются в категориях «означающего» и «означаемого», введенных в лингвистику Ф. де Соссюром. Практическими итогами этой теории стали, во-первых, принцип конструирования Означающего, именуемый в работе формулой логической достоверности, а во-вторых – определяемая этой формулой иерархия схем означивания легального текста, или, что то же самое, методов верификации суждения о догме.

Ключевые слова: язык права, толкование права, означающее и означаемое, злоупотребление правом, обход закона.

Dogma Language: the Signifier and the Signified

V. L. Volfson

*North-West Institute of Management, Branch of RANEPA
66 Kamenoostovsky Prospekt, 197022, St. Petersburg, Russia. E-mail: vwolfson@mail.ru*

The linguistic essence of legal text is in itself a respected theoretical topic in jurisprudence. At the same time, the methodology of its reading, which is the main, namely analytical function of applied jurisprudence, directly depends on how the language of positive law is understood. Both of these seldom emerge as the object of the Russian scholarly research.

As a result, the domestic doctrine sees little competition between theories and lack of relevant discussion on this issue. Meanwhile, there are hardly any other areas of legal knowledge where saving on theory would be so detrimental to practice. While experience-based skills, when applied to most sectoral problems, may commonly conceal doctrinal illegibility in simple cases and provide an acceptable level of law enforcement, the language of dogma, with lack of attempts of its comprehension, causes a direct effect on justice and legal understanding.

In this article, which has become a revised “recension” of the work created in 2011 - 2012, the author offers his understanding of the nature of a legal text. He also identifies its essential properties, referred to as axiomaticity, verification autonomy, unambiguous intelligibility. In the course of this study he discusses statements that form legal rules in terms of “signified” and “signifier”, the concepts introduced into linguistics by F. de Saussure. The practical results of this theory are, firstly, the principle of construing the Signifier which the author calls “the formula of logical certainty”, and secondly, defined by this formula, the hierarchy of patterns to signify a legal text, or, to put it another way, of methods to verify judgments about the dogma.

Key words: language of law, statutory interpretation, signified and signifier, abuse of law, colorable transaction.

Предисловие.

В 2012 году была опубликована моя статья «Язык догмы: обход невозможен» [Вольфсон 2012: 8-19]. В ней было представлено исследование, итогом которого стала теория природы легального текста. Эта теория часто используется в моих последующих работах.

Доктринальная среда написания статьи была скудной, и таковой она остается по сей день. В отечественном правоведении, в том числе в трудах по моей специальности, цивилистике, не видно качественных исследований природы легального текста, хотя я вовсе не видел ту работу исчерпывающей поле для новых выводов – несмотря на некоторый фундаментализм ее названия. Современные высказывания цивилистов, если они предполагают понимание языка права, часто оказываются беспомощными, а ведь на них строятся целые научные теории и даже печальной памяти пленумные постановления, прямо затрагивающие существо языка права. Так, презумпция диспозитивности любой нормы гражданского права, на которой основано похожее на вероучение Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах», необязательно свидетельствует о невежестве в пандектных принципах построения системы права, ибо могла стать следствием правополитического, как сказали бы сами авторы постановления, умысла, но она возникла из незнания канонов чтения легального текста [Вольфсон 2016: 94, 95]. Общие проблемы порождают частные. Так, в п. 24. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции» содержится указание на штрафную природу неустойки за просрочку доставки груза, что, вероятно, заслуживает поддержки как суждение *de lege ferenda*, каковым разъяснение высшего суда по определению не является, тогда как обоснование этого вывода в постановлении ссылкой на п. 11 Устава автомобильного транспорта вступает в противоречие с принципом квалифицированного умолчания, диктующим противоположное прочтение легального правила [Вольфсон 2022: 84].

В ГК отсутствуют нормы, предписывающие правила толкования, и это естественно: легальный текст не должен содержать памятку о том, как его толковать, – это противоречило бы его природе, о которой речь пойдет ниже. Но ст. 431, устанавливающая подходы к толкованию договора, а также единственное пленумное разъяснение этих правил¹ не свидетельствуют об эпистемологическом уровне, соответствующем уровню развития нашего гражданского права. Так, требование для целей толкования договора принимать во внимание «буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений» показывает не только непонимание законодателем того, что «буквального значения» в языке вовсе не существует — и поэтому основанное на нем толкование приводило бы к ошибочным выводам, как решение любой задачи, основанное на ошибочной посылке, но и, вероятно, неизвестность авторам этой нормы факта множественности языковых конвенций [Вольфсон 2023а: 46]. Верховный Суд РФ в Постановлении № 49 не воспользовался своими, так сказать, экстра-конституционными полномочиями, которые он пускает в ход, чтобы поправить законодателя, однако этот навык пригодился – в п. 45 наше законодательство обогатилось отсутствующей в нем императивной нормой о «толковании договора» в соответствии с правилом *contra proferentem*, в действительности представляющим собой не что иное, как отказ от толкования [Вольфсон 2023а: 52].

О написании этой статьи, вероятно, я впервые задумался после того, как ознакомился в сентябре 2011 г. с проектом новой редакции Гражданского кодекса², подготовленным Советом по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства. В ст. 10 ГК, в ряду разновидностей злоупотребления правом, имелось указание на «действия в обход закона». Несогласие с этой новеллой [Вольфсон 2012а], которое разделяли в те годы и другие авторы [Муранов 1997; Муранов 2011], было, среди прочего, связано с тем, что в ней просматривалась презумпция неоднозначности позитивного права. Возникла идея показать, что такое вменение несовместимо с языком догмы; обладая свойствами аксиоматичности, внятности и однозначности, этот язык не сохраняет пространства для «обхода закона»³. Императивная норма оставляет только два варианта описания действий субъекта: правонарушение или правомерное действие. Принятие такой природы легального текста стало бы еще одним способом убедиться в теоретической несостоятельности и практической вредоносности конструкции «обхода закона».

Таким образом, построение теории языка права изначально ставилось как вспомогательная, но крайне важная задача. Ее последовательное решение превратилось в опору другой теории, создаваемой в течение многих лет, – злоупотребления субъективным гражданским правом [Вольфсон 2023]. Дело в том, что отправным положением последней теории является идея о возникающей при осуществлении субъективного права дихотомичности интересов. Основанное на законодательном режиме субъективное частное право есть юридическое выражение вмененного интереса, неизбежно несовпадающего с реальным интересом субъекта, что открывает возможность осуществления такого субъективного права в условиях недостаточности реального интереса или его отсутствия в том благе, на достижение которого направлен вмененный, предполагаемый в этом праве интерес. Такое представление

¹ Имеется в виду Постановление Пленума от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» (далее – Постановление № 49).

² Законопроект № 47538-6 № 47538-6/13 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/47538-6>.

³ Сторонниками конструкции «обхода закона» в те годы использовался следующий довод: из-за того, что законодательство не легитимирует эту конструкцию, к ней вынуждена прибегать арбитражная практика, и тем самым нарушается принцип правовой определенности» (см., например, п. 3 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.09.2011 № 146 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с применением к банкам административной ответственности за нарушение законодательства о защите прав потребителей при заключении кредитных договоров»). Автор неоднократно подвергал эту доктрину развернутой критике [Вольфсон 2012а].

открывает возможность и к объективизации понятия «достаточность интереса», но только при условии, что легальный текст понимается как область исчерпывающего воплощения всего подлежащего вменению интереса, т. е. когда исключается предположение о допустимости альтернативного, внешнего догме, вменения в нее какого-либо интереса, что практикуется при телеологическом толковании, ставящем его в зависимость от целеполагания. А для этого необходимо было доказать, что легальный текст обладает имманентными ему свойствами верификационной автономии, внятности и единичности содержания.

Но очень скоро стало ясно, что природа языка права в целом, а вовсе не только как прикладная тема для изучения проблем осуществления субъективного права, не имеет удовлетворительного, по мнению автора, освещения и достойного себя уровня дискуссии в отечественной доктрине. Возникает неизбежная и, вероятно, основная версия объяснений тех суждений в науке, решений законодателя и правоприменительных актов, о которых шла речь выше. При очевидности значения этой проблемы такое положение дел вызывает недоумение и желание предложить свое решение. Природа языка права заслуживает того, чтобы привлечь к себе качественно иное внимание отечественных не только теоретиков, но и коллег-цивилистов, так как они предметно занимаются аналитической юриспруденцией в области, где могут столкнуться различные школы правопонимания, – специалисты в публичных отраслях права, ввиду принципа ограничительного толкования относящихся к этим отраслям норм, вероятно, здесь испытывают меньшие затруднения.

Хотя за последние годы было опубликовано немало моих работ, в которых прямо или косвенно затрагиваются лингвистические вопросы права, есть потребность в реконструкции труда, который я считаю своей важнейшей работой по этой теме. «Язык догмы» вообрал в себя изложение моей теории языка легального текста, выявление свойств этого языка (или принципов его понимания), иерархию схем означивания, то есть последовательно применяемых способов прочтения нормы права. Публикация 2012 г. по ряду причин не получила внимания, которого, как представляется автору, заслуживал «Язык догмы», если уж не высказанными в работе идеями, то заданной исследовательской перспективой. Конечно, повторная публикация в другом журнале уже опубликованной статьи нарушала бы принципы издательской этики, поэтому речь могла идти только о переработке текста – тем более, что срок длиной в 12 лет неизбежно создает отдаление, позволяющее автору видеть несовершенства выражения своей мысли, не говоря уж о том, что такой срок почти всегда вмещает перемены в законодательной среде, существенные даже для теоретической работы.

Итогом этой переработки «Языка догмы» стала статья, в которой близкими мне сегодня средствами выражения и с поправкой на изменившийся контекст я постарался донести до правоведов, и прежде всего цивилистов, идеи, породившие текст 2012 г. и сохраняющие важность для меня и поныне. Считаю принципиально важным, что новая статья публикуется в журнале «Юрислингвистика», единственном в стране периодическом научном издании, для которого взаимодействие языка и права является профильным направлением редакционной политики.

В завершение предисловия стоит подчеркнуть, что речь в статье идет только о языке позитивного законодательства, под которым понимаются положения права, принимаемого, если воспользоваться аллюзией на *rule of recognition* Харта [Hart 2012], как объективно существующее и действующее благодаря тому, что оно было официально введено в действие компетентным органом власти в соответствии с признаваемой правопорядком процедурой.

§ 1. Коротко об уровне научной разработки темы.

Несмотря на то, что однозначность правовых предписаний, казалось бы, является общим местом в юриспруденции и относится к основным системным характеристикам права, в юридической науке высказываются различные мнения относительно того, на чем основывается эта однозначность; при этом суждений, отрицающих это качество легального текста, встретить почти не удастся.

Российское правоведение не пытается конкурировать с англоязычной философией права (*legal philosophy*) в лингвистических исследованиях языка права. В нашей науке отсутствуют исследования, сопоставимые с трудами Г. Л. А. Харта [Hart 1961], Р. Дворкина [Dworkin 1986], Й. Раза [Raz 1990], Т. Эндикотта [Endicott 2022] и других ученых, которые поставили проблематику юридического высказывания на уровень главной проблемы современной юриспруденции. Здесь, в свою очередь, сыграла роль «эндемичная» интеллектуальная традиция: направление *р а в о в о й* мысли сложилось под воздействием поворота в *ф и л о с о ф с к о й* мысли, который произошел в первой половине XX в. прежде всего стараниями британских неопозитивистов и не имел явных соответствий в отечественной философии [Вольфсон 2023: 46]. Этот поворот, ныне без обиняков называемый «лингвистическим», отталкивался от убежденности в том, что многие философские проблемы оказываются лингвистическими недоразумениями, возникающими из-за безответственного употребления метафизических, не поддающихся верификации суждений. Аналитическое отношение к любому типу высказываний не могло не охватить те, что воплощены в нормах права. В итоге тезис Дж. Л. Остина [Austin 1962] о перформативной сущности нормы права как высказывания стал узлом, распутывая который Харт [Endicott 2022] создал свою теорию признания как критерий отличия юридической реальности от любой с нею сходной [Hart 2012: 255], а также теорию «аскриптивности» правовых норм [Hart 1951].

Несмотря на то, что в отечественном теоретическом правоведении вопрос о сущности права традиционно, но особенно последние десятилетия, вызывает настолько живой интерес, что образовались полноценные научные школы, дающие на него принципиально разный, хотя и едва ли оригинальный, ответ, на вопрос о природе языка права, в частности — существенных свойств легального текста, наша наука по-прежнему считает искать ответы делом

для себя то ли не слишком важным, то ли слишком затруднительным. Казалось бы, в годы, прошедшие после появления первой версии «Языка догмы», труды англоязычных классиков стали достаточно известны; так, несколько трудов Харта и Дворкина были переведены на русский язык. Ожидаемо появились работы, в том числе созданные специалистами, принимавшими участие в создании переводов, в которых обсуждаются воззрения этих ученых и по интересующей нас проблеме, – во всяком случае, в них раскрываются эпистемологические основы их вопрошания о природе языка права [Оглезнев, Тарасов 2010: 104]. Однако о качественном переломе говорить не приходится. Характерно, пожалуй, что многие из новых работ создаются философами и лингвистами [Томсон 2017], а не юристами (и уж точно никогда – представителями отраслевого правоведения).

В известных автору отечественных трудах по юриспруденции осмысление природы языка права не идет далее описания отдельных признаков [Недбайло 1960], [Пиголкин 1962], [Черданцев 1972], [Хабибулина 2012], [Кошелева 2013]; попыток же выявить существенные свойства этого языка и предложить свою теорию нам заметить не удалось. Но и в англоязычной литературе автору не встретились теории, в которых постулат об абсолютной определенности языка права опирался бы на используемые в нашей статье аргументы.

Речь прежде всего идет о принципиальной неверифицируемости легальных правил как высказываний, о столь же тотальной верифицируемости любого суждения о содержании права, о понимании легального текста как самоозначающей реальности.

§ 2. Означающее и Означаемое в учении о догме.

Термин «Означаемое» и образующий с ним дихотомическую пару термин «Означающее», оба в качестве субстантиватов, по-видимому, дебютируют, ввиду неразвитости в нашем правоведении учения о языке догмы, в отечественной работе. Им соответствуют термины *le signifié* и *le signifiant*, введенные в научный оборот швейцарским языковедом Ф. де Соссюром [де Соссюр 2023: 75]. В семиотике эти термины являются общепринятыми. Правда, уже после выхода в свет первой редакции «Языка догмы» появилась работа, в которой язык права также обсуждается в этих категориях, однако Означаемое понимается как общественные отношения [Кошелева 2013: 177]. Но в нашей теории обе категории относятся к языку легального текста. Каким содержанием и какими качествами эта теория их наделяет, будет ясно из ее изложения.

§ 3. Суждение о догме.

Профессиональное знание можно описать как область Означаемого – значений, верифицируемых наукой, которая систематизирует это знание. Вне легитимной (здесь: достаточно надежной) верификации профессиональное суждение следует считать лишенным смысла. Верификация суждений – это ключ к Означаемому. Поскольку же поле Означаемого не имеет границ, можно говорить о том, что знание – это даже не совокупность Означаемого, но обладание методикой верификаций. Имплицитным предложением инструмента верификации того, что было высказано, профессиональное суждение отличается от суждения дилетанта.

Действительность воспринимается субъектом профессионального знания как текст, способный быть прочитанным на языке его профессии. Чтение же представляет собой означивание, наделение значением, имеющим подтвержденные или подтверждаемые по правилам научной верификации версии в области компетенции этого субъекта. Прочитанное распределяется по ячейкам, организованным для данной профессии родственной ей наукой.

В обычном случае ценз научной верификации, т. е. стандарт соответствия критериям истинности, определяется существенными свойствами явлений, но в аналитическом правоведении источником верификации Означаемого, то есть высказывания о содержании позитивного права, становится само действующее право в виде правового режима¹. Означаемое в действующем праве, как и суждение о нем, принято называть догмой права.

В обычном случае профессионал, утверждая что-либо, на самом деле заявляет о том, что располагает программой верификации, способной удостоверить истинность его слов, – но юрист, говорящий на языке действующего права, заявляет лишь о том, что сказанное им открыто проверке на истинность прочтением соответствующего положения закона, не может пройти эту проверку никаким прочим способом и, наконец, что тест этот, если он состоится, окажется положительным. Понимание закона и есть программа верификации суждений юриста. Поэтому если профессиональное знание в обычном случае есть владение техниками верификации Означаемого в профессиональном языке, то правовое знание есть умение определить подлежащую применению норму права и правильно ее прочитать, т. е. уяснить ее смысл.

Суждение о содержании правовой нормы, будучи по существу предложением верификационной программы, подразумевает также и ряд пояснений относительно ее существа.

§ 4. Суждение о догме: комментарии к программе верификации.

§ 4.1 Принцип аксиоматичности.

Первый имплицитный комментарий состоит в том, что достижение верификационного ценза – а таковым, повторимся, здесь является уяснение Означаемого (содержания) правового режима – гарантирует окончательное тестирование истинности суждения, его успешное завершение. Дело в том, что Означаемое, о котором мы говорим, – заключенное в содержании нормы права правило поведения – есть, в логической

¹ Правовой режим понимается здесь как Означаемое действующего права в целом, а не только корреляты текстуального Означаемого.

интерпретации, *аксиома*, т. е. утверждение, чья истинность принимается бездоказательно. Назовем это явление *принципом аксиоматичности* права.

§ 4.2. Принцип верификационной автономии.

Второе пояснение указывает на то, что как вид высказывания норма права должна быть отнесена к *Ding an sich*¹, – это Означающее, чье истолкование закрыто для любых методов верификации, помимо тех, что заключены в самом высказывании. При попытке прочтения на языке любого иного знания о содержании нормы права нельзя сказать ничего – она представляет собой набор непроницаемых для интерпретации знаков и в этом смысле безмолвствует. Норма права не сообщает никаких значений, кроме тех, что созданы нормой права. Все, что «хотел сказать» законодатель, было им сказано, и поэтому норму права нельзя дополнять – ибо ей не вменить Означаемое, не верифицируемое из нее самой; и он не сказал ничего, чего «не хотел бы сказать», и значит, нельзя сократить это Означаемое по сравнению с тем, что читается из самой нормы на ее собственном языке. Законодатель, далее, не мог бы вынести носители значений легального текста за его пределы; не может, другими словами, Означающее содержания догмы лежать вне легального текста. Ибо любые Означающие, лежащие вне текста *per se*, в абсолютно любом случае активировались бы языком, производимым самим текстом, и, оказываясь тем самым под его семантической юрисдикцией, должны считаться пребывающим под его суверенитетом – собственно, его частью.

Если считать, что текст – это реальность, означенная *внешним* языком, то едва ли такой реальностью можно было бы считать норму права. Можно вполне представить текст с единственным Означаемым – и таковым, как мы вскоре увидим, является текст нормы права, но таковыми являются и любые атомарные высказывания. При этом текстом с единственным Означающим может быть и текст с неединственным Означаемым. Верно и обратное. Но норма права, обладая одним, и только одним Означаемым, представляет собой текст, а скорее – квазитекст, означенный одним, и только одним языком, и это текст, создавший тот язык, на котором должен быть прочитан. Таким образом, текст права – это реальность, которая сама себя означает, причем единственным возможным образом и одним единственным значением.

Этот, по-видимому, уникальный семиотический феномен возникает из того, что нормативный правовой текст является правилом. Можно сразу обратить внимание на то, что в русском языке правилом называют как текст нормы права или иного общественного регулятора, так и ее содержание – т. е. как формулу, так и модель правомерного, «правильного» поведения², предписываемого правилом своим адресатам. Правило – это текст, но правило – это и Означаемое этого текста. И такая семантика объясняет только что описанный феномен нормы права как высказывания: между правилом-формулой и правилом-означаемым нет тождества, но правило-формула обнаруживает себя в правиле-означаемом через производимый им самим язык, с помощью которого и происходит наделение значением.

Правило мы именуем самоозначающей реальностью ввиду того, что тот, кто высказывает правило (законодатель), заявляет актом высказывания (актом законодательства) неприменение к тому, что высказано, способов проверки его истинности. Издать закон, установить правило (здесь – как Означаемое) – это высказать нечто так, что высказанное должно приниматься как находящаяся вне верификационного поля, аксиоматическая – не «без», а внедоказательственная истина. Закон является безапелляционным утверждением: он не апеллирует ни к каким личным авторитетам, способным подтвердить истинность того, что он утверждает.

§ 4.2.1 Аксиоматичность и верификационная автономия.

Поэтому аксиоматичность права, о которой говорилось в § 4.1, примордиальна. Сама по себе аксиоматичность высказывания не создает ему иммунитет против верификаций и гарантий его безошибочности; она является показателем соответствия одному из верификационных стандартов, допускающих принятие некоторых высказываний, для целей верификаций в определенной среде, без доказательств. Однако в мета-среде, где применимы языки (схемы означивания) более высокого уровня, – то есть там, где может быть раскрыто содержание аксиомы, – аксиома становится обычным высказыванием; она открывается верификациям и может быть опровергнута. Есть, впрочем, класс высказываний³, которые *принимаются* окончательно правильными, но это всего лишь допущение, вовсе не изолирующее высказывание от верификационных запросов. В отличие от этих высказываний, аксиоматичность легального текста является окончательной: Означаемое в нем принимается как истина ввиду верификационной автаркии. Тот, кто захочет назвать легальное правило истиной в последней инстанции, не будет вынужден прибегать к интонационной инверсии — в частности, ему не понадобятся кавычки. Норму права не лишит этого иммунитета; нельзя снять с нее скафандр аксиоматичности и представить в виде обычного высказывания в мета-среде, открытого к верификационным цензам более высокого уровня.

Итак, сказать что-либо об Означаемом правила, используя иные языки, чем язык самого правила, можно лишь тогда, когда правило утратит аксиоматичность, что полностью исключается его природой; если бы мы могли прочитать норму легального текста через иные языки, это означало бы, что мы допускаем ее тестирование на истинность — но такое допущение непозволительно.

¹ Термин из трудов И. Канта, означающий такое понимание философом мира вещей, при котором исключается познание того, что такое вещь, за рамками опыта, – все, что человек может знать о вещи, сообщается опытным восприятием. Считается, что принятый ранее в русскоязычной традиции перевод «вещь в себе» неточен, ибо создает представление о возможности существования вещи и «не в себе», а поэтому следует переводить кантовскую категорию как «вещь сама по себе».

² Включая сюда и поведение, предписанное санкциями.

³ Например, «через точку можно провести на плоскости только одну прямую, параллельную к другой прямой на этой же плоскости».

Мы не располагаем каким-либо иным знанием об Означаемом легального текста, помимо знания, которое легальный текст через свое Означающее сообщит нам о своем Означаемом. Любой способ означивания текстуальной реальности права, если он не выводится из самого этого текста, не вправе существовать. Законодательный акт недоступен для чтения на любом другом языке, кроме языка, создаваемого самим законодательным актом. Это рассуждение подводит нас к тезису: «легальный текст есть самоозначивающая реальность».

§ 4.2.2 Сертификация Означающего.

Нормативное право, мы можем это утверждать, создает свой собственный язык. При оценке этого утверждения не стоит смущаться тем, что язык права использует означающие (лексемы и проч.) других языков, прежде всего – общесловарного языка. Дело объясняется следующим. Любые средства языка права активируются как Означающие, то есть обретают способность наделять легальную реальность значениями, лишь тогда, когда они патентуются (сертифицируются) в этом качестве самим легальным текстом, причем такой сертификат (патент) всегда будет содержать и строго очерченную компетенцию запатентованного языкового средства (область его применения). Такая легитимация может быть и частью этого текста, чему самый простой пример – дефиниции терминов, включаемые в преамбулу или в вводные статьи нормативного акта, однако она может осуществляться имплицитно, о чем подробно будет сказано ниже. Итак, легальный текст наделяет средства языка способностью наделять его значениями, и без прохождения такой процедуры они непригодны для его интерпретации. И поэтому является ложным такое толкование этого текста, которое использовало бы для его прочтения язык, несанкционированный самим текстом.

Любое суждение о действующем праве должно восприниматься как закавыченное дважды.

Первые кавычки являются «общепрофессиональными»: они применимы к отдельным лексемам и показывают согласительный (конвенциональный) характер любой профессиональной терминологии [Вольфсон 2023а: 47]. Вторые же – это специфические кавычки правоведения, и они относятся к высказыванию в целом: они призваны показать, что любое смыслообразование в этой профессии испытывается на истинность исключительно предметом высказывания – текстом, прочитанным его создавшим языком. «Так называемыми» являются в юриспруденции, как в любом профессиональном обороте, все единицы ее тезауруса, но «так называемыми», и в этом уникальность языка права, являются и составленные из них утверждения.

Можно описать существо дела так: легальный текст пребывает вне доступа внешней верификационной сети и отклоняет любые запросы на верификацию, если те не легитимированы его собственным «протоколом». И поэтому, как уже не раз говорилось, этот текст оставляет толкователей только с одной конструкцией Означающего – той, что создается языком самого этого текста. Отсюда вытекает еще одна особенность правила как вида высказывания: тот, кто *издает* правило, тот и создает его Означаемое. Применительно к текстуальному феномену это, по-видимому, столь невероятная характеристика, что впору было бы спросить, приложима ли она вообще к тому, что может называться текстом (к означенной реальности); этот вопрос выходит за рамки нашего предмета, но позже мы его зададим еще раз.

§ 4.2.3 Верификационная автономия в сакральных текстах, метафорах и в идиомах.

Изложенный взгляд на сущность законодательного акта помогает объяснить некоторые связанные с ним устойчивые представления. Речь прежде всего о статусе сакральности законодательных текстов. Становится понятным, почему в архаичных культурах законы доставлялись (транслировались) народу (иногда – в лице избранных для этого посредников) божеством, выполняющим космогоническую функцию, а в монотеистических религиях – единым вседержителем. Закон осознается как существенная часть богодухновенного священного писания. В соответствии с тем же представлением, акт законодательства мог быть сообщен и оракулом (как представителем передающей, а не воспринимающей инстанции); как и при первом способе, закон здесь трансцендентален, а его источник, от имени которого вещает оракул, – трансцендентен, но к этому прибавляется еще и «аверифицируемость» речений оракула, что делает этот способ, вероятно, наиболее точной аллегорией языка права. К постулату первозданности, вначальной данности восходят и метафорические уподобления способов, применяемых для сообщения законодательных актов: они описываются как закрепленные «на скрижалях», «высеченные в мраморе», иногда «написанные кровью», и, конечно, никогда не будет недостатка в материализации этих метафор. Современное сознание также не чуждается подобных архетипов, о чем свидетельствуют такие устойчивые выражения, как «зарубить на носу», «выделить красным маркером», «прописать в FAQ». Все они утратили буквальный смысл, а их идиоматизацию лучше всего оценить на тех из них, что только недавно ей подверглись. Так, последнее из этих речений уже не подразумевает включение правила в памятку, представляющую собой ответы на часто задаваемые вопросы. Как и другие выражения из приведенного ряда, оно превратилось в лексему, означающую «затвердить правило, вызубрить его, – принять его самодовлеющий верификационный потенциал и отказаться от попыток применить к нему несанкционированные им самим средства прочтения». Во всех этих случаях, независимо от того, обосновывается ли авторитет правила его сакральным происхождением или же такая связь устанавливается аллегорично, но средствами показательной идиоматики, нам дано почувствовать, что легальный текст понимается как самодостаточная и самоозначивающая семантическая реальность, возникающая из – и только из – производимого ею языка. Стоит оговориться: мы отнюдь не ведем здесь речь о том расхожем воззрении на право, которое сакральную родословную, в буквальном или переносном словоупотреблении, приписывает его другому и общеизвестному свойству – недопустимости отступления от содержания правила, каковая атрибуция нередко проясняется через такие иносказательные фигуры, как «непоколебимость права», «прочность права» и т. д. Мы же,

если и говорим о прочности, «монолитности» права, то лишь в том нужном нам значении, которое указывает на самодостаточность текста права, на его способность верифицировать толкования своих Означаемых (то самое содержание правил) путем производства собственных средств языка, т. е. создания ценза верификации.

Перебирая эти похожие на архетипы метафоры, а также их исторически неизбежные – и многочисленные! – субстантивации на предмет близости к природе легального текста, мы, пожалуй, могли бы остановиться на той из них, которая представляет его «высеченным в камне», «начертанном на скрижалях», а еще лучше – «проступающим» на какой-либо поверхности. В этих иносказаниях «монолитность» Означающего в праве – в раскрытом выше значении – показывает не только создавшееся положение, но и суггерирует каузальную модель, трансцендентальность Означаемого в легальном тексте увязывающую с верификационной примордиальностью самого правила. Норма права – это то, что нельзя обойти, но не потому, что «*dura lex, sed lex*», не из-за той неподатливости закона чьим-либо представлениям о высшем благе, что требует принятия обета законопослушания, а потому, что нет истины, не только предшествующей, но и первенствующей по отношению к истине закона – «за» этой истиной нет ничего, о чем можно было бы судить. Всякое доступное знание о смысле легального правила приобретает только из него самого – непосредственно или через делегированную им компетенцию прочтения.

Выше уже отмечалось, что обнаруженные качества легального текста дают повод усомниться в том, что наделенное ими явление обладает теми же общими предикатами, что и явление, именуемое «текстом». Последнее есть реальность, означенная языком, а легальный текст – это реальность, возникшая из самоозначивания; реальность, как мы только что увидели, в разных значениях монолитная. Во всяком случае, позволительно было бы спросить: не правильнее ли считать легальный текст вещь, не текстом? В самом деле, то, какой является вещь, никак не зависит от нашего опыта наблюдений; она «сама по себе», она самодостаточна. В свою очередь, и легальный «текст» не нуждается для собственного означивания в других языках. И все же то, что означивается в этом тексте, не тождественно самому тексту; Означающее и Означаемое в догме – не одно и то же. Вещь же тождественна самой себе: вещь означает только то, что она есть.

Принцип толкования легального текста исключительно из него самого, с использованием только того языка (методов означивания), который порождается или «патентуется» им самим, мы будем именовать принципом верификационной автономии. Признание этого принципа толкования влечет принятие некоторых следующих из него правил.

§ 4.2.4 Верификационная автономия и аскриптивность.

Известно, что Харт относил нормы права к высказываниям особого рода¹, которые он называл аскриптивными, противопоставляя их не только дескриптивным, но и дихотомической парности, образованной из положительной и отрицательной модальности дескриптивности [Hart 1951], [Оглезнев, Тарасов 2010: 105]. Высказывания этого типа не только ничего не описывают, но и по природе своей неспособны к описанию, а потому не подлежат верификации. Таким образом, Харт приходил к тому же свойству правил как высказываний, но все же исходя из другой посылки.

Признавая значительный эпистемологический потенциал у идеи выделять высказывания аскриптивного типа, в том числе – видеть это свойство в правовых текстах, автор считает, что это свойство не является необходимым качеством исследуемого языка. Было бы натяжкой полагать, что легальные категории тотально аскриптивны; несмотря на то, что мысль Харта вдохновлялась в том числе преодолением метафизических препятствий, такой ее итог в свою очередь становится метафизическим аргументом, противостоящим онтологической модальности права: любое правоприменение всегда будет исходить из того, что легальные правила имеют денотат в виде обстоятельств дела; любое разрешение вопроса факта подразумевает их интерпретацию в концептуальном поле найденных ответов на вопросы права.

Язык догмы не аскриптивен, но аверифицируем; тотальная неспособность подвергнуть его проверке на истинность является не следствием его природы, а его имманентным свойством.

Что же касается перформативной природы, которую Харт усматривал у некоторых таких высказываний, то этот очень интересный сюжет дальнейшего исследования нашей темы, по-видимому, в большей мере относится к области лингвистики. Но заметим, что для перформативного высказывания, т. е. речения-действия, по определению требуется субъект действия, тогда как фигура законодателя, как будет ясно из дальнейшего, в нашем видении является трансцендентной и едва ли может быть наделена субъектностью.

§ 4.2.5 Принцип верификационной автономии: некоторые последствия для толкования.

Самым очевидным следствием, вероятно, будет правило непогрешимости юридической техники законодателя. Эта хорошо известная в учениях о толковании закона максима, как правило, представлена в виде презумпции [Матвеев 2020: 113; Кононенко 2014: 150]. Между тем любые толкования, основанные на допущении об «ошибке» законодателя, должны полностью исключаться в каждом отдельном акте правоприменения и искореняться – в масштабах правовой системы. Приведенное понимание легального текста как автономного генератора Означаемого делает его самоочевидной аксиомой толкователя. Ошибка законодателя в нормотворческой технике составляет априорное допущение аналитической юриспруденции, но оно не может руководить толкованием нормы права.

Другое очевидное, но чрезвычайно важное для сложившейся в России системы правопонимания (и правоприменения) следствие из принципа верификационной автономии состоит в том, что никакое, кроме

¹ Понятия, включаемые в эти высказывания, Харт также считал понятиями особого рода — но уже в смысле *sui generis*, то есть такими, определение которых не может быть дано путем противопоставления однопорядковым, т. е. относящимся к тому же таксономическому ряду, с ними категориям; иными словами, их нельзя, по Харту, определить по принципу *per genus et differentiam*.

аутентичного, разъяснение положений законодательства, независимо от его авторитета и даже официальной статусности, не может быть принято в качестве легитимного (т. е. верификационно-годного) суждения о догме. Нелегитимны попытки конструкции Означающего текста права с использованием какого бы то ни было толкования, если такой язык прочтения представляет собой самоназначенную схему означивания, в том числе если применение этого языка нарушает иерархию этих схем, которую мы собираемся выстроить ниже. Так, если процедуры означивания легального текста не заданы самим этим текстом, толкование догмы не должно считаться ни с интерпретациями легальных терминов во внеправовой лексикографии, ни с суждением о ней доктрины, ни, пусть это может уже кого-то удивить, с правоприменительными позициями судов – как устоявшимися в практике (в том числе в целях ее т. н. «единообразия»¹), так и сформулированными высшими судами [Вольфсон 2014: 5-23]. Это суждение может показаться не столь очевидным применительно к разъяснениям авторов законопроекта – например, в пояснительной записке или во время его обсуждения в законодательном органе. И тем не менее, данное правило в полной мере приложимо и к таким разъяснениям. Суждение авторов законопроекта не создается Означающим в самом легальном тексте и не является порожаемым им Означаемым. Допущение иного отношения к такого рода разъяснениям нарушило бы принцип верификационной автономии, поскольку подразумевало бы, что легальный текст не порождает все необходимые для себя означаемые. Таким образом, эти разъяснения могут быть санкционированы лишь в рамках стандартного «патентования» легальным текстом способов его прочтения. Вместе с тем при конкуренции «запатентованных» внешних средств, например, при коллизии словарного значения и того, на котором настаивают авторы законопроекта, следует отдавать предпочтение последнему разъяснению как более авторитетному. Иерархия методов толкования будет подробно рассмотрена в завершение работы.

Наконец, для правил толкования исключительное, хотя куда менее тривиальное значение имеет недопустимость альтернативного, по отношению к тому, что задается Означающим догмы, вменения интереса. Как указывалось в предисловии, исследование языка догмы автором в свое время началось с того, чтобы этот вывод из принципа верификационной автономии был включен в теорию осуществления субъективного права.

§ 4.2.6 Значение принципа верификационной автономии для теории осуществления субъективного гражданского права.

Хотя исследованию языка права предназначалось стать самодовлеющим предметом представленной работы, по сравнению с ее первой версией, где, как отмечалось в предисловии, оно возникало как ответвление теории осуществления права, считаем нужным заметить, что раскрытое понимание легального текста ведет к однозначно утвердительному ответу на вопрос: весь ли презюмируемый интерес, юридическим воплощением которого, в воззрениях автора, служит субъективное частное право, без остатка вменяется в установленные легальным текстом основания этого права, представляющие собой, согласно этим воззрениям, минимальные значения указанного интереса? Такой ответ следует из силлогизма: если (а) в пространстве позитивного права отсутствуют значения, которые не задавались бы означающими, сконструированными из легального текста, и те значения, которые прямо не определяются самим этим текстом, им сертифицируются, и (b) если установленные легальным режимом основания всякого субъективного права суть минимальные значения вмененной квоты интереса, то в юрисдикциях позитивного законодательства исключается вменение обладателю субъективного частного права, основания которого установлены законом, помимо того вменения, что воплощено в этих основаниях [Вольфсон 2023: 45]. Разумеется, этот вывод исключает прочтение текста позитивного права с использованием телеологических приемов, в частности применение конструкции «обхода закона».

§ 4.3 Принцип однозначной внятности.

Третий комментарий, наряду с программой верификации молчаливо сопровождающий любое высказывание о действующем праве, состоит в том, что эта программа сработает безотказно: не существует такого толкования нормы права, которое нельзя было бы подтвердить или опровергнуть. Другими словами, при толковании нормы права не наступает верификационный тупик. Это свойство позитивного права – и одновременно свойство верификации суждения о праве – можно назвать принципом внятности права.

Наконец, судящий о содержании права всегда молчаливо утверждает, что его высказывание атомарно – оно может быть либо истинным, либо ложным. Означаемое права, будучи всегда нормой поведения, не должно допускать инвариантность толкования, истинностную амбивалентность. И здесь мы знакомимся с еще одним свойством обсуждаемой реальности – с принципом однозначности права.

Чаще всего все три принципа – верификационной автономии, внятности и однозначности – сообща должны руководить толкователем. Но объединяя два последних принципа, мы могли бы так описать их общую миссию: у любого правила есть одно, и только одно «правильное» (хотя еще лучше без кавычек) прочтение, и это прочтение всегда у правила есть. В праве всегда *есть* истина, и это только одна истина. Мы сформулировали «принцип однозначной внятности права». В сочетании с верификационной автономией это качество легального текста сообщает нашим представлениям о праве тот уровень парадоксальности, который – если, разумеется, парадокс не является искусственным – часто служит первопроходцу подтверждением верности выбранного курса. И этот парадокс становится отправной точкой для многих выводов, но, чтобы не уходить в сторону от этого принципиального для нас направления, мы упомянем самый парадоксальный из них: аналитическая юриспруденция является *точной наукой*.

¹ Нарушение «единообразия в толковании и применении судами норм права» является одним из оснований отмены судебных актов в порядке надзора в действующем процессуальном законодательстве (ст. 308.8 АПК РФ и ст. 319.9 ГПК РФ).

Вернемся к раскрытию третьего имплицитного комментария. Он указывает на то, что толкователь никогда не останется без критериев выбора в пользу *правильной* версии толкования. Иными словами, суждение о выборе прочтения всегда снабжено гарантиями успешной верификации. Даже в самых «безвыходных» ситуациях у правоведа сохраняется доступ к верификационному лазу. И в самом деле, язык, содержащий *правила поведения*, всегда должен быть открыт для уяснения теми, кому эти правила предписаны; высказывание, в котором такой интенции нет, перестает быть и правилом, и нормой права, – в таковых всегда должна читаться адресация тем лицам, чье поведение они регулируют. Таким образом, внятность права следует понимать не только как его свойство, но и как вмененное законодателю намерение донести правило поведения до его адресатов в том изложении, что соответствует наиболее вероятной конструкции Означающего из всех возможных при толковании. Язык права как явление должен не только пониматься, но и *приниматься* как передающий правило *наиболее внятном* образом. Такое вменение является единственным способом описания «воли законодателя», несводимой к той, что явлена в самом легальном тексте. О «воле законодателя» нам твердо известно то, что он предназначал ее нашему пониманию. Но о содержании его воли может говорить исключительно легальный текст.

Раскрытая выше интерпретация третьего имплицитного комментария сохраняет ему самостоятельность по отношению к принципу верификационной автономии, исключая дедукцию как этого последнего принципа из верификационной внятности права (отнюдь не всякое высказывание с верифицируемым Означаемым является правовой нормой), не говоря уж об уникальности верификационной ситуации легального текста, так и внятности права – из самодостаточности Означающего: отнюдь не всякое послание с трансцендентальным Означаемым рассчитано на наше понимание; далеко не всякий раз оракул говорит то и для того, что и чтобы могло и должно быть понято.

Принципы внятности и однозначности были сразу отнесены к одному имплицитному комментарию, а в конечном счете объединены в единый принцип. Тем не менее, раскрыты они были порознь, что объясняется их относительной самостоятельностью. Легко заметить, что парадигма внятности не призвана служить обоснованием какого-либо определенного толкования: она велит исключать предположение о неверифицируемости текста, а также презюмировать правильными наиболее убедительные конструкции Означающего, но не объясняет, почему прочтений не может быть несколько. В свою очередь, принцип однозначности осуществляет уточняющую, по отношению к принципу внятности, миссию. Когда постулируется, что текст может пониматься только либо истинно, либо ложно (базовая посылка принципа однозначности), ему тем самым уже предпосылается свойство внятности. Кроме того, принцип внятности относится к интерпретации Означающего, а принцип однозначности редуцирует Означаемое, что, впрочем, эквивалентно и отсеvu соответствующих означающих.

Однако ниже мы будем представлять дело так, как если бы оба эти принципа действовали совместно, т. е. будем говорить о едином верификационном принципе «однозначной внятности». Функционально этот единый принцип призван устранить любые колебания, объективно – ибо субъективные aberrации не важны – способные породить неочевидность однозначного толкования. К примеру, многие коллизии были бы непреодолимы с помощью ординарных текстуальных верификаций, если бы в арсенале толкователя не имелось правила недопущения амбивалентности как экстраординарного верификационного средства. Когда же мы принимаем, что любой легальный текст обладает, во-первых, единственным, и во-вторых, внятном значением, мы соглашаемся считать подлежащими применению такие способы уяснения Означаемого, которые не ограничатся стандартными, во всяком случае – текстуальными техниками. И принцип однозначной внятности действительно вооружает догматическое правоправедение таким инструментарием.

§ 5. Толкование догмы: принцип логической достоверности.

Здесь нам пора перейти к завершающей части работы. В ней будут представлены прикладные по отношению к предшествующему рассуждению, но крайне существенные и, будем надеяться, достаточно им обоснованные выводы. Мы бы хотели предложить формулу отбора Означаемого в праве – проще говоря, общее правило его толкования. Представленная выше аргументация позволяет изложить это правило лаконично, в виде теоремы.

Итак, поскольку мы утверждаем, что:

а) означаемое легального текста трансцендентно по отношению к языкам; этот текст сам создает свои значения и никогда не может быть понят иначе, чем сам из себя, т. е. любой язык, на котором он может быть прочитан, должен быть им произведен либо наделен компетенцией производства значений;

б) легальный текст может и должен быть понят; он существует для того, чтобы быть понятым адресатом;

в) легальный текст может и должен быть понят в одном, *и только в одном* смысле; только один его смысл является верным;

постольку следует считать, что воля законодателя всегда выражается в *той, и только той* конструкции Означающего, которая определяется схемой означивания, логически наиболее достоверно выявляющей волю законодателя.

Семантика употребленных здесь терминов и выражений должна быть понятна из расположенного выше материала, но для точного уяснения формулы толкования будут даны определения двух ее элементов.

Конструкция Означающего – прочтение текста через наделение значениями определенных его элементов в соответствии с примененной методикой означивания; путь к обретению Означаемого.

С х е м а о з н а ч и в а н и я – это язык или языки, выбранные для «назначения» Означающего. Схемы означивания можно понимать как приемы выявления воли законодателя. Вот пример простейших из этих схем: «воля

законодателя выражена в тех значениях употребленных в законе терминов, которые установлены дефинициями этих терминов в преамбуле». В случае, если схемы вступают в коллизию, толкователь – как это следует из вышеизложенной формулы – должен применить ту, которая представляется наиболее достоверной версией воли законодателя.

Сам по себе такой подход к толкованию не нов – ему, во всяком случае, следуют и общеизвестные правила преодоления коллизий. Так, правило «общей и специальной нормы», которым предписывается руководствоваться Означаемым, определяемым Означающим более узкой по семантическому объему нормы, является более логичной схемой означивания, чем способное вступить с ним в коллизионное противостояние толкование исходя из общепринятого в доктрине понимания терминов, соответствующего их Означаемому в общей норме, и эта логичность первой схемы придаст большую убедительность той конструкции Означающего легального текста, которая будет основана на этой схеме. Предпочтительнее же эта схема потому, что выявляет волю законодателя в эксплицитном высказывании, возникающем благодаря логической последовательности: в ряду неоднократного умолчания высказывание не может иметь иной смысл, кроме противоположного тому, что выражен в умолчании¹.

Об известности такого подхода к толкованию свидетельствует и разъяснение, включенное во второе предложение абз. 3 п. 43 Пленума № 49. Правда, между известностью и признанием все-таки ощущается разница: Верховный Суд нетерпимо относится лишь «к такому пониманию условия договора, которое стороны с очевидностью *не могли иметь в виду (курсив мой – В. В.)*». Негативная методика здесь не встречает возражений – поскольку речь идет о толковании договора, а не закона, нужно действительно начинать уяснение смысла сомнительных условий с отсекающей версий, явно *не* соответствующих воле сторон, однако заметно и то, что очевидность здесь используется только в императивной модальности – она показатель не вероятности, как в нашем правиле, а императивности.

В целом же важнейшее отличие нашего понимания правила «наибольшей очевидности» от того, что известно в доктрине и практике, как представляется, заключается, во-первых, в его универсальности, а во-вторых, в его концептуальном обосновании. Автор этой работы полагает, что это правило должно руководить толкователем во всех случаях, причем, как будет уже вскоре показано, универсализм позволяет рейтинговать очевидность применительно к различным схемам означивания. В своей всеохватности оно предустановлено раскрытыми выше качествами легального текста.

Можно сравнить данный постулат с a single right answer thesis Р. Дворкина («теория единственного правильного ответа») [Dworkin 1986a]. Сходство того и другого подхода к правопониманию, по-видимому, является внешним. За общностью идеи о принципиальной верифицируемости суждения о праве, за близостью формул такой верификации (у нас это принцип наиболее логически достоверной конструкции, у Дворкина – доводы в пользу такой схемы толкования, которая в наибольшей мере соответствует и оправдывает институциональное единство права [Касаткин 2023: 306]), стоит различие эпистемологических предикатов такой верифицируемости: с одной стороны, представление о праве как самоозначающей реальности, с другой – о «целостности права» (law as integrity).

Отмеченная выше относительность формулы – предпочтение должно быть отдано схеме, *наиболее* достоверно выявляющей волю законодателя, – не должна разочаровать, ибо эта относительность – не свидетельство субъективности. Принцип однозначной внятности легального текста, предписывающий не допускать ни невозможность, ни множественность возможностей его понимания, единственно верной велит считать только такую схему означивания, которая *объективно* представляет собой наиболее достоверный способ определения воли законодателя.

Таким образом, однозначность и внятность права как особенности процедуры проверки на истинность суждения о догме суть не производные качеств правового текста и не показатели эффективности примененной программы верификации; это не констатация благополучного положения дел с верификацией, а напротив, причины такого положения. Эти правила верификации легального текста, составляя вместе с принципами аксиоматичности и верификационной автономии свод системных принципов догмы права, сами порождают, легитимируют и наделяют иммунитетом против верификационного скепсиса схемы ее означивания.

И далее, благодаря тому, что образование верной конструкции Означающего всегда надежно верифицировано, то есть выбор такого прочтения законодательного текста, которое следует из наиболее логически достоверной схемы его означивания, признается единственно истинным ответом на вопрос об Означающем текста, создается и возможность легитимации иерархии, расставляющей применение схем означивания в очередности, предзаданной той же логикой. Снова подчеркнем, что любые сомнения относительно того, какая из рассматриваемых версий верификационного отбора обладает большей логической достоверностью, по определению – или *из* определения принципа внятности – должны считаться преодолимыми. Толкователь исходит из того, что верификационного тупика нет и быть не может. У него всегда есть точный ответ, какой схеме означивания должно быть отдано предпочтение; а в редкой (при условии профессионального применения этого принципа) ситуации, когда он сам бы затруднялся указать на объективно более логически достоверную схему, можно было бы обосновать свой выбор вмененной позицией большинства гипотетических толкований. Впрочем, автор этой работы уповает на то, что ее тезисы позволят составить иерархию схем означивания легального текста в таком порядке, который не вызовет, во всяком случае, возражений, обращенных к применяемому критерию — относительной степени логической достоверности

¹ Точно та же семантика задается рядом неоднократно высказанных повторений одного и того же правила и последующим умолчанием в норме идентичной диспозиции; эта схема известна как «квалифицированное умолчание», но не станет преувеличением назвать ее эксплицитным умолчанием.

этих схем. Конечно, при оценке данного качества у каждой отдельной схемы и, соответственно, при определении ее иерархического ранга не исключены ошибки, но универсализм принципа, столь подробно раскрытого выше, поможет их избежать; в целом, концептуализм этой иерархии, осмелимся полагать, отличает ее от других подобных построений [Черданцев 1972; Хабибулина 2012: 58]. Вместе с тем мы считаем излишним, для достижения целей этой работы, составление исчерпывающего перечня схем означивания легального текста с присвоением каждой из них статуса; мы ограничимся лишь самыми заметными, с нашей точки зрения, способами выявления воли законодателя.

§ 5.1 Иерархия схем означивания.

Возникающая последовательность будет напоминать иерархичный строй источников права: использовать какую-либо схему можно лишь постольку, поскольку это не исключается возможностью использования схемы более высокого уровня. Не упуская из виду сделанные выше оговорки, предлагается считать схемы означивания легального текста расположенными, по мере убывания их объективной логической достоверности, в следующей, задающей рейтинг выбора означивающего, последовательности.

Используется значение, определяемое:

- 1) правовым актом, к предмету регулирования которого относится исследуемое правоотношение, – при коллизии между правовыми актами (правило *lex specialis*);
- 2) более поздним правовым актом – при коллизии между правовыми актами с неразличимыми предметами регулирования (правило *lex posterior*);
- 3) дефинициями в самом правовом акте (в преамбуле, вводных частях закона и т. д.);
- 4) правилом общей и специальной нормы, в т. ч. квалифицированным умолчанием (*specialia generalibus derogant*);
- 5) контекстом, в котором они используются в данном законодательном акте¹;
- 6) разъяснениями авторов законопроекта (в пояснительной записке, в ходе парламентских чтений);
- 7) устойчивым применением в судебной практике, что определяется в том числе разъяснениями высших судов;
- 8) устойчивым применением в доктрине;
- 9) общелексическим употреблением.

§ 5.1.1 «Воля законодателя» как метафизическая фикция.

Подчеркнем еще раз, что принцип верификационной автономии легального текста устраняет возможность использования так называемой «воли законодателя» в качестве самостоятельного, вынесенного за текст, верификационного критерия Означаемого легального текста, ибо его Означаемое не охватывается действием каких-либо верификационных критериев, кроме тех, которые санкционируются самим легальным текстом как самоозначивающей реальностью. Мы закавычиваем этот термин именно потому, что как внешнее легальному тексту, «воля законодателя» – это симулякр, лишенный всякой верификационной субстантивации. Воля законодателя явлена в легальном тексте; никакой другой, сторонней тексту, воли законодателя для целей догматического толкования не существует. Интенция внятности, о которой шла речь выше, также является свойством природы этого текста, а не методологическим принципом. Поэтому если воля законодателя не в метафизическом, а в приближенном к дословному значению смысле – в виде разъяснений авторов законопроекта или уже изданного правового акта – может служить схемой означивания, занимающей, впрочем, весьма скромное место в представленной иерархии, то вмененное законодателю намерение, руководящее выбором Означающего, если оно трансцендентально праву, но наделено модальностью сущего, как схема означивания не должна рассматриваться. Толкователь, определяя конструкцию означивающего, выражающую логически наиболее достоверное выявление воли законодателя, устанавливает саму эту волю, а не проекцию этой воли, не версию, которую было бы правдоподобно за нее выдать.

Между тем в отечественном правоведении бытует представление о «воле законодателя» как о некоей трансцендентальной познанию права, однако субстантивированной, сущей реальности. Это ему мы обязаны призывами к «уяснению воли законодателя», не утруждающими себя, по обычаям такого рода метафизики, предложениями научно обоснованной и целостной методики. И, рефлексируя снова на повод для написания первого извода этой статьи, скажем о том, что только в таком сознании могла зародиться идея об «обходе закона», поскольку закон представляется ему как недостаточный и *несамодостаточный* генератор юридического означаемого – и как таковой, имманентно открытый к мудрому руководству, обладающему юрисдикцией укрощать его необузданную натуру, смягчая идиосинкразические крайности и направляя в русло политически² верного толкования. Эта загадочная, одним лишь метафизическим вменением обоснованная *impregium* для оправдания своего произвола всегда будет прибегать к риторике о «воле законодателя» и, конечно, присваивать себе монополию на интерпретацию симулякра.

Оставаясь в философско-правовом поле, мы, вероятно, должны бы были охарактеризовать это явление как онтологизацию законодателя, однако, принимая во внимание его несомненную политическую инструментальность, честнее было бы выразить его в терминах общественнознания, и тогда, пожалуй, его следовало бы назвать *реваншем*. Поскольку столь же ясно то, что эта узурпация догмы происходит за счет полномочий судебной

¹ Крайне важно обратить внимание на различие между этой схемой и телеологическим толкованием. Отличное пояснение этого различия можно почерпнуть из *ratio decidendi* решения по знаменитому английскому делу *Garner v. Burr* [1951] 1 KB 31.

Апелляционный судья указал на то, что слово *vehicle*, употребленное в подлежащем применении законе, должно пониматься не в словарном значении «транспортное средство», а в контекстуальном значении «любое средство передвижения, поставленное на колеса», и такое толкование задается прочтением языка закона, а не отказом от такового в пользу телеологии [Endicott 2022].

² Или, как выражаются наши оппоненты, «правополитически».

власти, которые мы условились аккуратно называть экстраконституционными, то уместно было бы ввести в оборот термин правоприменительный феодализм. Он может звучать слишком публицистично для академической теории права, но мы покривим душой, если воздержимся от построения категорий, освещающих существенно важную составляющую обсуждаемого явления. Дальнейшее же его раскрытие предпринимается в других исследованиях автора.

Заключение.

Здесь будут суммированы основные тезисы работы.

Легальное правило позитивного законодательства исследуется в работе в категориях Означающего и Означаемого.

Осевая идея предлагаемой теории заключается в том, что легальный текст как вид высказывания является самоозначиваемой реальностью. Происходит это ввиду следующих свойств легального правила как вида высказывания.

Во-первых, правило аксиоматично – иными словами, если толкование правила соответствует его содержанию, то это толкование является истинным.

Во-вторых, правило обладает противоверификационным иммунитетом (принцип верификационной автономии). Исключена проверка на истинность того, что было высказано в правиле. В этом смысле аксиоматичность правила тотальна – в отличие от других аксиом, которые открываются прочтению языками более высокого уровня. Из этого следует, что Означаемое правила может быть понято только через Означающие, сконструированные с применением схем означивания, созданных самим правилом. Легальный текст в конечном счете сам создает язык, на котором может быть прочитан (или делегирует другим источникам компетенцию по производству такого языка). Подтверждением этого качества легального текста служит указание на трансцендентальную природу законодательства в сакральных текстах, а также многочисленные лингвистические свидетельства в виде метафор и идиоматики.

В-третьих, любой легальный текст обладает внятностью, поскольку предназначен к исчерпывающему пониманию теми, чье поведение он призван регулировать (принцип внятности); познание Означаемого в правиле исключает верификационный тупик. Кроме того, атомарность правила как высказывания сообщает ему свойство однозначности: легальный текст всегда имеет одно, и только одно значение. Это свойство правила представлено в работе как «принцип однозначной внятности».

Установленные свойства легального текста делают возможным сформулировать общий принцип его толкования: следует отбирать ту версию Означаемого, которая соответствует конструкции Означающего, логически наиболее достоверно выявляющей волю законодателя.

Далее, принцип однозначной внятности позволяет установить иерархию схем означивания легального текста: поскольку всегда есть единственно верный выбор конструкции Означающего, определяемый примененной схемой, то и сами эти схемы можно расположить в последовательности, место в которой определяется тем же принципом наибольшей достоверности. Эта иерархия представлена в работе с оговоркой о том, что она может не исчерпывать все применимые схемы означивания.

Основные выводы исследования позволяют сделать некоторые более частные, но актуальные для современного правопонимания умозаключения.

Прежде всего, воля законодателя должна приниматься как трансцендентное начало, полностью воплощенное в легальном тексте, но не как субстантивный самостоятельный верификационный критерий и как самостоятельная схема означивания. Внешняя легальному тексту «воля законодателя» является метафизической фикцией, а любые апелляции к ней для целей толкования недопустимы.

Далее, допущение совершенной законодателем ошибки должно стать табуированным приемом толкования. Принцип непогрешимости юридической техники прямо следует из понимания легального текста как самоозначиваемой реальности.

Научно обоснованная иерархичность применения схем означивания легального текста должна исключать применение этих схем вне установленной очередности. Это в полной мере относится к так называемым «правовым позициям» судебной власти – у них есть свое место в этой иерархии, самозванное изменение которого, столь обычное в нашей правовой системе, должно расцениваться как узурпация догмы [Вольфсон 2023: 63].

Наконец, сущность догмы права как самоозначивающей текстуальной реальности исключает какое бы то ни было вменение интереса обладателю субъективного гражданского права, помимо того вменения, которое выражено, в виде минимальной квоты этого интереса, в предусмотренных законом основаниях субъективного права.

Литература

- Вольфсон В. Л. Непринужденная неустойчивость. О судьбах публичного интереса в пересмотре вступивших в законную силу судебных актов / Вестник СПбГУ. Серия «Право». – 2014. – № 2. – С. 5-23.
- Вольфсон В. Л. Об обходе законов / Юридическая мысль. – 2012а. – № 3(71). – С. 97-110.
- Вольфсон В. Л. Ответственность перевозчика за просрочку доставки грузов: развитие судебной практики в контексте меняющихся концепций / Вестник арбитражной практики. – 2022. – № 6(103). – С. 83-92.

- Вольфсон В. Л. После ВАС: доктрина свободы договора в современном российском правоприменении / Закон. – 2016. – № 9. – С. 91-99.
- Вольфсон В. Л. Свобода договора как практическое руководство по его толкованию / Хозяйство и право. – 2023а. – № 2(553). – С. 39-55.
- Вольфсон В. Л. Теория злоупотребления правом. М., 2023.
- Вольфсон В. Л. Язык догмы: обход невозможен / Мир юридической науки. – 2012. – № 6. – С. 8-19.
- Касаткин С. Н. Проблема оснований и критериев права: критика теории социальных правил и конвенционального «правила распознавания» в доктрине «раннего» Р. Дворкина / RUDN Journal of Law. 2023. – Т. 27. – № 2. – С. 288-308.
- Конonenko В. И. Особенности толкования и применения законодательства в уголовном судопроизводстве России по судебным уставам 1864 г. / Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 21. – С. 148-151.
- Кошелева А. Ю. Язык права: формирование символов и влияние на реальность / Вестник РГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. – 2013. – № 1(102). – С. 173-181.
- Матвеев А. Г. Проблема регламентации исполнения как объекта смежных прав в Гражданском кодексе Российской Федерации / Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – № 3(42). – С. 113.
- Муранов А. Внедрение в ГК РФ понятия «обход закона» будет глубоко ошибочным шагом / Российская бизнесгазета – Новое законодательство. – 2011. – № 795. URL: <https://www.rg.ru/2011/04/12/muranov.html>.
- Муранов А. И. К вопросу об «обходе закона» / Московский журнал международного права. – 1997. – № 3. – С. 42-76.
- Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм. М., 1960.
- Оглезнев В. В., Тарасов И. П. Аскриптивность как онтологическое свойство юридических понятий / Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 8 (12). – С. 102-110.
- Пиголкин А. С. Толкование нормативных актов в СССР. М., 1962.
- де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики; пер. А. М. Сухотина; под ред. Р. О. Шор. М., 2023.
- Томсон Г. В. Природа юрислингвистики / Мир науки, культуры, образования. – 2017. – № 2(63). – С. 380-382.
- Хабибулина Н. И. Грамматическое толкование норм права / Российское правосудие. – 2012. – № 7(75). – С. 56-62.
- Черданцев А. Ф. Вопросы толкования советского права. Свердловск, 1972.
- Austin J. L. How to Do Things with Words. Oxford, 1962.
- Dworkin R. "Is There Really No Right Answer in Hard Cases?" in A Matter of Principle. Oxford, 1986a.
- Dworkin R. Law's Empire. Cambridge, 1986.
- Endicott T. Law and Language. The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2022 Edition, substantive content change), Ed. N. Zalta (ed.) URL: <https://clck.ru/39HXP>.
- Hart H. L. A. The Ascription of Responsibility and Rights / Essays on logic and language. 1951. Vol. 7. P. 145-166.
- Hart H. L. A. (2012). The Concept of Law, 3rd edition. Oxford.
- Raz J. Practical Reason and Norms. Oxford, 1990.

References

- Volfson, V. L. (2014). Free and Easy Instability. On Destinies of Public Interest in Review of Judgements Which Have Become Final. Vestnik of Saint Petersburg University. Law, 2, 5-23 (in Russian).
- Volfson, V. L. (2012). About Abuse Laws. Legal Thinking, 3, 97-110 (in Russian).
- Volfson, V. L. (2022). Carrier's Liability for Late Delivery of Goods: Development of Court Practice within the Context of Changing Concepts. Bulletin of Arbitration Practice, 6, 83-92 (in Russian).
- Volfson, V. L. (2016). Post-SAC: The Freedom of Contract Doctrine in the Modern Court Practice in Russia. The Law, 9, 91-99 (in Russian).
- Volfson, V. L. (2023). Contractual Freedom as Practical Guidance on Its Interpretation. Economy and Law, 2, 39-55 (in Russian).
- Volfson, V. L. (2023). Abuse of Right as a Theory: a monograph. Moscow (in Russian).
- Volfson, V. L. (2012). Dogma Language: Evasion Impossible. World of Legal Sciences, 6, 8-19 (in Russian).
- Kasatkin, S. N. (2023). Issues of Foundations and Criteria of Law: Criticism of the Theory of Social Rules and Conventional Rule of Recognition in "Early" R. Dworkin's Doctrine. RUDN Journal of Law, 2, 288-308 (in Russian).
- Kononenko, V. I. (2014). The Features of Interpretation and Application of the Criminal Procedure Law in the Criminal Justice according to the Judicial Statutes of Russian of 1864. Theory and Practice of Social Development, 21, 148-151 (in Russian).
- Kosheleva, A. Yu. (2013). Law Language: Symbol Formation and Influence upon Reality. RSUH/RGU Bulletin Series "Political Science. History. International Relations", 2013, 1, 173-181 (in Russian).
- Matveev, A. G. (2020). The Problem of Regulation of Performance as the Object of Related Rights in the Civil Code of the Russian Federation. Proceedings of Voronezh State University. Series: Law, 3, 109-115 (in Russian).
- Muranov, A. (2011). The Introduction of the Concept of "colorable transaction" into the Civil Code of the Russian Federation will be a deeply erroneous step. Russian Business Newspaper. New Legislation, 5. Available from: <https://www.rg.ru/2011/04/12/muranov.html> (in Russian).
- Muranov, A. (1997). On the Issue of "Circumvention of the Law." Moscow Journal of International Law, 3, 42-76 (In Russian).
- Nedbaylo, P. E. (1960). Application of the Soviet Rules of Law: a monograph. Moscow (in Russian).

-
- Ogleznev, V. V., Tarasov. I. P. (2010). The Ascriptivity as Ontological Characteristic of Legal Concepts. Tomsk State University Journal of Law, 8, 102-110 (in Russian).
- Pigolkin, A. S. (1962). Interpretation of Legal Regulations in the USSR: a monograph. Moscow (in Russian).
- de Saussure, F. (2023). Course in General Linguistics. Transl. by A. M. Sukhotin. Ed. by R. O. Shor: a monograph. Moscow. Available from: <https://urait.ru/bcode/540553> (in Russian).
- Tomson, G. V. (2017). Nature of Juridical Linguistics. The world of science, culture and education, 2, 380-382 (in Russian).
- Habibulina, N. I. (2012). Grammatical Interpretation of Rules of Law. Russian Justice System, 7, 56-62 (in Russian).
- Cherdantsev, A. F. (1972). Issues of Interpretation of the Soviet Law: a monograph. Sverdlovsk (in Russian).
- Austin, J. L. (1962). How to Do Things with Words. Oxford.
- Dworkin, R. (1986a). "Is There Really No Right Answer in Hard Cases?" in A Matter of Principle. Oxford.
- Dworkin, R. (1986). Law's Empire, Cambridge.
- Endicott, T. (2022). Law and Language. The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2022 Edition, substantive content change), Ed. N. Zalta (ed.) Available from: <https://clck.ru/39HXP>.
- Hart, H. L. A. (1951). The Ascription of Responsibility and Rights. Essays on logic and language, 7, 145-166.
- Hart, H. L. A. (2012). The Concept of Law, 3rd edition, Oxford.
- Raz, J. (1990). Practical Reason and Norms. Oxford.
-

Citation:

Вольфсон В. Л. Язык догмы: означающее и означаемое // Юрислингвистика. – 2024. – 34. – С. 6-19.

Volfson V. L. (2024) Dogma Language: the Signifier and the Signified. Legal Linguistics, 34, 6-19.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Лингвистические особенности юридических текстов

Е. М. Зорина

*Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики
Лермонтовский пр., 44, 190020, г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: zorinaem@bk.ru*

Статья посвящена исследованию универсальных профессионально-специфических параметров написания юридических текстов. Автор отмечает, что современное общество нуждается в развитии функциональной грамотности, в том числе в умении создавать юридические документы. Для этого необходимы не только юридические, но и лингвистические знания. Приведены признаки юридического документа по Т. В. Кашаниной: регулирование общественных отношений, основание на нормах права, издание в пределах компетенции, установление прав и обязанностей, порождение юридических последствий, требование профессиональных знаний, наличие реквизитов. В статье рассмотрены различные языковые средства языка права: общелингвистические (ясность, точность, лаконичность), лексические, синтаксические и стилистические. Особое внимание уделяется лексике. Отмечается важность единообразного использования терминов с четким значением. Приведены особенности употребления существительных и глаголов в юридических текстах. Выявлено, что существительные могут использоваться для перечисления компетенций (принятие, утверждение, установление и др.), а глаголы применяются преимущественно в действительном залоге, чтобы акцентировать внимание на субъекте действия. Набор глаголов зависит от вида документа и сферы применения. Делается вывод о том, что лингвистические особенности позволяют выделить юридический текст из разнообразных документов. Юридический язык считается сложным для понимания, поэтому важно соблюдать стереотипность и стандартность при создании юридических текстов, а стиль изложения и подбор лексики должны обеспечить понятность для любого читателя. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые на материале русского языка права описаны и систематизированы различные особенности и ошибки юридического текста. В результате исследования установлено, что процесс создания юридического текста осложняется не столько отсутствием правовых знаний, сколько непониманием правил использования русского языка в области права.

Ключевые слова: юридическое письмо, юридический текст, юридический документ, лингвистические особенности текста, языковые средства.

Linguistic Features of Legal Texts

E. M. Zorina

*The St. Petersburg University of Management Technologies and Economics
44 A Lermontovskii, 190020, St. Petersburg, Russia. E-mail: zorinaem@bk.ru*

The article concerns the study of universal professional-specific parameters for writing legal texts. The author notes that modern society needs the development of functional literacy, including the ability to draw up legal documents. This requires not only legal, but also linguistic knowledge. The characteristics of a legal document according of T.V. Kashanina are: regulation of social relations, basis on the rule of law, publication within the scope of competence, establishment of rights and obligations, generation of legal consequences, requirement of professional knowledge, availability of details. The article examines various linguistic means of the language of law: general linguistic (clarity, accuracy, conciseness), lexical, syntactic and stylistic. Particular attention is paid to vocabulary. The importance of consistent use of terms with clear meanings is noted. The features of the use of nouns and verbs in legal texts are given. It has been revealed that nouns can be used to list competencies (acceptance, approval, establishment, etc.), and verbs are used mainly in the active voice to focus attention on the subject of the action. The set of verbs depends on the type of document and scope of application. It is concluded that linguistic features make it possible to distinguish a legal text from a variety of documents. Legal language is considered difficult to understand, so it is important to maintain pattern and standardization when creating legal texts, while the style of statement and selection of vocabulary should ensure clarity for any reader. The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time, using the material of the Russian language of law, various features and errors of the legal text have been described and systematized. As a result of the study, it was established that the process of drawing up a legal text is

complicated not so much by the lack of legal knowledge as by a lack of understanding of the rules for using the Russian language in law.

Key words: legal writing, legal text, legal document, linguistic features of the text, linguistic means.

Современное общество нуждается в развитии функциональной грамотности, то есть в умении использовать знания, умения и навыки в профессиональной деятельности и в повседневной жизни. Написание различных юридических документов также является необходимым навыком. Кроме того, автору текста следует стремиться к достижению равновесия между информационной насыщенностью и коммуникативной доступностью [Котюрова 2008]. Однако одних юридических знаний недостаточно для качественного создания юридического текста, необходимы еще и лингвистические. Именно этот аспект мы и рассмотрим подробнее.

Чаще всего юридические документы относятся к официально-деловому стилю речи. В зависимости от конкретной сферы применения выделяют 4 функциональных подстиля: законодательный, дипломатический, канцелярско-административный и юрисдикционный. Они имеют свои стилевые особенности, определенную терминологию и набор типовых текстов. Несмотря на такое разделение, данные подстили схожи между собой по определяющим признакам [Растамханова 2018]. Именно это позволяет нам согласиться с мнением Н. В. Тыдыковой, что языковой стиль, использующийся в сфере права, можно называть «языком права» [Тыдыкова 2023] и не делить его на 4 вида. Однако такой язык имеет официальный стиль изложения, предполагающий точность, ясность, краткость, определенность, отсутствие экспрессивности, стандартизованность используемых терминов и оборотов [Ситникова 2017: 111]. Пренебрежение правилами русского языка и «языка права» приводит, по мнению Д. О. Карагиной, к различным ошибкам и зачастую фатальным последствиям при применении закона [Карагина 2023]. Этот аспект мы также будем анализировать в дальнейшем.

В нашем исследовании мы будем рассматривать термины «юридическое письмо», «юридический текст» и «юридический документ» как синонимичные, потому что О. А. Хазова под юридическим письмом понимает любой текст, подготовленный юристом и имеющий юридическое содержание [Хазова 2017: 30], а Т. В. Кашанина считает, что юридический документ – это документ, «имеющий реквизиты, устанавливающий права и обязанности, являющийся обязательным для исполнения и порождающий позитивные или негативные последствия» [Кашанина 2024: 105]. Кроме того, рассмотрим предложенные Т. В. Кашаниной признаки юридического документа (ЮД):

- 1) регулируют общественные отношения, входящие в сферу правового регулирования;
- 2) основываются на нормах права;
- 3) издаются (составляются) в пределах компетенции или правоспособности;
- 4) устанавливают права и обязанности;
- 5) порождают юридические последствия;
- 6) требуют при составлении профессиональных знаний;
- 7) имеют реквизиты [Кашанина 2024: 103-105].

По нашему мнению, не все признаки обязательно присутствуют в юридическом тексте и его не всегда составляет профессиональный юрист. Однако именно лингвистические особенности позволяют нам вычлнить из разнообразных документов именно юридический.

По мнению Т. В. Варлаковой, трудности в процессе создания юридического текста возникают чаще всего в использовании специфических (профессиональной терминологической и нетерминологической лексики) и неспецифических (нейтральных и межстилевых) языковых единиц, которые «определяют лингвистические особенности юридических текстов в целом, в выборе форм слов, словосочетаний, в построении сложных предложений и в постановке в них знаков препинания, что нарушает адекватное восприятие представленной информации» [Варлакова 2014: 58-62].

Языковые средства, которые используются в ЮД, можно условно поделить на несколько категорий:

- общелингвистические (ясность, точность, лаконичность, грамотность и т. п.);
- лексические;
- синтаксические;
- стилистические.

Юридический язык («язык права») считается очень сложным для понимания, и именно стиль изложения и подбор лексики должны обеспечить доступность для любого читателя.

Лексические единицы, которые используются в юридическом тексте, не могут рассматриваться с точки зрения обычного текста. Это выражается, например, в том, что обиходные синонимы «жалоба»/«апелляция»/«претензия» или «процесс»/«порядок» в сфере права имеют различное значение. На то, что важно единообразие использования терминов с четким и строго очерченным смыслом, обращают внимание различные исследователи [Губаева, Пиголкин 2000: 275; Васильева 2024].

При этом использование иностранных терминов оправдано лишь в том случае, если не существует их аналогов в русском языке. Профессиональные термины должны употребляться в том значении, в котором они используются в сфере, для которой создается ЮД. Однако не следует заменять юридические термины широко используемыми обиходными словами, потому что юридический текст все же должен обладать определенной стереотипностью и стандартностью, то есть соотноситься с шаблоном и быть выдержанным в официально-деловом стиле. По данным отдела систематизации законодательства Правового управления Аппарата Совета Федерации, ведущего учет понятий

и определений законодательства РФ, только на федеральном уровне насчитывается более 12 000 понятий и их определений [Апт 2007: 112].

Согласно российским традициям юридической техники (как и научной работы), физические лица обычно обозначаются в законе (где не известен конкретный объект) существительными мужского рода (истец, ответчик, несовершеннолетний, подозреваемый и т. п.). В иностранных законодательствах это рассматривается как дискриминация по признаку пола, но именно такой подход помог избежать в российской Конституции замены понятий «мать» и «отец» на нейтральные «родитель 1» и «родитель 2».

Перечень компетенций или полномочий может быть представлен в том числе и с помощью набора шаблонных существительных, которые также должны быть единообразны. Например:

К исключительной компетенции Совета депутатов... относятся:

- 1) *принятие Устава...*
- 2) *утверждение местного бюджета...*
- 3) *принятие планов...*
- 4) *установление, изменение и отмена местных налогов...*
- 5) *определение порядка управления имуществом...*
- 6) *определение порядка принятия решений...*
- 7) *определение порядка участия...*
- 8) *определение порядка обеспечения...*
- 9) *контроль за исполнением...*

Наиболее распространенными существительными для таких перечней являются: владение, внесение, выдача, исполнение, контроль, оказание, определение, организация, осуществление, пользование, принятие, проведение, размещение, разработка, распоряжение, реализация, согласование, содействие, содержание, создание, установление, утверждение, участие, учреждение, формирование. Однако стоит отметить, что все эти существительные используются для определения процессности действия, хотя некоторые из них имеют и другие толкования – например, «организация» или «распоряжение».

Для каждого вида ЮД существует свой набор стандартных глаголов, которые чаще всего используются. Например, в законах чаще всего встречаются глаголы «использовать», «устанавливать», «обеспечивать» и т. п. Например, в законе «Об образовании» (Федеральный закон от 29.12.2012 №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации») глагол «осуществляет(ся)» используется 151 раз, «устанавливает» – 66 раз, «обеспечивает(ют)» – 40 раз, «принимает(ют)» – 22 раза, «организует» – 15 раз. Набор глаголов зависит не только от вида ЮД, но и от сферы его применения.

Глаголы могут использоваться как в действительном, так и в страдательном залоге, но предпочтительнее действительный, потому что он помогает акцентировать внимание на субъекте, который должен совершить определенные действия. Страдательный залог используется либо чтобы подчеркнуть цель или объект совершаемого действия, либо когда субъект не известен или не важен.

Необходимо учитывать, что если перечень каких-либо действий состоит из глаголов, то они должны быть одного вида. Например, статья 69 «Лишение родительских прав» СК РФ:

Родители (один из них) могут быть лишены родительских прав, если они:

- *уклоняются...*
- *отказываются...*
- *злоупотребляют...*
- *жестoko обращаются...*
- *совершили умышленное преступление...*

Последний глагол совершенного вида, но его просто невозможно сделать подобным с другими 4.

Рассматривая набор слов, следует отметить, что как таковой тавтологии не существует и одно и то же слово может повторяться несколько раз даже в одном предложении:

• 2. Избирательные бюллетени, бюллетени для голосования на референдуме печатаются на *государственном языке* Российской Федерации. По решению соответствующей избирательной комиссии, комиссии референдума *бюллетени* печатаются на *государственном языке* Российской Федерации и на *государственном языке* соответствующей республики, а в необходимых случаях также на *языках народов* Российской Федерации на территориях их компактного проживания. Если для избирательного участка, участка референдума *бюллетени* печатаются на двух и более *языках*, текст на *государственном языке* Российской Федерации должен помещаться в каждом избирательном *бюллетене*, *бюллетене* для голосования на референдуме. Протоколы итогов голосования, результатов выборов и референдумов оформляются на *государственном языке* Российской Федерации, а при необходимости также на *языках народов* Российской Федерации на территориях их компактного проживания (Закон РФ от 25.10.1991 N 1807-1 (ред. от 13.06.2023) О языках народов Российской Федерации, ст. 14 п. 2).

• 6. При использовании *русского языка* как *государственного языка* Российской Федерации не допускается употребление слов и выражений, не соответствующих нормам современного *русского литературного языка* (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, которые не имеют общеупотребительных аналогов в *русском языке* и перечень которых содержится в нормативных словарях, предусмотренных частью 3 настоящей статьи (Федеральный закон от 01.06.2005 г. № 53-ФЗ О государственном языке Российской Федерации, ст. 1, п. 6).

Прилагательные обычно употребляются в минимальном количестве, но некоторые Федеральные законы не

следуют этому филологическому совету:

14) добровольное пожертвование гражданина – безвозмездное внесение гражданином Российской Федерации собственных денежных средств на специальный избирательный счет кандидата, избирательного объединения, специальный счет референдума (Федеральный закон от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» ст. 2, п.14).

Рассмотрим синтаксические особенности построения предложений.

Исследования показывают, что предложения, в которых более 30 слов, 95% людей читает повторно. А предложения, где менее 20 слов, перечитывает всего 5%. Это веский аргумент в пользу лаконичности. Наилучший подход к созданию лаконичных предложений – выражать в каждом из них одну-две мысли.

Однако законы часто не придерживаются этого правила и включают слишком много слов в одном предложении – например, 128: «Если срок полномочий органа государственной власти субъекта Российской Федерации, органа местного самоуправления истек или полномочия были досрочно прекращены, а соответствующий закон субъекта Российской Федерации о выборах отсутствует либо положение (положения) закона субъекта Российской Федерации не может быть применено (не могут быть применены) вследствие признания его судом недействующим и не подлежащим применению, выборы в орган государственной власти субъекта Российской Федерации, в орган местного самоуправления в части положения (положений) закона субъекта Российской Федерации, признанного судом недействующим и не подлежащим применению, проводятся соответствующей избирательной комиссией на основе настоящего Федерального закона, иных федеральных законов, обеспечивающих реализацию права граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а в случае, если имеющаяся правовая база недостаточна, в части, не урегулированной законом, также на основе указов Президента Российской Федерации» (Федеральный закон от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» ст. 11, п.4).

Рассмотрим текст одного из определений суда, который состоит из одного предложения и 164 слов:

«Разрешая спор и отказывая в удовлетворении заявленных требований, суд исходил из того, что в силу п. 6 ч. 2 ст. 153 ЖК РФ, несмотря на отсутствие регистрации права собственности истца на нежилое помещение в установленном законом порядке до 10 августа 2016 г., это обстоятельство не является основанием для освобождения его от обязанности нести расходы по содержанию помещения и оплачивать оказываемые ему управляющей организацией услуги, при этом управляющая компания является лицом, ответственным за содержание общего имущества жилого комплекса, правомерно производила начисления за содержание общего имущества истцу, в том числе за оказание дополнительной услуги «Содержание земельного участка и элементов благоустройства», тарифы и перечень услуг управляющей компании истцом не оспаривались, доказательств того, что такие услуги ответчиком не оказывались, истцом суду не предъявлено, представленный Ч. протокол внеочередного общего собрания от 3 июля 2018 г., согласно которому решение об утверждении тарифа за содержание земельного участка и элементов благоустройства общим собранием не принято, суд не признал допустимым доказательством, поскольку копия протокола надлежащим образом не заверена, оригинал данного документа не представлен» [Дмитриев, Якимова 2023: 9].

С лингвистической точки зрения такое предложение не является простым и доступным и вполне может быть разбито на пять предложений без ущерба для содержания. Следует стараться избегать сложных причастных и деепричастных оборотов и не перегружать предложение однородными членами. Числительные лучше обозначать цифрами, чтобы их было легче воспринять, но обычно так обозначаются только ссылки на законодательные пункты:

- Срок, на который избираются органы местного самоуправления, депутаты указанных органов, и срок полномочий указанных органов и депутатов устанавливаются уставом муниципального образования в соответствии с законом субъекта Российской Федерации, при этом устанавливаемый срок не может составлять менее двух и более пяти лет. Днем окончания срока, на который избираются органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, депутаты указанных органов, является второе воскресенье сентября года, в котором истекает срок полномочий указанных органов или депутатов, а в год проведения выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации очередного созыва – день голосования на указанных выборах (Федеральный закон от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» ст. 8, п. 1).

- 1) в отношении выборов в органы государственной власти субъекта Российской Федерации – не ранее чем за 105 дней и не позднее чем за 95 дней до дня голосования (Федеральный закон от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» ст. 10.1, п. 5.1).

- 7. По итогам консультаций, предусмотренных пунктом 6 или 61 настоящей статьи, Центральная избирательная комиссия Российской Федерации с учетом сроков, предусмотренных пунктом 7 статьи 10 настоящего Федерального закона, принимает решение о назначении соответствующих выборов (в том числе с возможностью сокращения сроков избирательных действий), референдума или об отклонении предложения высшего должностного лица субъекта Российской Федерации об их назначении, а в случаях, предусмотренных пунктами 52 и 61 настоящей статьи, незамедлительно принимает решение о проведении выборов, референдума либо о невозможности проведения выборов, референдума на части территории Российской Федерации, на которой введено военное положение

(Федеральный закон от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» ст. 10.1, п. 7).

Предложение для ЮД должно быть по возможности юридически нейтральным. Для этого используются глаголы в форме инфинитива (например, *предоставить, обеспечить, установить*), глаголы в третьем лице (например, *несет ответственность*), глаголы в будущем времени (например, *должны понести ответственность*).

По структуре предложения для ЮД не должны содержать вопросы (за исключением, например, протоколов допросов), но могут включать двойное отрицание (например, *никто не имеет права*).

Следует отметить, что только проекты федеральных законов перед вторым и третьим чтением проходят лингвистическую экспертизу, заключающуюся в оценке соответствия представленного текста нормам современного русского литературного языка с учетом особенностей языка нормативных правовых актов и даче рекомендаций по устранению грамматических, синтаксических, стилистических, логических, редакционно-технических ошибок и ошибок в использовании терминов (ч. 7 ст. 121 Регламента Государственной Думы). Остальные юридические документы проверяются самими создателями текстов, что часто приводит в том числе и к лингвистическим оценкам. Например, Н. Ивакина отмечает такие языковые погрешности, как неточный выбор однокоренных слов («отбытие наказание» вместо «отбывания наказания») или числа имен существительных («В чужом интересе») [Ивакина 2000: 27-28].

Стоит отметить, что не бывает несущественных ошибок в юридических текстах. Стоит вспомнить роман Л. Н. Толстого «Воскресенье», когда в вердикте присяжных были пропущены 4 слова «без намерения лишить жизни», которые стоили героине 4 лет каторги. Или пример из брачного договора между супругами, имеющими похожие инициалы и фамилию, которая в мужском род склоняется, а в женском нет (например, Жук), когда большая часть имущества в случае развода достается Е. Жук. Лингвист точно скажет, что это жена, а вот юрист, составлявший документ, думал о муже, но ошибся [Хазова 2017: 47-48].

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод об актуальности преподавания юридической техники в юридических вузах для того, чтобы юридические документы стали более грамотными. С другой стороны, эту же дисциплину необходимо преподавать и лингвистам, чтобы возвращать будущих экспертов для различных юридических документов.

Знание лингвистических особенностей юридических документов способствует развитию как правовой грамотности, так и лингвистической компетентности.

Литература

- Апт Л. Ф. О системной связи определений понятий российского законодательства / Юридическая техника. – 2007. – №1. – С. 111-115.
- Варлакова Т. В. Лингвистические особенности научных юридических текстов / Научный вестник Омской академии МВД России. – 2014. – № 3(54). – С. 58-62.
- Васильева Т. А. Как написать закон. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2024.
- Губаева Т. В., Пиголкин А. С. Лингвистические правила законодательной техники / Проблемы юридической техники: сб. статей / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000.
- Дмитриев Р., Якимова Е. Юридический текст без ошибок. Как улучшить стиль письма и справиться со сложными случаями грамматики. М., 2023.
- Ивакина Н. Русский язык российского права / Российская юстиция. – 2000. – №7. – С. 27-28.
- Карагина Д. О. О терминологических коллизиях и других несовершенствах статей 285.1, 285.2 УК РФ / Юрислингвистика. – 2023. – 30. – С. 26-31.
- Кашанина Т. В. Юридические документы. Чему не учат студентов. Как правильно понять и подготовить: учебник. М., 2024.
- Котюрова М. П. Культура научной речи: текст и его редактирование: учеб. пособие. М., 2008.
- Растамханова С. Н. Жанровое многообразие и подстили официально-делового стиля / Форум молодых ученых. – 2018. – №1 (17). – С. 927-932.
- Ситникова А. И. Законодательная текстология уголовного права / Lex Russica. – 2017. – №3 (124). – С. 106-122.
- Тыдыкова Н. В. О технике конструирования уголовного закона / Юрислингвистика. – 2023. – 30. – С. 43-49.
- Хазова О. А. Искусство юридического письма. 4-е изд., испр. и доп. М., 2017.

References

- Apt, L. F. (2007). On the systemic connection of definitions of concepts in Russian legislation. *Legal technology*, 1, 111-115 (in Russian).
- Dmitriev, R., Yakimova, E. (2023). Legal text without errors. How to improve your writing style and cope with difficult grammar situations. Moscow (in Russian).
- Gubaeva, T. V., Pigolkin, A. S. (2000). Linguistic rules of legislative technology. *Problems of legal technology: collection. articles / ed. V.M. Baranov. N. Novgorod* (in Russian).
- Ivakina, N. (2000). Russian language of Russian law. *Russian justice*, 7, 27-28 (in Russian).

-
- Karagina, D. O. (2023). On Terminological Collisions and Other Imperfections of Articles 285.1, 285.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Legal Linguistics*, 30, 26–31 (in Russian).
- Kashanina, T. V. (2024). Juristic documents. What they don't teach students. How to understand and prepare correctly: a textbook. Moscow (in Russian).
- Khazova, O. A. (2017). The art of legal writing. 4th ed., rev. and additional. Moscow (in Russian).
- Kotyurova, M. P. (2008). Culture of scientific speech: text and its editing: textbook. allowance. Moscow (in Russian).
- Rastamkhanova, S. N. (2018). Genre diversity and substyles of official business style. *Forum of young scientists*, 1(17), 927-932 (in Russian).
- Sitnikova, A. I. (2017). Legislative textual criticism of criminal law. *Lex Russica*, 3 (124), 106-122 (in Russian).
- Tydykova, N. V. (2023). On the Technique of Constructing Criminal Law. *Legal Linguistics*, 30, 43-49 (in Russian).
- Varlakova, T. V. (2014). Linguistic features of scientific legal texts. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 3(54), 58-62 (in Russian).
- Vasilyeva, T. A. (2024). How to write a law. 3rd ed., revised and additional. Moscow (in Russian).
-

Citation:

Зорина Е.М. Лингвистические особенности юридических текстов // Юрислингвистика. – 2024. – 34. – С. 20-25.

Zorina E.M. (2024) Linguistic Features of Legal Texts. *Legal Linguistics*, 34, 20-25.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Взаимодействие языка и права как один из аспектов юридической техники

О. Е. Зацепина

Алтайский государственный университет

пр. Социалистический, 68, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: zatsepina.olesya@yandex.ru

Статья посвящена исследованию особенностей взаимодействия языка и права, исходя из необходимости соблюдения требования ясности текста нормативно-правовых актов как одного из главных правил юридической техники. Выделены основные черты языка права в различные периоды исторического развития. Установлено, что в дореволюционный период язык права характеризовался профессионализмом и высоким уровнем культуры, но в связи с этим был недоступен для понимания обычными гражданами. Советский период ознаменован лозунговостью юридического языка, но при этом его лаконичностью и содержательностью, а также функциональностью преамбулы как элемента нормативно-правового акта. Кроме того, в данный период юридическая техника активно изучается как самостоятельное направление юридической науки, несмотря на существующие мнения о том, что она чужда рядовым гражданам. Современный этап развития языка и права называют кризисным. Наблюдается существенный рост количества нормативно-правовых актов, призванных решать новые задачи, но фактически затрудняющих правовое регулирование из-за противоречия ранее принятым актам и сложных языковых конструкций. Из положительных моментов современного периода отмечается защита русского языка как государствообразующего фактора от излишнего заимствования иностранных терминов. Сделан вывод, что в каждом рассмотренном периоде развития права и языка можно выделить положительные и отрицательные стороны, поскольку язык права отражает особенности общественно-политической обстановки. В соответствии с цикличностью исторического развития после кризиса всегда наступает подъем, для которого в данном случае, в частности, необходимо учесть позитивный опыт рассмотренных периодов развития.

Ключевые слова: язык права, юридическая техника, понятность, копирайтинг.

Interaction of Language and Law as one of the Aspects of Legal Technique

O. E. Zatsepina

Altai State University

68 Socialisticheskyy str., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: zatsepina.olesya@yandex.ru

The article covers the study of the peculiarities of the interaction of the language and the law, based on the need to comply with the requirement for the clarity of the text of regulatory legal acts as one of the main rules of legal technique. The main features of the language of law in various periods of historical development are highlighted. It was established that in the pre-revolutionary period the language of law was characterized by professionalism and a high level of culture, but due to this, it was inaccessible to understanding by ordinary citizens. The Soviet period was marked by the slogan-like nature of the legal language, but at the same time by its brevity and thoroughness, as well as the functionality of the preamble as an element of a normative legal act. In addition, during this period, legal technique was actively studied as an independent branch of legal science, despite existing opinions that it is alien to the proletariat. The current stage of development of language and law is called recessionary. There is a significant increase in the number of regulatory legal acts designed to solve new problems, but which in fact complicate legal regulation due to contradictions with previously adopted acts and complex language structures. Among the noted positive aspects of the modern period is defense of the Russian language as a state-forming factor against excessive borrowing of foreign terms is. It is concluded that in each considered period of the development of the law and the language, positive and negative aspects can be identified, since the language of law reflects the characteristics of the socio-political situation. In accordance with the cyclical pattern of historical development, after a crisis there is always a rise, which needs to take into account the positive experience of those periods of development.

Key words: language of law, legal technique, clarity, copywriting.

Юридическая техника – это совокупность средств и правил создания, систематизации, интерпретации, реализации и применения нормативно-правовых актов и иных юридических документов, обеспечивающая эффективность юридической деятельности во всех сферах.

Одним из главных правил (требований) юридической техники, предъявляемым к тексту нормативно-правового акта, является ясность (понятность). В связи с этим вопрос взаимодействия языка права (то есть особенностей правового языка – языка законов) является очень важным аспектом юридической техники, исследуемым учеными с давних времен по настоящее время.

В данной статье мы рассмотрим особенности юридического языка в различные периоды исторического развития.

В XIX в. (на русский язык книга была переведена только в 1906 г.) Р. Иеринг [Иеринг 2008: 29-32] ввел понятие «юридическая техника», понимая под ним именно искусство создания и практического применения законов, которое считал очень сложным делом, которое должно осуществляться только профессиональными юристами.

Данный ученый подчеркивал, что создаваемые законы должны быть доступными для понимания, однако не обычными гражданами, а только юристами, которые и должны были разъяснять гражданам их суть, помогать во всякой юридической деятельности, оформлении документов и осуществлении прав.

Таким образом, проблема понятности и доступности языка права обсуждалась уже тогда, и Р. Иеринг имел по этому вопросу однозначную позицию, аргументируя ее тем, что люди ведь ходят к сапожнику и портному, но при этом почему-то считают, что к юристам ходить не нужно, что право должно быть понятным им самим, еще и учат, как его писать, но никто ведь не учит сапожника. То есть он полагал, что составление, понимание и применение законов – это закрытая сфера, доступная только людям, имеющим образование в данной области, как и другие сферы профессиональной деятельности.

Итак, в дореволюционный период язык права характеризовался профессионализмом и высоким уровнем культуры, но в связи с этим был недоступен для понимания обычными гражданами.

Со времен выхода книги Р. Иеринга прошло более ста лет, но и сегодня его мнение по данному вопросу заставляет задуматься.

С одной стороны, безусловно, было бы хорошо, если бы российские законы были более понятны и самим юристам, и обычным гражданам, поскольку законодательные конструкции только все больше и больше усложняются с течением времени.

С другой стороны, действительно, у нас ведь и в других сферах многие специальные термины и инструкции непонятны обычным гражданам.

В настоящее время данная проблема отчасти решается с помощью копирайтеров. Их нанимают компании различного профиля. В обязанности копирайтера, который, как правило, имеет соответствующее высшее образование, входит перевод с юридического, медицинского, строительного, финансового и др. на «русский», то есть на язык, понятный обычным гражданам, не имеющим образования по данному профилю.

Такая деятельность полезна не только гражданам без специального образования, но и самому юристу, занимающемуся копирайтингом, поскольку писать живым, лаконичным, понятным всем языком, объяснить самую суть так, чтобы было необходимо и достаточно, чтобы при этом текст обладал оригинальностью не ниже 90 %, является очень важным умением, которому не учат на юридических факультетах. Студента с первых курсов приучают к сложным лингвистическим конструкциям отечественного законодательства, в результате он привыкает мыслить и оперировать в своей деятельности именно ими, и если потом когда-то, уже будучи дипломированным специалистом, участвует в нормотворческой деятельности, тоже использует их. Поэтому нужно уходить от громоздких языковых конструкций и в правотворчестве, и в образовании, учить навыку выделить самую суть в них и формулировать мысли своими словами, но без ущерба юридическому содержанию.

В период становления советского права, безусловно, существовала лозунговость языка права, однако с точки зрения юридической техники положительными чертами актов того времени можно назвать лаконичность и содержательность, например, *руководящих начал по уголовному праву РСФСР, утв. Постановлением Народного Комиссариата Юстиции 12.12.1919 г* [Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р. 1919].

Кроме того, данный акт имеет преамбулу, содержащую условия его принятия, цели и задачи, а также вдохновляющую граждан соблюдать правовые нормы, что тоже является его плюсом, так как современные исследователи по юридической технике, например В. А. Томин [Томин 2015: 37], справедливо указывают на отсутствие преамбулы в современных российских нормативно-правовых актах либо на ее сокращенный характер и невыполнение данным элементом акта указанных функций.

Говоря о зрелом советском периоде, нельзя не рассмотреть наследие И. Л. Брауде, знаменитого советского ученого, внесшего большой вклад в развитие юридической науки, исследовавшего вопросы системы права и законодательной техники.

В обзорной статье Н. А. Власенко, Т. Н. Рахманиной, Е. Е. Рафалюка о правовом наследии И. Л. Брауде [Власенко, Рахманина, Рафалюк 2010: 128] справедливо указывается, что все вопросы, исследуемые им, отнюдь не потеряли актуальности и по сей день.

Так, данный ученый изучал вопросы образования комплексных отраслей права через призму взаимосвязи системы права и системы законодательства, и согласно его позиции систему законодательства дробить не следует, поскольку она должна быть устойчивой, а учебные дисциплины, напротив, следует изучать отдельно друг

от друга [Власенко, Рахманина, Рафалюк 2010: 129]. Эту позицию и сейчас, представляется, среди многочисленных современных дискуссий можно назвать наиболее верной.

Что касается законодательной техники, то, по мнению И. Л. Брауде, она не является простым редактированием текста закона, а должна включать в себя язык права, который должен быть простым, народным и живым, а также понимание сути самого вопроса, для разрешения которого принят соответствующий акт [Власенко, Рахманина, Рафалюк 2010: 130, 138].

Отдельно И. Л. Брауде рассматривает дефиниции (в его трактовке – правовые уточнения) и говорит о том, что если они широко распространены, то нет необходимости включать их в текст закона [Брауде 1958: 66, 67].

Н. А. Власенко и иные авторы рассматриваемой статьи о наследии И. Л. Брауде полагают, что современное законодательство излишне наполнено дефинициями [Власенко, Рахманина, Рафалюк 2010: 136], однако по данному вопросу существует и противоположная точка зрения, которая, представляется, более соответствует правовой действительности.

Так, например, В. А. Томин обоснованно полагает, что наличие легальных дефиниций способствует определенности и тождественности в употреблении соответствующих юридических терминов [Томин 2015: 26], что является одним из основных требований юридической техники.

Еще одним показателем весомости вклада в юридическую науку И. Л. Брауде является то, что он уже тогда подчеркивал значимость технико-юридического инструментария в праве [Власенко, Рахманина, Рафалюк 2010:132]. В советское время его более подробно исследовал В. К. Бабаев, а именно – правовые презумпции и правовые фикции как приемы юридической техники, разрешающие ситуации неопределенности и оптимизирующие правовое регулирование [Бабаев 1974: 25]. Их исследование активно продолжается и в настоящее время, что способствует разрешению новых правовых задач, связанных, в частности, со всеобщей цифровизацией, хотя в советское время некоторые ученые, например, А. С. Голунский [Голунский 1937: 60], В. С. Тадевосян [Тадевосян 1948: 67] и др. негативно относились к указанным средствам юридической техники, считая их бесосновательными элементами буржуазного права.

Таким образом, в данный период юридическая техника активно изучается как самостоятельное направление юридической науки, несмотря на существующие мнения о том, что она чужда пролетариату.

Современный этап развития языка и права называют кризисным. Наблюдается существенный рост количества нормативно-правовых актов, призванных решать новые задачи, справляться с вызовами современности, однако многие из них на деле осложняют и запутывают правовое регулирование, поскольку, в частности, противоречат ранее принятым нормативным актам по данному вопросу. Кроме того, законодательные новеллы часто сформулированы с помощью гораздо более сложных и громоздких лингвистических конструкций, что также осложняет их понимание даже профессиональными юристами.

В качестве примера можно привести *ст. 54 утратившего силу Закона РФ «О залоге»* [Закон РФ «О залоге» 1992], регулиющую предмет залога прав, и соответствующую *ст. 358.1 ГК РФ* [Гражданский кодекс РФ 1994], пришедшую на смену указанной *статье 54*. Нетрудно заметить, что объем статьи ГК РФ существенно увеличился, а языковые конструкции намного усложнились.

Рассматривая язык современного права, нельзя обойти стороной также вопрос заимствования иностранных терминов в нем.

Как справедливо утверждает В. В. Сорокин, язык является главным государственно образующим фактором, гарантией сохранения культурного кода своего народа, хранителем суверенитета, а значит, и безопасности государства [Сорокин 2020: 5], что в условиях современности приобретает еще большее значение.

Федеральный закон от 28 февраля 2023 года № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» [Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» 2023] также направлен на защиту русского языка как государствообразующего, в том числе защиту российских нормативных актов от излишнего заимствования иностранных слов.

Из положительных моментов современного периода следует также отметить широкое использование справочно-правовых систем как вида электронного учета нормативно-правовых актов, существенно облегчающих процесс ознакомления с ними и внесенными в них изменениями, а также их использование на практике как профессиональными юристами, так и обычными гражданами.

Таким образом, в каждом рассмотренном нами периоде развития права и языка можно выделить положительные и отрицательные стороны, поскольку язык права отражает особенности общественно-политической обстановки. В соответствии с цикличностью исторического развития после кризиса всегда наступает подъем, для которого в данном случае, в частности, необходимо учесть позитивный опыт рассмотренных периодов развития.

Литература

Бабаев В. К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974.

Брауде И. Л. Очерки законодательной техники. М., 1958.

Власенко Н. А., Рахманина Т. Н., Рафалюк Е. Е. Теоретико-правовое наследие И. Л. Брауде / Журнал российского права. - 2010. - № 10. - С. 128 - 138.

Голунский С. А. О вероятности и достоверности в уголовном суде / Проблемы уголовной политики. М., 1937. - Кн. 4. - С. 56-63.

- Гражданский кодекс РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (Часть первая) / Собрание законодательства Российской Федерации. - 1994 г. - N 32. - ст. 3301.
- Закон РФ «О залоге» от 29.05.1992 N 2872-1 (утратил силу) / Российская газета. - 1992 г. - N 129.
- Иеринг Р. Юридическая техника. М., 2008.
- Постановление Наркомюста РСФСР «Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р.» от 12.12.1919 (утратил силу) / СУ РСФСР. - 1919. - N 66. - ст. 590.
- Сорокин В. В. Язык и право / Юрислингвистика. - 2020. - № 15 (26). - С. 5-7.
- Тадевосян В. С. К вопросу об установлении материальной истины в советском процессе / Советское государство и право. - 1948. - № 6. - С. 65-72.
- Томин В. А. Юридическая техника: учебное пособие. Санкт-Петербург, 2015.
- Федеральный закон РФ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» от 28 февраля 2023 г. № 52-ФЗ / Российская газета. - 2023 г. - N 45.

References

- Babaev, V. K. (1974). Presumptions in Soviet law. Gorky (in Russian).
- Braude, I. L. (1958). Essays on legislative technique. Moscow (in Russian).
- Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994 No. 51-FL (Part one). Collection of legislation of the Russian Federation, 1994, 32, Art. 3301.
- Federal law of the Russian Federation "On amendments to the Federal law "On the state language of the Russian Federation" of February 28, 2023 No. 52-FL, 2023, 45.
- Golunsky, S. A. (1937). On probability and reliability in criminal court. Problems of criminal policy. Moscow, 4, 56-63 (in Russian).
- Iering, R. (2008). Legal technique. Moscow (in Russian).
- Law of the Russian Federation "On Pledge" of May 29, 1992 N 2872-1 (lost force). Russian newspaper, 1992, 129.
- Resolution of the People's commissariat of Justice of the RSFSR "Guidelines for the criminal law of the R.S.F.S.R." of 12.12.1919 (lost force) / Assembly of legislation of RSFSR, 1919, 66, Art. 590.
- Sorokin V. V. (2020). Language and law. Jurislinguistics, 15 (26), 5-7.
- Tadevosyan V. S. (1948). On the issue of establishing material truth in the Soviet process. Soviet state and law, 6, 65-72 (in Russian).
- Tomin V. A. (2015). Legal technique: textbook. St. Petersburg (in Russian).
- Vlasenko, N. A., Rakhmanina T. N., Rafalyuk E. E. (2010). Theoretical and legal heritage of I. L. Braude. Journal of Russian Law, 10, 128-138 (in Russian).

Citation:

- Зацепина О. Е. Взаимодействие языка и права как один из аспектов юридической техники // Юрислингвистика. – 2024. – 34. – С. 26-29.
- Zatsepina O. E. (2024) Interaction of Language and Law as one of the Aspects of Legal Technique. Legal Linguistics, 34, 26-29.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Критерии правомерного ограничения прав человека в структуре этого института в общетеоретических и отраслевых исследованиях

В. И. Плохова

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: vplohova@yandex.ru

В статье доказывается, что в связи с изменениями Конституции РФ, ФЗ «О конституционном Суде РФ», принятием ФЗ от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» актуализируются проблемы оценки и детализации современных требований к конституциализации уголовного права, его применения. В качестве мерила оценки, меры в таком исследовании выступают требования международных и конституционных норм об основаниях, принципах, пределах, условиях, при которых возможно ограничение прав, детализированные в решениях межгосударственных органов, КС РФ. Некоторые из них прямо и императивно зафиксированы в названных документах, другие недостаточно очевидны, третьи названы в обобщенном виде. Все они требуют их толкования, конкретизации. В юридической литературе в разные исторические периоды они исследуются в разных аспектах и называются по-разному: основания, принципы, пределы, требования, условия, предпосылки, критерии, показатели. В результате изучения методологической, общеправовой и отраслевой литературы сделан вывод, что употребление того или иного термина, определение его понятия зависит от вида исследования. В общетеоретических исследованиях возможно использование термина «условие»; для разработки алгоритма оценки нормативного акта, его применения на соответствие Конституции РФ (эмпирическое исследование) корректнее использовать критерии – показатели. Назначение последних – оценка, которая возможна на основании осознаваемого, конкретного признака. Поэтому в роли мерила оценки более плодотворно использовать структурные элементы принципов права. Основания ограничения прав, их легализации (узаконивания) позволяют выделить первичные, первоначальные, базовые, основные, главные требования – критерии правомерного ограничения прав; отчасти показывают истоки деления критериев правомерного ограничения прав человека на формальные и материальные. Сделан вывод, что более плодотворны многокритериальные исследования, хотя и однокритериальные углубляют, дополняют первые. Поэтому использование достижений и тех, и других исследований, преломленных в особенностях уголовного права, позволит дополнить алгоритм оценки уголовного закона (проекта), его применения на соответствие конституционным требованиям.

Ключевые слова: требования, условия, принципы, многокритериальная оценка.

Criteria of Lawful Limitation of Human Rights in the Structure of This Institution as Part of General-Purpose and Sectoral Studies

V. I. Plokhova

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: zatsepina.olesya@yandex.ru

The article proves that in connection with the amendments to the Constitution of the Russian Federation, the Federal Law “On the Constitutional Court of the Russian Federation”, and the adoption of the Federal Law of 31.07.2020 № 247-FZ “On mandatory requirements in the Russian Federation” the issues of assessment and explication of modern requirements for the constitutionalization of criminal law and its application have become acute. The criteria for such assessment are represented by the requirements of international and constitutional norms on the grounds, principles, limits, and conditions under which the limitation of rights is possible, and which are reflected in the resolutions of interstate bodies and the Constitutional Court of the Russian Federation. Some of them are directly and imperatively stated in these documents, some

are not obvious enough, and some are given generic names. All of them require their interpretation and concretization. In the legal literature of different historical periods they are studied at different angles and are called differently: grounds, principles, limits, requirements, conditions, prerequisites, criteria, indicators. As a result of the study of methodological, general legal and sectoral literature it has been concluded that the use of this or that term, the definition of its concept depends on the type of research. In general-purpose research it is possible to use the term "condition"; for the development of an algorithm for assessing a normative act and its compliance with the Constitution of the Russian Federation (empirical research) it is more correct to use the term "indicators". The purpose of the latter is evaluation, which is possible on the basis of a recognizable, specific characteristics. Therefore, it is more fruitful to use structural elements of the principles of law as a criterion of evaluation. The grounds for the limitation of rights and their legalization (legitimization) allow us to identify the primary, initial, basic, fundamental, major requirements - the criteria of lawful limitation of rights; they partially show the origins of the division of criteria of lawful limitation of human rights into formal and tangible. It is concluded that multi-criteria studies are more fruitful, although single-criteria studies deepen and supplement the first ones. Therefore, the use of the achievements of both kinds of studies considered in reference to criminal law, will make it possible to supplement the algorithm for assessing the criminal law (draft), its application for compliance with constitutional requirements.

Key words: requirements, conditions, principles, multi-criteria evaluation.

Ограничение прав человека является правомерным, если оно (его введение и применение) соответствует требованиям, установленным в общепризнанных принципах и нормах международного права, подписанных Россией международных договорах, Конституции РФ, принципах права, детализированных в решениях межгосударственных органов, КС РФ. Некоторые из них прямо и императивно зафиксированы в названных документах, другие недостаточно очевидны, третьи – в обобщенном виде. Все они требуют толкования, конкретизации. В юридической литературе в разные исторические периоды они исследуются в разных аспектах и называются по-разному: основания, принципы, пределы, требования, условия, критерии, показатели. Все эти слова, термины [Валуццева, Хухуни 2019: 6-16] – общетеоретические, используются в познании любых явлений, но наполняются конкретным содержанием в зависимости от области исследования. Понятие и назначение термина «критерий» в словарях и литературе определяется одинаково. Ю. Л. Игнатюк на основании изучения истории толкования этого термина в разных отраслях знаний пришла к выводу, что «...необходимо иметь критерий или инструмент суждения, при помощи которого можно было бы дать оценку исследуемому явлению». Она согласилась с определением критерия как «...признака, на основании которого производится оценка, средства проверки, мерила оценки...» [Игнатюк 2011: 222]. Словари определяют его так же. Это «мерило, дающее возможность оценивать то, о чем идет речь или оценивать смыслы вообще в любой системе; признак, основание, правило принятия решения по оценке чего-либо на соответствие предъявленным требованиям (мере)» [Толковый словарь Ожегова URL]. Взаимозависимым и взаимодополняющим понятием (термином) является «показатель». Критерии и показатели рассматриваются в литературе как парные понятия, используемые для оценки процесса и/или результата любой деятельности. В литературе и словарях предпринимается попытка соотнести эти понятия, разграничить их. «Критерий – это признак, на основании которого производится оценка, определение или классификация чего-либо. Показатель – определяемая характеристика, по которой можно судить о развитии, ходе, состоянии чего-либо» [Толковый словарь Ожегова URL]. Их отличие авторам видится в том, что критерий – это общий принцип, по которому оценивается качество или эффективность чего-то, а показатель – это конкретный инструмент или метрика, который используется для измерения этого качества или эффективности. Критерии конкретизируются соответствующими им показателями, которые измеряются с помощью методик. В теории также отмечается, что трудно провести четкую грань между критериями и показателями. Показатель в одной системе выступает как критерий, в другой как показатель [Байбородова, Чернявская, Ансимова 2013: 272]. Имеются критерии, выступающие одновременно и показателем. Большинство критериев оцениваются с помощью разных показателей, дающих конкретную картину по соблюдению конкретного критерия. «Критерий является минимально необходимым условием оценки. В норме, по их мнению, критерий имеет, как минимум, один показатель. Но даже без показателей критерий может использоваться для приблизительной (не точной) оценки» [Умпелев 2023 URL].

Возможно, в силу этих обстоятельств в юридической литературе наряду с критерием и показателем используется более знакомый юристам термин «условие(я)», при соблюдении которого(ых) достигается правомерность ограничения прав человека. Возможны и дифференцированное определение, и исследование условий соблюдения достижения для каждого критерия. При соблюдении всех критериев достижима конечная цель – правомерность ограничения прав (оценка). Очевидно, что акцент в толковании слова «условие» несколько отличается от криминологического. По этимологии слова «условие», «критерии» и «показатели» имеют несовпадающие характеристики, разное назначение. Но ведь «условие» имеет много значений, в том числе требование, правила, предпосылка и др. [Словарь русского языка URL], а синонимами слова являются: ограничение, связь; критерий, мерило; требование [Словарь русского языка URL].

В юридической литературе некоторые ученые вместо показателей используют термины «предпосылка» или «условие». «Предпосылкой допустимости ограничения основных прав, – пишет А. В. Должиков, – являются предъявляемые к закону формальные требования (быть определенным, стабильным, доступным и предсказуемыми)» [Должиков 2003: 5-6]. Полагаю, что употребление того или иного термина, его понятия зависит от вида исследования (термин – это элемент той или иной системы) [Валуццева, Хухуни 2019: 6-16]. В общетеоретических исследованиях

возможно использование термина «условие»; для разработки алгоритма оценки нормативного акта, его применения на соответствие Конституции РФ (эмпирическое исследование) корректнее использовать критерии и показатели. Поскольку целью нашего исследования является разработка алгоритма оценки уголовного закона (проекта), его применения на соответствие Конституции РФ, а задачами – выявить из анализа имеющихся источников и практики межгосударственных органов и решений КС РФ требования об условиях, при которых возможно ограничение прав человека применительно к уголовной сфере, постольку возможно использование и того и другого термина. В качестве мерила оценки, меры (критериев) взяты требования международных и конституционных норм об основаниях, принципах, пределах, условиях, при которых возможно ограничение прав, детализированные в решениях межгосударственных органов, КС РФ. Именно требования, потому что, во-первых, это слово соответствует уровню таких предписаний (категоричная форма, обязательная для исполнения, стандарт документ). Требования образуют ту грань – предел [Куценко 2023: 148-152], несоблюдение которых или одного из них ведет к нарушению прав человека; отсюда и в качестве критерия выступают разные по значимости (базовые основные, дополнительные), уровню обобщения (обобщенные и конкретные) требования. Возможна и такая интерпретация: критерий – более обобщенное требование; показатель – детализированное, конкретное требование. Можно говорить о мере – требовании, соблюдение которого является условием для соблюдения обобщенного критерия. Однако критерий – показатель выпуклее дает картину соблюдения или несоблюдения прав человека, это оценка. Назначение критерия – показателя – оценка, которая возможна на основании конкретного признака. Актуальность этого аспекта исследования (оценка и конкретизация) подтверждает принятый в 2020 г. ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» [Об обязательных требованиях в Российской Федерации 2020].

Что касается принципов права, ограничения прав человека, то в юридической литературе (как давней, так и современной), посвященной принципам права вообще и конкретным: законности, определенности, соразмерности, – справедливо утверждается, что их понятие обобщенное, не конкретное, не всегда понятное. «Большая часть принципов права, – пишет Е. А. Дербышева, – в законодательстве не закреплена, а по-прежнему содержится в юридической доктрине, правосознании судей, актах судебной практики, моральных воззрениях людей» [Дербышева 2020]. Принцип – это идея, содержание которой или вообще не закреплено, или вытекает из совокупности норм Конституции РФ, других закрепленных в ней прямо принципов. В юридической литературе, судебной практике часто неодинаково толкуется их содержание. Что касается отдельных принципов, в частности принципа определенности, вместе с принципом публичной достоверности правовых норм и принципом соразмерности ограничений, то, по утверждению А. Г. Гаджиева, в 2000-2005 гг. они «...были terra incognita (нечто неизвестное. – дополнение В. П.) для российской юриспруденции» [Гаджиев 2020: 56]. О том, что как этот принцип, так и принцип соразмерности недостаточно раскрыты, говорят и современные исследователи. А. В. Должиков в отношении принципа соразмерности упреждает о том, что он, «...обладая слишком абстрактным и открытым для толкования содержанием, может использоваться в совершенно разных смыслах» [Должиков 2003: 6]. Поэтому из-за обобщенности, неконкретности, неопределенности, неясности в качестве мерила оценки – критерия использование принципов затруднительно. Ибо критерий должен быть осознаваемым (воспринимаемыми и различимым). Использование принципов для оценки возможно только в качестве обобщенного критерия, содержание которого должно отражаться, отражается в показателях – условиях достижения этого критерия. Ими являются структурные единицы каждого принципа.

В юридической литературе требования, составляющие содержание конкретного принципа, обозначены и как критерий, и как предпосылка, условие, показатель. Принцип соразмерности, например, используется как критерий, но называются конкретные условия – требования для соблюдения этого принципа. «Условием соблюдения принципа соразмерности (в широком смысле) выступает установление отношения между ограничивающим основное право средством и преследующей публичные интересы целью; пригодность, минимальность, сбалансированность средства (соразмерность в узком смысле) [Должиков 2003: 3].

Нельзя также не отметить, что исследование с позиций соблюдения требований одного принципа – однокритериальное – не всегда детализированное. Однако оно может быть более глубоким, выявляющим в содержании принципа новые грани – требования, тем самым дополняя и многокритериальные исследования. Но и многокритериальное исследование в силу своей конкретности («большинство конституционных критериев интегрируют правовые позиции Конституционного Суда РФ в этой области» [Должиков 2003: 3]) часто пополняет конкретными требованиями содержание того или иного принципа, возможно выкристаллизовывание новых принципов. Кроме того, многокритериальное исследование всестороннее. Решения о правомерности или неправомерности ограничения прав человека в таких исследованиях необходимо принимать при помощи не одного, а нескольких критериев. Отсюда выявляются новые проблемы, не замеченные ранее и трудные для разрешения. Например, встает вопрос о важности, весомости, значимости того или иного критерия в многокритериальных задачах принятия решений. В литературе на нем не акцентируется внимание. Достоинство всестороннего исследования, кроме полного представления о критериях, как отмечают авторы применительно к общей теории оценки, состоит в том, что «...такая теория может быть использована как логический каркас для объединения и интеграции новых, разрозненных фактов, установленных как в результате использования эмпирических данных практики, так и полученных в результате исследования монокритериальных исследований, наблюдении или эксперименте» [Умпелев 2023 URL]. Очевидна также сложность, многогранность, обширность такого исследования, тем более с учетом отраслевых особенностей проявления тех или иных критериев (показателей, условий) правомерного ограничения прав человека.

Кроме того, одно и то же конституционное требование может выступать в разных аспектах и как критерий, и как принцип. Принципы в свою очередь в конституционном и международном праве исследуются и применяются и в других, кроме критериев [Болдырев 2024: 15], ролях: как общеправовое начало [Рехтина 2021: 115], как основания легализации [Минаев 2016]. Исследование оснований (источника) ограничения прав, легализации (узаконивания) ограничения могут учитываться для выделения критериев, их группировки, позволяют назвать первичные, первоначальные требования (базовых, основных, главных) критериев правомерного ограничения прав; отчасти показывает истоки деления критериев правомерного ограничения прав человека на формальные и материальные.

В юридической литературе отмечается, что четких критериев правомерности ограничения прав человека нет [Обеспечение прав человека 2020: 21], одновременно называются некоторые из них. Другими исследователями предпринимаются попытки выявить их, детализировать, используя зарубежный опыт, решения межгосударственных органов (в том числе ЕСПЧ), КС РФ. Третьи посвящают свое исследование одному обобщенному критерию. В разные временные периоды проводятся как многокритериальные, так и монокритериальные исследования правомерного ограничения прав человека. Первое диссертационное исследование А. В. Должикова, например, многокритериальное. Оно посвящено и формальным, и материальным критериям правомерного ограничения прав человека [Должиков 2003]. Однако для последнего времени, как для общетеоретических, так и для отраслевых исследований этого вопроса разного уровня (монографии, диссертации, журнальные статьи), характерно изучение чаще одного обобщенного критерия, реже отдельной стороны – проблемы многогранного института ограничения прав человека. Это очевидно из анализа диссертационных исследований 2016-2024 гг., солидный блок которых посвящен отдельным принципам правомерного ограничения прав человека. Так, докторская диссертация А. В. Должикова посвящена принципу соразмерности со всеми его составляющими – показателями или условиями, при соблюдении которых ограничение является соразмерным [Должиков 2022]. Акцентируется внимание на основаниях легализации ограничения прав человека [Минаев 2016], правомерности ограничения прав человека другими нормативными средствами, кроме ФЗ, который называется в ч. 3 ст. 55 К РФ [Болдырев 2024], правоприменительной практикой [Сидоренко 2016].

Однако в последнее время заметно усилился интерес как конституционалистов, теоретиков, международников, так и отраслевиков к интегральной характеристике таких специальных принципов ограничения прав человека, как определенность, меньше соразмерность. В последние годы российскими юристами по теме соразмерности были защищены две кандидатские и одна докторская диссертация, авторы которых несколько прояснили особенности принципа соразмерности с точки зрения теории права [Бажанов 2019], международного [Вайпан 2017] и конституционного права [Должиков 2022]. В каждой из них отмечаются какие-то новые грани этого принципа – критерия. Отраслевиков не решаются исследовать преломление требований принципа соразмерности в отраслевом законодательстве и его применении. Больше распространение получили исследования принципа определенности как в общетеоретических исследованиях, так и в отраслевых. Исследуется общая характеристика принципа правовой определенности [Дербышева 2020], отражение этого принципа в судебной практике всех уровней [Сидоренко 2016]. Отраслевиков, опираясь на многие общие вопросы института ограничения прав человека в общетеоретических исследованиях, выявляют особенности проявления (соблюдения) принципа определенности чаще в гражданском [Рехтина 2021], уголовно-процессуальном праве УПК [Сидоренко 2018], в судебных решениях в уголовном судопроизводстве [Алексеева 2015], реже в уголовном праве.

В уголовно-правовой литературе вопрос об ограничении прав и свобод человека, его пределах, критериях допустимости ограничений с позиций норм международного и конституционного права, их толкования менее изучен по сравнению с другими отраслями права, в том числе с уголовно-процессуальным, гражданским, гражданско-процессуальным правом и др. На немногочисленных конференциях обсуждаются конституционные основы уголовного права, конституционные требования к уголовному праву, его источники, обоснованность уголовно-правовых норм. В немногочисленных журнальных статьях предлагается краткий комментарий ст. 55 Конституции РФ. Степень адекватности отражения выработанных международным правом, в конституционном праве, в прецедентах Европейского и Конституционного судов пределов ограничений прав и свобод человека и гражданина в нормах уголовного права, при их закреплении и применении учеными чаще всего ограничивалась журнальными статьями, в которых рассматривались отдельные аспекты этой проблемы. Единичные монографические, диссертационные исследования посвящены конституционализации уголовного права, без акцента на оценку соответствия ей норм уголовного права [Гузеева 2020]. Диссертационное исследование А. Ю. Алаторцева посвящено характеристике и отражению одного критерия – принципа правовой определенности уголовно-правового запрета в отдельных составах преступления [Алаторцев 2018]. Однако остались незамеченными автором детализация требований этого правового принципа в формальных критериях правомерного ограничения прав человека нормами уголовного закона и правоприменительной деятельностью (с учетом особенностей уголовного права, правовых позиций ЕСПЧ, решений Конституционного Суда РФ) [Плохова 2014: 83-92], алгоритма оценки законопроекта, правоприменения на соответствие формальным и материальным критериям [Плохова 2017: 136-139], использование его для совершенствования уголовного закона [Плохова 2017: 1090-1100] и др. [Плохова 2018: 207-215], опубликованные до защиты его кандидатской диссертации. И тем не менее очевидно, что проблемы ограничения прав и свобод при закреплении норм в статьях уголовного закона, при его толковании, применении нечасто обсуждаются.

В журнальных статьях последних 5-7 лет, посвященных общим вопросам института ограничения прав человека, не связанных с защищенной диссертацией, проявляются те же тенденции. В одних приводятся несистематизированные правовые позиции КС в отношении названных в ст. 55 Конституции РФ требований

к правомерности ограничения прав человека. В других предпринята попытка оценить некоторые законы и его применение на соответствие некоторым из них. Третьи журнальные статьи также посвящены краткой характеристике некоторых требований принципов определенности или соразмерности.

Не подлежит сомнению, что каждое исследование открывает новые критерии правомерного ограничения прав человека, а отсюда и новые аспекты в характеристике этого сложного института. Отраслевые исследования обогащают общие положения специфическими для каждой отрасли права признаками. Причем для законодателя и правоприменителя нужен обобщенный многокритериальный алгоритм проверки на соответствие Конституции формулируемых норм, оценки проектов нормативных актов, их применения. А для составления такого алгоритма, для практического его использования необходимы многокритериальные исследования правомерного ограничения прав человека вообще и в уголовной сфере в частности.

Литература

- Plohova V. I.* The Use of the Decisions of the European Court of Human Rights, the Constitutional Court of the Russian Federation when Investigating the Problems of the Criminal Law of the Russian Federation (Article One) / Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – Т. 10. – № 7. – С. 1090-1100.
- Алаторцев А. Ю.* Правовая определенность уголовно-правового запрета: дис. ... к.ю.н. М., 2018.
- Алексеева Т. М.* Правовая определенность судебных решений в уголовном судопроизводстве: понятие, значение и пределы: дис. ... к.ю.н. М., 2015.
- Бажанов А. А.* Соразмерность как принцип права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.
- Байбородова Л. В., Чернявская А. П., Ансимова Н. П.* Организация психолого-педагогического исследования: учебное пособие. Ярославль, 2013.
- Болдырев Н. А.* Ограничения как средства конституционно-правового регулирования прав и свобод человека и гражданина в современной России: автореф. дис. ...к.ю.н. М., 2024.
- Вайпан Г. В.* Принцип пропорциональности в современном международном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.
- Валуицева И. И., Хухуни И. Г.* Термин и слово: соотношение понятий / Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2019. – № 5. – С. 6-16.
- Гаджиев Г. А.* Принцип правовой определенности и роль судов в его обеспечении. Качество законов с российской точки зрения / Сравнительное конституционное обозрение. – 2012. – № 4. – С. 16.
- Гузеева О. С.* Преступление и наказание: конституционные основы уголовно-правовой концепции: монография. М., 2020.
- Дербышева Е. А.* Принцип правовой определенности: понятие, аспекты, место в системе принципов права: дис. ... к.ю.н. Екатеринбург, 2020.
- Должиков А. В.* Конституционные критерии допустимости ограничения основных прав человека и гражданина в Российской Федерации: дис. ... к.ю.н. Тюмень, 2003.
- Должиков А. В.* Соразмерность как общеправовой принцип в конституционном правосудии России (на примере основных социальных прав): дис. ... д.ю.н. СПб., 2022.
- Должиков А. В.* Принцип соразмерности и основы конституционного строя / Вестник Томского государственного университета. Право. – 2020. – № 36. С. 56-59.
- Игнатюк Ю. Л.* Историко-культурологическое осмысление понятия «критерий» / Вестник КемГУ. – 2011. – № 3 (47). – С. 217-222.
- Куценко О. В.* Пределы конституционного ограничения прав и свобод человека и гражданина: понятие и законодательное закрепление / Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – С. 148-152.
- Минаев К. А.* Легализация ограничений прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дис. ... кандидата юридических наук. Саратов, 2016.
- Об обязательных требованиях в Российской Федерации: ФЗ от 31.07.2020 № 247. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358670/?ysclid=m2h98zl9sh41985044
- Обеспечение прав человека учебник / М. И. Акатнова, А. А. Амирханов, Ю. В. Анохин и др.; под общ. ред. Ю. В. Анохина. Барнаул, 2020.
- Плохова В. И.* Алгоритм оценки соответствия законов и правоприменительной деятельности условиям правомерного ограничения прав человека в уголовно-правовой сфере / Уголовное право: стратегия развития в 21 веке: материалы 14 Международной научно-практической конференции (26-27 января 2017 г.). М., 2017. С. 136-139.
- Плохова В. И.* Вынужденная неопределенность норм уголовного права и (или) некорректное закрепление, толкование их признаков (на примере ст. 138.1 УК РФ) / Вестник Томского гос. ун-та. – 2018. – № 433. – С. 207-215.
- Плохова В. И.* Условия правомерного ограничения прав и свобод человека в уголовной сфере / Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 4. – С. 83-92.
- Рехтина И. В.* Правовая определенность в гражданском судопроизводстве России. М., 2021.

Сидоренко А. И. Принцип правовой определенности в судебной практике: имплементация решений Европейского суда по правам человека. Пермь, 2016.

Сидоренко М. В. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права: дис. ... д.ю.н. М., 2018.

Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999. URL: <https://glosum.ru/Значение-слова-Условие>

Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/?ysclid=lxrn5itvf363267424>.

Умпелев В. Критерии и показатели. URL: <https://agrant.ru/kb/management-library/criteria-and-indicators?ysclid=m2l9q7j0bj107452215>

References

- Alatortsev, A. Yu. (2018). Legal certainty of criminal-legal prohibition: diss. ... cand. of juridical science. Moscow (in Russian).
- Alekseeva, T. M. (2015). Legal certainty of judicial decisions in criminal proceedings: concept, meaning and limits: diss. ... cand. of juridical science. Moscow (in Russian).
- Bayborodova, L. V., Chernyavskaya, A. P., Ansimova, N. P. (2013). Organization of psychological and pedagogical research: textbook. Yaroslavl (in Russian).
- Bazhanov, A. A. (2019). Proportionality as a principle of law: autoref. diss. ... candidate of juridical sciences. Moscow (in Russian).
- Boldyrev, N. A. (2024). Restrictions as means of constitutional-legal regulation of rights and freedoms of man and citizen in modern Russia: autoref. diss. ... cand. of juridical science. Moscow (in Russian).
- Derbysheva, E. A. (2020). Principle of legal certainty: concept, aspects, place in the system of principles of law: diss. ... cand. of juridical science. Yekaterinburg (in Russian).
- Dictionary of the Russian language: in 4 vol. (1999). Ed. by A. P. Evgenieva. Moscow. Available from: <https://glosum.ru/Значение-слова-Условие> (in Russian).
- Dolzhikov, A. V. (2003). Constitutional criteria of admissibility of restriction of basic human and civil rights in the Russian Federation: diss. ... cand. of juridical science. Tyumen (in Russian).
- Dolzhikov, A. V. (2020). Principle of proportionality and the foundations of constitutional order. Vestnik Tomsk State University. Pravo, 36, 56-59 (in Russian).
- Dolzhikov, A. V. (2022). Proportionality as a general legal principle in the constitutional justice of Russia (on the example of basic social rights): diss. ... doctor of juridical science. St. Petersburg (in Russian).
- Ensuring human rights textbook (2020). M. I. Akatnova, A. A. Amirkhanov, Y. V. Anokhin, et al; ed. by Y. V. Anokhin. Barnaul (in Russian).
- Gadzhiev, G. A. (2012). The principle of legal certainty and the role of courts in ensuring it. The quality of laws from the Russian point of view. Comparative Constitutional Review, 4, 16 (in Russian).
- Guzeyeva, O. C. (2020). Crime and punishment: constitutional foundations of the criminal-legal concept: a monograph. Moscow (in Russian).
- Ignatyuk, Y. L. (2011). Historical and cultural understanding of the concept of "criterion". Vestnik KemsU, 3 (47), 217-222 (in Russian).
- Kutsenko, O. V. (2023). Limits of constitutional restriction of rights and freedoms of man and citizen: concept and legislative fixation / Humanities, socio-economic and social sciences, 148-152 (in Russian).
- Minaev, K. A. (2016). Legalization of restrictions on the rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation: autoref. diss. ... candidate of legal sciences. Saratov (in Russian).
- On mandatory requirements in the Russian Federation: Federal Law of 31.07.2020 № 247. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358670/?ysclid=m2h98zI9sh41985044 (in Russian).
- Ozhegov's Explanatory Dictionary. Available from: <https://slovarozhegova.ru/?ysclid=lxrn5itvf363267424> (in Russian).
- Plohova, V. I. (2017). The Use of the Decisions of the European Court of Human Rights, the Constitutional Court of the Russian Federation when Investigating the Problems of the Criminal Law of the Russian Federation (Article One). Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities, 10, 7, 1090-1100.
- Plohova, V. I. (2014). Conditions of lawful restriction of human rights and freedoms in the criminal sphere. Criminological journal of Baikal State University of Economics and Law, 4, 83-92 (in Russian).
- Plohova, V. I. (2017). Algorithm for assessing the compliance of laws and law enforcement activities with the conditions of lawful restriction of human rights in the criminal-legal sphere. Criminal law: strategy of development in the 21st century: proceedings of the 14th International Scientific and Practical Conference (January 26-27, 2017). Moscow, 136-139 (in Russian).
- Plohova, V. I. (2018). Forced uncertainty of criminal law norms and (or) incorrect fixation, interpretation of their signs (by the example of Art. 138.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). Vestnik Tomskogo gosudarstvo un-ta, 433, 207-215 (in Russian).
- Rekhtina, I. V. (2021). Legal certainty in the civil proceedings of Russia. Moscow (in Russian).
- Sidorenko, A. I. (2016). Principle of legal certainty in judicial practice: implementation of the decisions of the European Court of Human Rights. Perm (in Russian).
- Sidorenko, M. V. (2018). Legal certainty of the Russian criminal procedural law: diss. ... doctor of juridical science. Moscow
- Umpelev, V. Criteria and indicators. Available from: <https://agrant.ru/kb/management-library/criteria-and-indicators?ysclid=m2l9q7j0bj107452215> (in Russian).

Vaipan, G. V. (2017). The principle of proportionality in modern international law: diss. ... cand. of juridical science. Moscow (in Russian).

Valuytseva, I. I., Hukhuni I. G. (2019). Term and word: correlation of concepts. Vestnik of Moscow State Regional University. Series: Linguistics, 5, 6-16 (in Russian).

Citation:

Плохова В. И. Критерии правомерного ограничения прав человека в структуре этого института в общетеоретических и отраслевых исследованиях // Юрислингвистика. – 2024. – 34. – С. 30-36.

Plokhova V. I. (2024) Criteria of Lawful Limitation of Human Rights in the Structure of This Institution as Part of General-Purpose and Sectoral Studies. Legal Linguistics, 34, 30-36.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Использование цифровых платформ как технологическая основа формирования экосистем преступных сообществ

В. В. Поляков

*Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: agupolyakov@gmail.com*

В статье рассмотрены вопросы, связанные с формированием цифровых платформ, создаваемых организованными группами и преступными сообществами. Отмечено, что такие цифровые платформы функционируют в сети Даркнет как теневом сегменте сети Интернет, что обеспечивает повышенную анонимизацию пользователей за счет применения специальных средств и технологий. Отмечена важная роль цифровых платформ в развитии новых форм организованной преступной деятельности, основанных на сетевых принципах управления и взаимодействия в социальных группах. Проанализированы значительные криминальные преимущества, предоставляемые применением цифровых платформ при совершении высокотехнологичных преступлений, заключающихся в применении преступными группами специально создаваемых компьютерных средств для удаленного доступа к объектам преступного посягательства.

Выявлено и описано на основе предложенного понятийного аппарата такое качественно новое явление, как создание на базе цифровых платформ экосистем преступных сообществ. Эти экосистемы представляют собой сетевые объединения отдельных автономных преступных групп с разной криминальной специализацией, взаимодействующих друг с другом посредством информационно-телекоммуникационных сетей, при этом цифровые платформы выступают технологической основой функционирования экосистем преступных сообществ. Рассмотрены наиболее существенные факторы, обеспечивающие более высокую криминальную эффективность экосистем при осуществлении высокотехнологичной преступной деятельности по сравнению с организованными преступными группами с традиционной вертикальной иерархической структурой, а также перед аналогичными преступными группами с сетевой структурой управления. Описана связь формирующихся экосистем преступных сообществ с явлениями глобализации, выражающимися в транснациональном характере высокотехнологичной преступной деятельности, и с проявившимися в последние годы процессами глокализации преступности.

Ключевые слова: организованные группы, транснациональная преступность, высокотехнологичные преступления, цифровые платформы, экосистемы.

The Use of Digital Platforms as a Technological Basis for the Formation of Criminal Communities Ecosystems

V. V. Polyakov

*Altai State University
61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: agupolyakov@gmail.com*

The article discusses issues related to the formation of digital platforms created by organized groups and criminal communities. It notes that such digital platforms operate on the Darknet, a shadow segment of the Internet that provides increased user anonymization through the use of specialized software tools and technologies. The important role of digital platforms in the development of new forms of organized criminal activity, based on network principles of management and interaction within social groups, is highlighted. The significant criminal advantages provided by the use of digital platforms in the commission of high-tech crimes—specifically, the use of specially created computer tools for remote access to objects of criminal encroachment by criminal groups—are analyzed. Based on the proposed conceptual framework, a qualitatively new phenomenon has been identified and described: the creation of ecosystems of criminal communities based on digital platforms. These ecosystems are network associations of separate autonomous criminal groups with different specializations, interacting with each other through information and telecommunication networks, while digital platforms serve as the

technological foundation for the functioning of these ecosystems. The article considers the most significant factors that ensure a higher criminal efficiency of these ecosystems in implementing high-tech criminal activities compared to organized criminal groups with a traditional vertical hierarchical structure, as well as similar criminal groups with a network management structure. Finally, it describes the connection between the emerging ecosystems of criminal communities and the phenomena of globalization, expressed in the transnational nature of high-tech criminal activity, as well as the processes of glocalization of crime that have manifested in recent years.

Key words: organized criminal groups, transnational crime, high-tech crimes, digital platforms, ecosystems.

Происходящее в 2000-е годы распространение новых информационно-телекоммуникационных технологий, выразившееся в реализации качественно новых возможностей для обмена информацией, вызвало процессы трансформации различных социальных систем. Эта трансформация связана с формированием новых эффективных форм организационной структуры в таких системах и выражается в переходе от традиционного иерархического управления к взаимодействию, основанному на сетевом принципе. В последние годы данное явление стало одной из доминирующих мировых тенденций [Кастельс 1999], затрагивающей сферы экономики, государственного управления, социальных отношений.

Одним из негативных следствий происходящих изменений явилась трансформация организационной структуры преступных групп. Организованные группы и преступные сообщества во все большей степени ориентируются на новую структуру управления и взаимодействия, которая, используя выражение А. М. Каминского, является родственной «управлению в иных социальных системах» [Каминский 2023: 14], и прежде всего – в экономических. В первую очередь такую трансформацию совершают наиболее динамичные из организованных преступных групп, специализирующиеся на совершении **высокотехнологичных преступлений**. Такие преступления могут быть определены как общественно опасные деяния, совершаемые преступными группами с помощью специально созданных или модифицированных компьютерных средств преступления с применением удаленного доступа к объекту преступного посягательства [Поляков 2023: 156]. Достаточно быстрое внедрение в преступных группах новых форм организационной структуры, основанных на сетевом взаимодействии участников, было описано и проанализировано в ряде проводившихся в 2000-е годы исследований [Осипенко 2012; Осипенко 2009: 122, 237-239; Глазкова 2019; Овчинский 2018: 216; Коновалова, Есина 2021; Поляков 2023]. Представляется, что наблюдаемый быстрый рост количества высокотехнологичных преступных посягательств в отношении как юридических, так и физических лиц в определенной степени связан именно с развитием новых и более эффективных сетевых форм организационной структуры преступных групп. Данное обстоятельство делает актуальным и востребованным дальнейшее изучение феномена структурной трансформации организованных групп и преступных сообществ.

Анализ судебно-следственной практики последних лет показывает, что в эволюции преступных групп, специализирующихся на совершении высокотехнологичных преступлений, наметился следующий этап трансформации организационной структуры [Поляков 2023: 367-374]. Подобно тому, как формирование сетевой структуры имело своей технологической основой использование информационных сетей, так новая организационная структура стала возможной благодаря появлению и быстрому распространению **сетевых (цифровых) платформ**. Цифровые платформы получили широкое распространение прежде всего как один из наиболее эффективных инструментов современной цифровой экономики. В сфере экономических отношений цифровые платформы представляют из себя сетевую информационную среду, включающую интерактивные сайты с информацией о продуктах и услугах, обеспечивающие сетевое взаимодействие между различными группами партнеров – юридических и физических лиц, реализующих или приобретающих определенные товары и услуги. На роль цифровых платформ в этой сфере обращали внимание О. А. Зайцев и П. С. Пастухов, по мнению которых «фундаментальным элементом использования данных в цифровой экономике являются цифровые платформы» [Зайцев, Пастухов 2022: 293], и другие авторы. Цифровые платформы в расширяющемся масштабе внедряются и в сферу государственных отношений. В работе Э. Л. Сидоренко с соавторами [Сидоренко, Барциц, Хисамова 2019] была выделена и проанализирована роль цифровых платформ в повышении эффективности цифрового управления на общегосударственном и региональном уровне.

Высокая эффективность цифровых платформ обусловлена тем, что они обеспечивают наилучшие технологические возможности для эффективного сетевого взаимодействия автономных участников. В этом качестве они служат технологической основой для формирования и функционирования социально-экономических экосистем различной природы [Раменская 2020]. **Цифровые экосистемы** представляют из себя объединения автономных участников, осуществляющих совместную деятельность посредством цифровых платформ без иерархического вертикального соподчинения, характерного для традиционных форм взаимодействия. При этом цифровые экосистемы обладают целым рядом существенных преимуществ по сравнению с традиционными объединениями, среди которых можно выделить следующие:

- обеспечивают эффективную сетевую координацию деятельности участников экосистемы;
- способствуют оптимальному «разделению труда» между автономными участниками;
- позволяют легко и быстро соединять информационные ресурсы на базе цифровой платформы;
- создают условия для практически мгновенного обмена необходимой информацией посредством информационно-телекоммуникационных сетей;
- существенно облегчают привлечение новых участников.

Указанные преимущества привели к тому, что организованные группы и преступные сообщества, использующие в своей криминальной деятельности возможности, предоставляемые информационно-телекоммуникационными технологиями, перешли к созданию и эксплуатации цифровых платформ. Важной отличительной особенностью таких платформ является их функционирование, как правило, в сети **Даркнет**. Специфика сети Даркнет как теневого сегмента сети Интернет проявляется в применении специальных программных средств для защиты от свободного доступа к информационным ресурсам и в обеспечении высокой степени анонимизации пользователей. Размещение цифровых платформ, создаваемых преступными группами, именно в сети Даркнет обусловлено в первую очередь указанными особенностями. Отметим, что в последние годы правовым аспектам функционирования сети Даркнет было уделено значительное внимание отечественных и зарубежных исследователей, высказывавших различные взгляды на роль этой сети в высокотехнологичной преступной деятельности и на возможности ее правового регулирования сети [Протасевич, Скрыбикова 2021; Смушкин 2022; Бычков, Вехов 2023; Васильев, Ибрагимов, Васильева 2019; Beshiri, Susuri 2019].

На наш взгляд, цифровые платформы, созданные в сети Даркнет организованными группами и преступными сообществами, явились технологической основой для появления качественно новой формы управления и взаимодействия в преступных группах и обеспечили формирование **экосистем преступных сообществ**. Такие экосистемы представляют из себя объединения отдельных преступных групп, сохраняющих свою автономность, осуществляющих децентрализованное сетевое взаимодействие и криминальное «разделение труда» посредством анонимного использования цифровых ресурсов и услуг, представленных на соответствующих цифровых платформах.

Можно полагать, что возникновение экосистем преступных сообществ выступает в качестве одного из проявлений весьма общих процессов, связанных с глобализацией преступности. В случае экосистем преступных сообществ это проявляется, в частности, в транснациональном характере криминальной деятельности преступных групп, входящих в состав экосистемы. Можно отметить, что эволюция в организации высокотехнологичной преступной деятельности, приведшая к формированию экосистем, подтверждает правильность вывода А. Н. Савенкова и Е. Р. Россинской о появлении «новых цифровых сущностей и распределенного участия в преступном деянии» [Савенков, Россинская 2023: 103-104].

Экосистемы преступных сообществ обладают значительными криминальными преимуществами перед другими формами структурирования, как традиционными, так и сетевыми. Функционирующая в сети Даркнет экосистема обеспечивает возможности для скрытого и практически безопасного совершения различных криминальных действий, в число которых входят:

- разработка и распространение вредоносных программ, в том числе под конкретные заказы;
- обеспечение незаконными средствами связи и другими запрещенными к обороту устройствами;
- снабжение преступных групп информационными сведениями, полученными путем неправомерного воздействия на компьютерную информацию;
- распространение наркотических средств с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, и т. д.

Отдельно нужно отметить высокие возможности самоорганизации преступных групп, объединенных в экосистемы, при изменении внешних условий. Такая самоорганизация отражает отмечавшуюся Т. Я. Хабриевой тенденцию усиления самоорганизации в сетевых коммуникациях, при взаимодействии в которых «формируются сетевые сообщества, потенциально способные образовывать саморегулируемую «криптосреду» [Хабриева 2018: 12].

В качестве примера организованных преступных групп, объединенных на основе цифровой платформы в экосистему, можно привести описанные аналитической службой «Лаборатории Касперского» преступные сообщества, специализировавшиеся на вымогательстве денежных средств у крупных компаний и корпораций с помощью программ-шифровальщиков [Безвершенко, Галов, Квятковский 2021: URL]. Входившие в экосистему автономные преступные группы обладали разным функционалом, включавшим в себя разработку вредоносных программ, непосредственное совершение DDOS-атак, обналичивание полученных от потерпевших средств и т. д. Связь между преступными группами осуществлялась анонимно, взаимодействие строилось по принципу так называемой бизнес-модели **RaaS** («программа – вымогатель как услуга»).

Становление экосистем преступных сообществ ведет к формированию глобального международного рынка преступных услуг, функционирующего посредством цифровых платформ в сети Даркнет. Этот сетевой рынок существенно расширяет криминальные возможности для подготовки, совершения и сокрытия высокотехнологичных преступлений. Полагаем, что при анализе закономерностей функционирования этого рынка необходимо учитывать, наряду с отмеченными процессами глобализации преступной деятельности, также заявившие о себе в последние годы процессы ее **глокализации** [Поляков 2024: 154]. Явление глокализации отражает развитие процессов, противоположных глобализации и выражающихся в усилении локальных идентичностей, связанных с отдельными регионами, государствами (объединениями государств), национальными группами. На важность учета процессов глокализации обращал внимание, в частности, Председатель Конституционного суда Российской Федерации В. Д. Зорькин [Зорькин 2014: 8]. Процессы глокализации проявляются, например, в специализации преступлений, совершаемых преступными группами этнических диаспор [Van Hellefont, Densley 2019], имеющих как в Российской Федерации, так и в большинстве других развитых стран. Представляется, что исследование влияния глокализации на организованную преступную деятельность является одним из новых и перспективных направлений развития для уголовно-правовых наук.

В заключение нужно отметить, что противодействие организованным группам и преступным сообществам, объединенным посредством цифровых платформ в экосистемы, является чрезвычайно сложной практической

задачей, стоящей перед правоохранительными органами. В связи с этим, как представляется, перед криминалистической теорией стоит важная задача по разработке и апробации рекомендаций, предназначенных для расследования совершенных такими преступными объединениями высокотехнологичных преступлений.

Литература

- Безвершенко Л., Галов Д., Квятковский И. Шифровальщики: кто, как и зачем использует их в 2021 году. URL: <https://securelist.ru/ransomware-world-in-2021/101425/>
- Бычков В. В., Вехов В. Б. Некоторые аспекты противодействия преступлениям экстремистской направленности, совершенным с использованием даркнет / Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2023. – № 2. – С. 89–94. DOI: 10.54217/2411-1627.2023.40.2.010.
- Васильев А. А., Ибрагимов Ж. И., Васильева О. В. Даркнет как ускользающая сфера правового регулирования / Юрислингвистика. – 2019. – № 12. С. 10-12.
- Глазкова Л. В. Особенности современных организованных преступных групп / Мониторинг правоприменения. – 2019. – №1 (30). – С. 54-60.
- Зайцев О. А., Пастухов П. С. Цифровой профиль лица как элемент информационно-технологической стратегии расследования преступлений / Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. Вып. 56. – С. 281–308. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-56-281-308.
- Зорькин В. Д. Проблемы конституционно-правового развития России (к 20-летию Конституции Российской Федерации) / Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. – 2014. – № 1. – С. 3-21.
- Каминский А. М. Теоретические основы криминалистического анализа организованности преступной деятельности и возможности его практического использования: автореф. дисс. д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2008.
- Кастельс М. Становление общества сетевых структур / Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999. - С. 494-505.
- Коновалова Е. А., Есина А. С. Сравнительно-правовой анализ категории «организованная преступная группа» / Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 6. – С. 161–165. DOI: 10.24412/2073-0454-2021-6-161-165.
- Овчинский В. С. Криминология цифрового мира : учебник для магистратуры. М., 2018.
- Осипенко А. Л. Организованная преступность в сети Интернет / Вестник Воронежского института МВД России. – 2012. – № 3. – С. 10-16.
- Осипенко А. Л. Сетевая компьютерная преступность: теория и практика борьбы: монография. Омск, 2009.
- Поляков В. В. Групповая форма совершения преступлений как один из признаков высокотехнологичной преступности / Российский юридический журнал. – 2023. – № 1 (148). – С. 117-126. DOI: 10.34076/20713797_2023_1_117.
- Поляков В. В. К вопросу о противодействии высокотехнологичной транснациональной преступности / Сб. мат. Междунар. науч.-практич. конф. «Актуальные проблемы отечественной криминалистики: современные тенденции», посвященной памяти проф. Н. П. Яблокова. 16 декабря 2022 г., г. Москва. М., 2023. – С. 367-374.
- Поляков В. В. Структура и содержание криминалистической характеристики высокотехнологичных преступлений / Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 6. – С. 147-159. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.147-159.
- Поляков В. В. Понятие «высокотехнологичные преступления» в криминалистике / Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2023. – № 4. – С. 151-162. DOI: 10.55001/2587-9820.2023.19.44.015.
- Протасевич А. А., Скрябикова Ю. Б. О необходимости формирования единой дефиниции «даркнет» в криминалистике / Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2021. – № 4. – С. 77–86. DOI: 10.17150/2411-6122.2021.4.77-86.
- Раменская Л. А. Применение концепции экосистем в экономико-управленческих исследованиях / Управленец. – 2020. – Т. 11, № 4. – С. 16-27.
- Савенков А. Н., Россинская Е. Р. Вектор развития криминалистической науки в условиях глобальной цифровизации / Государство и право. – 2023. – № 5. С. 100-110. URL: <http://gospravo-journal.ru/s102694520025650-6-1/>. DOI: 10.31857/S102694520025650-6.
- Сидоренко Э. Л., Барциц И. Н., Хисамова З. И. Эффективность цифрового государственного управления: теоретические и прикладные аспекты / Вопросы государственного и муниципального управления. – 2019. – № 2. – С. 93-114.
- Смушкин А. Б. Криминалистические аспекты исследования даркнета в целях расследования преступлений / Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17, № 3. – С. 102-111. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.136.3.102-111.
- Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности / Журнал российского права. – 2018. – № 9. – С. 5–16. DOI: 10.12737/art_2018_9_1
- Beshiri A. S., Susuri A. Dark Web and Its Impact in Online Anonymity and Privacy: A Critical Analysis and Review / Journal of Computer and Communications. 2019. Vol.7. No. 3. P. 30-43. DOI: 10.4236/jcc.2019.73004.
- Van Hellemont E., Densley J. Gang glocalization: How a global mediascape creates and shapes local gang realities / Crime, Media, Culture: An International Journal. 2019. Vol. 15. Issue 1. P. 1-20. DOI: 10.1177/1741659018760107.

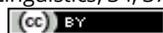
References

- Beshiri, A. S., Susuri, A. (2019). Dark Web and Its Impact in Online Anonymity and Privacy: A Critical Analysis and Review. *Journal of Computer and Communications*, 3, 30-43. DOI: 10.4236/jcc.2019.73004.
- Bezvershenko, L., Galov, D., Kvyatkovsky, I. Ransomware: who, how and why uses them in 2021. Available from: <https://securelist.ru/ransomware-world-in-2021/101425/> (in Russian).
- Bychkov, V. V., Vekhov, V. B. (2023). Some aspects of counteracting extremist crimes committed using the darknet. *Investigation of crimes: problems and solutions*, 2, 89-94. DOI: 10.54217/2411-1627.2023.40.2.010 (in Russian).
- Castells, M. (1999). Formation of a society of network structures / New post-industrial wave in the West. Anthology. Edited by V. L. Inozemtsev. Moscow, 494-505 (in Russian).
- Glazkova, L. V. (2019). Features of modern organized crime groups. *Monitoring of law enforcement*, 1 (30), 54-60 (in Russian).
- Kaminsky, A. M. (2008). Theoretical foundations of forensic analysis of the organization of criminal activity and the possibilities of its practical use: Abstract of the Dissertation of a Doctor of Law. Nizhny Novgorod (in Russian).
- Khabrieva, T. Ya. (2018). Law facing the challenges of digital reality. *Journal of Russian law*, 9, 5-16. DOI: 10.12737/art_2018_9_1 (in Russian)
- Konovalova, E. A., Esina, A. S. (2021). Comparative legal analysis of the category "organized criminal group". *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 6, 161–165. DOI: 10.24412/2073-0454-2021-6-161-165 (in Russian).
- Osipenko, A. L. (2009). Network computer crime: theory and practice of struggle: monograph. Omsk (in Russian).
- Osipenko, A. L. (2012). Organized crime on the Internet. *Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 3, 10-16 (in Russian).
- Ovchinsky, V. S. (2018). Criminology of the digital world: a textbook for master's degree programs, Moscow (in Russian).
- Polyakov, V. V. (2023). Group form of committing crimes as one of the signs of high-tech crime. *Russian Law Journal*, 1 (148), 117-126. DOI: 10.34076/20713797_2023_1_117 (in Russian).
- Polyakov, V. V. (2023). On the issue of combating high-tech transnational crime. Coll. of materials. Int. scientific-practical. conf. "Actual problems of domestic forensic science: modern trends", dedicated to the memory of prof. N. P. Yablokov. December 16, 2022, Moscow. Moscow, 367-374 (in Russian).
- Polyakov, V. V. (2023). The concept of "high-tech crimes" in forensic science. *Forensic science: yesterday, today, tomorrow*, 4, 151-162. DOI: 10.55001 / 2587-9820.2023.19.44.015 (in Russian).
- Polyakov, V. V. (2024). Structure and content of forensic characteristics of high-tech crimes. *Actual problems of Russian law*, 6, 147-159. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.147-159 (in Russian).
- Protasevich, A. A., Skryabikova, Yu. B. (2021). On the need to form a single definition of "darknet" in forensic science. *Siberian criminal procedure and forensic readings*, 4, 77-86. DOI: 10.17150 / 2411-6122.2021.4.77-86 (in Russian).
- Ramenskaya, L. A. (2020). Application of the ecosystem concept in economic and managerial research. *Manager*, 4, 16-27 (in Russian).
- Savenkov, A. N., Rossinskaya, E. R. (2023). Vector of Development of Forensic Science in the Context of Global Digitalization. *State and Law*, 5, 100-110. Available from: <http://gospravo-journal.ru/s102694520025650-6-1/>. DOI: 10.31857/S102694520025650-6 (in Russian).
- Sidorenko, E. L., Bartsits, I. N., Khisamova, Z. I. (2019). Efficiency of Digital Public Administration: Theoretical and Applied Aspects. *Issues of State and Municipal Administration*, 2, 93-114 (in Russian).
- Smushkin, A. B. (2022). Forensic aspects of darknet research for the purposes of crime investigation. *Actual problems of Russian law*, 3, 102-111. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.136.3.102-111 (in Russian).
- Van, Hellemont E., Densley, J. (2019). Gang glocalization: How a global mediascape creates and shapes local gang realities. *Crime, Media, Culture: An International Journal*, 1, 1-20. DOI: 10.1177/1741659018760107.
- Vasiliev, A. A., Ibragimov, Zh. I., Vasilyeva, O. V. (2019). Darknet as an elusive sphere of legal regulation. *Jurilinguistics*, 12, 10-12 (in Russian).
- Zaitsev, O. A., Pastukhov, P. S. (2022). Digital face profile as an element of the information technology strategy for investigating crimes. *Bulletin of Perm University. Legal sciences*, 56, 281–308. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-56-281-308 (in Russian).
- Zorkin, V. D. (2014). Problems of constitutional and legal development of Russia (on the 20th anniversary of the Constitution of the Russian Federation). *Bulletin of Moscow University. Series 11. Law*, 1, 3-21 (in Russian).

Citation:

Поляков В. В. Использование цифровых платформ как технологическая основа формирования экосистем преступных сообществ // Юрислингвистика. – 2024. – 34. – С. 37-41.

Polyakov V. V. (2024) The Use of Digital Platforms as a Technological Basis for the Formation of Criminal Communities Ecosystems. *Legal Linguistics*, 34, 37-41.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Академический бойкот Израиля университетами стран Африки, Азии и Латинской Америки: анализ политико-правового дискурса¹

А. А. Васильев¹, М. В. Шугуров², Ю. В. Печатнова³

¹Алтайский государственный университет

пр-кт Социалистический, 68, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: anton_vasiliev@mail.ru

²Саратовская государственная юридическая академия

ул. Чернышевского, зд.104, стр. 3, 410056, Саратов, Россия. E-mail: shugurovs@mail.ru

³Алтайский государственный университет

пр-кт Социалистический, 68, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: jp_0707@mail.ru

Исследование направлено на определение специфики содержательного спектра политико-правового дискурса академических учреждений стран Африки, Азии и Латинской Америки, в центре внимания которого находится академический бойкот Израиля. В статье последовательным образом в контексте событийного анализа раскрывается специфика реагирования университетских сообществ государств данных регионов на события палестино-израильского конфликта 2023-2024 гг. Как показало проведенное исследование, в государствах Африки, Азии и Латинской Америки политико-правовое осмысление бойкота привязано к академической, главным образом университетской среде и за исключением ЮАР не включает представления официальных властей по поводу правомерности и эффективности академического бойкота. В целом диапазон позиций представлен установками на разрыв, приостановку или же, напротив, сохранение академических связей с Израилем. Если официальный уровень политико-правового дискурса академического сектора ЮАР, а также стран Латинской Америки включает все три позиции, то для Индии характерна лишь третья позиция. Помимо этого отсутствуют решения, принимаемые на межправительственном уровне в сфере академического сотрудничества. В связи с этим антиизраильский академический бойкот, в качестве общественного движения имеющий глобальный характер, на уровне институциональных решений не имеет абсолютного характера.

Ключевые слова: международное академическое сотрудничество, академический бойкот, протестное движение, международное право, политико-правовой дискурс, двусторонние соглашения.

Academic Boycott of Israel by Universities in Africa, Asia and Latin America: Analysis of Political and Legal Discourse

A. A. Vasiliev¹, M. V. Shugurov², Yu. V. Pechatnova³

¹Altai State University

68 Socialistichesky st., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: anton_vasiliev@mail.ru

²Saratov State Law Academy

104 Chernyshevskogo st., bld.3, 410056, Saratov, Russia. E-mail: shugurovs@mail.ru

³Altai State University

68 Socialistichesky st., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: jp_0707@mail.ru

This study is aimed at determining the specifics of the content range of the political and legal discourse of academic institutions in Africa, Asia and Latin America, which focuses on the academic boycott of Israel. The study consistently reveals as part of event analyses the specifics of the response of university communities in the states of these regions to the events of the Palestinian-Israeli conflict of 2023-2024. As the study showed, in the states of Africa, Asia and Latin America, the

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01296, <https://rscf.ru/project/23-28-01296/>.

political and legal understanding of the boycott is tied to the academic, mainly university environment and, with the exception of South Africa, is not shared by official authorities in regard to the legality and effectiveness of the academic boycott. In general, the range of attitudes is represented by pursuance of break in relations, suspension or, on the contrary, maintaining academic ties with Israel. While the official political and legal discourse of the academic sector of South Africa, as well as Latin American countries, includes all three attitudes, only the third one is characteristic of India. In this regard, the anti-Israeli academic boycott as a social movement of global nature is not absolute at the level of institutional decisions. In addition, there are no decisions taken at the intergovernmental level regarding academic cooperation.

Key words: international academic cooperation, academic boycott, protest movement, international law, political and legal discourse, bilateral agreements.

К одному из заметных событий в рамках международного академического сотрудничества в 2023–2024 гг. относится академический бойкот Израиля, вызванный военным нападением данного государства на Газу. Вслед за введением странами коллективного Запада и их научными учреждениями в 2022 году беспрецедентных ограничительных мер в отношении российской науки и участия России в международном научно-технологическом сотрудничестве [Фомкин 2022], академический бойкот Израиля привел к возникновению значительных коллизий в международном научно-техническом, а также образовательном сотрудничестве. Их выражением стала приостановка действия соответствующих соглашений или, в редких случаях, односторонний выход из них. Все это происходит на фоне объявленного пересмотра отношений с Израилем в сфере научных исследований, технологических разработок и образования.

В отличие от научных санкций в отношении России академический бойкот в отношении Израиля имеет свою специфику. Как показывают специальные исследования, она заключается в том, что антиизраильский бойкот, предпринятый США и европейскими государствами, заключается в том, что указанные выше меры предпринимались, во-первых, самими университетами и научными центрами под давлением не со стороны национальных правительств, а со стороны протестного движения, в котором принимали участие не только студенты, но и научные сотрудники. Во-вторых, разрывы отношений с академическим сектором Израиля были достаточно редким явлением, однако вполне широкий размах приобрело инициирование процедуры пересмотра отношений сотрудничества, в основе которого находятся соответствующие двусторонние соглашения [Шугуров, Колодуб, Шугурова 2024: 103-105]. Одной из ключевых причин антиизраильского бойкота стал т. н. схоластицизм, т. е. преднамеренное разрушение академического сектора Газы в 2023–2024 гг., что составляет значимый элемент общей картины нарушения норм и принципов международного права.

Односторонние меры в форме приостановки сотрудничества, его пересмотра, а также в ряде случаев разрыва в академической сфере традиционно именуется академическим бойкотом. В современных условиях, когда происходит расширение режимов односторонних ограничительных мер в сфере научно-технологического и образовательного сотрудничества, их вполне обоснованно именовать академическими санкциями. Тем не менее, в отношении Израиля по-прежнему используется дискурс бойкота. Во многом это объясняется тем, что данный дискурс свойственен движению «Бойкот, отчуждение и санкции» (Boycott, Divestment and Sanctions/BDS), а также входящей в его состав Палестинской кампании за академический и культурный бойкот Израиля (The Palestinian Campaign for the Academic and Cultural Boycott of Israel/PACBI), которые играют ключевую роль в активизации и поддержке протестного движения против Израиля во всем мире.

Однако несмотря на все различие видов дискурса, в которые облекается осмысление процессов осложнения участия Израиля в международном академическом сотрудничестве, влекущие за собой негативные последствия в отношении его национальной науки и системы образования, во всех случаях происходит актуализация политико-правовых оснований принимаемых мер. Дело в том, что международное сотрудничество в академической сфере предусматривается значительным блоком международно-правовых норм и основано на общих и специальных принципах международного права. Это определяется значимостью данного направления международного взаимодействия для обеспечения духовного и экономического прогресса государств и народов. Поэтому любая приостановка или различные ограничения предполагают серьезные основания, подлежащие четкой артикуляции, т. к. речь идет о прекращении выполнения соответствующих обязательств.

В случае с Израилем подобного рода основания артикулируются главным образом участниками движения протеста, а также руководящими органами университетов. Основной мотив – это оказание воздействия на Израиль в силу нарушения им норм и принципов международного права, соучастниками которого являются, как утверждается, израильские университеты [Wind 2024; Engler 2010; Never 2009]. Как и всякий бойкот, академический бойкот, включающий академические санкции, нацелен на принуждение к изменению проводимой политики и призывание к ответственности.

С точки зрения географии осложнение участия Израиля в сфере международного академического сотрудничества имеет многовекторный характер. На этом фоне субъектный состав инициаторов научных санкций, вводимых в отношении России, гораздо уже, хотя и включает большую часть ее основных научных партнеров.

В этой связи целью статьи является определение специфики содержательного спектра политико-правового дискурса, предметом которого является академический бойкот Израиля, в который оказались вовлечены общественные движения и академические учреждения стран Африки, Азии и Латинской Америки. Проведение данного рода исследования позволит внести вклад в воссоздание общей картины академического бойкота Израиля,

который является беспрецедентным в истории данной страны, что стало предметом осмысления в целом ряде работ зарубежных авторов [Fisher et al. 2024; Buheji 2024(a); Buheji 2024 (b); Buheji, Ahmed 2024; Buheji, Hasan 2024; Farber 2024]. Однако дискурсивный анализ бойкотного движения, характерного для тех стран Африки, Азии и Латинской Америки, академические учреждения которых активно сотрудничают с Израилем, еще не получил своего освещения в научной литературе.

Методологическая база исследования включает в себя сравнительный метод, а также метод дискурсивного анализа. В дополнение к этому авторы использовали метод событийного анализа и системный подход, который позволил воспроизвести общую картину политико-правового дискурса, характерного для участников бойкотного движения в рассматриваемых регионах. В дополнение к этому использовался формально-догматический метод, который позволил уяснить правовые последствия ограничительных мер, предпринятых в отношении Израильских университетов.

Подобно тому, как в США и Канаде, а также государствах Европы, вспыхнуло мощное общественное движение, осуждающее Израиль за действия в секторе Газа, протестное движение возникло в африканских странах, относящихся к лидерам научно-технологического прогресса, в частности в ЮАР [Thompson 2023]. Особенностью реагирования Южной Африки, которая в эпоху апартеида подвергалась академическому бойкоту [Haricombe, Lancaster 1995; McGregor 1987], является то, что данное государство на официальном уровне заняло пропалестинскую позицию. Принципиальный подход нашел свое проявление не только в том, что со стороны ЮАР прозвучал призыв к Израилю прекратить войну в секторе Газа, но и в возбуждении дела в Международном Суде ООН [Mandonsela 2023].

Практически сразу же после нападения на Газу было опубликовано открытое письмо, подписантами которого стали южноафриканские педагоги, художники, студенты и деятели культуры [A letter from South Africa 2023]. В нем содержался обращенный к образовательным учреждениям всего мира призыв защищать педагогов, которые занимают принципиальные позиции против израильского проекта апартеида в Палестине и нынешнего геноцида, который Израиль совершает в отношении палестинского народа. Все это было дополнено призывом положить конец израильской оккупации, апартеида, а также прекратить осаду Газы. Аналогичные заявления исходили также от авторитетных академических групп в Южной Африке. Например, Институт экономической справедливости (IEJ) призвал к немедленному прекращению нападения Израиля на Газу, снятию блокады, препятствующей поступлению в Газу основных лекарств, топлива, продовольствия и воды, и привлечению к ответственности всех виновных в военных преступлениях [Institute for Economic Justice 2023]. Кроме этого, было выдвинуто требование о введении эмбарго на поставки оружия и военной техники всем сторонам конфликта; обеспечение защиты всех тех, кто публично выражает солидарность с Палестиной, включая, помимо прочего, студентов, ученых и рабочие движения; осуществление дипломатической изоляции и т. д.

Разрушение школ и университетов в секторе Газа израильской армией было осуждено Международной ассоциацией образования Южной Африки (IEASA), которая заявила о том, что данные нападения на палестинские учебные заведения являются ничем иным, как эпистемцидом, т. е. жестокой попыткой уничтожить палестинскую систему знаний [IEASA Statement 2023].

Солидарность со студентами, учеными, активистами и правительствами, которые подняли свой голос против израильской блокады Газы, подтвердила Южно-африканская социологическая ассоциация (SASA). В своем заявлении Ассоциация настоятельно призывала высшие учебные заведения и государственные органы незамедлительно принять меры по пресечению случаев насилия и запугивания, направленных против ученых и практиков, выступающих против оккупации Палестины. Помимо этого, была высказана поддержка BDS в ее усилиях по мобилизации протеста [SASA Statement 2024].

О своей позиции заявили студенческие ассоциации, которые во всем мире стали важнейшей основой движения BDS. Например, в заявлении от 11 октября Южноафриканский студенческий конгресс (SASCO) подтвердил свою безоговорочную поддержку народа Палестины, а также палестинских студентов и ученых, одновременно поддержав призыв к академическому бойкоту Израиля всеми южноафриканскими учреждениями и учеными» [SASCO Statement].

Заметным явлением протестных движений стала акция по сбору подписей к открытому письму [Open Letter 2023], которое стало распространяться 9 ноября 2023 года и к 13 ноября получило поддержку 1063 человек, включая исследователей, преподавателей, администраторов и студентов государственных университетов и других структур страны. Открытое письмо было подписано в личном качестве сотрудниками и студентам 18 из 26 государственных университетов ЮАР. Другими словами, оно не претендовало на выражение официальной позиции. В письме содержался призыв не только к немедленному прекращению огня и беспрепятственному прохождению гуманитарной помощи в Газу, но и к дальнейшему продвижению академического и культурного бойкота Израиля в форме разрыва институциональных связей с израильскими учреждениями. В этом контексте большие надежды возлагались на университеты Южной Африки, которые должны играть ведущую роль в актуализации вопросов по поводу гуманитарной катастрофы, разворачивающейся в Газе.

Что же касается реагирования официальных структур южноафриканского академического сектора, в частности управляющих органов университетов, то они подверглись критике со стороны членов академического сообщества за то, что они в большинстве случаев не заняли достаточно твердой позиции по поводу продолжающегося кризиса в секторе Газа. Так, если в Испании позиция в отношении палестино-израильского конфликта и разворачивающегося геноцида и схластидида была высказана университетской ассоциацией, объединяющей практически все государственные и частные университеты, то ассоциация Университетов Южной Африки (USAf), представляющая 26 государственных университетов ЮАР, не выработала консолидированного решения, которое имело бы

принципиальный характер. В прочем, она и не собиралась этого делать. Это также характерно для Академии наук ЮАР (ASSAf).

Между тем, в указанном открытом письме содержался призыв к USAf и ASSAf выпустить заявление, в котором недвусмысленно была бы выражена солидарность с университетами в секторе Газа и на оккупированных территориях. Но, несмотря на то, что, как сообщается, открытое письмо было отправлено по электронной почте обеим организациям, ни USAf, ни ASSAf не присоединились к всеобщему призыву [Thompson 2024]. Но если ASSAf все же высказала намерение заняться разработкой своей позиции в рамках специальной рабочей группы, то исполнительный комитет организации посчитал, что формирование коллективной позиции по рассматриваемому вопросу не обязательно. Поэтому, когда USAf не выполнила свою обязанность по продвижению критической позиции, эстафета перешла к университетам. Однако здесь следует отметить один нюанс.

Если в США, Канаде и странах Европы правительство в случае палестино-израильского конфликта четко следует принципу автономии университетов и свойственной им академической свободе, то правительство ЮАР, напротив, оказывает давление на университеты и призывает их не занимать «нейтральную» позицию и объявить академические бойкоты Израилю, аналогичные тем, которые некогда имели место в отношении режима апартеида в Южной Африке. Так, заместитель министра высшего образования Б. Манамела заявил телеканалу Al Jazeera, что южноафриканские университеты не могут оставаться нейтральными в отношении Палестины, когда практически все университеты в секторе Газа были разрушены, а многие ученые и студенты были убиты. «Мы действительно хотим, чтобы наши университеты и институциональные организации сделали то, что большинство учреждений сделали с апартеидом: бойкотировали его. Мы не можем смягчать свои слова, когда дело доходит до этого» [Cit. on Hunter 2024].

Далее, выступая 8 мая на мемориальной лекции в честь убитой журналистки телеканала Al Jazeera Ш. А. Аклек, министр международных отношений и сотрудничества Н. Пандор призвала южноафриканских студентов к проявлению солидарности с палестинцами. По ее мнению, высшие учебные заведения ЮАР «несут особую ответственность за то, чтобы подавать пример и обеспечивать моральное и политическое лидерство, учитывая, что они заявляют о своей ключевой роли в продвижении критического гражданства. Это было сделано нашими учреждениями в борьбе с апартеидом и должно быть сделано снова» [Minister Naledi Pandor 2024]. Позднее Пандор похвалила студентов за их усилия по поддержке Палестины.

Итак, на южноафриканские университеты оказывается давление, во-первых, со стороны студенческих протестов, которые были вдохновлены примером университетов США и других стран. К требованиям студентов относится прекращение огня в секторе Газа и вывод инвестиций из компаний, связанных с Израилем. Во-вторых, это давление со стороны правительства. Наложение данных особенностей отличает общий контекст выработки теми или иными университетами ЮАР своих подходов к палестино-израильскому конфликту в целом и выстраиванию дальнейших связей с Израильским академическим сектором в частности. Вместе с тем, несмотря на указанный контекст, вполне заметна дифференцированная картина реагирования южноафриканских университетов, что свидетельствует об их автономной свободе усмотрения.

В основном южноафриканские университеты сопротивляются призывам к полномасштабному академическому бойкоту и отказываются раскрывать свои связи с израильскими организациями и учреждениями. Как следствие, университеты не спешат отказываться от инвестиций в Израиль [Hunter 2024]. И все же некоторые университеты ЮАР, ссылаясь на решение Международного Суда ООН, высказывают собственную вполне определенную позицию в отношении событий палестино-израильского конфликта. Но даже и в этом случае они не всегда в своих официальных заявлениях заявляют об академическом бойкоте Израиля.

Одним из первых на текущую ситуацию откликнулся Университет Свободного государства (University of Free State). В своем заявлении от 20 октября 2023 года руководство университета призвало к мирному разрешению конфликта на Ближнем Востоке [UFS 2023]. В заявлении говорилось о том, что руководство университета, решительно осуждая убийства и перемещение невинных гражданских лиц в результате этого конфликта, призывает международные органы, правительства и гражданское общество отдать приоритет мирным средствам разрешения этих конфликтов, руководствуясь преданной приверженностью правам человека, социальной справедливости и гуманитарным интервенциям.

В меморандуме, который был распространен 3 ноября 2023 года, ректор и одновременно вице-канцлер Университета Стелленбоша В. де Вильерс отметил сложность управления ситуацией в Израиле и Палестине [Villiers 2023]. В меморандуме подчеркивалось, что Университет Стелленбоша выступает за принципы мира, уважения прав человека, свободы выражения мнений и принципов международного гуманитарного права и остается преданным основным ценностям академической свободы, инклюзивности и содействия конструктивному диалогу.

К рассматриваемой категории университетов относится Университет Йоханнесбурга. Напомним, что еще в 2011 году Совет университета проголосовал за прекращение 25-летних отношений с Университетом имени Бен-Гуриона (BGU), который находится в оккупированном палестинском городе Беэр-Шеве [BDS 2011]. Таким образом возник прецедент академического бойкота Израиля со стороны зарубежного университета. Такое решение последовало вслед за тем, как в сентябре 2010 года университет выдвинул несколько условий продолжения отношений с BGU. В случае невыполнения этих условий, сформулированных в соответствующей резолюции Сената университета, в течение 6 месяцев отношения предполагалось разорвать. В число условий входило, например, требование о том, чтобы в исследовательские отношения был включен палестинский университет. BGU не выполнил как это, так и другие условия. Сенату были представлены подробные доказательства, ясно свидетельствующие об активном

ограничении и нарушении ВГУ политических и академических свобод; о его прямом и преднамеренном сотрудничестве с израильскими силами обороны (оккупационными военными силами, грубо нарушающими международное право); о поддержке им политики и практики, которые еще больше укрепляют дискриминационную политику израильского государства. Несмотря на попытки израильских лobbyистов предложить различные компромиссные решения для того, чтобы все-таки сохранить институциональные отношения двух учреждений, Сенат решил их прекратить. Активисты BDS полагают, что другие южноафриканские университеты также последуют этому примеру и возникнет эффект «домино-бойкота».

Однако ожидаемого эффекта не было. И это было вполне предсказуемо, так как в период 2011-2023 гг. движение BDS поддерживали в основном студенческие организации и академические ассоциации. Особенностью требований, которые выдвигают студенты ЮАР, является то, в их основе находится учет фактора эффективности серии бойкотов южноафриканских академических учреждений, которые были предприняты еще в 1960-х годах по просьбе Африканского национального конгресса (АНК) с целью использования международного давления для принудительного прекращения существования системы апартеида в Южной Африке.

В текущей ситуации 2023-2024 гг. Университет Йоханнесбурга четко следует своей устоявшейся позиции, призывая к немедленному прекращению огня, прекращению вооруженного конфликта и созданию гуманитарного коридора. Университет подтверждает свою приверженность академической свободе, а также идеалам социальной справедливости и правам человека [Media Realise 2023]. Речь об академическом бойкоте не идет не в силу компромиссной позиции университета, а в силу того, что у него на сегодняшний день таких связей нет. Думается, что если бы они и были, то произошла бы их немедленная приостановка либо полное прекращение.

Принципиальную позицию занял Университет Форт-Хэр, в котором в свое время учились Н. Мандела и Д. Туту. Руководство университета, полагая, что университеты не могут оставаться нейтральными, обязалось не поддерживать институциональные связи с израильскими академическими учреждениями, поскольку последние сыграли ключевую роль в колониальном угнетении поселенцев и апартеиде против палестинцев (Палестинская кампания за академический и культурный бойкот Израиля (PACBI) [PACBI 2024(b)].

Практически сразу после распространения указанного выше открытого письма 3 декабря 2023 года Сенат Университета им. Нельсона Манделы принял заявление, в котором призвал к «постоянной паузе» в конфликте и выполнению обязательств по расширению масштабов гуманитарной помощи [Nelson Mandela University Statement]. Далее в своей резолюции от 6 марта 2024 года [Nelson Mandela University Senate resolutions 2024] сенат высказал целый ряд следующих предложений, среди которых не только поддержка палестинских ученых и студентов, но и инициирование дискуссий для обсуждения и дебатов по палестинскому вопросу с целью повышения осведомленности академических кругов и общественности. Затем на заседании 6 мая 2024 года в своей резолюции сенат, помимо прочего, поддержал всеобъемлющий и последовательный бойкот израильских академических учреждений и ученых, которые могут быть признаны соучастниками поддержки Израиля в угнетении палестинского народа, как того требуют прогрессивные палестинские и израильские ученые. Согласно позиции Сената, бойкот предполагает значительное количество мер. К ним относятся:

- воздержание от участия в академическом и культурном сотрудничестве, взаимодействии или совместных проектах с израильскими учреждениями;
- воздержание от публикации или рецензирования статей из израильских академических журналов или от публикаций в сотрудничестве с израильскими учреждениями;
- воздержание от выполнения функций внешних экзаменаторов диссертаций, связанных с израильскими университетами и/или связанными с Израилем учреждениями;
- воздержание от написания рекомендаций и подачи совместных заявок на гранты с/в израильских университетах и/или связанных с Израилем учреждениях; от проведения исследований в израильских учреждениях и/или с их участием, а также от участия в научных визитах или мероприятиях по установлению фактов, финансируемых Израилем, его соучастниками и/или его международными лobbyистскими группами.

Следует обратить внимание на то, что к одному из призывов, выдвигаемых BDS, относится прекращение инвестиций в израильские компании. Следуя данному призыву, Сенат университета в своей резолюции воспроизвел призыв к воздержанию от вступления в деловые переговоры и/или договорные соглашения с предприятиями и/или компаниями израильского происхождения и/или которые замешаны в поддержке Израиля в угнетении палестинского народа. В соответствии с этим было принято решение о проведении аудита для выяснения конкретных деталей, касающихся сотрудничества Университета им. Н. Манделы с израильскими академическими учреждениями, а также в отношении любых соглашений между университетом и израильскими спонсорами, израильскими предприятиями и/или компаниями и учреждениями, которые, как доказано, были замешаны в поддержке Израиля в угнетении палестинского народа. Это необходимо для обеспечения эффективного воздействия на выявленные компании с целью смягчения потенциальных сбоев в предоставлении услуг и снижения потенциальных рисков для академического проекта, возникающих в результате этих мер. Кроме того, Сенат постановил, что эти действия, будучи поддержанными, будут оставаться в силе до тех пор, пока не будет решена палестинская борьба. Таким образом, университет полностью соответствует глобальным трендам бойкотного движения, а именно приостановке или разрыву отношений с израильским академическим сектором, что дополнено актуализацией мониторинга имеющихся связей с израильскими компаниями.

Движение студенческого протеста в форме создания лагерей и сооружения палаток также распространилось на Университет Кейптауна (UCT), являющегося самым рейтинговым университетом на Африканском континенте. Еще

в марте 2023 года в Университете Кейптауна прошли мероприятия в целях укрепления солидарности с Палестиной [UCT fails to condemn racism 2023]. Данное мероприятие вызвало недовольство со стороны Южноафриканской сионистской федерации (SAZF), которая направила соответствующий запрос на расследование этого инцидента Управлением университета по вопросам инклюзивности. Однако расследования не последовало, что свидетельствует о пропалестинской позиции университета.

Возвращаясь к текущим событиям, отметим, что Университет Кейптауна (UCT) еще не принял решения относительно разрыва связи с учреждениями, связанными с Израилем. Подобного рода непоследовательность привела к недовольству студентов, которые потребовали, чтобы руководство их университета полностью раскрыло свои финансовые и академические связи с Израилем и израильскими университетами. Хотя лагерь и был расформирован из-за проблем со здоровьем у некоторых студентов, в силу вмешательства полиции, активисты заявили о своей решимости и далее продолжать борьбу за полный академический бойкот.

На своем заседании, которое состоялось 19 апреля 2024 года, Сенат университета большинством голосов принял две резолюции [UCT Senate holds second continuation meeting 2024]. В резолюции об уничтожении науки и образования в Газе Сенат призвал к немедленному прекращению огня и прохождению гуманитарной помощи; осудил разрушение сектора образования в Газе и массовые убийства учителей и сотрудников университетов в ходе текущей войны; выразил обеспокоенность и несогласие с любыми попытками ограничить академическую свободу, называя критику Израиля или сионистской политики антисемитизмом; выразил поддержку коллегам-ученым в Газе и свое намерение оказать помощь в восстановлении академического сектора после войны. Во второй резолюции затрагивались вопросы исследовательского сотрудничества с членами израильских сил обороны. В соответствии с данной резолюцией ни один ученый UCT не может вступать в отношения или продолжать отношения с любой исследовательской группой и/или сетью, чьи авторы связаны с израильскими силами обороны и/или более широким израильским военным истеблишментом. В принципе, данное решение нельзя рассматривать в качестве тотального академического бойкота Израиля, т. к. сохраняется возможность «точечного» взаимодействия.

Как показали дальнейшие события, на заседании Совета университета указанные резолюции были рассмотрены и приняты большинством голосов [UCT Council 2024]. При этом, следует заметить, что Совет, в балансированной форме осудив как нападение ХАМАС на израильских мирных жителей, так и нападение Израиля на мирных жителей и гражданскую инфраструктуру в актах коллективного наказания в Газе, призвал к немедленному прекращению огня, международному расследованию военных преступлений всеми сторонами, вовлеченными в этот конфликт, осуждению всех форм антисемитизма, исламофобии и расизма.

Совет также выразил обеспокоенность и несогласие с любыми попытками ограничить академическую свободу путем обозначения критики Израиля или сионистской политики как антисемитизма. Поддержку решению Совета выразил Форум солидарности палестинцев Университета Торонто, но настоятельно призвал университет пойти дальше и осуществить всеобъемлющий бойкот всех израильских учебных заведений. Тем не менее, как указывалось выше, тотальный бойкот не является стратегией университета.

Одобрение Советом резолюции Сената вызвало недовольство некоторых исследователей, работающих в университете. Ими были поданы судебные иски, в которых они обжаловали резолюции Сената UCT. Сионистская организация SAZF приветствовала судебные иски, полагая, что резолюции могут негативным образом повлиять на способность университета привлекать финансовые средства, ограничат академическую свободу и усугубят враждебную среду для еврейских студентов в UCT [UCT academics 2024]. С точки зрения Совета SAZF в Капской провинции выполнение резолюций ограничит возможность ученых UCT осуществлять взаимодействие со своими зарубежными коллегами в исследовательских группах и сетях, в которых также участвуют израильские ученые. В дополнение к ограничению научно-исследовательского сотрудничества с Израилем, по мнению Совета SAZF, выполнение резолюций будет противоречить заявленной стратегии университета по использованию преимуществ расширения глобальных сетей, которые выступают местом встречи между Южной Африкой и глобальным миром науки. Более того, в мерах, изложенных в резолюциях, усматривается посягательство на академическую свободу.

Обратимся теперь к анализу событий, которые имели место в Университете Витса (Wits University), расположенном в Йоханнесбурге. С начала военного наступления Израиля на сектор Газы в октябре 2024 года Комитет солидарности с Палестиной (Wits Palestine Solidarity Committee) проводил в данном университете акции протеста и демонстрации солидарности. Студенты требовали от университета публично заявить свою позицию о войне в Газе. Со стороны руководителя отдела стратегического партнерства университета последовала информация о том, что за последние восемь лет Университетом Витса не было подписано новых соглашений ни с одним израильским университетом, однако признавалось участие в ведении бизнеса с израильскими компаниями, получение пожертвований от израильского посольства и привлечение бывшего офицера Армии обороны Израиля в качестве одного из профессоров университета [Haffejee 2024].

В связи с этим в письме, адресованном вице-канцлеру и председателю Совета университета, протестующие выдвинули следующие требования: полное раскрытие информации об отношениях университета с учреждениями и компаниями, связанными с Израилем; выражение публичной позиции солидарности с Палестиной; принятие позиции BDS в отношении закупок, инвестиций и сотрудничества; прекращение цензуры и запугивания пропалестинских активистов и мероприятий на территории кампуса и т. д. В ответ на эти требования вице-канцлер З. Вилакази заявил о том, что «ни я, ни Сенат, ни кто-либо другой не указываем, с кем должны взаимодействовать коллеги-ученые. Это прерогатива ученых и соответствует их праву на академическую свободу, закрепленному в (не подлежащих обсуждению) ценностях университета, и в соответствии с их индивидуальными моральными и

политическими полномочиями» [Cit on Haffejee 2024]. Как бы то ни было, под воздействием студенческого протеста сенат университета принял резолюцию, в которой публично осудил военное вторжение Израиля в Газу и призвал к прекращению огня, но отклонил требования протестующих студентов разорвать отношения с Израилем, т. е. предпринять академический бойкот. Помимо этого, университет не стал раскрывать своих связей с израильскими университетами и организациями. Впоследствии руководство университета выдвинуло перед студентами ультиматум о необходимости прекращения протестной активности. Протестующие не оказали сопротивления сотрудникам службы безопасности и оставили после себя только одну палатку как символ солидарности.

В отличие от правительств западных государств правительство ЮАР высказывает одобрение действий университетов, которые приняли самые жесткие шаги в отношении сотрудничества с Израилем. И, напротив, неодобрительно относится к университетам, которые заняли компромиссную позицию. Как иллюстрация последнего случая, министр высшего образования, науки и инноваций профессор Б. Нзиманде с крайним разочарованием и недоверием узнал о решении Сената Стелленбошского университета, принятом 30 апреля 2024 года. Напомним, что Сенат поддержал академические и студенческие сообщества в их праве на мирное выражение своих взглядов и участие в конструктивных дискуссиях в рамках политики университета и закона [Wim de Villiers Senate 2024]. Однако он проголосовал подавляющим числом голосов (80 из 101 при 18 воздержавшихся) против проекта резолюции «Геноцид и уничтожение науки и образования в секторе Газы» [Minister Blade Nzimande 2024]. Вместе с тем Сенат высказал обеспокоенность и несогласие с любыми попытками ограничить академическую свободу путем обозначения критики Израиля или сионистской политики в качестве антисемитизма, а также выразил солидарность с коллегами-учеными, которые пострадали за свои выступления против схоластицида в секторе Газы.

Однако несмотря на то, что Сенат университета исходил из важности академической свободы, обмена знаниями и взглядами, по мнению министра, решение Сената является глубоко позорным. В дополнение к этому министр призвал сотрудников университета осудить решение Сената, а также призывал все университеты Южной Африки высказать свое мнение в глобальной кампании солидарности с народом Палестины и осуждения преступлений сионистского режима в Израиле [Minister Blade Nzimande 2024].

Волна студенческих протестов также прокатилась в другой африканской стране, а именно по Марокко. Предварительно необходимо пояснить, что Марокко стало четвертой арабской страной, согласившейся нормализовать отношения с Израилем в 2020 году после Объединенных Арабских Эмиратов, Бахрейна и Судана. Весьма тесные связи с Израилем имеет Политехнический университет имени Мухаммеда VI (UM6P). Он представляет собой частный некоммерческий исследовательский университет, имеющий кампусы в Бен-Герире и Рабате, а совсем недавно открылся новый филиал в Париже. Создание университета произошло в рамках проекта «Зеленый город» в Марокко, целью которого является установление африканского стандарта устойчивого развития.

После заключения соглашения о нормализации отношений между Марокко и Израилем в 2020 году UM6P заключил соглашения с восемью израильскими университетами, включая Еврейский университет в Иерусалиме (HUJ), известный своим сотрудничеством с Армией обороны Израиля в области разработки военных технологий. Более того, председатель совета директоров HUJ М. Федерманн возглавляет Elbit Systems, ведущую частную оружейную компанию Израиля. Признавая исключительную ценность сотрудничества с Израилем, UM6P учредил должность главы миссии по израильскому партнерству. Кроме этого, такие марокканские университеты, как Университет им. Абдельмалека Саади в Тетуане, Международный университет в Рабате и Европейско-Средиземноморский университет в Фесе, также поддерживают соглашения и программы обмена с Израилем.

Начиная с 7 октября 2024 года в марокканских университетах растет сопротивление нормализации и дальнейшего развития сотрудничества с академическим сектором Израиля. Данное сопротивление в основном выражается в форме подачи петиций и сидячих забастовок. Подобного рода «скованность» вызвана тем, что преподаватели и студенты обеспокоены потерей стипендий или административными последствиями протестных действий. И, тем не менее, сотни марокканских студентов и выпускников Политехнического университета имени Мухаммеда VI подписали петицию с требованием о расторжении партнерских соглашений с восемью израильскими университетами и институтами [Shamala 2024, Mogocco students 2024]. Администрация университета с уважением отнеслась к протесту и вступила в диалог с подписантами петиции. Однако представитель университета сообщил о том, что университет отказывается разрывать связи со своими израильскими партнерами [Atti 2024]. В ответ на это студенты пообещали усилить протесты, но вне использования крайних форм, таких как захваты кампуса или бойкоты экзаменов.

Если переходить к анализу позиций стран Азии, то главным образом следует сосредоточиться на позиции Индии как главного партнера Израиля в академической сфере в данном регионе. Индия занимает откровенно антибойкотную позицию, которая заявлена на официальном уровне. В целом индийский подход значительно отличается от подхода многих учреждений в западных странах, а также государств из других регионов мира, которые пересматривают академическое и исследовательское сотрудничество с Израилем. Так, если большая часть университетов и научных центров запустили процедуру пересмотра формата обмена из-за стремительного роста числа жертв израильского нападения на Газу, то индийские университеты, напротив, углубили исследовательские связи с израильскими университетами и оружейными компаниями [Essa 2024].

Если обратиться к истории, то, начиная с 1992 года, когда Индия нормализовала свои отношения с Израилем, обе страны планомерно развивали взаимодействие в различных областях – от обороны и сельского хозяйства, кибербезопасности и сохранения водных ресурсов до расширения сотрудничества в сфере культуры. К 2013 году Индия уже стала крупнейшим покупателем израильского оружия.

Далее в период правительства Модии связи между Индией и Израилем развивались самым интенсивным образом, особенно в сфере военно-технического сотрудничества. Последнее выразилось в совместной разработке и производстве различных видов вооружений (штурмовые винтовки Tavor X95, снайперские винтовки Galil, ручные пулеметы Negev, средневысотные беспилотники большой продолжительности полета Hermes 900). Научно-образовательное сотрудничество двух стран существенным образом укрепилось и расширилось за последнее десятилетие. До 2014 года, т. е. до прихода к власти Н. Модии, данные связи не были столь интенсивны. Между тем в 2012 году был учрежден Центр исследований Израиля при Школе международных отношений Джиндала в Индии и Центр исследований Израиля в Мумбаи, созданный Тель-Авивским университетом в 2017 году. После визита Н. Модии в Израиль в 2017 году институциональные связи двух стран значительно активизировались. В 2022 году Индия и Израиль подписали Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в области промышленных исследований и разработок с упором на начало новой фазы более глубокого двустороннего сотрудничества [PIB Delhi 2023]. Следует подчеркнуть, что академическое сотрудничество стало составной частью такой инициативы.

После атаки ХАМАС 7 октября 2024 Индия поддержала вторжение Израиля в Газу [Israeli Ambassador 2024]. В целом актуализация индийского направления совершенно не означает потерю интереса к продолжению отношений с Западом. Однако последние становятся достаточно напряженными в силу набирающего силу антиизраильского бойкота. Однако вполне очевидно, что Израиль стремится воспользоваться шансом по использованию научно-технологического потенциала Индии для обеспечения своего технологического прогресса, столь необходимого для развития военного сектора. Отсюда заметно формирование партнерств, в особенности в области естественных наук, не только для создания новых центров оборонных и технологических исследований для своих вооруженных сил, но и в качестве средства оказания влияния на индийские научные круги.

О том, что научно-технологическое сотрудничество развивается по экспоненте, свидетельствует активность Еврейского университета в Иерусалиме (HUJI). В апреле 2024 года делегация израильского Еврейского университета в Иерусалиме (HUJI), возглавляемая профессором О. Шагриром, посетила Индию с целью укрепления академического сотрудничества [Srivastava 2024]. В ходе визита была подчеркнута приверженность развитию науки и образования, несмотря на такие проблемы, как обеспечение преемственности в образовании в зонах конфликтов.

В центре внимания делегации – формирование и укрепление партнерства по меньшей мере с семью высшими учебными заведениями Индии (Индийский технологический институт Мадраса/IIT-M, Всеиндийский институт медицинских наук/AIIMS, Институт фундаментальных исследований Тата/TIFR, Индийский институт науки/IISc, Национальный центр биологических наук/NCBS и др.). Еврейский университет и Индийский технологический институт в Дели (IIT-D) опубликовали призыв к совместным предложениям по проектам, которые представляют взаимный интерес и отличаются взаимодополняемостью [Third Call 2024]. Основными областями сотрудничества являются окружающая среда и устойчивое развитие, кибербезопасность, компьютерные науки, биомедицинские технологии, здравоохранение и медицина. Кроме этого, заметна активизация сотрудничества между Индийским технологическим институтом Мадраса (IIT-M) и Тель-Авивским университетом применительно к внедрению курса по качеству воды, направленного на повышение грамотности в вопросах водоснабжения. В апреле 2024 года «дуэт» призвал к совместным проектам, направленным на укрепление стратегических приоритетов двух университетов и содействие междисциплинарным исследованиям для создания академического и общественного влияния [Programs Promoted by Tel Aviv University and Partners 2023]. В 2023 году ИИТ-Мадрас объявил о создании на своей территории «Индийско-израильского центра водных технологий» (CoWT), который, как предполагается, будет заниматься вопросами безопасности водоснабжения в Индии [IIT Madras Press Release 2024(b)]. Целью этого нового центра будет обеспечение внедрения лучших израильских технологий, практикуемых в индивидуальном контексте с учетом индийских требований, и работа над устойчивыми решениями по управлению для индийского водного сектора.

Однако надо понимать, что академическое сближение сопряжено с ростом военно-технического сотрудничества. Например, в ноябре 2023 года Israel Aerospace Industries (IAI), один из крупнейших израильских производителей военных и коммерческих аэрокосмических и оборонных систем, подписал контракт на 1,2 млрд долларов на поставку вооружений израильским военным [Reuters 2023]. Две недели спустя, в конце марта, IAI открыла свой дочерний филиал в Дели, что подчеркивает прочное партнерство между IAI и DRDO в продвижении систем для индийских вооруженных сил.

На фоне того, как Международный Суд ООН пришел к выводу о правдоподобности заявлений о том, что Израиль совершает геноцид в секторе Газа, между индийскими и израильскими университетами и оружейными компаниями было проведено более десятка встреч, семинаров и подписано более десятка соглашений. Данные соглашения вполне можно рассматривать в качестве составной части попытки Израиля проникнуть в университетскую систему Индии, чтобы удовлетворить свой растущий интерес к военной технике и технологическим разработкам, а также диверсифицировать свои партнерства в то время, когда нескольким университетам настоятельно рекомендуется бойкотировать Израиль и его войну и отказаться от них. В последние месяцы индийские университеты расширили свои партнерские отношения в области обороны, робототехники и искусственного интеллекта (ИИ). В феврале 2024 года индийская государственная компания Munitions India Limited (MIL), базирующаяся в Пуне, которая осуществляет поставки оружия в Израиль во время текущей израильской войны в секторе Газа, объявила о сотрудничестве с Индийским технологическим институтом в Мадрасе (IIT-Madras) с целью разработки первых в Индии 155-мм снарядов Smart Ammunition собственной разработки [IIT Madras Press Release 2024(a)]. В марте Israel Aerospace Industries (IAI) подписала свое первое соглашение о корпоративной социальной ответственности (CSR) с Индийским

технологическим институтом Дели (IIT-D) для совместной работы над прикладными исследованиями [IIT Delhi News 2024].

Однако подобного рода сотрудничество вызывает растущую тревогу среди групп, призывающих бойкотировать исследования с Израилем, поскольку IAI является крупной израильской коммерческой и военной аэрокосмической компанией, которая производит оборонные системы. Обеспокоенность вызывают и иные случаи, связанные с расширением академических связей с Израилем. В частности, студенческие группы в Индии и некоторые ученые выражают обеспокоенность тем, что научно-технологические связи двух стран охватывают сферу искусственного интеллекта, робототехники и других систем, которые вполне могут быть использованы в военных целях.

Предметом беспокойства также является и общая позиция Индии по вопросу палестино-израильского конфликта. Так, Индия не выступила с призывом к прекращению огня; не присоединилась к делу ЮАР в Международном суде против Израиля; криминализовала мечети в нескольких штатах за разговоры о Палестине, а также криминализовала пропалестинские протесты в Кашмире и других регионах. Более того, в середине ноября 2023 года администрация Университета имени О. П. Джиндала в Харьяне, где с 2012 года существует Центр исследований Израиля, попросила экс-профессора Индийского университета А. Ванайка извиниться за свою лекцию на тему «История и политика палестинского настоящего», состоявшуюся 1 ноября 2023 года [The Wire Staff 2024], посчитав ее предвзвешенной. Требование извинений было вызвано жалобой, поданной израильским посланником Н. Гилоном основателю и вице-канцлеру университета Ч. Раджу Кумару. В ней было выражено удивление в отношении того, что мероприятие, делегитимирующее Государство Израиль, проводилось в университете, который сотрудничает с Израилем [Porecha 2023]. Аналогичный случай произошел в Индийском технологическом институте в Бомбее (IIT-B), когда А. Ванайка обвинили в симпатиях к ХАМАС и отметили его очередную лекцию [Aafaq 2023].

В декабре 2024 года несколько сотен индийских ученых подписали письмо, в котором призвали положить конец цензуре в индийских кампусах по вопросу о Палестине [The Wire Staff 2023]. Они также осудили присвоение палестинского вопроса для разжигания исламофобии в Индии. В основе движения протеста находится идея о том, что молчание академического сектора придает легитимность действиям израильского государства.

Следуя руслу глобального студенческого движения за прекращение войны в Газе, в мае 2024 года более 400 студентов и 39 преподавателей в Университете Ашока подписали петицию, призывающую его администраторов разорвать связи с Тель-Авивским университетом. В петиции выражена обеспокоенность тем, что связь университета с организациями, связанными с нарушениями прав человека, подрывает его приверженность справедливости и правам человека [Staff 2024]. Хотя руководство университета с вниманием отнеслось к петиции, призыв к разрыву связей был отклонен на том основании, что университет не занимает политических позиций.

15 июня 2024 года студенты ведущей юридической школы Индии, а именно Национальной академии правовых исследований и разработок (NALSAR) в южном округе Хайдарабада, официально присоединились к движению бойкота. В открытом письме, которое подписали не только сотни студентов, но десятки преподавателей университета, отмечалось, что NALSAR продолжает иметь международные программы академического обмена и меморандумы о взаимопонимании с израильскими университетами [Eaty 2024]. Отсутствие реакции со стороны израильских университетов в сочетании с отсутствием решительного осуждения действий израильского правительства в отношении палестинских университетов ставит под сомнение подлинность провозглашенной приверженности академической свободе. В связи с этим предлагалось разорвать связи с Тель-Авивским университетом и юридической школой Г. Радзынера в Университете Райхмана. Руководство NALSAR отклонило студенческую петицию о разрыве связей.

На фоне призывов студентов и ученых в Индии бойкотировать израильские учебные заведения некоторые из ведущих университетов страны расширили свои партнерские отношения с учреждениями в Израиле за последние несколько месяцев, включая сотрудничество в области возможных исследований систем вооружения [Niazi 2024]. Данный факт вызвал недоумение в академической среде и был негативным образом расценен как с этической, так и с правовой точки зрения. Однако это никоим образом не повлияло на официальную позицию.

Вслед за протестным движением в Северной Америке, в частности в США и Канаде, протестное движение развернулось в Латинской Америке. В силу географической близости к США мобилизация протестного движения в достаточно короткие сроки произошла в Мексике. В частности, движение в поддержку Палестины охватило Национальный автономный университет Мексики (UNAM) в Мехико. Студенты, разбившие палаточный лагерь, призвали правительство Мексики разорвать дипломатические и торговые отношения с Израилем, а к руководству университета был обращен призыв о прекращении академических отношений с израильскими университетами [Cortez 2024]. Подобного рода требования были сформулированы представителями Межуниверситетской народной ассамблеи солидарности с Палестиной (AIPSP), под руководством которой как раз и был возведен лагерь в данном университете. В отличие от администраций университетов США руководство UNAM не выселяло и не пыталось демонтировать лагерь, тем самым демонстрируя толерантное отношение к участникам лагеря. Некоторые студенты даже заявили, что UNAM предоставил им питьевую воду. Более того, под воздействием давления со стороны студентов университет заявил о намерении приостановить связи с израильскими университетами, замешанными в нарушениях международного права [Balderas 2024].

К осуждению преступных действий Израиля в отношении палестинского населения присоединились студенты мексиканского Центра исследований и преподавания экономики (Центр исследований и преподавания экономики (The Center for Economic Research and Teaching (CIDE) of Mexico / CIDE)). Под воздействием студентов Центр выступил с осуждением разрушения учебных заведений в секторе Газа, подчеркивая, что такие действия подрывают

основополагающее право человека на образование [Mayadeen 2024]. В дополнение к этому был инициирован пересмотр действующего соглашения, заключенного в 2014 году с Тель-Авивским университетом, с целью его расторжения [Redacción El Universal 2024]. В итоге Центр принял решение о разрыве академических отношений с Университетом Тель-Авива.

Мощный всплеск антиизраильских настроений вплоть до проявлений крайнего антисемитизма имел место в Чили, в которой проживает крупная палестинская община. В большинстве университетов прошли акции протеста, входе которых выдвигались не только требования о разрыве дипломатических, а также академических связей с Израилем [Lidor 2024]. Всплеск агрессивного антисемитизма имел место в Столичном университете педагогических наук (UMCE). Между тем некоторые крупные университетские администрации сопротивлялись давлению, направленному на разрыв связей с Израилем. Однако в ряде случаев все же были предприняты меры, затрагивающие отношения с израильскими учреждениями. Для того, чтобы успокоить протестующих, администрация Университета Чили приостановила действие двух соглашений с израильскими учреждениями-партнерами, а именно с Хайфским университетом и Израильским технологическим институтом Технион [Prensa Latina 2024]. Особенностью данной меры стало то, что в адрес указанных израильских университетов был направлен запрос, касающийся их институциональной позиции в отношении нападений на Палестину. Аналогичные действия предпринял Факультет философии и гуманитарных наук Университета Чили, который 24 мая 2024 года сообщил о прекращении своих связей с израильскими университетами, соучастниками израильского геноцида в отношении палестинского университета. Факультет заявил, что все институциональные связи должны, в принципе, «всегда и безоговорочно» основываться на уважении прав человека.

Подобные решения не являются случайностью, поскольку в последние годы некоторые чилийские университеты достаточно настороженно относились к сотрудничеству с Израилем. Например, в Папском католическом университете Чили сложилась традиция студенческого активизма, направленная на принятие мер по прекращению связей с израильскими университетами. Еще в 2016 году с большим перевесом голосов студенты университета поддержали призыв BDS, а также предложение, выдвинутое Организацией солидарности с Палестиной, прекратить действие двух соглашений о сотрудничестве с Еврейским университетом в Иерусалиме и Израильским технологическим институтом «Технион» из-за причастности данных учреждений к нарушению со стороны Израиля международного права и прав палестинцев [Abunimah 2016]

Федеральный университет Сеары (UFC) в Бразилии, признав серьезность палестино-израильского конфликта и решительным образом выступив защиту гарантий прав человека пострадавшего населения в этом регионе, отозвал уведомление о проведении второго конкурса «Инновационный вызов Бразилия – Израиль», тематика которого включила в себя такие темы, как продовольственная безопасность, водоснабжение и санитария [PACBI 2024 (a)]. Ректор университета заявил, что конкурс «Инновационный вызов Бразилия – Израиль» предполагает чисто академический характер и является результатом многолетнего партнерства. Несмотря на то, что взаимодействие по продвижению инициативы осуществлялось до начала нынешнего конфликта, с учетом текущей ситуации в Газа, ее реализация представляется невозможной [Nota da Reitoria 2024]. Помимо этого, Федеральный университет Сеара в Бразилии расторг свое партнерство с Университетом Бен-Гуриона, т. к. тот имеет тесные связи с израильскими военными и оружейными фирмами, поставляющими оружие военным. Действительно, Университет имени Бен-Гуриона, будучи партнером «Инновационного вызова», сотрудничает с Министерством обороны Израиля и израильскими оружейными компаниями (Elbit Systems, Rafael Advanced Defense Systems и Israel Aerospace Industries).

Как показало проведенное исследование, несмотря на то, что государства Африки, Азии и Латинской Америки не являются в отличие от США и государств Европы основными партнерами Израиля в академической сфере, в них аналогичным образом имеет место протестное движение в пользу академического бойкота данного государства. В принципе, политико-правовой дискурс бойкотного движения в рассмотренных в статье регионах с содержательной точки зрения полностью идентичен дискурсу, оформившемуся в США и Европе. Идентичность прослеживается также в субъектном составе носителей политико-правовых оценок, которые одновременно являются сторонниками принятия соответствующих правовых мер, которые объединены в группы давления. Во всех случаях данный дискурс привязан к академической, главным образом университетской среде и за исключением ЮАР не включает представлений официальных властей по поводу правомерности и эффективности академического бойкота.

С содержательной точки зрения соответствующий дискурс содержит оценку событий в Газе сквозь призму норм и принципов международного права, коррелятивных общечеловеческой морали, а также включает обоснование необходимости принятия институциональных мер. В отличие от представителей протестного движения, требующих самых решительных мер воздействия на Израиль и его академический сектор, политико-правовой дискурс администраций университетов и их руководящих органов, в котором отражаются происходящие события, отличается дивергенцией. В целом его диапазон представлен установками на разрыв, приостановку или же, напротив, сохранение академических связей с Израилем. Если официальный уровень политико-правового дискурса академического сектора ЮАР, а также стран Латинской Америки включает все три позиции, то для Индии характерна лишь третья позиция. Поэтому с учетом доминирования позиции сохранения академических связей с Израилем, характерной для США, Германии, а также еще и для Индии, можно утверждать, что антиизраильский академический бойкот на уровне принятых институциональных решений не имеет абсолютного характера. В итоге маловероятно, что, несмотря на глобальный масштаб, общественное бойкотное движение приведет к результатам, на которые рассчитывают его сторонники.

Литература

- Фомкин Ф. С. Российская наука в период санкций / *Respublica Literaria*. – 2022 – № 3. – С. 106-117.
- Шугуров М. В., Колодуб Г. В., Шугурова И. В. Академический бойкот Израиля в 2023-2024 гг.: причины, проявления и последствия / *Конфликтология / nota bene*. 2024. № 3. С. 57-111.
- A letter from South Africa, for all educators who stand in solidarity with Palestine (October, 2023). URL: https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLScwoiYp-9a_jFHI7ERUsGfk0p7zc1UcXtLkp-HXdihMFbK2Ow/closedform
- Aafaq Z. From IIT Bombay to Jindal university, student videos used to target faculty on Israel-Palestine war (Nov 17, 2023). URL: <https://scro ll.in/article/1059193/from-jindal-university-to-iit-bombay-student-videos-used-to-target-faculty-on-israel-palestine-war>
- Abunimah A. Chile students vote to end ties with Israeli universities (27.09.2016). URL: <https://electronicintifada.net/blogs/ali-abunimah/chile-students-vote-end-ties-israeli-universities>
- Atti E.B. Morocco's Mohammed VI Polytechnic University defies calls from students to cut ties with Israel (28.06.2024). URL: <https://www.newarab.com/news/morocco-um6p-university-refuses-halt-ties-israel>
- Balderas R. An encampment for Palestine at Mexico's largest university (09.05.2024). URL: <https://www.ojala.mx/en/ojala-en/an-encampment-for-palestine-at-mexicos-largest-university>
- BDS. University of Johannesburg ends Israeli links (23.03.2011). URL: <https://bdsmovement.net/news/university-johannesburg-ends-israeli-links>
- Buheji M. Connecting the Dotts. How gen-Z re-establishing the true story of Palestine? / *International Journal of Social Sciences Research and Development*. – 2024(a). – Vol. 6. – Is. 1. – P. 179-199.
- Buheji M. How is Gaza inspiring gen-Z and changing their mindsets? / *International Journal of Social Sciences Research and Development*. – 2024(b). – Vol. 6. – Is. 1. – P. 1-22.
- Buheji M., Ahmed R.D. How pro-Gaza protests are raising questions about the values in universities ranking? / *International Journal of Management*. – 2024. – Vol. 15. – Is. 4. – P. 15-25.
- Buheji M., Hasan A. Challenging injustice - stretching the 'academic boycott' after war on Gaza 2023 / *Gradiva*. – 2024. – Vol. 63. – Is. 5. – P. 50-71.
- Cortez Y. Pro-Palestinian students camp out at Mexico's largest university (03.05.2024). URL: <https://www.france24.com/en/live-news/20240503-pro-palestinian-students-camp-out-at-mexico-s-largest-university>
- Eaty N. NALSAR students, faculty call for disassociation with Israeli universities amid Gaza crisis (22.06.2024). URL: <https://hyderabadmail.com/nalsar-students-disassociate-israeli-universities/>
- Engler Y. Canada and Israel: Building apartheid. Winnipeg, 2010.
- Essa A. Indian universities build closer ties with Israeli colleges and arms firms despite Gaza war (09.07.2024). URL: <https://www.middleeasteye.net/news/war-on-gaza-india-universities-build-closer-ties-israel-colleges>
- Farber Sh. The hidden boycott: experiences of Israeli academics during the Israel-Hamas war / *Israel Affairs*. – Published online: 02 Sep 2024. URL: https://www.researchgate.net/publication/383670746_The_hidden_boycott_experiences_of_Israeli_academics_during_the_Israel-Hamas_war
- Fisher S., Blau A., Kantrowitz-Gordon I., Gendler Y. Academic boycotts of Israel: A narrative review / *Israel Affairs*. Published online: 13 September 2024. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13537121.2024.2394307>
- Hadar U. Not so simple reflections on the academic boycott of Israel / *Radical Philosophy*. – 2004. – Vol. 125 (May/June). – P. 13-16.
- Haffejee I. Wits students set up Palestinian solidarity encampment. University senate expected to meet this week (14.05.2024). URL: <https://groundup.org.za/article/protesters-at-wits-demand-university-take-public-stand-on-gaza/>
- Hever S. Economy of the occupation: Academic boycott of Israel and the complicity of Israeli academic institutions in occupation of Palestinian territories. *Alternative Information Center*, 2009. – 62 p.
- Hunter Q. Cut Israel ties: South Africa universities face pressure to follow gov't (27.05.2024). URL: <https://www.aljazeera.com/features/2024/5/27/south-africa-universities-face-israel-scanner-as-government-backs-palestine-4>
- IEASA Statement on occupied Palestine and Israel (10.11.2023). URL: <https://ieasa.studysa.org/wp-content/uploads/2023/11/IEASA-statement-on-Occupied-Palestine-and-Israel-231110.pdf>
- IIT Delhi News. Israel Aerospace Industries and IIT Delhi Sign CSR Agreement to Collaborate on Applied Research (13.03.2024). URL: https://home.iitd.ac.in/show.php?id=446&in_sections=News
- IIT Madras Press Release (a). IIT Madras to collaborate with Munitions India Limited to develop India's first indigenously-designed 155mm Smart Ammunition. Press Release (05.02.2024). URL: <https://www.iitm.ac.in/happenings/press-releases-and-coverages/iit-madras-collaborate-munitions-india-limited-develop>
- IIT Madras Press Release (b). Israel partners with IIT Madras to establish 'India - Israel Center of Water Technology' (17.05.2024). URL: <https://www.iitm.ac.in/happenings/press-releases-and-coverages/israel-partners-iit-madras-establish-india-israel-center>

- Institute for Economic Justice joins call for Gaza Ceasefire. Statement. (13.11.2023). URL: <https://www.iej.org.za/statement-iej-joins-call-for-gaza-ceasefire/>
- Israeli Ambassador highlights India's support amid global criticism (22.05.2024). URL: <https://theprint.in/world/israeli-ambassador-highlights-indias-support-amid-global-criticism/2095867/>
- Lidor C.* In Chile, a pro-Palestinian campus occupation turns witch hunt for 'Zionist' faculty (27.06.2024). URL: <https://www.timesofisrael.com/in-chile-a-pro-palestinian-campus-occupation-turns-witch-hunt-for-zionist-faculty/>
- Mandonsela V.P.* Application instituting proceedings (28.12.2023). URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/192/192-20231228-app-01-00-en.pdf>
- Mayadeen A.* Centro académico de México rompe convenio con universidad de "Israel" (18.05.2024). URL: <https://espanol.almayadeen.net/noticias/politica/1858822/centro-acad%C3%A9mico-de-m%C3%A9xico-rompe-convenio-con-universidad-de>
- Media Realise. UJ on Palestine-Israel conflict (17.11.2023). URL: <https://news.uj.ac.za/uj-on-palestine-israel-conflict/>
- Minister Blade Nzimande on decision of Senate of Stellenbosch University on Palestine-Israel conflict (06.05.2024). URL: <https://www.gov.za/news/media-statements/minister-blade-nzimande-decision-senate-stellenbosch-university-palestine>
- Minister Naledi Pandor: Shireen Abu Akleh Memorial Lecture Responsibility of Academy in Time of Genocide (08.05.2024). URL: <https://www.gov.za/news/speeches/minister-naledi-pandor-shireen-abu-akleh-memorial-lecture-responsibility-academy-time>
- Morocco students seek end of ties with Israeli universities (27.06.2024). URL: <https://trtafrika.com/africa/morocco-students-seek-end-of-ties-with-israeli-universities-18177330>
- Nelson Mandela University Senate resolutions related to the Israel-Palestine conflict) (09.05.2024). URL: <https://news.mandela.ac.za/News/Statement-on-Nelson-Mandela-University-Senate-Reso>
- Nelson Mandela University Statement on the Israel-Palestine Conflict (05.12.2023). URL: <https://news.mandela.ac.za/News/Nelson-Mandela-University-Statement-on-the-Israel>
- Niazi Sh.* Boycott calls fail to dent appetite for tie-ups with Israel (12.07.2024). URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20240712111603333>
- Nota da Reitoria: revogado edital do 2º Innovation Challenge Brasil-Israel (08.01.2024). URL: <https://www.ufc.br/noticias/noticias-da-reitoria/18502-nota-da-reitoria-revogado-edital-do-2-innovation-challenge-brasil-israel>
- Open Letter to Universities South Africa and the Academy of Science of South Africa, on Solidarity with Palestine (2023). URL: <https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSecF5gGFhdFTEoU1FWS1BTeUcOlrcQzd90c6kleZBj2V54qqw/closedform>
- PACBI (a). Brazilian University cancels "Innovation Challenge" with Complicit Israeli university (11.01.2024). URL: <https://bricup.org.uk/article/brazils-federal-university-of-ceara-cancels-partnership-with-ben-gurion-university/>
- PACBI (b). Universities are ending complicity in Israeli apartheid and its Gaza genocide in numbers never seen before (19.05.2024). URL: <https://bdsmovement.net/news/universities-are-ending-complicity-israeli-apartheid-and-its-gaza-genocide-numbers-never-seen>
- PIB Delhi. India and Israel will enhance partnership in areas like innovation and StartUps (02.05.2023). URL: <https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1921427>
- Porecha M.* Scholar stands by his lecture at O.P. Jindal University, regrets its misinterpretation (20.11.2023). URL: <https://www.thehindu.com/news/national/scholar-stands-by-his-lecture-at-op-jindal-university-regrets-its-misinterpretation/article67551383.ece>
- Prensa Latina. Universidad de Santiago de Chile suspende convenios con instituciones israelíes por el genocidio de Gaza (07.06.2024). URL: <https://spanish.almanar.com.lb/994017>
- Programs Promoted by Tel Aviv University and Partners: Spring Round (2023). URL: <https://international.tau.ac.il/programs-TAU-partners-spring>
- Redacción El Universal. CIDE revisa dar de baja convenio con Universidad de Tel-Aviv ante conflicto en Gaza (17.05.2024). URL: <https://www.eluniversal.com.mx/nacion/cide-revisa-dar-de-baja-convenio-con-universidad-de-tel-aviv-ante-conflicto-en-gaza/>
- Reuters. Israel Aerospace signs \$1.2 billion Israeli military air defence deal (12.11.2023). URL: <https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/israel-aerospace-signs-12-bln-israeli-military-air-defence-deal-2023-11-12/>
- SASA Statement on the Israeli attack on Gaza (06.11.2024). URL: <https://sociology.africa/component/content/article/38-sasa/blog/155-sasa-statement-on-the-israeli-attack-on-gaza?Itemid=101>
- SASCO Statement of solidarity with Palestine (11.10.2023). URL: <https://sasco.africa/category/statements/>
- Shamala A.* Hundreds of Moroccan students demand severing ties with Israeli universities (26.06.2024). URL: <https://www.aa.com.tr/en/middle-east/hundreds-of-moroccan-students-demand-severing-ties-with-israeli-universities/3259234#>
- Srivastava P.* Ensuring safety and security of international students is of utmost importance for the Israeli government and universities (22.05.2024). URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/education/news/ensuring-safety-and-security-of-international-students-is-of-utmost-importance-for-the-israeli-government-and-universities/articleshow/110303471.cms>
- Staff M.* Ashoka University students demand cut-off of ties with Tel Aviv University over complicity in Gaza genocide, admin says "university does not take political stances" (13.05.2024). URL: <https://maktoobmedia.com/india/ashoka>

university-students-demand-cut-off-of-ties-with-tel-aviv-university-over-complicity-in-gaza-genocide-admin-says-university-does-not-take-political-stances/

The Wire Staff. Asked by O.P. Jindal University to 'Express Regret,' Achin Vanaik Stands by Lecture on Palestine (20.11.2024). URL: <https://thewire.in/education/asked-by-o-p-jindal-university-to-express-regret-achin-vanaik-stands-by-lecture-on-palestine>

The Wire Staff. Over 400 Signatories Express Outrage Over Silencing of Talks on Palestine on Indian Campuses (01.12.2023). URL: <https://thewire.in/rights/over-400-signatories-express-outrage-over-silencing-of-talks-on-palestine-on-indian-campuses>

Third Call for HUJI-IITD Collaborative Project Proposals – 2024 (30.05.2024). URL: <https://international.huji.ac.il/news/third-call-huji-iitd-collaborative-project-proposals-2024>

Thompson D. Organized academia urged to come out stronger on Gaza crisis (22.02.2024). URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20240222072658746>

Thompson D. South African academics condemn Israel's Gaza war (16.11.2023). URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20231115160916284>

UCT academics seek to review anti-Israel resolutions (30.08.2024). URL: <https://www.sazf.org/academic-freedom/uct-academics-seek-to-review-anti-israel-resolutions>

UCT Council passes motions related to Gaza (28.06.2024). URL: <https://www.iol.co.za/capeargus/news/uct-council-passes-motions-related-to-gaza-a064d5e1-8316-45e5-8292-1a261f6305e2>

UCT fails to condemn racism and promotion of hate speech following digital address by Islamist extremists on campus in March (05.04.2023). URL: <https://www.sazf.org/current-issues/uct-fails-to-condemn-promotion-of-hate-speech>

UCT Senate holds second continuation meeting (20.04.2024). URL: <https://www.news.uct.ac.za/article/-/2024-04-20-uct-senate-holds-second-continuation-meeting>

UFS. UFS calls for the peaceful resolution of conflict in The Middle East (20.10.2023). URL: <https://www.ufs.ac.za/templates/news-archive-item/campus-news/2023/october/ufs-calls-for-the-peaceful-resolution-of-conflict-in-the-middle-east>

Villiers W. de, rector and Vice-chancellor. Internal memorandum: Israeli-Palestinian situation (03.11.2023). URL: <https://stellenbosch.evlink2.net/public/messages/view-online/14ApqSSo15jB5Dbg/i96kll0MRq0bkq9/DRvjHf3kk2vj6yT4>

Wim de Villiers Senate vote on Gaza resolution (03.05.2024). URL: <https://www.sun.ac.za/english/Lists/news/DispForm.aspx?ID=10597>

Wind M. Towers of ivory and steel: How Israeli universities deny Palestinian freedom. London, 2024.

References

A letter from South Africa, for all educators who stand in solidarity with Palestine (October, 2023). Available from:

https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLScwoiYp-9a_jFHI7ERUsGfk0p7zc1UcXtLkp-HXdihMFbK2Ow/closedform

Aafaq, Z. From IIT Bombay to Jindal university, student videos used to target faculty on Israel-Palestine war (Nov 17, 2023). Available from: <https://scro ll.in/article/1059193/from-jindal-university-to-iit-bombay-student-videos-used-to-target-faculty-on-israel-palestine-war>

Abunimah, A. Chile students vote to end ties with Israeli universities (27.09.2016). Available from: <https://electronicintifada.net/blogs/ali-abunimah/chile-students-vote-end-ties-israeli-universities>

Atti, E. B. Morocco's Mohammed VI Polytechnic University defies calls from students to cut ties with Israel (28.06.2024). Available from: <https://www.newarab.com/news/morocco-um6p-university-refuses-halt-ties-israel>

Balderas, R. An encampment for Palestine at Mexico's largest university (09.05.2024). Available from: <https://www.ojala.mx/en/ojala-en/an-encampment-for-palestine-at-mexicos-largest-university>

BDS. University of Johannesburg ends Israeli links (23.03.2011). Available from: <https://bdsmovement.net/news/university-johannesburg-ends-israeli-links>

Buheji, M. (2024(a)) Connecting the Dotts. How gen-Z re-establishing the true story of Palestine? International Journal of Social Sciences Research and Development, 6(1), 179-199.

Buheji, M. (2024(b)) How is Gaza inspiring gen-Z and changing their mindsets? International Journal of Social Sciences Research and Development, 6(1), 1-22.

Buheji, M., Ahmed, R.D. (2024) How pro-Gaza protests are raising questions about the values in universities ranking? International Journal of Management, 15(4), 15-25.

Buheji, M., Hasan, A. (2024) Challenging injustice - stretching the 'academic boycott' after war on Gaza 2023. Gradiva, 63(5), 50-71.

Cortez, Y. Pro-Palestinian students camp out at Mexico's largest university (03.05.2024). Available from: <https://www.france24.com/en/live-news/20240503-pro-palestinian-students-camp-out-at-mexico-s-largest-university>

Eaty, N. NALSAR students, faculty call for disassociation with Israeli universities amid Gaza crisis (22.06.2024). Available from: <https://hyderabadmail.com/nalsar-students-disassociate-israeli-universities/>

Engler, Y. (2010) Canada and Israel: Building apartheid. Winnipeg.

Essa, A. Indian universities build closer ties with Israeli colleges and arms firms despite Gaza war (09.07.2024). Available from: <https://www.middleeasteye.net/news/war-on-gaza-india-universities-build-closer-ties-israel-colleges>

- Farber, Sh. (2024) The hidden boycott: experiences of Israeli academics during the Israel-Hamas war. *Israel Affairs*. Published online: 02 Sep 2024. Available from: https://www.researchgate.net/publication/383670746_The_hidden_boycott_experiences_of_Israeli_academics_during_the_Israel-Hamas_war
- Fisher, S., Blau, A., Kantrowitz-Gordon, I., Gendler, Y. (2024) Academic boycotts of Israel: A narrative review. *Israel Affairs*. Published online: 13 September 2024. Available from: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13537121.2024.2394307>
- Fomkin, F.S. (2022) Russian science in the period of sanctions. *Respublica Literaria*, 3, 106-117 (in Russian).
- Hadar, U. (2024) Not so simple Reflections on the academic boycott of Israel. *Radical Philosophy*, 125 (May/June), 13-16.
- Haffejee, I. Wits students set up Palestinian solidarity encampment. University senate expected to meet this week (14.05.2024). Available from: <https://groundup.org.za/article/protesters-at-wits-demand-university-take-public-stand-on-gaza/>
- Hever, S. (2009) Economy of the occupation: Academic boycott of Israel and the complicity of Israeli academic institutions in occupation of Palestinian territories. *Alternative Information Center*, 2009. 62 p.
- Hunter, Q. Cut Israel ties: South Africa universities face pressure to follow gov't (27.05.2024). Available from: <https://www.aljazeera.com/features/2024/5/27/south-africa-universities-face-israel-scanner-as-government-backs-palestine-4>
- IEASA Statement on occupied Palestine and Israel (10.11.2023). Available from: <https://ieasa.studysa.org/wp-content/uploads/2023/11/IEASA-statement-on-Occupied-Palestine-and-Israel-231110.pdf>
- IIT Delhi News. Israel Aerospace Industries and IIT Delhi Sign CSR Agreement to Collaborate on Applied Research (13.03.2024). Available from: https://home.iitd.ac.in/show.php?id=446&in_sections=News
- IIT Madras Press Release (a). IIT Madras to collaborate with Munitions India Limited to develop India's first indigenously-designed 155mm Smart Ammunition. Press Release (05.02.2024). Available from: <https://www.iit.ac.in/happenings/press-releases-and-coverages/iit-madras-collaborate-munitions-india-limited-develop>
- IIT Madras Press Release (b).
- Israel partners with IIT Madras to establish 'India - Israel Center of Water Technology' (17.05.2024). Available from: <https://www.iitm.ac.in/happenings/press-releases-and-coverages/israel-partners-iit-madras-establish-india-israel-center>
- Institute for Economic Justice joins call for Gaza Ceasefire. Statement. (13.11.2023). Available from: <https://www.iej.org.za/statement-iej-joins-call-for-gaza-ceasefire/>
- Israeli Ambassador highlights India's support amid global criticism (22.05.2024). Available from: <https://theprint.in/world/israeli-ambassador-highlights-indias-support-amid-global-criticism/2095867/>
- Lidor, C. In Chile, a pro-Palestinian campus occupation turns witch hunt for 'Zionist' faculty (27.06.2024). Available from: <https://www.timesofisrael.com/in-chile-a-pro-palestinian-campus-occupation-turns-witch-hunt-for-zionist-faculty/>
- Mandonsela, V. P. Application instituting proceedings (28.12.2023). Available from: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/192/192-20231228-app-01-00-en.pdf>
- Mayadeen, A. Centro académico de México rompe convenio con universidad de "Israel" (18.05.2024). Available from: <https://espanol.almayadeen.net/noticias/politica/1858822/centro-acad%C3%A9mico-de-m%C3%A9xico-rompe-convenio-con-universidad-de>
- Media Realise. UJ on Palestine-Israel conflict (17.11.2023). Available from: <https://news.uj.ac.za/uj-on-palestine-israel-conflict/>
- Minister Blade Nzimande on decision of Senate of Stellenbosch University on Palestine-Israel conflict (06.05.2024). Available from: <https://www.gov.za/news/media-statements/minister-blade-nzimande-decision-senate-stellenbosch-university-palestine>
- Minister Naledi Pandor: Shireen Abu Akleh Memorial Lecture Responsibility of Academy in Time of Genocide (08.05.2024). Available from: <https://www.gov.za/news/speeches/minister-naledi-pandor-shireen-abu-akleh-memorial-lecture-responsibility-academy-time>
- Morocco students seek end of ties with Israeli universities (27.06.2024). Available from: <https://trtafrika.com/africa/morocco-students-seek-end-of-ties-with-israeli-universities-18177330>
- Nelson Mandela University Senate resolutions related to the Israel-Palestine conflict) (09.05.2024). Available from: <https://news.mandela.ac.za/News/Statement-on-Nelson-Mandela-University-Senate-Reso>
- Nelson Mandela University Statement on the Israel-Palestine Conflict (05.12.2023). Available from: <https://news.mandela.ac.za/News/Nelson-Mandela-University-Statement-on-the-Israel>
- Niazi, Sh. Boycott calls fail to dent appetite for tie-ups with Israel (12.07.2024). Available from: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20240712111603333>
- Nota da Reitoria: revogado edital do 2º Innovation Challenge Brasil-Israel (08.01.2024). Available from: <https://www.ufc.br/noticias/noticias-da-reitoria/18502-nota-da-reitoria-revogado-edital-do-2-innovation-challenge-brasil-israel>
- Open Letter to Universities South Africa and the Academy of Science of South Africa, on Solidarity with Palestine (2023). Available from: <https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSecF5gGFhdFTEoU1FWS1BTeUcOlrcQzd90c6kleZBj2V54qqw/closedform>
- PACBI (a). Brazilian University cancels "Innovation Challenge" with Complicit Israeli university (11.01.2024). Available from: <https://bricup.org.uk/article/brazils-federal-university-of-ceara-cancels-partnership-with-ben-gurion-university/>
- PACBI (b). Universities are ending complicity in Israeli apartheid and its Gaza genocide in numbers never seen before (19.05.2024). Available from: <https://bdsmovement.net/news/universities-are-ending-complicity-israeli-apartheid-and-its-gaza-genocide-numbers-never-seen>
- PIB Delhi. India and Israel will enhance partnership in areas like innovation and StartUps (02.05.2023). Available from: <https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1921427>

- Porecha, M. Scholar stands by his lecture at O.P. Jindal University, regrets its misinterpretation (20.11.2023). Available from: <https://www.thehindu.com/news/national/scholar-stands-by-his-lecture-at-op-jindal-university-regrets-its-misinterpretation/article67551383.ece>
- Prensa Latina. Universidad de Santiago de Chile suspende convenios con instituciones israelíes por el genocidio de Gaza (07.06.2024). Available from: <https://spanish.almanar.com.lb/994017>
- Programs Promoted by Tel Aviv University and Partners: Spring Round (2023). Available from: <https://international.tau.ac.il/programs-TAU-partners-spring>
- Redacción El Universal. CIDE revisa dar de baja convenio con Universidad de Tel-Aviv ante conflicto en Gaza (17.05.2024). Available from: <https://www.eluniversal.com.mx/nacion/cide-revisa-dar-de-baja-convenio-con-universidad-de-tel-aviv-ante-conflicto-en-gaza/>
- Reuters. Israel Aerospace signs \$1.2 billion Israeli military air defence deal (12.11.2023). Available from: <https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/israel-aerospace-signs-12-bl-in-israeli-military-air-defence-deal-2023-11-12/>
- SASA Statement on the Israeli attack on Gaza (06.11.2024). Available from: <https://sociology.africa/component/content/article/38-sasa/blog/155-sasa-statement-on-the-israeli-attack-on-gaza?Itemid=101>
- SASCO Statement of solidarity with Palestine (11.10.2023). Available from: <https://sasco.africa/category/statements/>
- Shamala, A. Hundreds of Moroccan students demand severing ties with Israeli universities (26.06.2024). Available from: <https://www.aa.com.tr/en/middle-east/hundreds-of-moroccan-students-demand-severing-ties-with-israeli-universities/3259234#>
- Shugurov, M.V., Kolodub, G.V., Shugurova, I.V. Academic boycott of Israel in 2023-2024: Causes, manifestations and consequences. *Conflictology / nota bene*, 3, 57-111 (in Russian).
- Srivastava, P. Ensuring safety and security of international students is of utmost importance for the Israeli government and universities (22.05.2024). Available from: <https://timesofindia.indiatimes.com/education/news/ensuring-safety-and-security-of-international-students-is-of-utmost-importance-for-the-israeli-government-and-universities/articleshow/110303471.cms>
- Staff, M. Ashoka University students demand cut-off of ties with Tel Aviv University over complicity in Gaza genocide, admin says "university does not take political stances" (13.05.2024). Available from: <https://maktoobmedia.com/india/ashoka-university-students-demand-cut-off-of-ties-with-tel-aviv-university-over-complicity-in-gaza-genocide-admin-says-university-does-not-take-political-stances/>
- The Wire Staff. Asked by O.P. Jindal University to 'Express Regret,' Achin Vanaik Stands by Lecture on Palestine (20.11.2024). Available from: <https://thewire.in/education/asked-by-o-p-jindal-university-to-express-regret-achin-vanaik-stands-by-lecture-on-palestine>
- The Wire Staff. Over 400 Signatories Express Outrage Over Silencing of Talks on Palestine on Indian Campuses (01.12.2023). Available from: <https://thewire.in/rights/over-400-signatories-express-outrage-over-silencing-of-talks-on-palestine-on-indian-campuses>
- Third Call for HUJI-IITD Collaborative Project Proposals – 2024 (30.05.2024). Available from: <https://international.huji.ac.il/news/third-call-huji-iitd-collaborative-project-proposals-2024>
- Thompson, D. Organized academia urged to come out stronger on Gaza crisis (22.02.2024). Available from: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20240222072658746>
- Thompson, D. South African academics condemn Israel's Gaza war (16.11.2023). Available from: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20231115160916284>
- UCT academics seek to review anti-Israel resolutions (30.08.2024). Available from: <https://www.sazf.org/academic-freedom/uct-academics-seek-to-review-anti-israel-resolutions>
- UCT Council passes motions related to Gaza (28.06.2024). Available from: <https://www.iol.co.za/capeargus/news/uct-council-passes-motions-related-to-gaza-a064d5e1-8316-45e5-8292-1a261f6305e2>
- UCT fails to condemn racism and promotion of hate speech following digital address by Islamist extremists on campus in March (05.04.2023). Available from: <https://www.sazf.org/current-issues/uct-fails-to-condemn-promotion-of-hate-speech>
- UCT Senate holds second continuation meeting (20.04.2024). Available from: <https://www.news.uct.ac.za/article/-2024-04-20-uct-senate-holds-second-continuation-meeting>
- UFS. UFS calls for the peaceful resolution of conflict in The Middle East (20.10.2023). Available from: <https://www.ufs.ac.za/templates/news-archive-item/campus-news/2023/october/ufs-calls-for-the-peaceful-resolution-of-conflict-in-the-middle-east>
- Villiers W. de, rector and Vice-chancellor. Internal memorandum: Israeli-Palestinian situation (03.11.2023). Available from: <https://stellenbosch.evlink2.net/public/messages/view-online/14ApqSSo15jB5Dbg/i96Ikll0MRq0bkq9/DRvjHf3kk2vj6yT4>
- Wim de Villiers Senate vote on Gaza resolution (03.05.2024). Available from: <https://www.sun.ac.za/english/Lists/news/DispForm.aspx?ID=10597>
- Wind, M. (2024) *Towers of ivory and steel: How Israeli universities deny Palestinian freedom*. London: Verso, 2024. 288 p.

Citation:

Васильев А. А., Шугуров М. В., Печатнова Ю. В. Академический бойкот Израиля университетами стран Африки, Азии и Латинской Америки: анализ политико-правового дискурса // *Юрислингвистика*. – 2024. – 34. – С. 42-57.

Vasiliev A. A., Shugurov M. V., Pechatnova Yu. V. (2024) *Academic Boycott of Israel by Universities in Africa, Asia and Latin America: Analysis of*

Political and Legal Discourse. *Legal Linguistics*, 34, 42-57.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Правовая (юридическая) память: проблема определения и соотношения с иными правовыми понятиями¹

Ю. А. Зеленин¹, А. А. Васильев²

Алтайский государственный университет

пр-кт Социалистический, 68, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹uri-zelenin@yandex.ru, ²anton_vasiliev@mail.ru

Статья посвящена исследованию проблемы определения понятия «правовая память» и его места в категориально-понятийном аппарате юридической науки. Авторы приходят к выводу, что в отечественной юридической науке нет общепризнанного определения понятия «правовая память» (схожие понятия «социально-правовая память» и «юридическая память» используются реже). Ее чаще всего определяют через такие понятия, как «правовая традиция», «правовая преемственность», «правовой опыт», и считают частью социальной или коллективной памяти, правовой культуры и правовой практики.

Ключевые слова: правовая память, социально-правовая память, юридическая память, правовая традиция, правовая культура.

Legal Memory: the Problem of Definition and Correlation with Other Legal Concepts

Yu. A. Zelenin¹, A. A. Vasiliev²

Altai State University

68 Socialisticheskyy st., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹uri-zelenin@yandex.ru, ²anton_vasiliev@mail.ru

The article covers the study of the problem of defining the concept of "legal memory" and its place in the nomenclature of legal science. The authors come to the conclusion that in the domestic legal science there is no universally recognized definition of the concept of "legal memory" (similar concepts of "socio-legal memory" and "judicial memory" are used less frequently). It is most often defined through such concepts as "legal tradition", "legal continuity", "legal experience" and is considered part of social or collective memory, legal culture and legal practice.

Key words: legal memory, socio-legal memory, legal tradition, legal culture, legal experience.

Memory studies является относительно современным и достаточно модным междисциплинарным направлением в гуманитарных науках. Обычно считается, что это направление научных исследований на стыке истории, философии, политологии, социологии и культурологии. Хотя проблемы политики памяти и законодательного вмешательства лежали практически на поверхности, правоведы, по крайней мере, в России, поздно включились в этот процесс. Одной из проблем, которая стоит перед юридической наукой и, прежде всего, перед теорией государства и права, является проблема интеграции и адаптации новых понятий в уже сложившийся категориально-понятийный аппарат. Это в том числе касается такого понятия, как «правовая память», и таких тесно с ним связанных понятий, как «юридическая память» [см., напр.: Иванский, Ковалев 2019] и «социально-правовая память» [см., напр.: Шаповалов, Халиулин 2020]. Следует подчеркнуть, что само понятие памяти проблематично и его определение зависит от сферы научного исследования. Как точно отметила Ю. А. Сафронова, единственным сходством между многочисленными дисциплинами, исследующими память, «заключается в разнообразии и неопределенности толкований изучаемого феномена» [Сафронова 2019: 14]. Количество понятий, связанных с памятью, в естественных

¹ «Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01416 «Мемориальное право и политика памяти: теоретико-правовые аспекты» <https://rscf.ru/project/24-28-01416/>».

науках и социогуманитарных науках исчисляется сотнями. Э. Тулвинг, экспериментальный психолог из Канады, известный своими исследованиями эпизодической памяти, в 2007 г. составил, с немалой долей иронии и скепсиса, список из 256 типов памяти, включив туда, помимо прочих, понятия, не характеризующие индивидуальную память человека – историческую, коллективную, культурную, политическую, архивную и социальную память [Tulving 2011]. Однако он не обратил внимания еще на один (257-й по счету и явно не последний¹) вид памяти – правовой (legal memory). Следует также отметить, что понятие legal memory не является каким-то абсолютно новым понятием для английского юридического языка, в отличие от русского, и использовалось еще в XIII веке в Англии в общем праве в значении периода времени, обычно устанавливаемого законом для того, чтобы существующий в течение этого времени обычай приобрел силу закона или чтобы поведение, продолжавшееся в течение этого времени, стало основанием для возникновения права или статуса [Merriam-Webster 2024].

Одним из первых в социогуманитарных науках термин правовая (юридическая) память (legal memory, memory of law) как составную часть коллективной памяти стал использовать известный французский социолог М. Хальбвакс. Он неразрывно связывал понятие «правовая память» с понятием «правовое пространство»: «Обычно мы задумываемся о своих обязательствах в отношении общественного порядка только тогда, когда нарушаем их или испытываем желание нарушить. Тогда едва ли найдется часть пространства, занимаемая обществом, установившим эти законы, где мы не чувствовали бы себя не в своей тарелке, словно опасаясь навлечь на себя репрессии или осуждение. Но даже когда мы находимся в рамках закона, правовое мышление все равно присутствует, распространяясь по земле. Древние никогда не отделяли свое представление о городе от воспоминаний о его законах. Даже сегодня, когда мы путешествуем из своей страны в чужую, у нас есть очень отчетливое ощущение перехода из одной правовой зоны в другую, потому что линия, разделяющая их, физически обозначена на земле» [Halbwachs 1980: 144]. К. Кэмпбелл, развивая идеи М. Хальбвакса, считает, что правовая память (legal memory) как разновидность коллективной памяти является переходным объектом (transitional object), который соединяет индивидуальный и коллективный миры. Правовая память носит одновременно и физический (имеет материальную форму) и символический (имеет значение и ценность) характер [Campbell 2013: 254]. Он предлагает определенные мемориальные практики, которые могут сохранить правовую память как живую память, а не как мертвый архив. Это свойство правовой памяти – связывать индивидуальный и коллективный миры – может, по его мнению, например, способствовать переходу от войны к миру [Campbell 2013: 256].

Другие авторы связывают понятие «правовая память» не с коллективной, а с социальной памятью. Так, юридический аспект социальной памяти еще в конце XIX в. изучал американский социолог Ф. Г. Гиддингс. Базовым понятием он считает понятие «общественное сознание» (или общественный разум). Он трактует его так: «чувство или мысль, возникающая в одно и то же время во всех индивидах, или распространяющаяся от одного к другому по всему собранию или обществу» [Гиддингс 2012: 143]. Он выделяет три стадии формирования общественного сознания: социальное самосознание (то есть общественное мнение, которое в идеальном состоянии представляет из себя «суждение самосознающего общества о каком-либо предмете общего интереса»); социальную память, определяемую им через традицию; и социальные ценности [Гиддингс 2012: 146].

Остановимся подробнее на понимании им социальной памяти и ее видов. Социальная память и традиция выступают у него как синонимы. Он определяет социальную память (традицию) как накопленный опыт прошлого, ставший общим достоянием всех индивидов, т. е. интеграцию общественного мнения многих поколений, включающую в себя все отношения, идеи и образы, которые возникли бессознательно, но потом были сознательно определены и запомнены благодаря своей действительной полезности [Гиддингс 2012: 150]. Он выделяет три типа социальной памяти (три порядка традиций) по времени их появления и важности для общества, которые в свою очередь делятся на определенные виды традиции:

- первичную («собрание опытов осязаемого мира»), включающую в себя экономическую, юридическую и политическую традицию;
- вторичную («собрание впечатлений мира неосязаемого»), состоящую из личных, эстетических и религиозных традиций;
- третичную («собрание понятий и мира»), составленную из теологических, метафизических и научных традиций [Гиддингс 2012: 150-151].

Юридическая традиция (jural tradition) или традиция терпимости (tradition of toleration), «возникающая из отношений друг к другу равных» и «действительным узаконением которой является месть», является второй по важности после экономической традиции («традиции полезности»). По сути, под юридической традицией (памятью) он понимает совокупность норм сначала обычного, а потом позитивного права, составляющие из себя содержание общего права (common law). Обе эти традиции определенным образом создают и усиливают политическую традицию («традицию союза»). Мотивом политической организации является «желание усилить традиции полезности и терпимости принудительной силой и расширить их приложение» [Гиддингс 2012: 152]. Ф. Г. Гиддингс считает, что зачатки первичных традиций, в особенности экономической, встречаются даже у социальных животных, в отличие от вторичных традиций, которые есть только в человеческих сообществах [Гиддингс 2012: 152]. Таким образом, для Ф. Г. Гиддингса «юридическая традиция/память» является частью социальной памяти, которая является в свою очередь неотъемлемой частью общественного сознания.

¹ При желании и наличии навыка поиска в интернете можно еще обнаружить экономическую, организационную, кибер-память и пр.
Legal Linguistics, 34, 2024

Одним из первых понятие «правовая память» в отечественной юридической науке стал применять О. Ю. Рыбаков. Он отметил новизну использования понятия «правовая память» для российской теории права и подчеркнул, что оно имеет как минимум три толкования: «Во-первых, оно означает преемственность в нормативно-правовых актах. Во-вторых, это преемственность государственно-правовых теорий. В-третьих, правовая память предполагает наличие норм, моделей, образцов правовой культуры, сознания, поведения различных субъектов общественной деятельности, передаваемых из поколения в поколение» [Рыбаков 2003: 181]. Исходя из того, что первые два значения входят в третье, исследователь считает память частью правовой культуры [Рыбаков 2003: 181], сам О. Ю. Рыбаков придерживается третьего толкования понятия «правовая память». Также он предлагает свою собственную типологию правовой памяти:

- первый тип – это «правовая историческая память», «основа преемственности норм и ценностей правовой жизни в перспективе исторического генезиса», выступающая преимущественно «как информационная система»;
- второй тип – «статистическая правовая память» – это «последовательное и обязательное отражение событий прошлого», «...своеобразный вид архива, статистического центра, склада правовой информации»;
- третий тип – «хронологическая правовая память», в которой «историческое и статистическое измерения правовой памяти дополняются ее временными (хронологическими) характеристиками», «хронологичность» уточняет, классифицирует прошлое, настоящее, способствует выстраиванию прогнозов юридического будущего» [Рыбаков 2003: 183-186].

Следует отметить, что О. Ю. Рыбаков связывает понятие правовой памяти с «правовым пространством», что свидетельствует о знании трудов М. Хальбвакса и возможном заимствовании этих терминов у него [Рыбаков 2003: 183]. Также он предлагает в дополнение к понятию «правовая память» понятие «правовая амнезия» (правовое беспомыслие) [Рыбаков 2003: 187].

Л. И. Честнов определяет правовую память как коллективную память о юридически значимом прошлом [Честнов 2020: 143]. Кроме тавтологичности данного определения вызывают недоумение и другие положения автора. Так, рассматривая правовую память как часть коллективной памяти [Честнов 2020: 145], он в то же время активно использует термины «историческая память» и «культурная память», не раскрывая, что он под ними понимает и как они соотносятся друг с другом. Также в тексте встречаются такие термины и выражения, как «правовая коллективная память», «диалогичность коллективной и индивидуальной правовой памяти», «коллективная память о прошлом в сфере права», «историческая правовая память», что тоже не добавляет ясности [Честнов 2020: 143, 148].

В. Н. Карташов определяет социально-правовую память как «внешне выраженный юридический опыт социальных групп, классов, наций, человечества» [Карташов 2019: 10]. Термин «социально-правовая память» В. Н. Карташов использует для разграничения юридического опыта личности и объективированного, внешне выраженного юридического опыта. Позитивный юридический опыт (социально-правовая память) является важнейшим компонентом юридической практики, которая в ее положительном проявлении является частью правовой культуры. Данный юридический опыт (социально-правовая память) как комплекс образцов наиболее целесообразных, грамотных и полезных юридических решений составляет статику юридической культуры: «Без социально-правовой памяти невозможно эффективное правотворчество и толкование, конкретизация и правоприменение, восполнение юридических пробелов и эффективное правовое регулирование общественных отношений в целом» [Карташов 2019: 32]. Но помимо позитивной социально-правовой памяти существует также негативная социально-правовая память, которая в свою очередь является важнейшей составной частью юридической антикультуры и «представляет собой комплекс «образцов» неграмотных, нецелесообразных, бесполезных и вредных антиправовых решений». Он подчеркивает, что не только для позитивного юридического опыта и правовой культуры в целом, но и для негативного юридического опыта как части юридической антикультуры «характерны устойчивые тенденции и «стремления» к преемственности и наследию, юридической аккультурации и экспансии», что проявляется, к примеру, в российской обществе в виде юридического нигилизма и фетишизма (идеализма) [Карташов 2019: 54]. Следует особо подчеркнуть последовательность и логичность использования В. Н. Карташовым понятия «социально-правовая память», занимающего определенное место в стройной категориально-понятийной системе, выработанной автором.

Термин «социально-правовая память» используют также и другие авторы. Например, А. А. Шаповалов и В. Е. Халиулин рассматривают систему права в качестве особой разновидности социально-правовой памяти, выражающейся в трех измерениях: системе права как информационной системе, в которой происходит сохранение, осмысление и воспроизведение знаний об общеобязательных, формально определенных правилах поведения; системе права как институциональной системе, которая транслирует ограничительные рамки, организующие взаимоотношения между людьми и во многом объясняющие мотивы действий ее субъектов; системе права как целенаправленном процессе деятельности субъектов по сохранению, поддержанию норм права, а также контролю за их исполнением [Шаповалов, Халиулин 2020: 130-131]. Хотя из содержания анализируемой статьи не до конца ясно, как соотносятся понятия «система права» и «социально-правовая память» и что частью чего является: то ли система права – это разновидность социально-правовой памяти, то ли социально-правовая память – это специфический механизм фиксации и передачи информации о системе права? Также авторы подчеркивают, что с понятием социально-правовой памяти тесно связано понятие юридического опыта: «Это опыт, который сохранен в социально-правовой памяти общества и выражен в форме юридических знаний, накопленных в ходе исторического развития общества на основе фиксации, преобразования, упорядочивания, сохранения, трансляции и воспроизведения данных личного юридического опыта» [Шаповалов, Халиулин 2020: 133].

П. П. Ланг определяет правовую память как «образное отражение сущностных историко-правовых начал,

преемственности и ценностей, связывающих судьбы и жизни поколений под воздействием права, на нормативно-правовой основе» [Ланг 2022: 14]. Он связывает понятие правовой памяти с понятием правовой реальности: «Представляется важным для характеристики правовой реальности обращение к изучению правовой памяти, поскольку именно она делает возможным установление корреляционной связи между языком, текстом, речью в качестве базовых компонентов культуры настоящего и прошлого. Правовая память сосредотачивает в себе устоявшиеся традиции, обычаи, образцы поведения, стереотипы мышления и тому подобное. При этом очевидна важность аксиологической составляющей, поскольку вне ценностей все озвученное не может быть соединено в единое смысловое образование, в правовую память. Основой социоклада в сфере правовой преемственности является иерархия ценностей, сформированная в социуме» [Ланг 2022: 14].

К сторонникам «номиналистического» подхода к пониманию правовой памяти можно отнести А. В. Погодина. Он считает, что сознанием и памятью обладает только конкретный индивид, а не все общество или социальная группа, и связывает понятие «правовая память» только с индивидуальным сознанием/памятью. Так, по его мнению, правовая память – это один из элементов структуры развитого полноценного правосознания правореализатора наряду с категорическим нравственным императивом; рациональным правовым мышлением; сильной, разумной и контролируемой волей, правовой интуицией и т. д. Под правовой памятью он понимает совокупность системного социально-правового знания и эмоционально-чувственного опыта, формирующихся в результате социализации конкретной личности [Погодин 2017: 357].

Таким образом, в отечественной юридической науке нет общепризнанного определения понятия правовой памяти (схожие понятия «социально-правовая память» и «юридическая память» используются реже). Ее чаще всего определяют через такие понятия, как «правовая традиция», «правовая преемственность», «правовой опыт», и считают частью социальной или коллективной памяти, правовой культуры и правовой практики. В рамках данной обзорной статьи авторы не ставили перед собой задачи дать свое определение понятия «правовая память». Можно считать эту статью приглашением к дискуссии с учетом все возрастающего интереса отечественных правоведов к memory studies.

Литература

- Гиддингс Ф. Г. Основания социологии: Анализ явлений ассоциации и социальной организации. Изд. 3-е. М., 2012.
- Иванский В. П., Ковалев С. И. Роль философии рациональности в правовых исследованиях (часть I) / Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. - 2019. - №1. - С. 48-61.
- Карташов В. Н. Юридическая культура, антикультура и юридическая ответственность: монография. Ярославль, 2019.
- Ланг П. П. Правовая реальность: философско-правовой анализ / Юридический вестник Самарского университета. - 2022. - Т. 8. - №. 2. - С.11-17.
- Погодин А. В. Правосознание субъекта правореализации / Проблемы теории права и правореализации: учебник / Отв. ред. Л.Т. Бакулина. М., 2017.
- Рыбаков О. Ю. Личность и правовая политика в Российском государстве. Саратов, 2003.
- Сафронова Ю. А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб., 2019.
- Честнов Л. И. Коллективная память в историко-правовой науке / Юридические формы переживания истории: практики и пределы. СПб., 2020. С.142-147.
- Шаповалов А. А., Халиулин В. Е. Система права как особая разновидность социально-правовой памяти / Правовая политика и правовая жизнь. - 2020. - № 1. - С.130-131.
- Campbell K. The laws of memory: the ICTY, the archive, and transitional justice / Social&Legal Studies. - 2013. - Т. 22. - №. 2. -pp.247-269.
- Legal memory / Merriam-Webster. 2024.URL.: <https://www.merriam-webster.com/legal/legal%20memory>
- Halbwachs M. The Collective Memory. New York, 1980.
- Tulving E. Are there 256 different kinds of memory? / The foundations of remembering. - Psychology Press, 2011. - pp. 39-52.

References

- Campbell, K. (2013). The laws of memory: the ICTY, the archive, and transitional justice. *Social & Legal Studies*, 22 (2), 247-269.
- Chestnov, L. I. (2020). Collective memory in historico-legal science. *Legal forms of experiencing history: practices and limits*. Saint Petersburg, 142-147 (in Russian).
- Giddings, F. G. (2012). *Foundations of Sociology: An Analysis of the Phenomena of Association and Social Organization*. 3rd ed. Moscow (in Russian).
- Halbwachs, M. (1980). *The Collective Memory*. New York.
- Ivansky, V. P., Kovalev, S. I. (2019). Role of the philosophy of rationality in legal research (part I). *Vestnik RUDN. Series: Legal Sciences*, 1, 48-61 (in Russian).
- Kartashov, V. N. (2019). *Legal culture, anti-culture and legal responsibility: a monograph*. Yaroslavl (in Russian).

- Lang, P. P. (2022). Legal reality: philosophical and legal analysis. *Legal Bulletin of Samara University*, 8 (2), 11-17 (in Russian).
- Legal memory (2024). Merriam-Webster. URL.: <https://www.merriam-webster.com/legal/legal%20memory>
- Pogodin, A.V. (2017). *Pravosoconsciousness of the subject of law enforcement. Problems of the theory of law and law enforcement: textbook*. Moscow (in Russian).
- Rybakov, O. Yu. (2003). *Personality and legal policy in the Russian state*. Saratov (in Russian).
- Safronova, Y. A. (2019). *Historical memory: introduction: textbook*. St. Petersburg (in Russian).
- Shapovalov, A. A., Khaliulin, V. E. (2020). The system of law as a special kind of socio-legal memory. *Legal Policy and Legal Life*, 1, 130-131 (in Russian).
- Tulving, E. (2011). Are there 256 different kinds of memory? *The foundations of remembering*, 39-52.
-

Citation:

Васильев А. А., Зеленин Ю. А. Правовая (юридическая) память: проблема определения и соотношения с иными правовыми понятиями // Юрислингвистика. – 2024. – 34. – С. 58-62.

Vasiliev A. A., Zelenin Yu. A. (2024) Legal Memory: the Problem of Definition and Correlation with Other Legal Concepts. *Legal Linguistics*, 34, 58-62.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

О криминалистических диагностических комплексах в судебной лингвистической экспертизе

К. И. Бринеv¹, М. Г. Куликова²

¹Хэнаньский университет

ул. Реньмин, 58, г. Кайфын, Китай. E-mail: brinevk@yandex.ru

²Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Ленинские горы, 1, стр. 13, 119991, Москва, Россия. E-mail: m.kulikova@sudexpra.ru

Авторы рассматривают существующие концепции диагностических комплексов в лингвистической экспертизе и приходят к выводу о том, что такие диагностические комплексы носят критериально-оценочный характер, и проведение экспертизы по ним сводится к вынесению юридических оценок, а не установлению фактов, которое является целью судебной экспертизы (как в процессуальном, так и в исследовательском аспекте). В статье ставится вопрос об обоснованности и корректности использования в лингвистической экспертизе криминалистических теорий. Устанавливается несоответствие диагностических комплексов в лингвистической экспертизе теории криминалистической диагностики, которая основана на научном принципе получения знания об одних фактах на основании знаний о других. Экспертная диагностика в лингвистической экспертизе, по мнению авторов, должна быть основана на знаниях о фактах и явлениях действительности, описанных в лингвистических теориях, а не на критериях оценки. Обосновывается тезис о необходимости разработки методик, которые опирались бы на такие научные теории, а не на интерпретацию лингвистических фактов в свете юридических норм.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, криминалистическая диагностика, установление фактов.

Concerning Criminalistic Diagnostic Complexes in Forensic Linguistic Expertise

K. I. Brinev¹, M. G. Kulikova²

¹Henan University

58 Renmin Avenue, Kaifeng, China. E-mail: brinevk@yandex.ru

²Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory St., bldg. 13A, Moscow, Russia. E-mail: m.kulikova@sudexpra.ru

The authors consider the existing concepts of diagnostic complexes in linguistic expertise and come to the conclusion that such diagnostic complexes are of a criterion-evaluative nature, and examinations conducted according to them are reduced to making legal evaluations, rather than establishing facts, which is the purpose of forensic examination (both in procedural and research aspects). The article raises the problem of the reasonableness and correctness of the use of criminalistic theories in linguistic expertise. It was established that there is a contradiction between diagnostic complexes in linguistic expertise and the theory of criminalistic diagnostics. The latter is founded on the scientific principle of obtaining knowledge about some facts using knowledge about other facts. In the authors' opinion, expert diagnostics in linguistic expertise should be based rather on knowledge about the facts and phenomena of reality described in linguistic theories, rather than on evaluation criteria. The authors present argument to the thesis that methods founded on linguistic theories should be developed, rather than those founded on interpreting linguistic facts in the light of legal norms.

Key words: forensic linguistic expertise, criminalistic diagnostics, establishment of the facts.

Настоящая статья посвящена обсуждению концепции криминалистических диагностических комплексов в судебной лингвистической экспертизе. Необходимость обсуждения, на наш взгляд, обусловлена неоднозначным статусом этой концепции как по отношению к лингвистической науке, так и по отношению к юридическим отраслям знания – криминалистике и теории судебной экспертизы. В этой связи, как кажется, в настоящее время равно дискуссионными

являются тезисы как о том, что данная концепция базируется на знаниях из криминалистики, так и тезис о том, что она соответствует теоретическим и прикладным представлениям о судебной экспертизе как деятельности исследовательской и процессуальной.

В статье осуществляется попытка обосновать тезис о том, что современные диагностические комплексы представляют собой вид юридической оценки, весьма косвенно связанный с описанием фактов, которое (описание фактов) и является целью судебной экспертизы как в процессуальном, так и в исследовательском аспекте этой деятельности.

Еще один важный момент, который требует обсуждения, связан с концепцией, которая противопоставляет некий криминалистический подход к судебной лингвистической экспертизе, основанный на концепции так называемых экспертных понятий, подходу собственно лингвистическому, в основе которого лежат лингвистические знания, которые используются в прикладных целях. На наш взгляд, нет никаких оснований для такого противопоставления: криминалистический подход не предполагает юридических оценок, не предполагает отбор фактов из-под юридических норм, а потому, как нам кажется, противопоставление так называемого экспертного и научного подходов – это плохо обоснованное противопоставление¹.

Начнем обсуждение со следующего наблюдения: оценочно-юридический характер этой концепции очевиден уже на уровне некоторых номинаций, которые используют ее сторонники. Большинство из них устанавливают так называемые «лингвистические признаки» пропаганды взглядов, оправдания идеологии или действий, унижения человеческого достоинства, возбуждения вражды и т. д., что представляет собой не описание, а оценку фактов. Не случайной нам кажется связь таких номинаций с юридической номинацией «признаки правонарушения / преступления». Номинация «признаки правонарушения» употребляется тогда, когда хотят сказать, что есть некоторые факты, которые после проверки могут быть оценены как запрещенные действующим законом. Аналогичным образом и в случае «лингвистических признаков унижения человеческого достоинства» или «возбуждения вражды» и т. п. предполагается ответ не на вопрос о том, какие факты имеют место, но на вопрос, запрещены ли данные факты, подпадают ли они под конкретный состав правонарушения. Это было бы точно так же, как если бы судебный медик составлял медицинские признаки убийства (оценка), но не устанавливал бы причину смерти (факт). Причина смерти – это конкретный факт, который имел место в конкретном месте в конкретное время и имел отношение к конкретному человеку, утверждение об этом факте может быть истинным или ложным, но медицинские признаки убийства – это достаточно бессмысленная оценка, потому что убийство – это юридическая оценка фактов, которая включает в себя помимо медицинского факта смерти множество других фактов, например, грубо говоря, отношение лица к тому, что оно делало.

Как правило, построение диагностических комплексов в [Кузнецов 2020; Кукушкина и др. 2011; Кукушкина и др. 2022] начинается с анализа правовых норм, в ходе которого в законодательных формулировках вычленяются «лингвистические» слова², далее составляется перечень «содержательных типов коммуникативно-речевых действий» или «значений», которые поименованы в законодательстве и запрещены. Авторы исходят из представления о том, что за «правовыми понятиями» стоят некие явления, правовая норма понимается как описывающая такие явления (вероятно, преступные по своей сути и потому запрещенные). Поскольку, по мнению авторов, возможности лингвистических теорий при описании таких явлений ограничены и не могут удовлетворить потребностей судебно-следственных органов (лингвист может только констатировать наличие призыва в тексте, не определив, является ли он призывом к террористической деятельности, а суду нужно знать, призывает ли автор к терроризму или нет), следовательно, допустимо ориентироваться не на лингвистические понятия, а на правовые, переводя их на язык специальных признаков [Кукушкина и др. 2022: 21], [Кузнецов 2020: 55]. Исходя из такой логики, авторы формируют диагностические комплексы «лингвистических признаков»³ тех явлений, которые, по их мнению, стоят за правовыми понятиями.

На наш взгляд, в таком подходе усматривается неверное представление о характере правовых норм (отсутствие понимания разницы между высказываниями-нормами и описательными высказываниями). Правовая норма, будучи деонтическим высказыванием (речевым действием, при помощи которого что-то оценивается как запрещенное или разрешенное), действительно содержит дескриптивный компонент, однако этот компонент не сводится к наименованию какого-либо явления, а представляет собой описание совокупности фактов, в отношении которых выносится оценка [Бринев 2017: 49-52]. Эта совокупность может включать такие факты, для установления которых требуются специальные познания в области лингвистики, а также факты, которые устанавливаются без применения специальных познаний или с использованием познаний в другой области. Некоторые преступления или

¹ Отметим, что критическое обсуждение теорий или концепций является одним из необходимых компонентов научного знания, именно оно обеспечивает его рост. Не менее важно оно и для нашей отрасли, потому что от качества экспертиз напрямую зависит судьба конкретных людей. Нужно только поблагодарить коллег, которые открыто публикуют свои результаты и не опасаются обсуждения своих построений, много хуже, когда такие построения закрыты для критики, что имеет место в настоящее время.

² К таким словам авторы относят наименования речевых действий («призыв», «побуждение», «угроза» и т. д.), а также иные слова, которые, с точки зрения авторов, используются в правовой норме для описания вербального поведения: «возбуждение вражды», «унижение достоинства», «реабилитация», «пропаганда» и др.

³ В некоторых случаях формируется система «лингвистических и психологических признаков». Вопрос об обоснованности привлечения психологов для проведения экспертизы текста рассматривался нами в [Бринев Куликова 2023]. В данной статье мы не будем касаться психологических признаков в диагностических комплексах, однако полагаем, что выявленные нами проблемы лингвистической диагностики актуальны и для психологической части исследования.

правонарушения могут осуществляться посредством тех или иных речевых действий или с использованием текстов определенного содержания. При этом само преступное деяние не сводимо к какому-либо типу коммуникативно-речевых действий или значений, не тождественно ему.

Из сказанного следует, что создание экспертного диагностического комплекса путем перевода правовых понятий на специальный (лингвистический) язык попросту невозможно. Диагностические комплексы, полученные путем такого «перевода», содержат совокупность признаков преступного деяния или правонарушения, а не описание какого-то фрагмента реальности. Это значит, что эксперт, работающий с таким диагностическим комплексом, будет оценивать текст как подпадающий или не подпадающий под правовую норму (а не устанавливать факты языковой действительности).

Идея создания диагностических комплексов, как кажется, заимствована из криминалистики. В работах некоторых авторов получает распространение тезис о существовании «экспертно-криминалистического подхода» в лингвистической экспертизе, который противопоставлен собственно лингвистическому подходу. В этой связи, на наш взгляд, необходимо поставить два вопроса: первый – об обоснованности использования в лингвистической экспертизе криминалистических теорий, второй – о корректности их использования.

Применение криминалистических теорий для решения лингвистических задач, полагаем, требует обсуждения и обоснования, поскольку необходимость такого применения не очевидна. Криминалисты создавали теорию и методологию для тех видов экспертиз, которые родились сразу как прикладные области и не связаны с какой-то базовой наукой. Лингвистика имеет свою теоретическую и методологическую базу (вероятно, более подходящую для решения лингвистических задач, чем то, что может предложить криминалистика). В этой связи, на наш взгляд, достаточно спорным является представление о том, что лингвистика как наука не способна быть эффективной при производстве экспертизы без своего рода «криминалистической надстройки»¹. Но, что еще более важно, криминалистика и лингвистика не противопоставлены и не противоречат друг другу, думаем, что представление о том, что они каким-то образом противопоставлены, вытекает из неверной интерпретации самого криминалистического подхода, из неверного представления о соотношении теоретического и прикладного знания. Применение как экспертно-криминалистического подхода, так и лингвистического приводит к одному результату – описанию реальной действительности, установлению фактов. В случае же если использование экспертно-криминалистического подхода не приводит к установлению фактов (как это происходит в лингвистических экспертизах), то возникает вопрос о соответствии тех концепций, которые строятся в лингвистической экспертизе с ориентацией на криминалистические теории, этим теориям (в частности, о соответствии концепции диагностических комплексов в лингвистической экспертизе теории криминалистической диагностики).

В традиционных криминалистических экспертизах системы диагностических признаков никак не предполагают создание системы критериев, не связаны с правовыми нормами и их толкованием. Теория и практика криминалистической диагностики основывается на логических принципах получения знания о конкретных фактах из общих сведений о мире: «В тех случаях, когда диагностирование осуществляется в отношении объектов или их отображений, базисом такого исследования являются научные положения криминалистики, формулируемые как “морфологическое учение о симптомах, свойствах и признаках исследуемых объектов”» [Корухов 1998: 88]. Диагностируемыми объектами являются обобщенные сведения о материальных объектах [Белкин 2001; Корухов 1998; Корухов и др. 2003]. Криминалистическая диагностика предполагает, с одной стороны, установление совокупности конкретных фактов и взаимосвязи между ними (например, при исследовании спорного объекта установлены взаимосвязанные факты а – б – с), а с другой – сопоставление этих фактов с общим знанием о тех или иных закономерностях, механизмах (например, «если признаки связаны как а – б – с, то их причиной является А» [Корухов 1998: 139]). На основании такого сопоставления делается логический вывод, что в исследуемом случае имеет место причина А.

Так, методика определения пола исполнителя рукописи по средневыработанному почерку основывается на теоретических знаниях о закономерностях проявления признаков в мужском и женском почерках. В ходе экспериментальных исследований особенностей выполнения рукописей лицами мужского и женского пола установлено, например, что наличие буквы «д» с надстрочным элементом с большей вероятностью встречается в рукописях, выполненных мужчинами, а дугообразные начальные штрихи в буквах «и», «ш», «у» – в рукописях, выполненных женщинами; для женского почерка более характерно использование простого прописного варианта выполнения букв «з», «р», а для мужчин – использование петлевых или выраженно-угловатых элементов и т. д. [Почерковедение и почерковедческая экспертиза 2014]. В результате таких исследований сформирован перечень признаков, вычислен коэффициент информативности каждого признака (коэффициент зависит от вероятности проявления признака в мужском или женском почерке) и установлена закономерность: при наличии совокупности одних признаков, рукопись с вероятностью 80, 95 или 99 процентов выполнена мужчиной; при наличии

¹ Этот тезис полностью согласуется со следующим утверждением: «За прошедшие 20 с лишним лет так и не были разработаны судебная физика, судебная биология и др. Стало очевидно, что не может быть никакой особой судебной физики, а есть использование выявленных физической наукой закономерностей и физических методов в судебно-экспертной деятельности» [Россинская 2011: 57]. Все это вполне понятно: законы физики и химии не меняются в зависимости от того, будет ли знание о них применяться в качестве посылок для вывода при производстве судебной экспертизы или для создания какого-то практически необходимого механизма или прибора. Но факты и закономерности в области фактов в языке и речи ведут себя таким же образом, они не зависят от права или от той сферы, где знание о них будет применено. Несмотря на то, что эта идея является, на наш взгляд, достаточно ясной, она остается, так сказать, непопулярной.

совокупности других признаков – женщиной, а при определенном сочетании этих признаков установить пол исполнителя рукописи не представляется возможным [Почерковедение и почерковедческая экспертиза 2014]. Эксперт-почерковед, исследуя спорную рукопись, устанавливает факты (особенности начертания тех или иных букв), сопоставляет их с имеющимся теоретическим знанием о закономерностях проявления признаков в мужском и женском почерке и делает логический вывод о поле исполнителя спорной рукописи. Диагностический комплекс в таком случае сводится к системе имплицативных высказываний: 'если имеют место признаки почерка а, б, в, то рукопись с такой-то вероятностью выполнена мужчиной'; 'если имеют место признаки почерка г, д, е, то рукопись с такой-то вероятностью выполнена женщиной' и т. д. Данные высказывания представляют собой описания фрагмента реальности и не зависят от каких-либо правовых норм. Аналогичным образом и в других видах криминалистических экспертиз знания о конкретных фактах выводятся из общих сведений о мире с использованием законов логики. Например, в трасологической экспертизе заключение об исследуемом объекте выводится логически из знаний о механизме образования следов при взаимодействии тех или иных предметов, в технико-криминалистической экспертизе документов факт изменения первоначального содержания документов устанавливается на основании общих сведений о механизмах физического воздействия на документ (подчистки, дописки, дорисовки) или воздействия химических веществ [Типовые экспертные методики 2010: 333-336]¹ и т. д. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в качестве диагностирующего объекта в криминалистических экспертизах используются знания о фактах, явлениях действительности, закономерностях. Системы диагностических признаков создаются путем получения таких знаний в ходе экспериментальных исследований, обобщений, а процесс экспертного диагностирования осуществляется путем сопоставления конкретных фактов с имеющимся общим знанием и формулирования логического вывода. Любая криминалистическая диагностическая процедура сводится к получению знания о конкретном факте из общих сведений путем логического преобразования универсального высказывания о мире в сингулярное высказывание о единичном предмете с использованием дедуктивных умозаключений. Так, универсальное высказывание о той или иной эмпирической закономерности может быть представлено в виде логической формулы с квантором общности 'для всех X верно: если для X верно А, то для X верно и В'; выведение значения о конкретном факте осуществляется по *modus ponens* 'если А, то В, и установлено, что А, следовательно В'.

Из сказанного следует, что диагностические комплексы, которые в настоящее время используются в лингвистической экспертизе и носят оценочный характер, не имеют никакого отношения к криминалистическим диагностическим комплексам и теории криминалистической диагностики в целом (которая основана на научном принципе получения знания об одних фактах на основании знаний о других).

Решение экспертной задачи в лингвистической экспертизе также предполагает определение фактических характеристик объекта на основании имеющихся знаний о явлениях, их свойствах, эмпирических закономерностях. Источником таких знаний является научная лингвистическая теория, описывающая какой-либо фрагмент реальности.

Так, например, высказывания с модальными словами «может», «хочет», «возможно», «наверное» наряду с другими средствами порождают так называемый контекст снятой утвердительности (Е. В. Падучева, Г. Вайнрих, Дж. Серль). В частности, модальные слова «возможно», «наверное», «скорее всего» употребляются тогда, когда говорящий не берет (не хочет брать) на себя ответственность за истинность высказывания. Это лингвистический факт, он описан в лингвистической литературе. Используя познания в области лингвистики, из знания того, что эти модальные слова формируют контекст снятой утвердительности, мы можем выводить сингулярные высказывания о том, что в конкретных речевых произведениях говорящий снимает с себя ответственность за истинность конкретного высказывания. К этому знанию и к этому выводу нет никакой необходимости добавлять, что данный тип высказываний является субъективным мнением говорящего, нет необходимости добавлять и то, что эти высказывания нельзя верифицировать, потому что это не более чем оценки, которые не основаны на познаниях в области лингвистики, эти оценки ничего не добавляют к установленному на основе лингвистических знаний факту: имело место речевое произведение, в котором говорящий не утверждает истинности конкретной пропозиции. Подлежат ли такие высказывания опровержению или нет – вопрос юридический, думаем, что любой судья способен самостоятельно оценить факт «говорящий не утверждает, что истинно Р» на шкале «подлежит опровержению / не подлежит опровержению».

В противоположность сказанному рассматриваемые нами концепции диагностических комплексов в лингвистической экспертизе основаны не на знаниях о фактах и явлениях действительности, а на критериях оценки

¹ Для описания общих закономерностей («диагностирующих объектов») в самих методиках зачастую используются имплицативные высказывания. Так, вид инструмента и оборудования, при помощи которого был осуществлен взлом, определяется на основании выявленной совокупности следов и знания о том, какие следы оставляет тот или иной вид инструмента или оборудования: «Если использовался газовый резак, то на взломанном металлическом хранилище образуются следующие характерные признаки: на торцевой поверхности реза – чередование зон с валиками и бороздками; ширина реза – 3-7 мм (определяется номером внутреннего мундштука резака и квалификацией сварщика); по обе стороны реза – широкие светлые полосы шириной 10-35 мм; верхние кромки реза острые, оплавленных не имеют; на нижней кромке реза – незначительные наплывы металла и шлака. В случае резания сварочной горелкой на металлическом хранилище можно обнаружить следующие характерные признаки: отсутствие участков с валиками и бороздками на торцевой поверхности резания; обильные наплывы металла и шлака на кромках разрезанного металла; кромки резов сильно оплавлены; ширина реза – 12-16 мм» и т. д. [Типовые экспертные методики 2010: 383-384].

(которые в некоторых случаях выводятся из содержания правовых норм). Процесс экспертной диагностики при таком подходе предполагает не сопоставление конкретных фактов с имеющимся общим знанием и формулирование логического вывода, а проверку спорного объекта на предмет его соответствия или несоответствия заявленным критериям и оценку этого объекта как содержащего или не содержащего признаки деяния (фактически представляя собой юридическую оценку). Эксперт-лингвист в этом случае не описывает факты (как это делает эксперт-криминалист), а принимает решение (как юрист, следователь или судья). Описание фактов и принятие решений – это две разные процедуры: первая предполагает сообщение сведений о реальности, вторая – установление норм и вынесение оценок. Диагностические комплексы, созданные на основании принятия решений, а также экспертные заключения, составленные на основании таких комплексов, не имеют отношения к описанию фактов и судебной экспертизе как деятельности по установлению фактов. Судебная экспертиза в таком случае представляет собой некую предварительную судебную инстанцию, которая оценивает спорный объект (речевое действие) на основании своих собственных критериев (отличных от правовых)¹.

Проиллюстрируем сказанное на примерах. Диагностический комплекс в лингвистической экспертизе по делам об оскорблении [Изотова и др. 2016; Кузнецов 2020] формируется на основании анализа правовых норм, путем перевода «правовых понятий» на экспертный язык. Использование в тексте статьи 5.61 КоАП РФ слова «унижение», а также использование в юридических токованиях этой статьи слов «отрицательная оценка личности», «дискредитация», «подрыв авторитета» дают основание авторам «выделить особый тип оценочного значения, для которого используется понятие «унизительная оценка лица»» [Кузнецов 2020: 74-75]. Как видим, экспертное описание «унизительная оценка лица» получено путем толкования норм (вычленения из них «лингвистических» слов), а не выведено из какой-либо лингвистической теории. По этой причине оно оценочно, а не эмпирично; процедура получения «эталонного значения» основана на субъективных решениях авторов². Далее авторами разрабатываются критерии, на основании которых то или иное высказывание будет или не будет признаваться унижительной оценкой лица. К таковым критериям относятся: 1) предмет речи: личность адресата (третьего лица) и/или его личные качества, содержательный тип высказывания: негативная оценка предмета речи; 2) выражено негативное, неуважительно-враждебное отношение к личности адресата (третьего лица), превосходство над ним, имеет место выражение статусной оценки 'ты мне не равен, ты не достоин нормальной или высокой оценки'; 3) выражена речевая цель «информирование о негативном (враждебном, неуважительном, презрительном) отношении к предмету речи, демонстрация этого отношения» [Изотова и др. 2016: 59]. Совокупность данных критериев не сводится к описанию какого-либо речевого действия или иного явления языковой реальности. Эксперт, занимающийся поиском критериев в тексте, не решает задачу, какое событие имело место, какое речевое действие было совершено, а ищет слова с негативным коннотациями, автоматически приписывает³ им цель «информирование о негативном отношении» и принимает решение. Попытка преобразовать такой диагностический комплекс в импликацию приводит к получению высказывания-нормы («если в высказывании имеют место признаки 1), 2), 3), то оно является высказыванием со значением унижительной оценки лица»), а не описательного высказывания о фактах. Это конвенция об оценке фактов, такая конвенция не может быть истинной или ложной относительно реальной действительности.

Определение предмета экспертного исследования (какие факты, значимые для расследования преступления, могут быть установлены лингвистически) по делам об оскорблении предполагает ответ на вопрос «что происходит, какое речевое действие имеет место, когда употребляются инвективные высказывания, номинации?» и т. п. Ответ на данный вопрос, будь он задан до построения диагностического комплекса, позволил бы, во-первых, построить гипотезу о таких речевых действиях, а во-вторых, высветил бы проблему теоретического плана – отсутствие в лингвистике достаточных и удовлетворительных научных описаний инвективных речевых актов. На наш взгляд, очевидно, что оскорбительные высказывания не сводятся к унижительным негативным оценкам адресата.

Например, может иметь место такой конфликтный тип речевого поведения, как дескриптивные высказывания (утверждения о фактах, которые соответствуют действительности) с перлокутивной целью 'понижение статуса'. На наш взгляд, есть очень большая вероятность того, что такое высказывание (особенно если оно имеет неприличную форму), может быть квалифицировано юридически как оскорбление. Задача лингвиста в таком случае – описать речевое поведение, установить, что произошло, какое речевое действие имело место, независимо от того, каким образом это речевое поведение может быть квалифицировано юридически. Реализован ли в данном случае умысел на унижение чести и достоинства лица, решают юристы. При проведении экспертизы по диагностическому

¹ Любопытным следствием непонимания разницы между описанием фактов и принятием решений, а также непониманием места и роли эксперта при расследовании преступлений и правонарушений является то, что законодательные запреты на осуществление экспертами правовых квалификаций авторы расценивают как запрет на употребление «правовых слов» (см., например, о трудностях формулировки вопросов без слов «экстремистский» и «террористический» [Кукушкина и др. 2022: 28]) и пытаются решить эту проблему, заменяя одни слова на другие, не меняя при этом характера действий (то есть продолжают выносить решения (оценки) вместо описания фактов). И поскольку деятельность остается прежней, «юризидизм» в таких работах не уменьшается, возрастает, а научная обоснованность падает.

² К слову сказать, в [Кукушкина и др. 2022] «правовой термин» «унижение достоинства» используется без перевода на экспертный язык (см. ДК «Унижение человеческого достоинства») и относится к одному из «содержательных типов коммуникативно-речевых действий», что, как кажется, демонстрирует противоречивость концепции.

³ Логически вывести из текста наличие цели, указанной в методике [Изотова и др. 2016], не представляется возможным, так как экспрессивные речевые действия с иллокутивной целью репрезентатива в научной литературе не описаны [Бринев, Тюкаева 2023: 32-33].

комплексу в [Изотова и др. 2016] такое решение принимается лингвистом (через указание на отсутствие унизительной оценки лица и через проверку высказывания по тем критериям, которые получены на основании толкования норм). Появление в правоприменительной практике такого случая, когда лингвистическая квалификация по диагностическому комплексу не совпадает с юридической квалификацией, продемонстрирует несостоятельность существующего диагностического комплекса 'унизительная оценка лица' и поставит задачу по формированию нового (что в рамках сложившейся концепции, вероятно, приведет к созданию новой системы экспертных критериев).

Приведем еще пример, наглядно демонстрирующий разницу между юридической квалификацией и лингвистическим описанием фактов. Так, в теоретических исследованиях установлено, что перлокутивный эффект оскорбления может достигаться как при помощи инвективных номинаций в отношении самого адресата ('*ты гнида!*'), так и при помощи таких высказываний в отношении близких людей адресата (см., пример '*Твоя мать – гнида!*' в [Бринев, Тюкаева 2023]). Причем такой перлокутивный эффект в каком-то отношении носит конвенциональный характер. Задача эксперта-лингвиста при исследовании таких случаев – описать речевое поведение, безотносительно содержания и толкования каких-либо правовых норм. Будет ли во втором случае (при использовании инвективной номинации в отношении, например, матери адресата) реализован умысел на унижение чести и достоинства лица – устанавливают юристы.

Нормативно-оценочный характер имеют и другие диагностические комплексы. Например, ДК по делам об оправдании содержит систему критериев, на основании которых тот или иной текст признается как содержащий или не содержащий «совокупность лингвистических и психологических признаков оправдания идеологии [насилия, фашизма, нацизма, расизма, экстремизма, терроризма]» или «совокупность лингвистических и психологических признаков оправдания каких-либо действий (в том числе насильственных, разрушительных, дискриминирующих) [практики насилия; практики совершения действий, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы; террористической/экстремистской деятельности]» [Кукушкина и др. 2022: 29]. К таким критериям относятся: 1) предмет речи «идеология терроризма», «террористическая деятельность» и др., 2) положительная оценка предмета речи, 3) одна или несколько речевых целей из указанных («демонстрирование адресату своих особых взглядов, отличающихся от общепринятых, к описанным способам действия, практике, и/или убеждение адресата в правильности, допустимости предмета речи (идеологии, действий), обоснование этого, и/или информирование адресата о том, как он должен действовать») [Кукушкина и др. 2022: 73-74]. Квалифицирующий (оценочный), а не описательный характер такого диагностического комплекса, на наш взгляд, очевиден. В рамках лингвистического исследования текста может быть установлено наличие в нем положительной оценки тех или иных действий (например, поджога или взрыва). Этот факт (положительная оценка действий, выраженная в тексте) останется таковым, независимо от системы ценностей и правовых норм. Приведенный же выше диагностический комплекс предполагает решение задачи: является ли эта положительная оценка признаком оправдания насильственных действий (терроризма) или не является. Решение такой задачи сводится к квалификации деяния, которая будет различной, в зависимости от тех или иных ценностей. Предположим, имеется высказывание '*Х совершил поджог. Молодец, так держать!*'. Насколько нам известно, с позиции действующего законодательства, если Х – это Зоя Космодемьянская, то положительная оценка ее действий не является признаком оправдания терроризма, а если Х – это Шамиль Басаев, то является. Вынесение такой оценки не сводится к описанию фактов языковой реальности, к решению какой-либо лингвистической задачи и находится за пределами компетенции лингвиста.

Другие диагностические комплексы, которые используются в лингвистической экспертизе по делам об экстремизме и терроризме [Кукушкина и др. 2011; Кукушкина и др. 2022], также не основаны на научных теориях о языке, не сводимы к каким-либо описательным высказываниям о фактах, а принимаемое на их основе экспертное решение не предполагает логического выведения сведений о конкретном факте из общих научных знаний. И этому есть несколько причин. Во-первых, предмет экспертного исследования, как он формулируется в [Кукушкина и др. 2011; Кукушкина и др. 2022] (лингвистические признаки унижения достоинства / оправдания действий / возбуждения ненависти и вражды и т. д.), не соотносится с каким-либо языковым явлением, фактом. Отвечая на вопрос о том, в какой форме выражены сведения в тексте, эксперт исследует и описывает такой факт, как форма выражения сведений; если поставлен вопрос "содержится ли в высказывании речевой акт угрозы", эксперт исследует речевое поведение и выявляет наличие или отсутствие такого речевого действия, как угроза. Какие факты (речевые действия или значения) устанавливает эксперт, отвечая на вопрос о лингвистических признаках оправдания действий? Ответ, полагаем, очевиден: никакие, так как в языке не существует такого явления, как «лингвистические признаки оправдания действий» (данное утверждение справедливо и в отношении всех других «лингвистических признаков» явлений, якобы стоящих за правовыми понятиями). Во-вторых, признаки, перечисленные в диагностических комплексах, не отражают совокупности свойств какого-либо явления; содержательное наполнение диагностических комплексов представляет собой набор высказываний, включающих описание языковых фактов (например, «негативная оценка», «побуждение к действию» и т. д.), описание фактов иного, не языкового, порядка («идеология и практика насилия», «ценности общества», «устой государства» и др.), а также оценочные и оценочно-правовые формулировки («террористическая деятельность», «противоправные действия» и др.). Признаки объединены в диагностические комплексы не эмпирически, а квалификационно, то есть не по причине эмпирической взаимосвязанности фактов, а ввиду того, что это признаки преступного деяния, необходимые для правовой квалификации. В отличие, например, от тех же криминалистических диагностических описаний, где отдельные факты «комплексуются» (или систематизируются), когда устанавливается их взаимосвязанность, свидетельствующая о том,

что выявленные факты относятся к одной «причине» [Корухов 1998; Корухов и др. 2003: 52].

Следовательно, такие диагностические комплексы не описательны (каковыми они должны быть, исходя из целей экспертной деятельности, и каковыми диагностические комплексы являются в криминалистических экспертизах), а оценочны. Использование таких диагностических комплексов при проведении экспертного исследования неизбежно приводит к тому, что эксперт на определенных этапах работы вынужден принимать решения вместо описания фактов. Так, он принимает решение на сравнительном этапе исследования, когда определяет, являются ли выявленные им особенности текста лингвистическими признаками оправдания, унижения, возбуждения ненависти и вражды и т. д., а в некоторых случаях и на аналитической стадии исследования (например, устанавливая наличие в тексте такого предмета речи, как «идеология терроризма», «террористическая деятельность», квалифицируя действия или взгляды, описанные в тексте, как террористические). Обе указанные процедуры не имеют отношения к установлению фактов с использованием специальных познаний.

Следует отметить критериально-оценочный характер и тех диагностических комплексов, которые, казалось бы, не основаны на толковании норм права, а апеллируют к научным данным (например, диагностические комплексы, направленные на выявление побуждений, формы выражения информации и др.¹). Такие диагностические комплексы также не являются эмпирическими (не содержат научного описания каких-либо языковых явлений), а представляют собой систему критериев, на основании которых выносится решение, причем такая система критериев формируется произвольно (в некоторых случаях, например, она «подгоняется» под трехчастную модель²). В результате в диагностический комплекс включаются излишние, незначимые признаки (например, положительная оценка действия в ДК «побуждение к действию») или даже ошибочные (например, «негативные действия оцениваются положительно как желательные, заслуженные» в ДК «угроза совершения действий»), в то же время действительно значимые языковые факты при описании речевого поведения в диагностических комплексах не отражены или описаны неверно (например, цель «информирование» в ДК по угрозе и оскорблению вместо описания речевых актов оскорбления и угрозы и их перлокутивных целей). Использование системы критериев вместо научных описаний, как показывает практика, неизбежно приводит к ошибочным выводам при столкновении с фактами, которые не подпадают под систему критериев, или при недостаточности признаков для вынесения квалификации³.

Обсуждаемые нами диагностические комплексы не соответствуют и нормам законодательства, так как, во-первых, в некоторых случаях строятся на весьма спорном толковании материальных норм, во-вторых, противоречат процессуальному пониманию судебной экспертизы как процедуры установления фактов. Вследствие этого возникает проблема, значимая, на наш взгляд, как для конкретных судебных ситуаций (приговоров), так и для отрасли судебной лингвистической экспертизы в целом. Эта проблема заключается в том, что экспертная деятельность подменяется процедурой вынесения решений, эксперт становится некой предварительной судебной инстанцией⁴. Вместо описания фактов эксперт выносит решение, не будучи уполномочен совершать такие действия. При этом если в судебно-следственных инстанциях данная ошибка не будет замечена, то заключение эксперта будет использоваться так, как если бы оно содержало описание фактов. В результате приговор будет основан на экспертном решении. Чтобы выйти из сложившейся ситуации, по нашему мнению, необходимо отказаться от критериально-оценочных диагностических комплексов и вернуться к проблеме разработки методик, которые опирались бы на лингвистические знания и лингвистические теории, а не на интерпретацию лингвистических фактов в свете юридических норм.

Литература

Белкин Р. С. Курс криминалистики: В 3 т. М., 2001. Т.2.

Бринев К. И. Судебная лингвистическая экспертиза: методология и методика: монография. М., 2017.

Бринев К. И., Куликова М. Г. О некоторых проблемах, связанных с производством комплексной психолого-лингвистической экспертизы продуктов речевой деятельности / Юрислингвистика. – 2023. – №30(41). – С. 65-70.

Бринев К. И., Тюкаева Н. И. О прагматических свойствах высказываний с оскорбительной номинацией лица (лингвистическая экспертиза и инвективное функционирование языка) / Филология и человек. – 2023. – № 4. – С. 31-48.

¹ ДК «побуждение к совершению действий» [Кукушкина и др. 2022: 66; Семантические исследования... 2018: 122]; ДК «утверждение о фактах», «оценочное суждение», «предположение», «мнение» и др. [Семантические исследования... 2018: 115-120]; ДК «угроза совершения действий» [Кукушкина и др. 2022: 82; Семантические исследования... 2018: 114] и др.

² Решение о том, что все ДК должны укладываться в трехчастную модель, на наш взгляд, также является произвольным творческим решением авторов и не выводится из описания фактов и научных теорий.

³ Динамика изменений диагностических комплексов в [Кукушкина и др. 2011] и [Кукушкина и др. 2022] свидетельствует о том, что при встрече с речевым произведением, которое используется, например, в качестве угрозы, но не подпадает под критерии, диагностический комплекс переписывается, перестраивается под новый факт. Как следствие, одно и то же речевое действие в [Кукушкина и др. 2011] и [Кукушкина и др. 2022] будет квалифицироваться по-разному. Применение научно-описательного подхода привело бы в таком случае к дополнению имеющейся теории описанием нового факта, с которым столкнулся исследователь.

⁴ Согласно процессуальному законодательству, экспертиза назначается для того, чтобы эксперт установил, что произошло, какие факты имели место, а судья соотносит установленные факты с нормой и выносит вердикт. Критериально-оценочные диагностические комплексы предполагают, что сам эксперт оценивает речевое произведение как относящееся или не относящееся к тому, что запрещено законодательством.

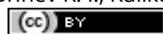
- Изотова Т. М., Кузнецов В. О., Плотникова О. М. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении. М., 2016.
- Корухов Ю. Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений. М., 1998.
- Корухов Ю. Г., Майлис Н. П., Орлова В. Ф. Криминалистическая экспертная диагностика (Методическое пособие). М., 2003.
- Кузнецов В. О. Современные тенденции формирования и развития экспертных понятий как элемента языка судебной экспертологии: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.12. М., 2020.
- Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М., 2022.
- Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М., 2011.
- Почерковедение и почерковедческая экспертиза / под ред. В. В. Серегина. Волгоград, 2014.
- Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2011.
- Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе: методическое пособие / А. М. Плотникова, В. О. Кузнецов, И. И. Саженин и [др.]; под ред. профессора С. А. Смирновой. М., 2018.
- Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч.1 / Под ред. канд. техн. наук Ю. М. Дильдина. Общая редакция канд. техн. наук В. В. Мартынова. М., 2010.

References

- Belkin, R. S. (2001). Course of criminalistics: In 3 volumes. Vol.2. Moscow (in Russian).
- Brinev, K. I. (2017). Forensic Linguistic Expertise: Methodology and Techniques: Monograph. Moscow (in Russian).
- Brinev, K. I., Kulikova, M. G. (2023). Concerning Some Issues of Comprehensive Psychological and Linguistic Expertise of Speech Products. *Legal linguistics*, 30(41), 65-70 (in Russian).
- Brinev, K. I., Tyukaeva, N. I. (2023). Concerning the pragmatic properties of statements with an offensive nomination of a person (linguistic expertise and invective functioning of language). *Philology and man*, 4, 31-48 (in Russian).
- Handwriting and handwriting expertise. (2014). V. V. Seregin (ed.). Volgograd (in Russian).
- Izotova, T. M., Kuznetsov, V. O., Plotnikova, O. M. (2016). Forensic linguistic expertise in cases of insult. Moscow (in Russian).
- Korukhov, Y. G. (1998). Criminalistic diagnostics in the investigation of crimes. Moscow (in Russian).
- Korukhov, Y. G., Mailis, N. P., Orlova, V. F. (2003). Criminalistic expert diagnostics. Methodical grant. Moscow (in Russian).
- Kukushkina, O. V., Safonova, Y. A., Sekerazh, T. N. (2011). Theoretical and Methodological Foundations of Forensic Psychological and Linguistic Expertise of Texts in Cases Related to Countering Extremism. Moscow (in Russian).
- Kukushkina, O. V., Safonova, Y. A., Sekerazh, T. N. (2022). Methodology of Conducting Complex Forensic Psychological and Linguistic Expertise in Cases Related to Countering Extremism and Terrorism. Moscow (in Russian).
- Kuznetsov, V. O. (2020). Modern trends in the formation and development of expert concepts as an element of the language of forensic expert science. Dissertation of the Candidate of Legal Sciences Moscow (in Russian).
- Rossinskaya, E. R. (2011). Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings. Moscow (in Russian).
- Semantic research in forensic linguistic expertise: a methodological guide. (2018). S. A. Smirnova (ed.). Moscow (in Russian).
- Typical expert methods for the study of physical evidence. Part 1. (2010). Y. M. Dildin (ed.). Moscow (in Russian).

Citation:

- Бринева К. И., Куликова М. Г. О криминалистических диагностических комплексах в судебной лингвистической экспертизе // Юрислингвистика. – 2024. – 34. – С. 63-70.
- Brinev K. I., Kulikova M. G. (2024) Concerning Criminalistic Diagnostic Complexes in Forensic Linguistic Expertise. *Legal Linguistics*, 34, 63-70.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Отличительные особенности судебной лингвистической экспертизы современного медиатекста¹

Е. И. Галяшина

*Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр. 2, 125993, Москва, Россия. E-mail: eigaljashina@msal.ru*

В статье рассматриваются особенности судебной лингвистической экспертизы медиатекста как одного из самых востребованных направлений практической деятельности в сфере интеграции языка и права. Судебные лингвистические экспертизы медиатекста предлагается рассматривать в качестве особой разновидности экспертного исследования, специфика которого обусловлена семиотически гетерогенной природой медиатекста и ролью заключения эксперта как доказательства в судопроизводстве. Это определяет специальные требования к медиатекстам как объектам судебной лингвистической экспертизы, а также методам и методикам их исследования, компетенциям экспертов-лингвистов, необходимых для решения задач по установлению формы и содержания высказываний в сфере массовой коммуникации – источников криминалистически значимой информации. Отдельно рассматривается соотношение специальных филологических (лингвистических) и юридических знаний субъекта судебной лингвистической экспертизы медиатекста. Автор обращает внимание на поликодовую специфику интернет-медиатекста, включающего как вербальный, так и невербальный компоненты, в своей совокупности формирующие смысловую направленность семиотически гетерогенного высказывания в процессе интерактивного речевого общения. Медиатекст в современных условиях интернет-коммуникации может быть представлен как продукт (след) речевой деятельности человека (источник криминалистически значимой информации) и как искусственно генерированный текст при помощи технологий искусственного интеллекта. Подчеркивается, что специальные лингвистические знания не могут быть сведены к толкованиям значений слов в соответствующих словарях, но предполагают знания природы медиатекста (комбинирование семиотически разнородных элементов в едином смысловом пространстве), умения решать экспертные задачи с применением мультимодального подхода к изучению гетерогенного кода (текст-изображение-звук). Делается вывод о том, что необходимо сформировать подход к подготовке экспертов-лингвистов по новой экспертной специальности – исследованию медиатекстов естественного и искусственного происхождения.

Ключевые слова: медиатекст, судебная лингвистическая экспертиза, специальные знания, продукты речевой деятельности, искусственно генерированный текст.

Distinctive Features of Forensic Linguistic Examination of Modern Media Text

E. I. Galyashina

Kutafin Moscow State Law University

9 Sadovaya-Kudrinskaya str., bld. 2, 125993, Moscow, Russia. E-mail: eigaljashina@msal.ru

The article explores the features of forensic linguistic analysis of media texts, which is one of the most popular areas of research in the field of linguistics and law. It proposes to consider forensic examinations of media texts as a specific type of expert research, whose specificity is due to the heterogeneous semiotic nature of media texts and the role of expert opinion as evidence in legal proceedings. This determines special requirements for media texts as objects of forensic analysis, as well as the methods and techniques used to analyze them, and the skills of linguistic experts needed to address issues related to establishing the form and content of statements in mass communication, which are sources of criminal information. The article also discusses the correlation between specialized philological (linguistic) knowledge and legal knowledge in the context of forensic analysis of media text. The author draws attention to the specific nature of the Internet media texts,

¹ «Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» (Центр компетенций «КИБЕРПРАВО»).

which include both verbal and non-verbal elements, collectively forming a semantic orientation in the semiotic space of interactive communication. These texts can be seen both as products (traces) of human activity, containing potentially valuable information, and as artificial texts generated by artificial intelligence technologies. The article emphasizes that specialized linguistic knowledge cannot be limited to interpreting the definitions of individual words in dictionaries. Instead, it requires an understanding of the nature of media texts, combining semiotically diverse elements into a unified semantic space. This understanding also involves the ability to address expert issues using a multi-modal approach to analyzing heterogeneous codes (text, image, sound). It is concluded that it is essential to develop a new approach to training linguistic experts in the field of studying media texts of both natural and artificial origins.

Key words: media text, forensic linguistic expertise, special knowledge, products of speech activity, artificial texts generated by artificial intelligence.

В современных условиях активного информационного противостояния России и западной цивилизации русский язык становится одним из ключевых инструментов сохранения традиционных духовных ценностей, развития правосознания и правовой культуры, совершенствования российской правовой системы. Неуместное, некорректное высказывание может причинить не только политический, репутационный, моральный вред, но и спровоцировать нанесение реального материального ущерба гражданам, обществу и государству.

Правовое урегулирование споров и конфликтов в сфере использования русского языка в медиасфере сегодня особенно злободневно. Возрастает актуальность правоприменительного аспекта использования специальных лингвистических знаний для решения разнообразных задач лингвистического исследования медиатекста [Кузнецова 2010: 144]. Тем более, что медиатексты в массовой коммуникации могут быть результатом речепорождения как человека, так и генеративных нейросетевых технологий, что далеко не всегда распознается пользователем [Weiss 2019; Аяпова, Скрипникова 2022]. В этой связи лингвистическая экспертиза медиатекста – одно из самых востребованных в правоприменительной практике направлений экспертной деятельности. К лингвистам обращаются по самым разным категориям дел во всех видах судопроизводства, где медиатекст фигурирует в качестве *corpus delicti* или источника доказательств.

Наиболее часто необходимость в использовании специальных лингвистических знаний в медиасфере возникает по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации гражданина или деловой репутации юридического лица, т. к. решение об удовлетворении такого иска выносится судом в случае установления совокупности трех условий: сведения должны носить порочащий характер, быть распространены и не соответствовать действительности. Обязанность доказывать факт распространения сведений лицом, к которому предъявлен иск, и порочащий характер этих сведений возложена на истца, тогда как ответчик несет бремя доказывания, что распространенные им сведения соответствуют действительности. Именно лингвистическая экспертиза (исследование) позволяет установить, имеется ли в оспариваемых как порочащих сведениях информация диффамационного характера, выраженная в форме утверждения о факте, который может быть проверен на соответствие действительности в то время, к которому он относится. Поэтому к исковому заявлению, как правило прикладывается лингвистическое заключение, подтверждающее доводы истца о порочащем характере распространенных в отношении него ответчиком сведений.

Но не только в гражданском судопроизводстве нужны лингвистические знания для вынесения обоснованных и правосудных процессуальных решений по делам, связанным с информационными спорами и конфликтами. В российском законодательстве присутствует значительное число правовых норм, которые предусматривают ответственность за правонарушения, совершаемые в публичном пространстве массовой коммуникации посредством речевых действий (вербально). По уголовным делам за помощью к лингвистам обращаются для доказывания факта совершения преступлений экстремистского-террористического характера, угроз, вымогательства, подстрекательства и т. п. с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, включая сеть Интернет. Такие публично совершаемые в медиасреде речевые действия, как клевета и оскорбление, призывы к экстремизму, оправдание терроризма, требования, угрозы, пропаганда наркотиков и т. д., образуют *corpus delicti* – объективную сторону правонарушений, ответственность за которые предусмотрена соответствующими правовыми нормами УК РФ и КоАП РФ.

Медиатексты как продукты речевой деятельности (устные и письменные тексты) могут также содержать сведения о событии противоправного деяния (время, место, способ и другие обстоятельства его совершения); мотивах, данных, характеризующих личность правонарушителя, и других обстоятельствах, имеющих значение для доказывания по делу.

Надо признать, что в юрисдикционной практике понятие лингвистической экспертизы употребляется довольно широко, виды и формы использования специальных лингвистических знаний правоприменителем нередко смешиваются, а применяемые методы зачастую не отвечают критериям научной определенности. Методические подходы к решению типовых задач судебной лингвистической экспертизы медиатекстов, используемые государственными судебными экспертами и лицами, не являющимися работниками государственных судебно-экспертных учреждений, существенно разнятся, что часто ведет к субъективизму: одни и те же языковые факты толкуются по-разному [Кузнецов 2021]. На практике сталкиваются различные мнения авторитетных лингвистов, предлагающих юристам свои собственные интерпретации видеороликов, постов и комментариев, размещенных в сети Интернет.

Более того, не имеют однозначного определения даже самые основные, сущностные понятия лингвистической экспертизы медиатекста (объект, субъект, методы). Без их рассмотрения невозможно определить критерии выбора эксперта конкретной специальности. Такое положение вещей вызывает озабоченность не только у правоприменителей, но и у широкой общественности, на «суд» которой благодаря информационно-телекоммуникационным технологиям выносятся заключения экспертов-лингвистов, осуществляющих экспертизы медиатекстов по резонансным уголовным делам, в том числе связанным с диффамацией, экстремизмом, терроризмом и т. д.

Роль профессионально выполненной лингвистической экспертизы трудно переоценить, тем не менее не только результаты исследования, но и используемые методы порождают в судах настоящие баталии лингвистов-экспертов, приглашенных противоборствующими сторонами. Перефразируя известное высказывание П. Сергеевича [Сергеевич 2008: 214], можно сказать, что лингвисты-эксперты редко бывают вполне согласны между собой, и будучи вызванными в суд они находят массу ошибок и упущений у специалистов, проводивших до них исследование по обращению другой стороны. Для лингвистической экспертизы это особенно актуально, т. к. при интуитивной понятности для носителя языка значений слов и выражений и передаваемых в тексте смыслов (в противном случае общение с использованием языковых средств было бы невозможно) для установления юридически значимых обстоятельств и языковых фактов, имеющих значение доказательств, для аргументации своей позиции стороны прибегают к помощи лингвистов. При этом ситуация, когда два лингвиста приходят к прямо противоположным выводам и суждениям, уже не редкость, а обыденность, несмотря на ее неприемлемость для судебного-экспертного лингвистического исследования, результаты которого ложатся в основу принимаемого процессуального решения по делу.

Непонимание специфики лингвистической экспертизы как средства получения доказательственной информации, отсутствие объективной критериологии при экспликации содержательной стороны слов, высказываний и иных элементов медиатекста вызывает скепсис со стороны правоприменителя, влечет недоверие юристов к лингвистической экспертизе в целом, рассматриваемой как субъективное суждение, мнение лингвистов, а не объективно установленный на научной основе факт, снижая эффективность ее использования для целей судопроизводства [Баранов 2017: 23].

Судебная лингвистическая экспертиза выполняет свою процессуальную функцию только в том случае, когда ее конечные результаты содержат юридически значимые выводы, а заключение соответствует принципам судебного-экспертной деятельности [Галяшина 2021: 17].

В развитие теории судебного речеведения под судебной лингвистической экспертизой нами предложено понимать предусмотренное законодательством Российской Федерации о судопроизводстве процессуальное действие, состоящее из исследования текста и завершающееся дачей письменного заключения эксперта по вопросам, разрешение которых требует применения специальных лингвистических знаний [Галяшина 2021: 16].

Специфика судопроизводства обуславливает порядок назначения и проведения лингвистической экспертизы, требования к квалификации эксперта-лингвиста, форме и содержанию заключения эксперта. Только при соблюдении всех процессуально детерминированных факторов заключение эксперта, проводившего лингвистическую экспертизу, является доказательством, оцениваемым следователем (судом) при вынесении процессуального решения по делу.

В систему специальных компетенций эксперта-лингвиста помимо теоретических знаний входят навыки и умения применять экспертный инструментарий, специально разработанный или приспособленный для решения конкретных экспертных задач. Кроме того, важно отделять специальные знания от общеизвестных, соотношение которых постоянно меняется с развитием технологий, в том числе с появлением таких свойств интернет-коммуникации, как компьютерная опосредованность, гипертекстовость, интерактивность, нелинейность, использование цифровых форматов, модульность, мгновенный обмен информацией, конвергенция, приводящая к созданию гибридных форм текста, и др.

Если для понимания смысла текста достаточно воспользоваться переводными или толковыми словарями современного русского языка (в том числе онлайн-переводчиком), то это общеизвестные, а не специальные знания. И наоборот, если медиатекст снабжен иллюстрациями, насыщен эвфемизмами, иносказаниями, сведения поданы в закамуфлированной форме, скрыты в контексте или подтексте, а высказывания осложнены интертекстуальными включениями, то без привлечения эксперта-лингвиста «продраться» к смыслу через такие лексико-грамматические «тернии» адресату будет довольно сложно. Это значит, что требуется содержательно-смысловой анализ не только основных, но и периферийных лексических слоев русского языка, выявление констатирующего значения [Майоров 2018], соотношение с зафиксированными в законе признаками состава конкретного правонарушения.

Научно-обоснованные положения теоретической и прикладной лингвистики, которые доказали со временем свою бесспорность и состоятельность, стали постулатами, не вызывающими сомнения, формируют языковедческий базис лингвистической экспертизы. Однако заимствованные из лингвистики и ее подразделов фундаментальные знания прирастают новыми о функционировании языка в разных коммуникативных ситуациях, преломляются через сложную призму, гранями которой выступают и материальное, и процессуальное право, и судебная экспертология, и криминалистика, а также судебное речеведение, теория коммуникации и культурология и др. Для экспертизы медиатекста (учитывая возможности не только естественного, но и искусственного его порождения) важны знания о семиотической природе медиатекста, механизме речевого слепообразования в массмедиа, методах объективного исследования объекта экспертизы с использованием последних достижений науки в области изучения языковых моделей на основе искусственного интеллекта (системы, которые используют нейронные сети и машинное обучение

для анализа и генерации естественного языка). К ним добавляются и данные о возможностях конкретных языковых моделей для искусственной генерации текстов: ChatGPT, YandexGPT, GigaChat и др.

В этой связи спор о том, что является знаниевой базой, а что надстройкой (филология, судебная экспертология, криминалистика, теория речевых актов, когнитивистика и т. п.), применительно к судебной лингвистической экспертизе медиатекста лишен смысла, т. к. важна синергия всех знаний об объекте экспертизы и методах его исследования, требуемых в судопроизводстве для решения конкретных экспертных задач. Здесь опереться можно на судебное речеведение как обосновывающее научное знание для класса речеведческих экспертиз, объектом изучения которых являются продукты речевой деятельности (речевые следы) [Галяшина 2020: 12].

Очевидно, что значение лингвистической экспертизы медиатекста во многом определяется тем, что объектом ее изучения является мысль, материализованная посредством языка в масс-медиаальном дискурсе. Чтобы медиатекст как след речевой деятельности мог быть исследован экспертом, он должен быть запечатлен (зафиксирован) на каком-либо материальном носителе. Для устного текста – это фонограмма или видеофонограмма с записью звучащей речи, для письменного – любой материальный носитель, позволяющий отобразить электронный текст в ситуации компьютерно-опосредованной масс-медиаальной коммуникации.

Таким образом, объект судебной лингвистической экспертизы медиатекста – это не абстрактные языковые единицы (например, инвективная лексика), а запечатленный в индивидуально-конкретных условиях коммуникации продукт речевой деятельности (речевой след), который имеет материальную природу, обладает информационной значимостью как для установления юридически значимых фактов и обстоятельств, так и для связи между ними и расследуемым (рассматриваемым) событием правонарушения. Применительно к медиатексту как речевому следу правонарушения (преступления) важным понятием является механизм следообразования, т. е. специфически конкретная форма протекания процесса масс-медиаальной коммуникации, конечная фаза которого представляет собой образование текста как следа-отражения.

Следовательно, объектом судебной лингвистической экспертизы медиатекст выступает как продукт (результат) речевой (и шире – коммуникативной) деятельности, он носит индивидуально-конкретный и овеществленный характер, будучи запечатленным на любом материальном носителе. Он не ограничивается лишь языковой (вербальной) составляющей; в коммуникации вербальный компонент сосуществует со звуковым, визуальным, кинетическим компонентами.

Визуально-вербальный текст, полимедиаальный, мультимедиаальный, бимедиаальный, гипертекст, креолизованный текст и др. – вот неполный перечень терминов, который используется сегодня в лингвистической экспертизе для обозначения семиотически неоднородного медиатекста, включающего помимо языковых знаков и графическое, шрифтовое, цветное, анимационное, аудио- и видеографическое оформление, расширяя понимание передаваемых текстом смыслов. В этой связи в целях единообразия используемых терминов при обозначении текста как когерентного целого, слагаемого из нескольких семиотических кодов, представляется целесообразным использовать термин «поликодовый текст». Под ним понимается сложный многоуровневый знак, интегрирующий в единое коммуникативное целое вербальный, визуальный, аудиальный и иные семиотические компоненты, который отражает на уровне формы достигаемую за счет соединения различных семиотических кодов гетерогенность [Чернявская 2017: 69].

При этом поликодовость не тождественна мультимедийности – транслированию информации с помощью разных каналов связи [Кузьмин 2011: 15]. На функционирование смыслового целого оказывают влияние компоненты неязыковых кодов (аудио, видео, графика, анимация и т. д.) и тип материального носителя как канала коммуникации. Такое семиотическое многообразие обуславливает и полифонию компетенций эксперта-лингвиста.

При этом актуализируется проблема определения целостности информации, транслируемой в текстах поликодовой природы, а также их границ. Вопрос о границах медиатекста как объекта судебной лингвистической экспертизы – основополагающий. Семиотически комплексный подход к тексту ставит во главу угла не только понимание текста как единицы общения, отражающей цели участников коммуникации – адресанта и адресата, и обладающей относительной смысловой завершенностью, но и проблему определения границ текста и отделения одного текста от другого как объекта экспертного исследования.

Еще одна важная проблема – это инструментарий судебной лингвистической экспертизы, ее методы и методики, пригодные для использования в судебно-экспертной деятельности [Галяшина 2017: 34; Баранов 2017; Кукушкина 2016]. Не последнее место среди них занимают словари литературного русского языка и находящейся за его пределами периферийной части лексики, а также справочники, энциклопедии, академические грамматики, фиксирующие закрепленное для данного культурно-исторического периода времени (исторической эпохи) актуальные грамматические и лексико-стилистические нормы. Однако далеко не все лексикографические источники пригодны для решения задач судебной лингвистической экспертизы, т. к. многие отражают субъективную трактовку автора, а не научно-обоснованное описание содержательной стороны лексической единицы.

Некоторые исследователи предлагают включать в заключение эксперта так называемый «семантический протокол» – сделанную в свободной форме запись, отражающую интерпретацию экспертом его «понимания» спорного текста, изучив который можно понять, почему два эксперта могли прийти к противоположным выводам [Кукушкина 2016: 125]. Однако в таком случае речь идет о субъективных суждениях разных специалистов, дающих собственное толкование текста, а не о результатах объективной экспертизы.

Лингвистами нередко используется метод интроспекции, позволяющий посредством обращения к интуиции носителя языка проверять правильность, синонимичность, тождественность, взаимозамещаемость и т. д. тех или

иных языковых единиц [Тимофеева 2010]. В методологии судебной лингвистической экспертизы интроспекция не считается самостоятельным и надежным методом выявления фактов, поскольку интроспективно можно наблюдать только свое собственное сознание и результаты таких наблюдений у разных людей не обязательно совпадают (тем самым нарушается требование воспроизводимости наблюдений).

Таким образом, чтобы избежать вольного толкования содержания исследуемого текста, применяемые методы должны позволять объективно отображать смысловые компоненты плана содержания, актуализированные в конкретно-определенной коммуникативной (речевой) ситуации, отвечать принципам научной состоятельности для обеспечения воспроизводимости получаемого результата, возможности его объективной проверки. Достоверными признаются только такие результаты, которые могут быть проверены на непротиворечивость предлагаемой интерпретации фактических данных и ее согласованность с объективными знаниями. Для этого применяемая при производстве судебной лингвистической экспертизы технология или метод должны опираться на развитую, эмпирически подтверждаемую теорию и содержать свод процедурных правил, которые имеют обоснованный, планомерный и организованный характер, исключающий ошибки объективного происхождения из-за несовершенства используемых экспертных методов. Критериями оценки существующих и вновь разрабатываемых методов являются эффективность, простота и надежность, безопасность, экономичность, научность и допустимость метода.

Очевидно, что именно специфика текста как речевого следа обуславливает набор специальных компетенций, которыми должен владеть эксперт для его исследования, определяет пределы специальных знаний в объеме экспертной специальности судебной лингвистической экспертизы медиатекста и вектор ее развития, ориентированный на постоянное приращение знаний, приобретение новых навыков и умений, необходимых для исследования медиатекста как естественного, так и искусственного происхождения, генерированного с помощью современных технологий искусственного интеллекта.

Литература

- Аяпова С. М., Скрипникова А. И. Медиатексты, созданные искусственным интеллектом и человеком: результаты эксперимента / Хабаршы. Журналистика сериясы. – 2022. – № 2(64). – С. 78-84.
- Баранов А. Н. Лингвистика в лингвистической экспертизе (метод и истина) / Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2017. – Т. 16. – № 2. – С. 18–27.
- Галяшина Е. И. Специальные методы судебной лингвистической экспертизы и экспертные фантомы (размышления после прочтения криминалистических работ Р. С. Белкина) / Теория и практика судебной экспертизы. – 2017. – Том 12. – № 3. – С. 33–39.
- Галяшина Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза. М., 2021.
- Галяшина Е. И. Судебное речеведение. М., 2020.
- Кузнецов В. О. Судебная лингвистическая экспертиза. М., 2021.
- Кузнецова А. В. К определению понятия медиатекста / Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2010. – № 5. – С. 141–145.
- Кукушкина О. В. Методы анализа, применяемые в судебной лингвистической экспертизе / Теория и практика судебной экспертизы. – 2016. – № 1 (41). – С. 118–126.
- Майоров А. П. Коммуникативная ситуация и конситуативное значение в конфликтогенном тексте / Юрлингвистика. – 2018 – № 7-8. – С.75-90.
- Сергеич П. Искусство речи на суде. М., 2008.
- Современный медиатекст: учебное пособие / отв. ред. Н.А. Кузьмина. Омск, 2011.
- Тимофеева М. К. Интроспекция как предмет и как метод лингвистики / НГУ. Серия: История, филология. – 2010. – Том 9. – Выпуск 2. Филология. – С. 3-12.
- Чернявская В. Е. Текст в медиальном пространстве. М., 2017.
- Weiss M. Deepfake Bot Submissions to Federal Public Comment Websites Cannot Be Distinguished from Human Submissions. Technology Science. 2019121801. December 18, 2019. <http://techscience.org/a/2019121801>.

References

- Baranov, A. N. (2017). Linguistics in linguistic expertise (method and truth). Bulletin of the Volgograd State University, 16 (2), 18-27 (in Russian).
- Galyashina, E. I. (2017). Special methods of forensic linguistic expertise and expert phantoms (reflections after reading the forensic works of R. S. Belkin). Theory and practice of forensic examination, 12 (3), 33-39 (in Russian).
- Galyashina, E. I. (2021). Forensic linguistic expertise: a textbook. Moscow (in Russian).
- Galyashina E. I. (2020). Forensic speech science: a textbook. Moscow (in Russian).
- Kuznetsov, V. O. (2021). Forensic linguistic expertise: monograph. Moscow (in Russian).
- Kuznetsova, A. V. (2010). On the definition of the concept of media text. Proceedings of Higher Educational Institutions. The North Caucasus region. Social sciences, 5, 141-145 (in Russian).

-
- Kukushkina, O. V. (2016). Methods of analysis used in forensic linguistic expertise. Theory and practice of forensic examination, 1 (41), 118-126 (in Russian).
- Kuzmina, N. A. Ed. (2011). Modern media text: a textbook. Omsk (in Russian).
- Sergeich, P. (2008). The Art of speech in court. Moscow (in Russian).
- Timofeeva, M. K. (2010). Introspection as a subject and as a method of linguistics. UNN. Series: History, philology, 9 (2), 3-12 (in Russian).
- Chernyavskaya, V. E. (2017). Text in the medial space: textbook. Moscow (in Russian).
- Weiss, M. (2019). Deepfake Bot Submissions to Federal Public Comment Websites Cannot Be Distinguished from Human Submissions. Technology Science. 2019121801. December 18, 2019. Available from: <http://techscience.org/a/2019121801>.
-

Citation:

Галяшина Е. И. Отличительные особенности судебной лингвистической экспертизы современного медиатекста // Юрислингвистика. – 2024. – 34. – С. 71-76.

Galyashina E. I. (2024) Distinctive Features of Forensic Linguistic Examination of Modern Media Text. Legal Linguistics, 34, 71-76.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Выражение вражды и унижения в креолизованных текстах (на материале интернет-мемов)

Т. С. Кашарина¹, Э. Р. Батурина²

¹Университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА)

ул. Садовая-Кудринская, 9, 123001, Москва, Россия. E-mail: taisya.kravchenko2014@yandex.ru

²Государственный университет просвещения

ул. Веры Волошиной, д. 24, 141014, Мытищи, Россия. E-mail: baturina.elvi@yandex.ru

Данная статья посвящена вопросу вербализации значений вражды и унижения в креолизованных текстах юмористического характера на примере интернет-мемов. Дается описание понятий «вражда» и «унижение» с точки зрения их трактовки в законодательстве и в рамках судебной лингвистической экспертизы. Анализируется специфика интернет-мемов как креолизованных текстов: особенности их текстовых (интертекстуальность, рифмовки) и невербальных компонентов (иконические знаки, знаки-индексы, символы), способы создания комического эффекта (гротеск, метафора, противопоставление), наличие как минимум двух иллокутивных целей: вызвать смех и сообщить адресату негативную информацию о группе лиц. Описываются лингвистические признаки значения «вражда» (негативное изображение свойств и поведения группы лиц или ее представителей, описание их как представляющих угрозу, одобрение противозаконных или насильственных действий по отношению к ним) и «унижение» (констатация «неполноценности» группы лиц, которая представляется как «чужая»). Кроме того, рассматривается степень вербализации данных негативных компонентов смысла. Делаются выводы об особенностях лингвистического анализа таких текстов, намечаются направления дальнейших исследований.

Ключевые слова: креолизованный текст, интернет-мемы, вербализация, вражда, унижение, комический эффект, иллокутивная цель, интертекстуальность.

Expression of Animosity and Disparagement in Internet-Memes as Humorous Creolized Texts

T. S. Kasharina¹, E. R. Baturina²

¹Kutafin Moscow State Law University

9 Sadovaya-Kudrinskaya st, 123001, Moscow, Russia. E-mail: taisya.kravchenko2014@yandex.ru

²Federal State University of Education

24 Very Voloshinoy st., 141014, Mytishy, Russia. E-mail: baturina.elvi@yandex.ru

The article discusses verbalization of the meaning of terms "animosity" and "disparagement" in creolized texts of humorous nature through case-study of Internet-memes. The article explains the meaning of notions "animosity" and "disparagement" in terms of their legal understanding in the Russian law and in the scope of forensic linguistics. Particular qualities of Internet-memes as creolized texts are described: specific features of verbal elements (intertextuality, rhyme) and non-verbal elements (icons, indexes, symbols), means of creating a comic effect (grotesque, metaphor, antithesis), as well as the presence of at least two illocutionary goals: to cause laughter and to inform a recipient about negative qualities of a certain group of individuals. The article describes linguistic manifestations of the meaning "animosity" (a negative portrayal of qualities or behavior of a group of individuals or its representatives, describing them as posing a threat, approval of unlawful or violent actions against them) and "disparagement" (assertion of "inferiority" of a group of individuals, who are considered to be "the others"). Apart from that, the degree of verbalization of these negative components of meaning is considered. The article provides conclusions about the specifics of linguistic analyses of such texts, outlines topics for further research.

Key words: creolized text, Internet-memes, verbalization, animosity, disparagement, comic effect, illocutionary goal, intertextuality.

Характеристика интернет-мемов как юмористических креолизованных текстов

В настоящее время интернет-мемы являются популярной формой существования комического текста. Интернет-мем – это особый вид текста, основная коммуникативная функция которого – вызвать смех у адресата. Адресатом выступает неопределенный круг лиц из числа пользователей сети Интернет. Мемы имеют четкую структуру, где присутствует текстовая составляющая, неразрывно связанная с нетекстовой (изображение). Такие тексты носят название креолизованных.

Этот термин был предложен Ю. А. Сорокиным и Е. Ф. Тарасовым, которые определили креолизованный текст как «текст, фактура которого состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой или речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык» [Сорокин, Тарасов 1990: 30].

Являясь разновидностью юмористического креолизованного текста, интернет-мем имеет ряд важных особенностей. В первую очередь, это тексты, обладающие сложной структурой: креолизованный текст воспринимается как единое целое, состоящее из двух разных подструктур, которые могут дополнять друг друга или противоречить друг другу (очень часто на контрасте вербального и невербального элементов строится комический эффект интернет-мема). Взятые по отдельности, элементы креолизованного текста могут вовсе не иметь никакой связи со смыслом креолизованного текста и не оказывать на адресата такого же воздействия, какое оказывает их сочетание.

Во-вторых, креолизованные тексты могут включать в себя любые виды семиотических знаков. В семиотике принято выделять иконические знаки, знаки-индексы и знаки-символы.

Иконические знаки – это знаки, характеризующиеся фактическим подобием означаемого и означающего. Чарльз Пирс выделял среди иконических знаков образы (сходство означаемого и означающего основано на «простых качествах»: форма, цвет, манера двигаться и пр.) и диаграммы, где сходство основано на соотношении частей означаемого и означающего. В юмористических креолизованных текстах примерами иконических знаков могут служить непосредственно изображения (фотографии, рисунки, диаграммы, геометрические фигуры и др).

Знаки-индексы представляют собой знаки, основанные на отношении смежности между означаемым и означающим в реальной действительности. Например, дым – индекс огня, жар – индекс заболевания, покраснение кожи лица – индекс чувства неловкости, стыда [Кобозева 2020: 42]. В юмористических креолизованных текстах знаки-индексы могут являться частью иконических знаков (например, фотография человека – иконический знак, наличие у человека на фотографии национальной одежды – знак-индекс, показатель принадлежности к определенной культуре или этносу).

Знаки-символы – это те знаки, в которых связи между означаемым и означающим устанавливаются произвольно, по соглашению (например, сигнал светофора, где трем цветам приписаны три значения) [Кобозева 2020: 42]. В креолизованных текстах примером таких знаков могут служить как вербальные, так и визуальные метафоры.

В-третьих, ввиду структурной и семиотической сложности юмористических креолизованных текстов, они имеют определенные прагматические особенности, связанные, в первую очередь, с фактором адресата. Адресат (или реципиент) юмористического креолизованного текста (интернет-мема) должен обладать рядом свойств, которые позволят ему правильно распознавать смысл этого текста, считывать сообщение, «закодированное» адресантом в сочетании текста и изображения. В частности, адресат текста должен владеть языком, на котором составлена вербальная составляющая интернет-мема, понимать информацию, которую несут невербальные знаки в тексте, обладать фоновыми знаниями, а также набором определенных убеждений и ценностей, чтобы воспринять креолизованный текст как смешной.

Наконец, еще одна важная прагматическая особенность юмористических креолизованных текстов – их иллокутивная цель. Под иллокутивной целью (в терминологии Дж. Лайонза понятию иллокутивной цели соответствует понятие плана говорящего) принято понимать намерение, интенцию адресанта, выраженную тем или иным пропозициональным содержанием и иллокутивной силой и направленную на определенные изменения в поведении адресата в соответствии с данным намерением [Дьяченко 2014: 2]. В юмористических креолизованных текстах могут одновременно реализовываться более чем одна иллокутивная цель. Например, наряду с целью «рассмешить, вызвать смех» может быть реализована ассертивная (утверждение о каком-то положении дел) или экспрессивная (выражение эмоций) цель.

Именно эта особенность, связанная с реализацией нескольких иллокутивных целей, обуславливает наличие в интернет-мемах таких компонентов смысла, которые могут негативно характеризовать группу лиц, объединенных общим признаком, а также выражать по отношению к этой группе вражду или оправдание негативного отношения.

Понятия вражды и унижения

Прежде чем рассматривать вопрос о том, каким образом в таких видах креолизованных юмористических текстов, как интернет-мемы, представлены элементы смысла «вражда» и «унижение», необходимо оговорить, как нами понимаются оба названных понятия.

Поскольку креолизованные тексты юмористического характера часто становятся предметом анализа в рамках судебной лингвистической экспертизы по делам об экстремизме, мы будем рассматривать понятия вражды и унижения в соответствии с их трактовкой в законодательстве и в практике лингвистической экспертизы по данной категории дел. (Оговоримся, что целью настоящей работы не является рассмотрение соответствующих статей закона, а также приводимых креолизованных текстов с правовой точки зрения.)

В первую очередь следует отметить, что непосредственного определения понятий «вражда» и «унижение» в законодательстве нет. В статьях УК РФ и КоАП РФ содержится формулировка «возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» [УК РФ, КоАП РФ 2024]. Далее, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 N 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» говорится следующее: «Под действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, следует понимать, в частности, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, социальной группы, приверженцев той или иной религии» [Постановление Пленума Верховного Суда 2021]. Данная формулировка дает представление о действиях, направленных на возбуждение ненависти или вражды, но для целей настоящей работы все-таки является недостаточной: для определения степени вербализации вражды и унижения в креолизованных юмористических текстах мало интуитивного понимания этих терминов (характерного для любого носителя русского языка), необходимы четкие лингвистические признаки, конституирующие значение этих понятий.

Такие признаки более подробно описаны в методике проведения судебных лингвистических экспертиз по делам об экстремизме. В первую очередь, выделяют три компонента так называемого «экстремистского» значения текста: тематика/предмет речи, отношение, цель. Для значения «возбуждение ненависти либо вражды» названным компонентам соответствуют следующие лингвистические признаки:

1) тематика речи – группа лиц или ее представители, выделяемые по признаку пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе; описываются негативные действия некоей группы («чужой») в отношении другой группы («своей»); и/или описываются недостатки и свойства, представляющие чужую группу неполноценной, и/или превосходство своей группы над чужой, и/или описывают действия против предмета речи;

2) отношение – выражено негативное отношение к группе (предмету речи) и/или ее представителям: негативно оценивается поведение и/или свойства группы;

3) цель – демонстрация мнения, убеждение/побуждение/оправдание негативных действий по отношению к предмету речи [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2022: 88].

Таким образом, термин «вражда» будет пониматься в настоящем исследовании как негативное изображение группы лиц с целью убедить адресата в необходимости отрицательного отношения или совершения противоправных либо насильственных действий по отношению к данной группе лиц или к ее представителям.

У понятия «унижение» также нет законодательного определения, поэтому мы снова обращаемся к методическим рекомендациям по проведению лингвистических экспертиз по делам об экстремизме. В этом случае выделяются такие же компоненты значения – тематика, отношение, цель, – которым соответствуют следующие лингвистические признаки:

1) предмет речи – представители группы лиц, обладающей названным в законодательстве признаком;

2) отношение – выражено негативное отношение к чужой группе и превосходство над ней (имеет место констатация неполноценности чужой группы);

3) цель – информирование об отношении к предмету речи [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2022: 80].

Таким образом, термин «унижение» в настоящей работе понимается как выраженное негативное отношение к группе лиц, которая представляется как «чужая» в противопоставлении со «своей», где «чужая» группа изображается как неполноценная, заведомо проигрывающая по сравнению со «своей».

Далее мы рассмотрим примеры того, как лингвистические признаки значения «вражда» и «унижение» могут быть представлены в юмористических креолизованных текстах.

Вербализация вражды и унижения в интернет-мемах

Материалом для исследования послужили юмористические креолизованные тексты (мемы), размещенные в сети Интернет, а конкретно – в социальной сети Вконтакте. Данные креолизованные тексты публикуются в тематических группах, имеющих развлекательный юмористический характер, и становятся доступны широкому кругу получателей благодаря многочисленным репостам на другие страницы сети Вконтакте.

В ходе исследования мы проанализировали более двадцати интернет-мемов, которые разделили на две категории: содержащие лингвистические признаки значения «вражда» и содержащие лингвистические признаки «унижение».

1. Лингвистические признаки вражды, в свою очередь, включают в себя:

– изображение свойств или поведения группы лиц (черты внешности, речевое поведение, традиции и пр.) как негативное;

– изображение свойств или поведения группы лиц (черты внешности, речевое поведение, традиции и пр.) как представляющее угрозу;

– оправдание или одобрение негативного отношения к группе лиц, или же насильственных действий по отношению к группе лиц.

2. Лингвистические признаки унижения содержат:

– негативное изображение группы лиц с акцентированием внимания на их «неполноценности».

Ниже будет представлено подробное описание примеров юмористических креолизованных текстов, содержащих указанные компоненты значения.

1.1 Изображение свойств группы лиц как негативное

К этой группе относятся юмористические креолизованные тексты, имеющие в упрощенном, самом общем виде, структуру: языковой знак (текстовая надпись) + неязыковой (семиотический) знак. Самый распространенный вид семиотического знака в этой категории – иконический, представленный в виде изображения. Для текстов данной группы характерны следующие особенности:

- свойства группы, изображаемые как негативные, включают в себя черты внешности, речевое поведение, традиции, которые характерны для представителей определенной религии, этноса, национальности;
- преобладающее наличие квантора всеобщности – свойство, которое в креолизованном тексте соответствует одному представителю группы лиц, экстраполируется на всю группу;
- вербализация негативных компонентов смысла носит градуальный характер (невербализуемые, слабо вербализуемые, хорошо вербализуемые);
- текстовая составляющая креолизованного текста может быть как самостоятельным высказыванием, так и референцией к другим интернет-мемам (интертекстуальность);
- наличие минимум двух иллокутивных целей: 1) рассмешить адресата, 2) описать группу лиц как негативную, представляющую угрозу.

Наиболее типичным примером креолизованных текстов данной группы является мем, представленный в QR-коде 1.

QR-code 1. Пример интернет-мема со слабой вербализацией собственно негативного компонента смысла

Текстовый компонент данного креолизованного текста представлен фразой «Одна бровь два глаза мой парень с Кавказа» (орфография и пунктуация оригинального текста сохранены). Текст представлен в рифмованном виде. Невербальный компонент текста представлен фоновой картинкой: фотографией с изображением мужчины в очках, лысого, с черными усами и бровями, смуглым цветом кожи. Мужчина на фотографии широко улыбается, и видно, что во рту у него не хватает зубов.

Сочетание рифмованного текста, который построен на противопоставлении (одна бровь – два глаза) и изображения человека с акцентными, гротескными чертами внешности (широкие брови, создающие впечатление одной длинной брови, отсутствие зуба, лысая голова, пышные усы) направлены на создание комического эффекта.

При этом текстовый компонент имеет следующую пропозицию: если у человека «одна бровь», то есть расстояние между бровями очень маленькое, то он родом с Кавказа. Таким образом, черта внешности экстраполируется на всех людей, имеющих признак этнической принадлежности «представитель Кавказа». При этом невербальный элемент (изображение) подчеркивает эту особенность внешности в гипертрофированном виде. Кроме того, квантор всеобщности, присутствующий в текстовой составляющей креолизованного текста, распространяется как будто и на изображение: одна бровь характерна для любого представителя Кавказа, человек на фотографии символизирует представителя Кавказа, значит, представители Кавказа имеют черты внешности, схожие с изображенными на картинке: отсутствие волос, нехватка зубов, черные усы и широкие брови.

Таким образом, в данном тексте выделяется в гротескном виде черта внешности (свойство) людей, принадлежащих определенной группе, и приписывается всем ее представителям. Акцент на этой черте внешности (свойстве) становится основанием для построения комического эффекта, то есть причиной смеха (насмешки) над данной группой лиц. При этом степень вербализации собственно негативного компонента смысла в данном тексте достаточно слабая: свойство группы является основанием для насмешки, но не характеризуется как отрицательное. Требовались бы дополнительные экспликации и семантические следствия, чтобы выявить намек на то, что внешность представителей группы не соответствует конвенциональным понятиям красоты, а значит, является некрасивой (оценивается негативно).

Хорошо вербализуемые негативные компоненты смысла представлены на QR-code 2.

QR-code 2. Пример интернет-мема с хорошей вербализацией собственно негативного компонента смысла

Здесь невербальный элемент текста – фотография человека азиатского происхождения, а надпись гласит: «Ну что ж ты страшный такой, ты такой страшный? Ах точно, ты же азиат». В этом случае оба элемента текста содержат эксплицитную, легко вербализуемую информацию о непривлекательности людей азиатского происхождения.

1.2 Изображение свойств или поведения группы лиц как негативное, представляющее угрозу

Юмористические креолизованные тексты данной группы могут иметь как структуру, идентичную рассмотренной выше, так и более сложную: языковой знак (надпись) + неязыковой (семиотический) иконический знак (изображение) + знак-индекс (часть иконического знака). Характерный пример такого креолизованного текста представлен на QR-code 3.

QR-code 3. Пример интернет-мема с вербализацией значения «группа лиц, представляющая угрозу»

Текстовая составляющая представлена надписью: «Наши сказки самые добрые. А те, кто в этом сомневаются, должны умереть!» Невербальная составляющая представлена фотографией нескольких людей в головных уборах, напоминающих традиционно арабские, какими их представляют в массовой культуре (куфия, тюрбан). Один из них держит в руках книгу, на страницах которой записи сделаны шрифтом, имеющим сходство с арабской вязью. В этом случае фотография – иконический знак, изображение. Традиционные головные уборы, надписи в книге – знаки-индексы, указывающие на принадлежность изображенных на фотографии людей к арабской культуре.

Комический эффект мема создается противопоставлением «сказки самые мирные – кто не верит, того убьем».

Пропозиция текстовой составляющей в данном примере дополняется невербальной составляющей и звучит так: наши, арабские, сказки – самые добрые, кто в этом сомневается, кто не разделяет наших взглядов, должен умереть. В данной пропозиции реализуются смысловые блоки, характерные для угрозы-наказания [Баранов 2021: 153]:

- субъект угрозы (угрожающий) – автор, выступающий от лица изображенных на картинке людей;
- адресат угрозы – те, кто не разделяет взгляды этих людей (убеждение в том, что их сказки самые мирные);
- негативно оцениваемая субъектом угрозы ситуация – несогласие со взглядами изображенных на картинке людей о мирном характере их сказок;

– санкция – те, кто в этом сомневается, должны умереть. Примечательно, что слово «должны» здесь выражает обязательство исполнения санкции со стороны угрожающего: в данном контексте реализуется значение «обязаны», сфера действия которого относится не к внутренним свойствам лиц, о которых идет речь (модус de re), а к убежденности авторов высказывания, т. е. ко всему предложению (модус de dicto).

Таким образом, в данном креолизованном тексте группа лиц изображается как представляющая угрозу тем, кто не разделяет ее взглядов. Негативный компонент смысла в данном случае хорошо вербализуется.

1.3. Оправдание или одобрение негативного отношения или же насильственных действий по отношению к группе лиц

Тексты данной группы имеют структуры, описанные в п. 1.1 и 1.2. В качестве примера наиболее распространенного вида таких текстов мы приведем QR-code 4.

QR-code 4. Пример интернет-мема с вербализацией значения «одобрение насильственных действий в отношении группы лиц»

Текстовая составляющая мема в данном случае представлена надписью, содержащей рифмованный текст: «Яжки литр накатил чурканам е***набил (с) Джейсон Стетхем». Текст оформлен в виде цитаты, что является проявлением интертекстуальности: цитаты, приписываемые американскому актеру Джейсону Стетхему, представлены в Интернете в большом количестве, для них характерна подчеркнутая, комическая брутальность и очевидность утверждаемого. Невербальная составляющая представлена иконическим знаком (фотографией): двое мужчин на фоне мечети, к которой тянется очередь. Внешность обоих лишена ярко выраженных особенностей, мужчина слева чем-то напоминает «автора» приведенной цитаты, актера Джейсона Стетхема. На головах у них традиционный мусульманский головной убор (тубетейка). Головной убор и мечеть на заднем фоне – это знаки-индексы, указывающие на принадлежность к исламу.

В текстовой составляющей содержится этнофолизм «чурканы», производное от «чурка», слово, имеющее в словаре пометку «грубо-просторечное», «презрительное» и словарное определение «об азиате, кавказце» [Мокиенко, Никитина 2003: 386]. Выражение «е*** набил» содержит лексическую единицу, являющуюся нецензурным аналогом слова «рот» [Мокиенко, Никитина 2003: 134].

Интересно оформление текста как цитаты: понятно, что реально существующему актеру эти слова принадлежать не могут. Они приписываются, скорее, интернет-персонажу «Джейсону Стетхему», некому образу, который сложился главным образом на основе сыгранных этим актером ролей (в основном это роли человека, спасающего мир, побеждающего зло). Этому интернет-персонажу приписывают множество «брутальных» выражений (см. «Можно сдавать ЕГЭ и ОГЭ, нельзя сдавать своих пацанов», «Не проси уважения, делай так, чтобы тебя уважали»), его образ комический и в целом положительный. Создается впечатление, что если фраза говорится от лица такого персонажа, значит, в названном в ней действии ничего плохого нет. Однако наличие «автора» цитаты и ее комический характер не меняют пропозицию текстовой составляющей высказывания: персонаж креолизованного текста выпил литр «яжки» (алкогольный напиток «Ягуар») и побил «чурканов» (представителей Азии либо Кавказа).

Можно сделать вывод, что в данном тексте выражено положительное отношение к содержанию пропозиции? Во-первых, важно отметить, что в нем никак не представлено обратное – отрицательное отношение к описанному действию. Во-вторых, за счет наличия этнофолизма и нецензурной лексики выражено негативное отношение к группе лиц, в отношении которой совершаются насильственные действия (избиение). Создается впечатление, что персонаж креолизованного текста, представляющийся как положительный, побил заведомо отрицательных персонажей, а значит, совершил положительный поступок. Можно говорить о том, что одобрительное отношение к действию, направленному против группы лиц, в данном случае вербализуемо.

3. Констатация неполноценности группы лиц, понимаемой как «чужая»

С точки зрения структуры мема, содержащие данный компонент смысла, идентичны описанным выше. Неполноценность группы лиц, которая представляется «чужой» в противоположность «своей», изображается на основании:

- 1) свойств группы (черты внешности, речевого поведения, религии, традиций и пр.),
- 2) существующих стереотипных представлений о группе.

Неполноценность группы показывается в гиперболизированном виде и выступает в качестве основания для комического эффекта. Такие креолизованные тексты могут содержать стилистически сниженную лексику, оскорбительные сравнения (часто группа лиц сравнивается с представителями животного мира), высказывания, имеющие неприличную форму.

В качестве примера рассмотрим QR-code 5.

QR-code 5. Пример интернет-мема с вербализацией значения «неполноценность группы лиц, воспринимаемой как "чужая"»

Текстовый элемент представлен фразой «Вот в чем разница». Невербальный элемент содержит иконический знак (изображение), где приводится сравнение двух рисунков. Первый рисунок содержит изображение коляски с ребенком и силуэт человека, который с оружием в руках закрывает коляску собой. Ниже расположено изображение флага Армении. На втором рисунке можно увидеть силуэт животного (барана), под которым расположено изображение флага Азербайджана. Флаги, изображения людей и животного выступают здесь знаками-символами.

В рассматриваемом примере указаны две группы лиц: жители Армении и Азербайджана. При этом первые изображены в облике людей, а вторые – в виде животных, то есть в позиции ниже, чем первые. Характерно также, что оружие человека на рисунке, изображающего жителей Армении, направлено на рисунок, где изображение символизирует жителей Азербайджана: это можно расценить и как угрозу в адрес последних, и как демонстрацию слабости их перед первыми (снова – констатация неполноценности). Негативный элемент смысла в данном случае вербализуется хорошо.

Выводы

Мем как вид юмористического креолизованного текста представляет собой сложное для анализа явление. Структура такого текста позволяет использовать разные знаки, для интерпретации которых требуются знания в области культурологии, истории, религиоведения, страноведения и других наук. Текстовая составляющая может быть представлена нейтральным высказыванием, понятным любому носителю русского языка, или же являться цитатой из произведений массовой культуры, референцией к другим юмористическим текстам, мемам и пр. Наличие нескольких иллюкативных целей предполагает возможность не только произвести комический эффект на адресата, но и сообщить ему негативные сведения о какой-либо группе лиц.

Открытым остается вопрос о роли комического эффекта в креолизованных текстах, содержащих такие компоненты смысла, как вражда и унижение. Можно ли считать, что он препятствует или, напротив, способствует вербализации этих компонентов? Справедливо ли говорить о том, что комический характер интернет-мемов может в ряде случаев выступать как средство выражения одобрения действий, направленных против группы лиц? Возможны ли случаи нейтрализации негативного значения за счет комического эффекта? Мы считаем, что эти вопросы заслуживают подробного изучения в рамках отдельного исследования.

Специфика текстовой и невербальной составляющих интернет-мемов рассматривалась в данной работе достаточно поверхностно. Скорее, были намечены направления дальнейших исследований, в частности, рассмотрение явлений интертекстуальности, языковой игры, различных видов знаков и их репрезентации в юмористических креолизованных текстах, более подробный анализ фактора адресата.

Мы надеемся, что выявленные в данной работе особенности вербализации вражды и унижения в интернет-мемах послужат основанием дальнейших исследований в области лингвистического анализа креолизованных текстов и лингвистической экспертизы.

Литература

- Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика. М., 2018.
- Баранов А. Н. Угроза в криминальном дискурсе. Семантика и прагматика. М., 2021
- Дьяченко И. А. Иллюкативная цель высказываний с политически корректной лексикой / Science and world. 2014. № 7 (11).
- Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М., 2021.
- «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 22.06.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/
- Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М., 2014.
- Лайонз Дж. Лингвистическая семантика. Введение. М., 2003.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Словарь русской брани. Матизмы, обсценизмы, эвфемизмы. СПб., 2003.
- Пищерская Е. Н. Креолизованный текст как объект изучения в лингвистике / Litera. 2023. № 5. С. 55-65. DOI: [10.25136/2409-8698.2023.5.40748](https://doi.org/10.25136/2409-8698.2023.5.40748) EDN: ZHKUAD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40748

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 N 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/

Романова Т. В. Модальность. Оценка. Эмоциональность: Монография. Нижний Новгород, 2008.

Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Оптимизация речевого воздействия. М., 1990.

Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. – Вып. 17. – С. 170–194.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 2007.

«Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 12.06.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

References

Baranov, A. N. (2018). Linguistic examination of the text. Theoretical foundations and practice. Moscow (in Russian).

Baranov, A. N. (2021). Threat in a criminal discourse. Semantics and pragmatics. Moscow (in Russian).

Dyachenko, I. A. (2014). The illocutionary goal of utterances with politically correct words. Science and world, 7 (11) (in Russian).

Kobozeva, I. M. (2021). Linguistic semantics. Moscow (in Russian).

"The Code of Administrative Offences of the Russian Federation" от 30.12.2001 N 195-FZ (ed. in 22.06.2024). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (in Russian).

Kukushkina, O. V., Safonova, Y. A., Sekerazh, T. N. (2014). Method of conducting forensic psychological and linguistic examination of material in cases connected with countering terrorism and extremism. Moscow (in Russian).

Lions, J. (2003). Linguistic semantics. Moscow (in Russian).

Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2003). Dictionary of Russian abusive language. Unprinted words, obscene words euphemisms. Saint-Petersburg (in Russian).

Pishcherskaya, E. N. (2023). Creolized text as a study object in linguistics. Litera, 5, 55-65. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.40748. Available from: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40748 (in Russian).

Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 28.06.2011 N 11 (ed. in 28.10.2021) "On court practice in criminal cases of extremism". Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/ (in Russian).

Romanova, T. V. (2008). Modality. Evaluation. Emotionality: Monograph. Nizhnii Novgorod (in Russian).

Sorokin, Y. A., Tarasov, E. F. (1990). Creolized texts and their communicative function. Optimisation of a speech impact. Moscow (in Russian).

Searle, J. R. (1986). Klassification of illocutionary acts. New in foreign linguistics, 17, 170–194. Moscow (in Russian).

Russian dictionary with information of word origin / ed. by N.Y. Shvedova (2007). Moscow (in Russian).

"Criminal Code of the Russian Federation" from 13.06.1996 N 63-FZ (ed. in 12.06.2024). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (in Russian).

Citation:

Кашарина Т. С., Батурина Э. Р. Выражение вражды и унижения в креолизованных текстах (на материале Интернет-мемов) // Юрислингвистика. – 2024. – 34. – С. 82-89.

Kasharina T. S., Baturina E. R. (2024) Expression of Animosity and Disparagement in Internet-Memes as Humorous Creolized Texts. Legal Linguistics, 34, 82-89.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Специалист-лингвист как субъект правоприменительной деятельности

В. О. Кузнецов

*Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы имени профессора А. Р. Шляхова при Министерстве юстиции Российской Федерации
Большой Спасоглинищевский пер., 4, 101000, Москва, Россия. E-mail: v.kuznetsov@sudexpert.ru*

Статья посвящена специалисту-лингвисту, его процессуальному статусу в российском законодательстве. Рассмотрены функции специалиста-лингвиста в соответствии с процессуальным законодательством, обобщенные как оказание технической и научной (консультативной) помощи правоприменителю. Показана специфика такой помощи исходя из характера специальных знаний. Особое внимание уделяется вопросу о процессуальном статусе заключения специалиста, его отличии от заключения эксперта.

Ключевые слова: судебная экспертология, судебная лингвистика, специалист-лингвист, заключение специалиста.

A Language specialist as a Subject of Law Enforcement

V. O. Kuznetsov

*Russian Federal Centre of Forensic Science named after A. R. Shlyakhov of the Ministry of Justice of the Russian Federation
4 Bolshoi Spasoglinischevsky Lane, 101000, Moscow, Russia. E-mail: v.kuznetsov@sudexpert.ru*

The article concentrates on a language specialist and their procedural status in the Russian legislation. The responsibilities of a language specialist are considered in accordance with the procedural legislation and stated as providing technical and scientific (advisory) assistance to a law enforcement officer. The specificity of such assistance is shown based on the nature of special knowledge. Special attention is paid to the issue of the procedural status of the expert's opinion, its difference from the expert's conclusion.

Key words: forensic expertology, forensic linguistics, language specialist, specialist opinion.

Помимо эксперта, в процессуальном законодательстве имеется одна процессуальная фигура, являющаяся носителем специальных знаний, – специалист. По мнению Е. Р. Россинской, учение о специалисте как субъекте правоприменительной деятельности является неотъемлемой составляющей предмета судебной экспертологии [Россинская 2015: 17]. Как подчеркивает в этой связи О. Г. Дьяконова, существенно расширяя этот раздел включением таких подразделов, как формы участия специалиста в судопроизводстве и иной юрисдикционной деятельности, форма и содержание заключения и консультации специалиста и др., «отсутствие этих положений в изучаемом предмете не позволит представить завершённую картину в исследовании макроинститута специальных знаний» [Дьяконова 2017: 159].

Соглашаясь с Е. Р. Россинской и О. Г. Дьяконовой, добавим, что и эксперт, и специалист в соответствии с процессуальным законом являются лицами, обладающими специальными знаниями, объем которых в целом не должен различаться, поскольку, учитывая процессуальные функции специалиста, он должен обладать в целом теми же специальными знаниями, что и эксперт, например, для постановки вопросов эксперту, разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию (ч. 1 ст. 58 УПК России).

Кроме того, часто эксперты судебно-экспертных учреждений выступают в роли специалистов. Как отмечают Э. А. Васильев и И. Г. Корнилова, «одно и то же лицо в зависимости от сложившейся ситуации в ходе расследования и/или судебного разбирательства может выполнять функции как специалиста, так и эксперта. Присвоение статуса (с соответствующими правами, обязанностями, ответственностью) зависит от потребностей в установлении истины, что ставит обладателя специальных знаний в зависимость от воли правоохранительных органов, но не лишает свободы и самостоятельности в приложении этих знаний. В сущности, говоря о специалисте и эксперте, научное

сообщество подразумевает “сведущих лиц”, акцентируя внимание на взаимосвязи разных форм использования специальных знаний: сведущее лицо – лицо, обладающее специальными познаниями, которое может выполнять в судопроизводстве функции специалиста или эксперта» [Васильев, Корнилова 2021: 53]. Об этом же в несколько ином аспекте пишет и Л. К. Бондаренко: «при исследовании процессуальных функций специалиста можно говорить о том, что и специалист, судя по разнообразию обязанностей (ст. 58 УПК России), должен быть экспертом, поскольку его участие в процессе (в случае назначения некоторых видов частных экспертиз, например, судебно-искусствоведческой экспертизы) даже более разнообразно, чем у судебного эксперта. Он должен обладать не менее глубокими специальными знаниями и профессиональным опытом, чем эксперт» [Бондаренко 2021: 68].

Прежде чем рассмотреть фигуру специалиста-лингвиста как субъекта правоприменительной деятельности, необходимо остановиться на вопросе процессуального статуса специалиста в законодательстве.

Наиболее полно статус специалиста, его права и обязанности представлены в ст. 58 УПК России: специалист – лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном настоящим Кодексом, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. В данном случае законодатель наделяет специалиста статусом носителя специальных знаний и описывает его функции, которые можно обобщить как оказание научной и технической помощи правоприменителю. То же самое в целом можно говорить и о статусе специалиста в других видах процесса, о чем свидетельствуют его процессуальные права и обязанности, регламентированные ст. 188 ГПК России, ст. 55.1 АПК России, ст. 25.8 КоАП России, ст. 50 КАС России.

В целом процессуальным законодательством предусматриваются схожие права и обязанности специалиста, которые, на наш взгляд, лаконично и точно обобщены О. Г. Дьяконовой в предложенном ею определении специалиста как процессуальной фигуры: «Специалист – это лицо, обладающее специальными знаниями, не заинтересованное в исходе дела и привлекаемое в судопроизводство и иную юрисдикционную деятельность для оказания помощи лицу, ведущему процесс, с целью дачи консультаций, разъяснения, содействия в исследовании доказательств, оказания технической помощи и применении технических средств» [Дьяконова 2017: 160]. С этим определением следует согласиться, поскольку, действительно, деятельность специалиста можно определить как вспомогательную: «Иными словами, специалист осуществляет вспомогательную деятельность, основанную на разъяснении суду, сторонам вопросов, которые являются узкопрофессиональными и содержат сложные для понимания сведения о сущности отдельных обстоятельств дела и выводах, в том числе и представленных из заключения эксперта» [Основы судебной экспертологии 2023: 125-126]. Вышеизложенное в полной мере относится и к специалисту-лингвисту.

Как указывалось выше, функции специалиста можно обобщить как оказание технической и научной помощи правоприменителю. При этом характер технической помощи также определяется спецификой специальных знаний. Так, специалист-лингвист обладает специальными знаниями и навыками фиксации звучащей речи, воспроизведения аудио- и видеозаписей, на которых такая речь зафиксирована, а также знаниями в области программных средств обработки и анализа речевого сигнала, навыками работы с данными средствами, которыми правоприменитель не обладает.

Специалист-лингвист в силу имеющихся у него специальных лингвистических знаний может оказать содействие в отборе экспериментальных образцов голоса и звучащей речи, а также экспериментальных образцов письменной речи для проведения идентификационного исследования. В большинстве случаев такая помощь, оказываемая специалистом-лингвистом, оправдана, что обусловлено сложностями, определяемыми природой звучащей и письменной речи.

Зачастую для проведения идентификационного исследования по голосу и звучащей речи в качестве образцов предоставляется некачественный, малоинформативный и, как следствие, непригодный материал, например, чтение текста инкриминируемой обвиняемому статьи УК России. Привлечение специалиста-лингвиста позволит произвести отбор образцов голоса и звучащей речи более эффективно. Пригодным в данном случае образцом является спонтанный, неподготовленный рассказ фигуранта на свободную тему (например, о его семье, хобби, детстве и т. п.), а также чтение специально созданных фонетически представительных текстов (например, «Антонич», «Был тихий серый вечер», «Дом, в котором я живу...» и др.), которые позволяют «исследовать характер реализации и варьирования в речи носителей определенного языка значимых фонетических характеристик и сформировать полноценный речевой портрет говорящего» [Смирнова, Хитров 2013: 6].

То же самое можно сказать и о судебно-автороведческой идентификации, отбор образцов письменной речи для которой имеет свою специфику. Специалист-лингвист обладает знаниями, позволяющими отобрать пригодные образцы речи такого вида, а именно максимально сопоставимые с исследуемым текстом по стилю, жанру, тематике и другим параметрам.

Помощь, оказываемая специалистом-лингвистом в научном аспекте, отличается большим разнообразием, нежели помощь техническая. Данный вид содействия специалиста-лингвиста предполагает хорошее знание работы эксперта-лингвиста, а именно теоретических, методических и организационных основ судебных экспертиз, связанных с применением специальных лингвистических знаний.

Рассмотрение видов научной помощи начнем с процессуальной обязанности специалиста-лингвиста постановки вопросов эксперту (ст. 58 УПК России, ст. 188 ГПК России). Это предполагает наличие у специалиста-лингвиста знаний

о границах компетенции эксперта-лингвиста, современных возможностях судебной экспертизы конкретного рода (вида), а также о современном методическом обеспечении судебных экспертиз. Отсутствие у специалиста-лингвиста таких знаний влечет введение в заблуждение лицо (орган), назначающее экспертизу. Например, специалист, приглашенный в судебное заседание для постановки вопросов на разрешение эксперту по делу о защите чести и достоинства, рекомендует суду поставить вопрос «Содержатся ли в тексте порочащие сведения о гр. N?». Эксперт же по данному вопросу составляет сообщение о невозможности дать заключение, мотивировав это постановкой вопроса, выходящего за пределы специальных знаний.

В некоторых случаях для правильной постановки вопросов специалист-лингвист реализует предусмотренные процессуальным законодательством права, а именно право знакомиться с материалами дела (ст. 58 УПК России, ст. 55.1 АПК России, ст. 25.8 КоАП России, ст. 50 КАС России), задавать вопросы (ст. 58 УПК России, ст. 25.8 КоАП России), заявлять ходатайства о предоставлении дополнительных материалов (ст. 55.1 АПК России, ст. 50 КАС России). Большею частью это имеет место при назначении лингвистических и комплексных психолого-лингвистических судебных экспертиз, поскольку верная постановка вопросов в такого рода экспертизах может зависеть от множества факторов: категории дела, обстоятельств дела, особенностей коммуникативной ситуации, в которой был порожден или воспроизведен текст, ближнего и широкого контекста и др. Например, формулировки вопросов, ставящихся на разрешение эксперта-лингвиста, отличаются в зависимости от категории уголовного дела: по делам об оскорблении на разрешение эксперта рекомендуется постановка вопроса «Содержится ли в высказывании/тексте унижительная оценка гр. N?», по делам о клевете – «Содержится ли в высказывании/тексте негативная информация о гр. N, выраженная в форме утверждения о фактах и событиях?». Верной постановкой вопроса специалист-лингвист окажет содействие с целью дальнейшей квалификации инкриминируемого деяния.

Помимо постановки вопросов на разрешение эксперта, специалист-лингвист может оказать содействие при назначении экспертизы посредством определения целесообразности назначения судебной экспертизы в следующих ситуациях:

- недостаточность или непригодность объекта для проведения экспертного исследования. Например, недостаточность объема подлежащей исследованию фонограммы для проведения идентификационного исследования, вследствие чего фонограмма является непригодной; отсутствие текста, явившегося информационным поводом для подлежащего исследованию текста комментария, в связи с чем объект является ограниченно пригодным для проведения судебной лингвистической экспертизы;

- отсутствие необходимости в применении специальных лингвистических знаний. Такая ситуация имеет место часто при назначении судебной лингвистической экспертизы – в ряде случаев смысл текста очевиден, понятен рядовому носителю русского языка, например в случаях, когда говорящие в разговоре обсуждают предметы речи прямо, не прибегая к средствам скрытой коммуникации. В таких случаях, на наш взгляд, достаточны пояснения специалиста-лингвиста;

- простые случаи применения специальных лингвистических знаний, не требующие проведения исследования. Например, сообщение справочной информации: толкований слов, содержащихся в лингвистических (толковых) словарях (например, «скамер», «ватник»).

Данные ситуации можно отнести к случаям эффективного участия специалиста-лингвиста. Как отмечает Л. К. Бондаренко, «при эффективном участии компетентного специалиста необходимость в судебной экспертизе может и вовсе отпасть» [Бондаренко 2021: 68].

Специалист-лингвист также может оказать содействие в определении рода (вида) назначаемой экспертизы. В данном случае специалист должен знать о тенденциях судебно-экспертной деятельности, в том числе идущих процессах дифференциации и интеграции специальных лингвистических знаний. Например, в настоящее время часто назначают судебные автороведческие экспертизы по делам, связанным с нарушением авторских и смежных прав, с целью решения вопроса о переработке текста. Специалист-лингвист может указать суду, что данная задача относится к судебной экспертизе объектов интеллектуальной собственности, что важно при выборе судебно-экспертного учреждения, поскольку не во всех учреждениях проводятся экспертизы этого рода.

Наряду со случаями назначения судебной экспертизы, специалист-лингвист может быть привлечен в ситуации оценки заключения эксперта, например для разъяснения сложных лингвистических терминов, использованных в заключении эксперта, для оценки научности примененной методики, т. е. большей частью при оценке достоверности заключения эксперта.

Описанные выше случаи научной помощи относятся к консультативной функции специалиста-лингвиста без проведения исследования, которая раскрывается в разных видах процессуального законодательства как обязанность отвечать на поставленные судом вопросы, давать в устной или письменной форме консультации и пояснения (ст. 188 ГПК России, ст. 50 КАС России), разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию (ст. 58 УПК России).

Для эффективности взаимодействия между правоприменителем и специалистом-лингвистом последний должен обладать не меньшим объемом специальных лингвистических знаний, нежели эксперт-лингвист. В связи с чем в качестве специалиста-лингвиста, на наш взгляд, следует привлекать не любое лицо, обладающее научными филологическими знаниями, а лишь лицо, обладающее специальными лингвистическими знаниями, т. е. знаниями в области судебной лингвистики.

Помимо описанных выше форм оказания специалистом научной, т. е. консультативной помощи, УПК России также предусмотрена особая форма – заключение специалиста, требующая особого рассмотрения в аспекте судебной

лингвистики.

Вопрос о разграничении заключения эксперта и заключения специалиста является дискуссионным, что обусловлено неоднозначным правовым определением, данным в ч. 3 ст. 80 УПК России: заключение специалиста – представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами. Это, в свою очередь, определяется использованным в названии документа словом «заключение», а также словом «суждение» в самом определении этого документа, которые, по мнению ряда ученых, свидетельствуют о том, что заключение специалиста, наряду с заключением эксперта, предполагает проведение исследования. Показательной в этом отношении является позиция С. Б. Россинского и Н. С. Расуловой: «согласно ч. 3 ст. 80 УПК России заключение специалиста предполагает некое суждение, под которым в формальной логике обычно понимается достаточно абстрактная категория – мысль, короткий тезис, выраженный во взаимосвязи субъекта с предикатом ($S \rightarrow P$). Причем такие суждения сами по себе вряд ли способны оказать какое-либо влияние на решение дознавателя, следователя, суда, заставить их пересмотреть свою позицию о надежности какого-либо имеющегося доказательства, например, заключения эксперта, и о достаточности имеющейся совокупности доказательств для установления того или иного обстоятельства. К тому же употребляемый законодателем для наименования указанного доказательства термин “заключение” филологи обычно толкуют не как голословный тезис, а именно как выводной продукт, predetermined результатами аналитических операций» [Россинский, Расулова 2022: 17]. Авторы в результате делают следующий вывод: «Таким образом, невзирая на правовую неопределенность ч. 3 ст. 80 УПК России, заключение специалиста надлежит расценивать не иначе как результат исследования сведущим лицом материалов уголовного дела или иных объектов, направленного на формулирование письменного суждения по вопросам, подлежащим разрешению посредством использования специальных знаний» [Россинский, Расулова 2022: 17]. Такой же позиции, связанной с проведением специалистом исследования, придерживается ряд ученых (см., например [Темираев 2005; Семенов 2014; Жажицкий 2015; Толстухина, Устинова 2016]).

Вместе с тем в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» проводится разграничение заключения специалиста и заключения эксперта в соответствии с критерием проведения исследования: «Обратить внимание судов на необходимость наиболее полного использования достижений науки и техники в целях всестороннего и объективного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, путем производства судебной экспертизы во всех случаях, когда для разрешения возникших в ходе судебного разбирательства вопросов требуется проведение исследования с использованием специальных знаний в науке, технике, искусстве или ремесле. Если же проведение исследования не требуется, то возможно привлечение к участию в судебном разбирательстве специалиста в порядке, предусмотренном частями 3 и 4 статьи 80 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Такая же позиция представлена в комментарии к УПК России под общей редакцией В. М. Лебедева: «Заключение специалиста не может заменить заключение эксперта. Специалист, в отличие от эксперта, исследования не проводит и в письменном заключении излагает только свои суждения по поставленным перед ним вопросам, ответы на которые требуют специальных знаний. Его заключение хотя и содержит суждение по вопросам, имеющим значение для уголовного дела, но доказательственной силой, присущей заключению эксперта, не обладает. Суждения, содержащиеся в заключении специалиста, лишь способствуют правильному пониманию сторонами фактов и обстоятельств, имеющих значение для дела (уяснению их места и роли в совершенном преступлении), относительно которых ему были поставлены вопросы» [Комментарий к УПК России 2004: 188], а также в работах ряда ученых. Например, Е. Р. Россинская утверждает, что «в отличие от эксперта, специалист не проводит исследований материальных объектов. Заключение специалиста представляет собой письменную консультацию по вопросам, входящим в его компетенцию, представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами (ч. 3 ст. 80 УПК)» [Россинская 2005: 14].

Мы также придерживаемся мнения о том, что заключение специалиста не предполагает проведения исследования, что объясняется следующим.

Во-первых, законодательство не предполагает существование параллельных доказательств по делу, имеющих разные названия. Как подчеркивает В. Ю. Стельмах, рассуждая по поводу разграничения заключения специалиста и заключения эксперта: «Думается, что в принципе недопустима ситуация, когда в уголовном судопроизводстве параллельно существует несколько видов доказательств, совпадающих и по содержанию, и по доказательственному значению, однако различающихся по процедуре получения» [Стельмах 2017: 82].

Во-вторых, как отмечают некоторые ученые, заключение специалиста представляет собой мнение, не предполагающее проведения исследования: «Исходящие от специалиста сведения в процессуальном значении не могут быть равнозначны экспертному заключению, поскольку являются мнением специалиста, основанном на его специальных познаниях, а не на проведенных им исследованиях. Использование относительно получаемых от специалиста сведений термина “заключение” не соответствует установившемуся в законе, теории и правоприменении пониманию этого источника доказательств, как исходящего от эксперта и основанного на результатах проведенного им исследования» [Байков 2011: 16]. А. Б. Соловьев предлагает в связи с этим использование термина «мнение специалиста» вместо «заключение специалиста» [Соловьев 2007: 96].

Указанная позиция в целом соответствует данным толковых словарей современного русского языка, в которых слово «суждение» толкуется как ‘мнение, заключение о чем-либо; взгляд на что-либо’. То есть «суждение», «мнение» и «заключение» представлены в современном русском языке как синонимы. Об этом также свидетельствует приведенный в словарях иллюстративный материал – примеры словоупотребления: «суждение об искусстве»,

«высказывать свое суждение», «самостоятельность суждений», «Каково ваше суждение по этому поводу?» и т. п. В приведенных примерах суждение представлено как мнение, субъективная оценка предметов, процессов, явлений, а не как знание, характерное для заключения эксперта.

В-третьих, содержание документа в процессуальном законе определяется процессуальными обязанностями носителя специальных знаний. Если процессуальной обязанностью эксперта является проведение исследования, то одной из обязанностей специалиста является оказание консультативной помощи, основанной на специальных знаниях. Соответственно, заключение эксперта предполагает проведение исследования, а заключение специалиста – дачу консультации, предоставление справочной информации.

Процессуальным законом не регламентирована форма заключения специалиста, в связи с чем, по мнению ряда ученых, в данном случае «вполне уместна аналогия с заключением эксперта. Оно должно содержать такие же сведения, за исключением данных об обстоятельствах, не присущих данному виду доказательств (о проведенных исследованиях, о лицах, присутствующих при них, и т. п.)» [Комментарий к законодательству о судебной экспертизе 2004: 117]. Содержание его также не регламентируется, использование слова «суждение», как отмечено выше, подчеркивает лишь отсутствие в заключении специалиста исследования. Как подчеркивают ученые-процессуалисты, «в заключении специалиста могут констатироваться факты справочного характера (например, технические данные о какой-то модели оружия или транспортного средства), содержаться общие сведения о каком-то факте (например, возможно ли возгорание какого-то вещества при определенных условиях), а также разъяснение иных вопросов, входящих в его компетенцию. Специалист может пользоваться нормативным и иным справочным материалом и ссылаться на него в заключении. Однако исследование конкретного объекта (отпечатков пальцев, образцов почерка и т. п.) недопустимо. При возникновении такой необходимости должна проводиться судебная экспертиза» [Комментарий к законодательству о судебной экспертизе 2004: 117].

Более обобщенно содержание заключения специалиста описывает Е. В. Иванова. По ее мнению, практическая деятельность специалиста осуществляется посредством:

- «– аналитической оценки возможности и механизма определенных событий, явлений, процессов, если эти события, процессы, явления – предмет профессиональной или научной деятельности специалиста;
- анализа сведущими лицами специальной литературы или нормативных документов, имеющих отношение к профессиональной или научной деятельности специалиста;
- анализа сведущими лицами процессуальных документов, имеющихся в материалах уголовного дела, если для их оценки требуется привлечение специальных знаний;
- анализа сведущими лицами источников информации, имеющихся в материалах уголовного дела, если для их исследования не требуется применения инструментальных методов» [Иванова 2010: 61].

Выделенные Е. В. Ивановой виды деятельности в определенной мере относятся и к практической деятельности специалиста-лингвиста, результаты которой отражаются в заключении специалиста. Так, специалист-лингвист с опорой на справочный, нормативный материал (лексикографические источники, грамматики, национальные стандарты и т. п.), а также на специальную (научную и методическую) литературу может ответить на вопросы, хотя и требующие применения специальных знаний, но не предполагающие проведения исследования:

- о значении слов в современном русском языке, а также их стилистических характеристиках;
- об особенностях типизированных коммуникативных ситуаций;
- об условиях речепорождения в конкретной ситуации (например, в случае маскировки голоса и звучащей речи) и ее развития в онтогенезе (например, какие особенности речи характерны для того или иного возраста);
- о критериях пригодности для проведения исследования того или иного речевого материала (например, письменной речи для проведения идентификационного автороведческого исследования);
- о характеристиках речи представителей той или иной социальной группы (например, мужской или женской речи);
- о характерных признаках того или иного речевого акта (например, угрозы, призыва, оскорбления) и др.

Как показывает анализ заключений специалистов-лингвистов, прежде всего работников негосударственных судебно-экспертных организаций и частнопрактикующих экспертов, зачастую, помимо приведенных и подобных вопросов, в них решаются вопросы, предполагающие проведение исследования. В таких случаях документ лишь формально назван «заключение специалиста», содержательно же он является либо несудебной (т. н. альтернативной) экспертизой, либо рецензией на заключение эксперта, либо объединением рецензии и несудебной экспертизы, что недопустимо с точки зрения процессуального закона. Как справедливо отмечает в этой связи Ю. Ф. Байков, «в таких документах сотрудники “независимых экспертных организаций”, не проводя никаких исследований, оценивают истинность выводов эксперта. Некоторыми специалистами не только анализируются заключения экспертов государственных судебно-экспертных учреждений, но и проводятся научно-технические исследования, результаты которых оформляются в форме заключения специалиста. При этом игнорируется тот факт, что с точки зрения закона, рассматриваемая форма использования специальных знаний не может быть представлена в форме заключения специалиста и расценена как соответствующий источник доказательств, поскольку представляет собой несудебную экспертизу» [Байков 2011: 16].

Подобные «параллельные» технологии использования специальных знаний» [Россинский, Расулова 2022: 16] невластными участниками судопроизводства в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК России, на наш взгляд, противоречит процессуальному законодательству. Вместе с тем данная ситуация обусловлена, с одной стороны, неоднозначностью правового понимания заключения специалиста, с другой стороны, стремлением невластных участников усилить

состязательный аспект уголовного судопроизводства.

Представляется, что решением данной проблемы является совершенствование уголовно-процессуального законодательства, регулирующего данную форму использования специальных знаний. Следует согласиться с Ю. Ф. Байковым, предлагающим в данном случае дополнить УПК России статьей «Заключение специалиста», «в которой предусмотреть порядок получения заключения специалиста, содержание заключения специалиста, требования к оформлению заключения специалиста, требования, предъявляемые к специалисту, а также указать случаи, когда использование специальных знаний в форме заключения специалиста недопустимо» [Байков 2011: 19].

Литература

- Байков Ю. Ф. Заключение и показания специалиста как источник доказательств в российском уголовном процессе / Вестник Московского университета МВД России. – 2011. – № 10.
- Бондаренко Л. К. Основные признаки двойственности положения специалиста в уголовном судопроизводстве / Lex russica. – 2021. – Т. 74. – № 10.
- Васильев Э. А., Корнилова И. Г. Легитимные формы использования специальных знаний специалиста / Научный портал МВД России. – 2021. – № 4 (56).
- Дьяконова О. Г. Теоретические основы судебной экспертологии: монография. М., 2017.
- Зажичкий В. И. Доказательства и доказывание по УПК России. СПб., 2015.
- Иванова Е. В. Использование заключения специалиста в доказывании по уголовным делам / Законность. – 2010. – № 9.
- Комментарий к законодательству о судебной экспертизе. Уголовное, гражданское, арбитражное судопроизводство / Отв. ред. д.ю.н., проф. В. Ф. Орлова. М., 2004.
- Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В. М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев. 2-е изд. М., 2004.
- Основы судебной экспертологии: учебно-методическое пособие. М., 2023.
- Россинская Е. Р. Современная судебная экспертология – наука о судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности / Теория и практика судебной экспертизы. – 2015. – № 4 (40).
- Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2005.
- Россинский С. Б., Расулова Н. С. Заключение эксперта и заключение специалиста как средства доказывания в уголовном судопроизводстве: каковы критерии их разграничения? / Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2022. – № 2.
- Семенов Е. А. Заключение специалиста в системе видов доказательств в уголовном процессе / Наука и практика. – 2014. – № 1 (58).
- Смирнова Н. С., Хитров М. В. Фонетически представительный текст для фундаментальных и прикладных исследований русской речи / Известия высших учебных заведений. Приборостроение. – 2013. – Т. 56. – № 2.
- Соловьев А. Б. Использование специальных познаний при доказывании по УПК России / Уголовное право. – 2007. – № 2.
- Стельмах В. Ю. Заключение специалиста в уголовном судопроизводстве: правовая природа и перспективы использования в доказывании / Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2017. – № 4.
- Темираев О. П. Компетенция специалиста / Законность. – 2005. – № 6.
- Толстухина Т. В., Устинова И. В. Соотношение понятий и статуса «заключение эксперта» и «заключение специалиста» / Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 4.

References

- Baikov, Yu. F. (2011). Conclusion and expert testimony as a source of evidence in the russian criminal process. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 10, 13–20 (In Russian).
- Bondarenko, L. K. (2021). The main signs of the duality of the specialist position in criminal proceedings. Lex russica, 74 (10), 59–74 (In Russian).
- Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (2004). V. M. Lebedev (ed.). Moscow (In Russian).
- Commentary on the legislation on forensic examination. Criminal, civil, arbitration proceedings (2004). V. F. Orlova (ed.). Moscow (In Russian).
- D'yakonova, O. G. (2017). Theoretical foundations of forensic expertology: monograph. Moscow (In Russian).
- Fundamentals of forensic expertology: Educational and Methodological Guide (2023). Moscow (In Russian).
- Ivanova, E. V. (2010). The use of a specialist's opinion in proving criminal cases. Legality, 9, 57–62 (In Russian).
- Rossinskaya, E. R. (2005). Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings. Moscow (In Russian).
- Rossinskaya, E. R. (2015). Modern judicial expertology – the science of forensics and forensic activities. Theory and Practice of Forensic Science, 4 (40), 10–18 (In Russian).

- Rossinskiy, S. B., Rasulova, N. S. (2022). Expert opinion and professional opinion as evidence in the criminal procedure: What are the distribution criteria? Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 2, 15–20 (In Russian).
- Semenov, E. A. (2014). Conclusion of a specialist in the system of types of evidence in criminal proceedings. Science and practice, 1 (58), 116–119 (In Russian).
- Smirnova, N. S., Khitrov, M. V. (2013). A phonetically representative text for fundamental and applied research of Russian speech. Izvestia of Higher Educational Institutions. Instrumentation, 56 (2), 5–10 (In Russian).
- Solovyov, A. B. (2007). The use of special knowledge in proving the Criminal Procedure Code of Russia. Criminal law, 2, 95–99 (In Russian).
- Stel'makh, V. Yu. (2017). Conclusion of a specialist in criminal proceedings: the legal nature and prospects of the use in proving. Electronic supplement to the Russian juridical journal, 4, 77–92 (In Russian).
- Temiraev, O. P. (2005). Competence of a specialist. Legality, 6, 39–40 (In Russian).
- Tolstukhina, T. V., Ustinova, I. V. (2016). Correlation of concepts and status of "expert opinion" and "specialist opinion". Bulletin of Economic Security, 4, 104–108 (In Russian).
- Vasil'yev, E. A., Kornilova, I. G. (2021). Legitimate forms of using specialist expertise. Scientific portal of the Russia Ministry of the Interior, 4 (56), 50–55 (In Russian).
- Zazhitsky, V. I. (2015). Evidence and proof under the Code of Criminal Procedure of Russia. St. Petersburg (In Russian).

Citation:

Кузнецов В. О. Специалист-лингвист как субъект правоприменительной деятельности // Юрислингвистика. – 2024. – 34. – С. 90-96.

Kuznetsov V. O. (2024) A Language specialist as a Subject of Law Enforcement. Legal Linguistics, 34, 90-96.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Методика решения экспертной задачи на заимствование текста

Е. В. Новожилова

АНО «Многофункциональный центр экспертиз»

Ул. Казакова, д. 6, стр. 1, 105064, Москва, Россия. E-mail: elena.v.novozhilova@yandex.ru

Заимствование текста (плагиат, копипаста) часто становится причиной конфликта, иногда такой конфликт может разворачиваться и в судебном процессе. Но до сих пор у правоприменителя не было инструмента, который бы подтверждал заимствование с той же точностью, с какой, например, выполняется идентификация огнестрельного оружия по следам выстрела, устанавливается принадлежность отпечатков пальцев или причина смерти. В статье впервые предлагается целостная типовая методика экспертной идентификации текстовых заимствований. Методика основана на общих правилах криминалистической идентификации и на результатах пересмотра некоторых теоретических представлений судебного речеведения – в частности об объекте. Она является базовой, простейшей, имеет узкие граничные условия и предназначена для анализа копипасты в протоколах допросов и очных ставок. Излагается общая криминалистическая суть заимствования, дается характеристика экспертной задачи и объектов, описывается пошаговая последовательность действий эксперта, в том числе порядок количественной математической оценки результатов, указываются правила формулирования и обоснования вывода. Помимо непосредственного использования в экспертной практике (в судебном автороведении), методика может стать основой для последующих методических разработок и продуктов, выявляющих заимствование в более сложных случаях: научный, художественный, издательский плагиат, заимствования смешанного текстово-нетекстового характера, с применением искусственного интеллекта (ИИ), заимствования при создании производных речевых объектов и т. д.

Ключевые слова: судебная экспертиза, заимствование текста, плагиат, копипаста, методика.

Expert's Methods of Text Plagiarism Detection

E. V. Novozhilova

Multifunctional Center of Expertise

6 Kazakova St, Bld. 1, 105064, Moscow, Russia. E-mail: elena.v.novozhilova@yandex.ru

Text borrowing (plagiarism, copy-paste) often causes conflicts, and sometimes a conflict can unfold in a lawsuit. But until now, courts have not had a working tool that would confirm the borrowing with the same accuracy as, for example, identifying firearms with a gunshot residue test, identifying fingerprints, or establishing the cause of death. This article presents the first-developed standard methodology for the forensic detection of text borrowings. The methodology is based on the fundamental principles of forensic identification and the outcomes of revising certain theoretical concepts in forensic speech studies (in particular their object). It is the simplest, basic one; it has restricted application and is intended to examine copy-paste in interrogation and confrontation protocols. The article outlines the general criminalistic essence of borrowing, characterizes expert task and objects, describes the step-by-step sequence of expert actions (including quantitative mathematical evaluation of the results), and indicates the rules for formulating and substantiating the conclusion. Forensic linguists can use it directly in their practice (forensic authorship examination). Furthermore, the methodology can form the basis for future methodological advancements in detecting plagiarism and copy-paste in more complex manifestations: scientific, artistic, publishing plagiarism, borrowing of a mixed textual-non-textual nature, using artificial intelligence (AI), borrowing when creating derivative speech objects, etc.

Key words: forensic expertise, text borrowing, plagiarism, copy-paste, methodology.

Введение

Экспертные задачи на заимствование текста (плагиат, копипаста) – это разновидность идентификационных задач судебного автороведения, где требуется установить или исключить тождество заимствованного текста. Из тождества текста с неизбежностью будут следовать тождество времени его написания и тождество авторского состава.

Целостная методика решения подобной задачи предлагается впервые. Она основана на общих правилах криминалистической идентификации. Создание методики потребовало пересмотра и усложнения некоторых теоретических оснований судебного речеведения – и прежде всего представлений об объекте экспертизы. Так, здесь не имеют значения языковая личность автора, его речемыслительные навыки и пр., идентификация осуществляется помимо него, ее объект – конкретный единичный текст, где языковая личность может и не проявиться в достаточной мере. Соответственно, и круг идентификационных признаков иной. Вопреки сложившимся теоретическим представлениям – [Вул 2007], [Галяшина 2022], [Моисеева, Огорелков 2022], [ГОСТ] и др. – письменноречевые объекты не однотипны, а существуют на трех уровнях: уровень произведения (весь документ), уровень текста (содержимое документа, имеющее тот или иной объем, протяженность) и уровень фрагмента текста. В авторский состав наравне с автором-исполнителем входит исполнитель. В методике преодолеваются теоретические противоречия, ранее делавшие задачу нерешаемой, и используется новая теоретическая рамка для понимания проблемы заимствований – подробнее об этом см. [Новожилова 2023a], [Новожилова 2023b], [Новожилова 2023c], [Новожилова 2024]. Описывается и обосновывается принципиально иная, чем ранее – ср. [Месропян 2017], [Абрамкина 2019], – схема действий эксперта, при этом методы и средства его работы почти не меняются.

Сама группа плагиатно-копипастных задач неоднородна: есть более сложные и более простые. В этой методике предлагается базовый, простейший способ решения на простейшем материале.

Суть экспертной задачи

Текстовое заимствование в электронной среде представляет собой два последовательных акта отражения. Первый акт (copy) – перенесение файла произведения или текстового фрагмента из него в буфер памяти электронного устройства. При этом в буфере возникает промежуточный текстовый объект, не являющийся самостоятельным произведением, – идентифицируемый объект. Второй акт (paste) – перенесение фрагмента из буфера устройства в создающееся второе произведение (или перенесение файла, который становится основой для создания второго произведения). При многократном пофрагментном переносе акты отражения повторяются – однако идентифицируемый объект, то есть собственно заимствуемый текст, всегда один. В ходе создания второго произведения идентифицируемый объект трансформируется, меняется (на уровне текста) – а на уровне произведения в новом объекте возникают знаковые и материально-фиксированные следы. В итоге вместо одного произведения получаются два: они мыслятся раздельно существующими, но их основу составляет один и тот же текст.

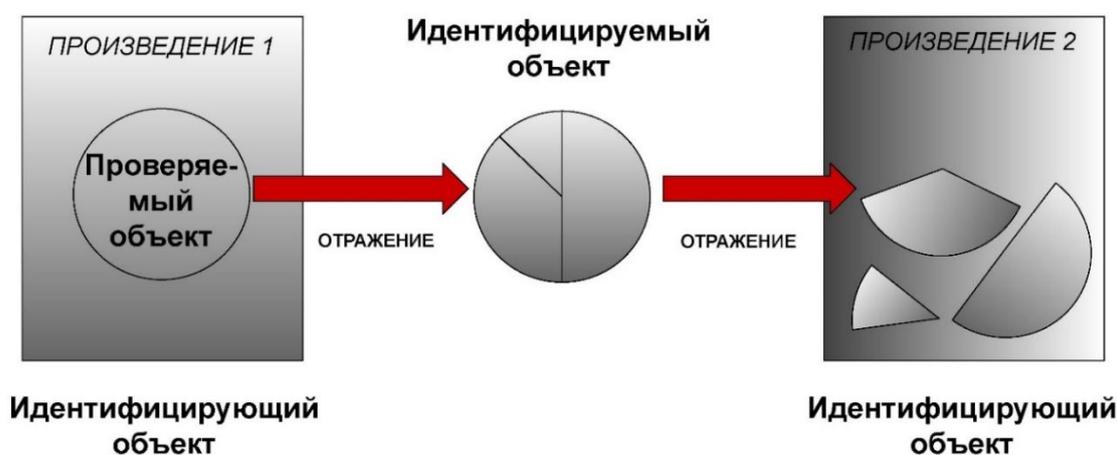

Рисунок. Криминалистическая суть заимствования текста в электронной среде

Экспертная задача заключается в установлении переносимого текста по отраженному в нем тексту первого произведения и по отражению во втором произведении. Подтверждается (или исключается) тождество заимствованного текста. Из тождества текста с неизбежностью следуют тождество момента создания и тождество авторского состава двух произведений.

На разрешение эксперта ставится вопрос: «Являются ли представленные объекты независимо созданными – или они были скопированы один с другого?»

Задача о направлении заимствования – это иная, дополнительная, решаемая отдельно диагностическая задача. (Описание ее решения, а также поиска текста-инварианта не входит в настоящую публикацию.) Эксперт не знает ответа на нее при решении основной задачи – а значит, остается в неведении, в каком именно из документов содержится проверяемый объект, какое из двух произведений считать идентифицирующим, ведь «ограничение круга проверяемых объектов осуществляется только на основе бесспорно установленных обстоятельств исключаящего характера» [Колдин 2003: 284], а проверяемым считается «единичный материальный объект, имеющий конкретные пространственные границы и локализацию» [Колдин 2003: 377]. Это придает исследованию вынужденную двойственность. Но на практике направление заимствования не имеет значения для решения основной задачи, так как идентификационные признаки заимствования чрезвычайно устойчивы и при процедуре *copy-paste*, как правило, полностью сохраняются, обнаруживаясь в обоих произведениях в одинаковом виде: «идентифицирующие объекты воспроизводят свойства не только непосредственно воздействовавших на них идентифицируемых объектов, но и тех, которые отобразились в идентифицируемых объектах» [Колдин 2003: 269]. Эксперт анализирует пару-перевертыш, и ее следует считать проверяемой группой объектов [Колдин 2003: 374], любой из которых может быть исходным.

Задача решается за один цикл и состоит из четырех стадий: предварительное исследование, аналитическая, сравнительная и синтетическая стадии.

Особенности речевого материала и объектов

Методика предназначена для исследования процессуальных документов, изготовленных в электронной среде, – протоколов допросов и очных ставок. (Возможен анализ и рукописных протоколов, в этом случае на каждом шаге исследования нужно дополнительно учитывать вариационность отображения текста.) Но она не предназначена для работы с другими процессуальными документами и для решения задач о плагиате (научном, художественном, издательском и пр.): здесь предполагаются иные отношения между произведениями и иная последовательность действий эксперта.

Протокол допроса как отдельное речевое произведение составляется на стадии предварительного расследования по уголовному делу по правилам, изложенным в ст. 166, 190 УПК РФ, и фиксирует показания участников процесса – подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего и т. д. По смыслу уголовно-процессуального закона каждому допросу соответствует отдельный уникальный протокол, изготавливаемый непосредственно в ходе данного процессуального действия; копирование и тиражирование подобных документов не предусмотрено.

Общеизвестно, что протокол состоит из трех частей: вводной, описательной и удостоверительной. Первая и третья имеют шаблонный характер, а средняя, описательная (собственно показания – монолог допрашиваемого лица и/или диалог его со следователем, дознавателем в виде вопросов и ответов) – нешаблонная и должна создаваться в соавторстве. С точки зрения традиционного речеведения это производный объект, письменный пересказ устной речи допрашиваемого лица. Но в экспертной задаче на заимствование он важен сам по себе, без устной предыстории.

Соавторами такого произведения выступают двое – допрашиваемое лицо и следователь (дознаватель), при этом авторский вклад каждого невозможно определить с точностью. Исполнителем письменного объекта является следователь, а исполнительский вклад допрашиваемого лица несущественный. Однако и авторский, и исполнительский вклад не имеют значения для решения экспертной задачи и не устанавливаются с помощью настоящей методики. Важно лишь понимание авторского состава (т. е. круга соавторов и соисполнителей) каждого речевого объекта.

Заимствование (копипаста) – это перенесение текста, созданного во временной промежуток А авторским составом А', в иной документ, созданный в иной временной промежуток и/или иным авторским составом. Реквизиты такого документа, указанные в нем (время создания, допрашиваемое лицо с определенным процессуальным статусом, следователь), не соответствуют действительности. С правовой точки зрения это превращает показания, изложенные как минимум в одном из протоколов, в неотносимое и/или недопустимое доказательство. Так, гражданин, допрошенный следователем дважды – как свидетель и как обвиняемый, – не является надлежащим источником доказательства, если текст его допроса в одном статусе скопирован в протокол допроса в другом (автокопипаста). Тем более не является надлежащим источником доказательства допрашиваемое лицо, показания которого растиражированы в протоколах допросов всех участников дела. И самое вопиющее нарушение – копирование текста одного следователя в протоколы, составляемые другим (полная замена авторского состава). Копипаста большого объема текста может квалифицироваться как фальсификация доказательства по уголовному делу и преследоваться в соответствии с ч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ.

Эксперт, решая задачу о заимствовании, рассматривает два протокола или больше. При этом в решение задачи не входит первоначальное их описание – тип речи, ее связность, функционально-стилистические характеристики и пр. Предполагается, что эксперт делает это заранее по любой из рамочных методик судебного речеведения. Объект

пригоден для исследования, если содержит в описательной части читаемый текст объемом не меньше абзаца (от 5 строк); 3–5 строк – это частичная пригодность, более короткий документ непригоден. Перед экспертизой протоколы нумеруются по порядку – в соответствии со временем начала каждого процессуального действия.

Предварительное исследование

Это весьма трудоемкая часть исследования. Кроме подготовки к основным стадиям (распознавание сравниваемых объектов, приведение их к сопоставимому виду) она имеет собственные цели – установление принципиальной возможности идентификации по имеющейся речи и выдвижение экспертных гипотез.

А. Предварительное сопоставление произведений.

Некоторые признаки заимствования можно заметить невооруженным глазом, то есть обнаружить неэкспертным путем: это появление микрофрагментов одного произведения в тексте другого. В каком-то из двух они являются следами второго акта отражения (см. рисунок на стр. 98), в другом же – частями исходного текста, последовательно отраженного дважды. При предварительном сопоставлении эксперт должен обнаружить в первом приближении речевые следы, с которыми ему предстоит работать позже. Такими следами могут быть любые повторяющиеся слова, фразы, предложения и пр. Сопоставление выполняется качественным, а не количественным способом, и при обнаружении простых повторов в паре документов выдвигается гипотеза о наличии заимствования. Если произведений больше двух, то при последовательном попарном сопоставлении каждого с каждым и обнаружении сквозных повторов можно выдвинуть гипотезу о тексте-инварианте. Определяется порядок дальнейшего попарного сличения.

Распределение произведений по парам – это не простое разбиение группы объектов напополам, а планирование их дальнейшего анализа, в ходе которого предстоит сопоставить каждый с каждым. В зависимости от результата сопоставления, например, шесть протоколов могут образовать восемь пар: № 1 + № 2, № 1 + № 3, № 1 + № 4, № 2 + № 3, № 2 + № 4, № 3 + № 4, № 1 + № 5, № 5 + № 6. Иногда два монолога, которые содержатся в одном и том же протоколе очной ставки, целесообразно считать двумя разными текстовыми объектами – и анализировать их порознь.

Б. Выдвижение гипотезы о границах проверяемого объекта.

Эксперт переходит к установлению проверяемого объекта – таковым считается текст первого произведения, имеющий отношение к заимствованию. У нас сохраняется двойственность – мы по-прежнему не можем сказать, какой объект из пары проверяемый, в проверяемой группе два объекта, и ее не сократить. Но мы можем перейти от произведения к тексту.

Подчеркнем, что проверяемый объект – это текст, и он меньше, чем целое произведение. Весь документ от начала и до конца не всегда участвует в отображении: как в первом, так и во втором произведении могут содержаться обособленные фрагменты, не просто не повторяющиеся в паре, но даже тематически инородные. (И наоборот – иногда первый абзац описательных частей протоколов, выполненных одним и тем же следователем, имеет полностью шаблонный характер и по этому параметру сближается со вводными частями.) Подобные фрагменты стоит исключить из зоны внимания.

Точные границы проверяемого объекта станут понятны на следующем шаге – при сличении.

В. Сличение текста произведений.

Сличение – судебно-экспертный метод на основе издательской процедуры корректорской считки, посимвольное сопоставление пары текстов [Новожилова 2021]. У него несколько целей: 1) установление проверяемого объекта – предшественника и модели объекта идентифицируемого [Колдин 2003: 376]; 2) обнаружение несовпадающих фрагментов, в которых содержатся различия (анализ различий относится к последующим стадиям).

Объекты сличаются попарно в той последовательности, которую эксперт определил ранее. Результат сравнения каждой пары нужно занести в таблицу, поделив текст на совпадающие и несовпадающие фрагменты. Подсчитывается количество символов в каждом фрагменте и общее количество символов в фрагментах каждого типа.

№ фраг- мента	Сличаемый текст обоих протоколов		Кол-во символов в совпадающих фрагментах (с пробелами)	Кол-во символов в несовпадающих фрагментах (с пробелами)
	№ 1	№ 2		
1	Хочу пояснить, что последние около		35	–
2	двадцати	11	–	8 / 2
3	лет, я играю в азартные игры,		31	–
4	в начале играл на игровых аппаратах установленных официально в гор. Заречный. Затем, когда запретили установку игровых аппаратов вне отведенных игровых зон	начинал я играть в игровом клубе «Джекпот» в г. Заречный. После закрытия данного клуба, в связи с их запретом	–	155 / 109
5	, я стал втайне от семьи ходить подпольные игровые клубы, где продолжал играть в различные игры, установленные в персональных компьютерах, которые ничем не отличаются от тех, которые были раньше разрешены Что касается игрового терминала, который был установлен в магазине «24 часа ПОРОДУКТЫ», могу с точностью пояснить, что он является игровым, на мониторе данного игрового терминала, высвечиваются цветные изображения картинок, а именно череп, лев, бананы, ананас, бабочка, змея, наковальня.		491	–
ИТОГО символов			557	163 / 111

Таблица 1. Совпадающие и несовпадающие фрагменты протоколов № 1 и № 2

Под таблицей помещается ее краткое резюме:

«Для протокола № 1 общий объем сличенного текста – 720 символов, общий объем совпадающих фрагментов – 557 символов (77%), общий объем несовпадающих фрагментов – 163 символа (23%).

Для протокола № 2 общий объем сличенного текста – 668 символов, общий объем совпадающих фрагментов – 557 символов (83%), общий объем несовпадающих фрагментов – 111 символов (17%).

Среднее арифметическое: объем совпадающих фрагментов вычисляется как $(557 \times 2) : (720 + 668) \approx 80\%$, объем несовпадающих фрагментов вычисляется как $(163 + 111) : (720 + 668) \approx 20\%$. Подсчет с учетом пробелов, округление до целого процента».

Теперь отчетливо виден рельеф предполагаемого заимствования.

Аналитическая стадия

На аналитической стадии эксперт выявляет большинство идентификационных признаков. Для этого каждый объект подвергается эрративному анализу – проверяется на наличие:

- опечаток, описок;
- пунктуационных ошибок;
- грамматических ошибок;
- речевых и логических ошибок;
- иных особенностей речи.

Иные особенности речи – все то, что не является нормой, однако и ошибками с точки зрения русского языка их нельзя считать (различные окказионализмы, фактические ошибки, графические особенности и пр.).

Эрративные признаки случайны для единичного произведения. Как и посимвольное совпадение текста, они невариационны и максимально устойчивы: зачастую на них не влияет даже правка.

Повторяющиеся одинаковые признаки и однотипные (похожие) не объединяются при подсчете, а считаются отдельно. Результат для каждой пары нужно отразить в пяти таблицах, расположив в них объекты так же попарно – для удобства последующего сравнительного исследования.

Условные обозначения:

Светлый шрифт с пунктирным подчеркиванием – различия текста двух протоколов.

Выделенный фон – местонахождение опечаток.

№ 1	№ 2	Вид опечатки
<p>Хочу пояснить, что последние около <u>двадцати</u> лет, я играю в азартные игры, <u>в начале играл на игровых аппаратах установленных официально в гор. Заречный. Затем, когда запретили установку игровых аппаратов вне отведенных игровых зон,</u> я стал втайне от семьи ходить подпольные игровые клубы, где продолжал играть в различные игры, установленные в персональных компьютерах, которые ничем не отличаются от тех, которые были раньше разрешены</p> <p>Что касается игрового терминала, который был установлен в магазине «24 часа ПОРОДУКТЫ», могу с точностью пояснить, что он является игровым, на мониторе данного игрового терминала, высвечиваются цветные изображения картинок, а именно череп, лев, бананы, ананас, бабочка, змея, наковальня.</p>	<p>Хочу пояснить, что последние около <u>11</u> лет, я играю в азартные игры, <u>начинал я играть в игровом клубе «Джекпот» в г. Заречный. После закрытия данного клуба, в связи с их запретом,</u> я стал втайне от семьи ходить подпольные игровые клубы, где продолжал играть в различные игры, установленные в персональных компьютерах, которые ничем не отличаются от тех, которые были раньше разрешены</p> <p>Что касается игрового терминала, который был установлен в магазине «24 часа ПОРОДУКТЫ», могу с точностью пояснить, что он является игровым, на мониторе данного игрового терминала, высвечиваются цветные изображения картинок, а именно череп, лев, бананы, ананас, бабочка, змея, наковальня.</p>	<p>Пропуск слова, увеличение пробела, лишняя буква</p>

Таблица 2. Расположение и характер опечаток

Условные обозначения:

Светлый шрифт с пунктирным подчеркиванием – различия текста двух протоколов.

Выделенный фон – местонахождение ошибок.

№ 1	№ 2	Вид ошибки
<p>Хочу пояснить, что последние около <u>двадцати лет</u>, я играю в азартные игры, <u>в начале играл на игровых аппаратах установленных официально в гор. Заречный. Затем, когда запретили установку игровых аппаратов вне отведенных игровых зон</u>, я стал втайне от семьи ходить подпольные игровые клубы, где продолжал играть в различные игры, установленные в персональных компьютерах, которые ничем не отличаются от тех, которые были раньше разрешены</p> <p>Что касается игрового терминала, который был установлен в магазине «24 часа ПОРОДУКТЫ», могу с точностью пояснить, что он является игровым, на мониторе данного игрового терминала, высвечиваются цветные изображения картинок, а именно череп, лев, бананы, ананас, бабочка, змея, наковальня.</p>	<p>Хочу пояснить, что последние около <u>11 лет</u>, я играю в азартные игры, <u>начинал я играть в игровом клубе «Джекпот» в г. Заречный. После закрытия данного клуба, в связи с их запретом</u>, я стал втайне от семьи ходить подпольные игровые клубы, где продолжал играть в различные игры, установленные в персональных компьютерах, которые ничем не отличаются от тех, которые были раньше разрешены</p> <p>Что касается игрового терминала, который был установлен в магазине «24 часа ПОРОДУКТЫ», могу с точностью пояснить, что он является игровым, на мониторе данного игрового терминала, высвечиваются цветные изображения картинок, а именно череп, лев, бананы, ананас, бабочка, змея, наковальня.</p>	<p>Лишние запяты, отсутствие запятой, отсутствие знака препинания в конце предложения</p>

Таблица 3. Расположение и характер пунктуационных ошибок

Аналогично оформляются таблица 4 «Расположение и характер грамматических ошибок», таблица 5 «Расположение и характер речевых и логических ошибок» и таблица 6 «Расположение иных особенностей речи».

Сравнительная стадия

К началу данной стадии эксперт уже имеет представление о проверяемом объекте, видя совокупность совпадающих фрагментов. Проверяемый объект – это текст от первого до последнего совпадающего фрагмента в одном из произведений; соответствующий ему текст в произведении-паре есть предположительный след заимствования.

Эксперт по-прежнему работает с парами объектов, анализирует выявленные сходства и различия в каждой паре, пользуясь подготовленными на предыдущих стадиях таблицами.

А. Оценка посимвольного совпадения.

Посимвольное совпадение текста в паре произведений – это отдельный (и важнейший) идентификационный признак. В отличие от всех остальных он не эрративный, то есть не основан на отклонении от норм письменной речи. Кроме того, он составной: совпадает не что-то одно, а целая последовательность символов той или иной длины. Поэтому следует рассмотреть его внимательно.

Его противоположность, то есть отсутствие посимвольного совпадения, может быть исключаящим признаком, по которому в дальнейшем возможно сделать вывод о независимо созданных объектах. Но уже наличие совпадения от 200–300 символов в одном фрагменте или суммарно от 500 символов в нескольких фрагментах не дает возможности для дифференциации сравниваемых объектов: все остальные различия могут свидетельствовать или о комбинированном способе создания произведения, или о правке (поверхностной либо глубокой) – то есть об изменении объекта во времени. Все это не исключает тождества.

Из таблицы 1 извлекается информация о совпадающих фрагментах. Если их объем достаточен, то делается вывод о наличии посимвольного совпадения как самостоятельного идентификационного признака. При недостаточном объеме нужно в развернутой форме оценить содержание, стилистические и фразеологические особенности

фрагментов: обусловлено ли сходство только выбором одинаковых речевых клише при совпадении темы – или его невозможно полностью объяснить этим? При втором варианте также делается вывод о наличии посимвольного совпадения как признака.

Б. Анализ сходств.

По таблицам 2–6 подсчитывается общее количество идентификационных признаков в совпадающих фрагментах. (NB: любые повторы не объединяются при подсчете, а считаются отдельно.) К этому количеству следует прибавить и совпавшие, то есть не уничтоженные при правке признаки из несовпадающих фрагментов, если таковые признаки обнаружатся (например, опечатка «это происходило не менее 3 ра з» и «я видел его несколько ра з»). А вот посимвольное совпадение в калькуляции не участвует.

При значительной выраженности совпадающих особенностей в шаблонных частях произведений (например, «Мне разъяснено, что я не обязана свидетельствовать против самой себя» в протоколах допросов группы мужчин, «Конституция РФ» и пр.) эту информацию можно учесть отдельно: эксперт дополнительно проводит сличение таких частей без оформления таблицы. Подобные особенности указывают на копипасту всего файла протокола.

В. Анализ различий.

Если совпадающие особенности пары обладают идентификационной значимостью, то несовпадающие ее почти лишены – они в равной степени могут свидетельствовать и о независимом происхождении объектов, и о маскировке, правке текста, ведь во время правки можно привнести в письменный объект любые изменения. Поэтому анализ различий следует начать со вспомогательной диагностической задачи о характере предполагаемого заимствования.

При диагностике характера заимствования оцениваются объем (значительный / незначительный) и взаимное расположение (сгруппированы / разбросаны по тексту) несовпадающих фрагментов по таблице 1.

Значительный, от 20–30%, объем несовпадающих фрагментов при их сгруппированности может говорить о комбинированном способе создания произведения: и копипаста, и самостоятельное написание. Меньший объем – копипаста с правкой. Сгруппированные несовпадающие фрагменты означают целенаправленную правку-вписку, вставку или удаление, а разбросанные по тексту – точечную правку, глубина которой прямо пропорциональна их общему объему.

Ход и результат диагностики записывается в заключение. Здесь же нужно кратко охарактеризовать содержание различий, например: «Различия есть в первом абзаце, касаются истории знакомства N с женой», «Объекты различаются заменой имен, должностей и стажа фигурантов», «Единственное различие – уточняющее словосочетание в последнем предложении».

Кроме того, по таблицам 2–6 подсчитывается количество эрративных признаков в несовпадающих фрагментах – для каждого объекта.

Синтетическая стадия

На этой стадии эксперт дает интегральную оценку совокупности совпадений и различий свойств сравниваемых объектов и определяет основания для вывода [Колдин 2003: 96]. Объективность оценки обеспечивается применением математических методов. Далее необходимо будет сформулировать вывод о произведениях в целом – то есть перейти от текста к произведению и от отдельных пар ко всему набору документов.

А. Синтез сходств.

Теория криминалистической идентификации предписывает оценивать значимость свойств, а не признаков [Колдин 1971]. Однако в практике анализа заимствований трудно разграничить две этих категории. Если под свойствами текста понимать всю полноту его речевого выражения, всю уникальность, а под признаками – внешние проявления уникальности в доступных судебному речеведению информационных полях (текст как последовательность символов и пробелов, морфемный, лексический, синтаксический уровни языка), то получается, что многие признаки репрезентируют единственное свойство. (С сожалением отметим здесь некоторый теоретический пробел.) И в любом случае большинство особенностей, с которыми работает эксперт, затруднительно с точностью оценить с позиции их идентификационной значимости. Поэтому следует просто работать с найденным – и компенсировать возможную неточность количественного исследования избыточностью идентификационной информации [Колдин 2003: 401]. К счастью, в этом отношении экспертиза заимствований превосходит и традиционное автороведение, и вообще большинство судебных экспертиз. Итак, все дальнейшие расчеты в методике построены на принципе избыточности.

Самый простой способ суммировать информацию о комплексе сходств в паре объектов – это эрративный метод. В основе завершающей эрративной процедуры – несколько утверждений, которые принимаются за аксиомы:

- в целях идентификационного исследования каждая найденная особенность текста привязывается к «субстрату», где эксперт ее обнаружил: к слову или знаку препинания;
- частота появления «субстрата» с ошибкой всегда меньше, чем частота появления его же в правильном варианте (иначе это уже не ошибка, а узус);
- эрративные признаки в единичном тексте взаимно независимы, и их совокупная встречаемость рассчитывается по теореме умножения вероятностей;
- величина генеральной совокупности объектов данного типа (протоколов допросов на русском языке, написанных за все время применения УПК РФ) обозначается как N и не превышает 10^9 .

Частота появления любого слова в письменной речи – не более 0,03 [Ляшевская, Шаров 2009], а любого знака

препинания – не более 0,25 [Багеева 2009: 72–73]. Для умозаключения об индивидуальности комплекса сходств и для того, чтобы исключить возможность его независимого возникновения в любом другом произведении того же типа, нужно, чтобы совокупная встречаемость «субстратов» оказалась на два порядка меньше величины $1/N$ [Колдин 2003: 182, 207, 316, 387, 401 и др.], то есть меньше 10^{-11} . Такие значения обеспечивают следующие комбинации:

- 8 любых ошибок, особенностей кроме пунктуационных;
- 1-2 пунктуационных ошибки и 7 других;
- 3-5 пунктуационных ошибок и 6 других;
- 6-8 пунктуационных ошибок и 5 других;
- 9-10 пунктуационных ошибок и 4 других;
- 11-13 пунктуационных ошибок и 3 других;
- 14-15 пунктуационных ошибок и 2 других;
- 16-18 пунктуационных ошибок и 1 другая;
- 19 пунктуационных ошибок.

Если найденного количества ошибок и особенностей недостаточно, то следует уточнить фактическую встречаемость слов-«субстратов» по Новому частотному словарю русской лексики [Ляшевская, Шаров 2009]: определить для каждого слова вероятность появления соответствующей леммы (а при ее отсутствии – ближайшего однокоренного слова) и самостоятельно рассчитать совокупную встречаемость, перемножив все отдельные значения между собой. Совокупная встречаемость «субстратов» меньше 10^{-11} также дает вывод об индивидуальности комплекса сходств и невозможности его независимого возникновения в любом другом произведении того же типа.

Если же объем текста не позволяет воспользоваться эрративным подсчетом, то нужно опереться на признак, в подсчете не участвовавший, – на посимвольное совпадение. Этот, третий способ количественной оценки сложнее, чем предыдущие, и в еще большей степени задействует математическую теорию вероятностей. Для каждой пары объектов из всего массива совпадающих фрагментов извлекается не менее 5-6 слов, которые с точки зрения теории вероятностей являются случайными событиями (не входят в речевые клише и не связаны с основной темой произведений). Желательно, чтобы это были знаменательные слова. В нашем табличном примере это «семьи», «различные», «отличаются», «точностью» и «высвечиваются». По частотному словарю рассчитывается произведение вероятностей соответствующих лемм (а при их отсутствии – ближайших однокоренных слов). Если произведение вероятностей лемм меньше 10^{-11} , то совпадение текста не является случайным: здесь тоже имеется индивидуальный и неповторимый комплекс сходств. Из практики следует, что необходимое для исключения случайности количество слов обычно содержится в одном-двух абзацах текста.

Эксперт описывает весь ход своих рассуждений и резюмирует для каждой пары объектов, является ли совпадение случайным или нет.

Б. Синтез различий.

Этой процедурой заканчивается работа с парами объектов. Для каждой пары нужно осмыслить результат диагностики различий, предпринятой на предыдущей стадии, и ответить на вопросы: 1) могут ли различия объясняться изменением заимствованного текста во времени, в первую очередь правкой? 2) могут ли различия объясняться дефектом копирования? («Да, могут» vs «Нет, не могут».) Следует учесть и результат оценки посимвольного совпадения, и эрративные признаки из несовпадающих фрагментов. Два отрицательных ответа говорят о несовместимости свойств, то есть о независимом существовании сравниваемых объектов, а один или ни одного – не свидетельствуют об этом. Ход рассуждений эксперта записывается в заключение.

В. Интегральная оценка.

Перечисляются результаты синтеза сходств и различий для всего набора исследованных произведений. Здесь же учитываются и совпадающие особенности шаблонных частей произведений.

Вероятные выводы по этой методике в принципе возможны, но для их формулирования необходимо дополнительное математическое обоснование на стадии синтеза.

Формулирование вывода

Эксперт формулирует один из следующих выводов:

- «Представленные объекты являются независимо созданными» (отрицательный вывод о тождестве);
- «Представленные объекты не являются независимо созданными – они были скопированы один с другого» (положительный вывод о тождестве);
- «Представленные объекты не являются независимо созданными (были скопированы один с другого) в части от слов ... до слов ..., являются независимо созданными в части от слов ... до слов ...» (вывод о тождестве части объекта);
- «Не представляется возможным установить, являются ли объекты независимо созданными или были скопированы один с другого».

Дальнейшие умозаключения эксперт не делает. Он обязан остановиться на этом звене логической цепочки, ведь последующие рассуждения уже будут выходить за пределы специальных знаний. Эксперт не оценивает достоверность сведений в тексте – такая оценка «относится к исключительной компетенции лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. Полученное в суде, а также в ходе досудебного производства по уголовному делу заключение эксперта, содержащее выводы о юридической оценке деяния или о достоверности показаний

допрошенных лиц, не может быть в этой части признано допустимым доказательством и положено в основу судебного решения по делу» (п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 N 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»).

Резюме

Для того чтобы обнаружить текстовое заимствование, нужны специальные филологические знания. Иначе «повышенное сходство сравниваемых объектов легко может быть принято неспециалистом за тождество, а резкое различие в условиях образования отображений – за различие самих отображенных объектов» [Колдин 2003: 50]; и то и другое неверно. В отличие от людей, не обладающих специальными знаниями, эксперт-речевед устанавливает не большую или меньшую степень сходства произведений, а тождество текста, в них содержащегося, констатирует, что это не два (три, четыре, десять) похожих объекта, а один видоизмененный. Эксперт обосновывает свой вывод лингвистически и математически, исключает любые сомнения, в том числе касающиеся случайности совпадений. Как уже было сказано, из тождества текста с неизбежностью следуют тождество времени его создания и тождество авторского состава. Каждое новое отображение речи на письме – даже одной и той же беседы – уникально. Один и тот же текст пишется единожды (он не может быть создан неоднократно) и имеет единственный авторский состав (то есть не может быть написан разными группами людей). А значит, все избыточные данные об авторстве и времени создания таких документов не соответствуют действительности. Но эти выводы, как и дальнейшие выводы о доброкачественности протоколов, об их достоверности, должен делать правоприменитель.

Литература

- Абрамкина Е. Е. Идентификационные признаки протокола допроса и методика автороведческого анализа / Вестник Новосибирского государственного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. - 2019. - Т. 17. - № 3. - С. 97-108. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2019-17-3-97-108>
- Багеева О. О. Типы пунктуационного оформления писем малограмотных авторов / Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. - 2009. - № 6. - С. 68-80.
- Вул С. М. Судебно-автороведческая идентификационная экспертиза: Методические основы. Харьков, 2007.
- Галяшина Е. И. Судебное речеведение: учебник. М., 2022.
- ГОСТ Р 70003-2022. Судебная лингвистическая экспертиза. Термины и определения. М., 2022.
- Колдин В. Я. Идентификационные признаки и свойства / Труды ВНИИСЭ. Вып. 3. Вопросы криминалистической экспертизы и правовой кибернетики. М., 1971. С. 56-71.
- Колдин В. Я. Судебная идентификация. М., 2003.
- Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Новый частотный словарь русской лексики. 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php?>
- Месропян Л. М. Лингвистическая экспертиза протоколов допроса: речевая идентификация допрашиваемого как средство выявления процессуальных нарушений / Процессуальные действия вербального характера. СПб., 2017. С. 116-127.
- Моисеева Т. Ф., Огорелков И. В. Судебная автороведческая экспертиза: учебное пособие. М., 2022.
- Новожилова Е. В. Корректорская считка (сличение) как метод судебного речеведения / Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях. М., 2021. С. 233-235.
- Новожилова Е. В. Экспертная задача на тождество текста / Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы. М., 2023. С. 467-474.
- Новожилова Е. В. Тождество текста и авторство / Устойчивое развитие России: правовое измерение. Часть 3. М., 2023. С. 545-548.
- Новожилова Е. В. Идентификационные признаки в судебной экспертизе заимствования текста / Юрислингвистика. - 2023. - № 30 (41). - С. 83-88. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2023\)3014](https://doi.org/10.14258/leglin(2023)3014)
- Новожилова Е. В. Особенности объектов исследования при решении судебно-экспертных задач на заимствование текста / Вестник МГУ Серия 11 Право. - 2024. - № 2. - С. 205-217.

References

- Abramkina, E. E. (2019). Identification features of the interrogation protocol and the methodology of the authorship analysis. Bulletin of Novosibirsk State University, Linguistics and Intercultural Communication Series, 17, 3, 97-108 (in Russian). <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2019-17-3-97-108>
- Bageeva, O. O. (2009). Types of punctuation design of letters from illiterate authors. Vestnik RGGU (Bulletin of Russian State University for the Humanities). Series: History, Filology, Cultural studies, Oriental studies, 6, 68-80 (in Russian).
- Vul, S. M. (2007). Forensic authorship identification expertise: Methodological foundations. Kharkiv (in Russian).
- Galyashina, E. I. (2022). Forensic speech examination: textbook. Moscow (in Russian).
- GOST R 70003-2022. Forensic linguistic examination. Terms and definitions. (State standard.) Moscow (in Russian).
- Koldin, V. Ya. (1971). Identification features and properties. Works of VNIISE (All-Union Research Institute of Forensic Science), 3, 56-71 (in Russian).

-
- Koldin, V. Ya. (2003). Forensic identification. Moscow (in Russian).
- Lyashevskaya, O. N., Sharov, S. A. (2009). New frequency dictionary of Russian vocabulary. Available from: <http://dict.ruslang.ru/freq.php?> (in Russian).
- Mesropyan, L. M. (2017). Linguistic expertise of the interrogation records: speech identification of interrogatee as the means of identifying the proceedings defects. Procedural actions of a verbal nature, 116-127 (in Russian).
- Moiseeva, T. F., Ogorel'kov, I. V. (2022). Forensic authorship examination: textbook. Moscow (in Russian).
- Novozhilova, E. V. (2021). Proofreading comparison as a method of forensic speech examination. Theory and practice of forensic examination in modern conditions, 233-235 (in Russian).
- Novozhilova, E. V. (2023a). The forensic task for text identity. Discussion issues in the theory and practice of forensic examination, 467-474 (in Russian).
- Novozhilova, E. V. (2023b). Text identity and authorship. Sustainable development of Russia: legal dimension, 3, 545-548 (in Russian).
- Novozhilova, E. V. (2023c). Identification features in forensic examination of text borrowing. Legal Linguistics, 30(41), 83-88 (in Russian). [https://doi.org/10.14258/leglin\(2023\)3014](https://doi.org/10.14258/leglin(2023)3014)
- Novozhilova, E. V. (2024). Features of objects in solving forensic tasks on text borrowing. Lomonosov Law Journal (Bulletin of Moscow State University. Series 11 Law), 2, 205-217 (in Russian).
-

Citation:

Новожилова Е. В. Методика решения экспертной задачи на заимствование текст // Юрислингвистика. – 2024. – 34. – С. 97-107.

Novozhilova E. V. (2024) Expert's Methods of Text Plagiarism Detection. Legal Linguistics, 34, 97-107.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Разделение спонтанной и неспонтанной речи в судебной экспертизе: диагностическое и доказательственное значение признаков

Т. Н. Секераж

*Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации
Хохловский пер., 13с2, 109028, Москва, Россия. E-mail: t.sekerazn@sudexpert.ru*

В статье рассматриваются проблемы, связанные с установлением таких характеристик звучащей речи, как спонтанность – неспонтанность и подготовленность – неподготовленность. Обращается внимание на разработанность проблемы в научной сфере в лингвистических и психологических исследованиях и очень малую степень разработанности в сфере судебной экспертизы. При описанных признаках спонтанности и подготовленности речи отсутствуют научно обоснованные данные об их информативности и диагностической значимости, а также критерии установления степени подготовленности речи и правила принятия экспертного решения, что приводит к необоснованности выводов. Кроме того, криминалистические исследования устной и письменной речи, в том числе в аспекте ее подготовленности, связаны с необходимостью обеспечения сопоставимости объекта исследования и сравнительных образцов для получения достоверного знания об особенностях автора текста (речи), пригодности объектов и образцов для идентификации и диагностики.

Проблема подготовленности речи также включает сомнения в криминалистической и юридической значимости установления таких характеристик речи, как спонтанность и подготовленность, при проведении судебной лингвистической или психолого-лингвистической экспертизы, поскольку подготовленность речи нерелевантна достоверности сообщаемых сведений и, напротив, спонтанная речь не свидетельствует о самостоятельности надежности показаний.

Ключевые слова: подготовленная речь, спонтанная речь, судебная лингвистика, судебная психология, признак, доказательственное значение.

Separation of Spontaneous and Non-Spontaneous Speech in Forensic Examination: Information Content of Features and Evidential Significance

T. N. Sekerazh

*Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation
13 Khokhlovsky pereulok, stroenie 2, 109028, Moscow, Russia. E-mail: t.sekerazn@sudexpert.ru*

The article discusses the problems associated with the establishment of such characteristics of speech as spontaneity – non-spontaneity and preparedness – unpreparedness. Attention is drawn to the elaboration of the problem in the academic domains of linguistics and psychology and very low extent of development in the domain of forensic examination. While characteristics of spontaneity and preparedness of speech are well-described, there is no scientifically based data on their informativeness and diagnostic significance. Moreover, there are no criteria for establishing the degree of preparedness of speech and rules for making an expert decision. This leads to inconsistency of conclusions. In addition, forensic research of oral and written speech in relation to its preparedness is associated with the requirement to ensure the comparability of the object and the comparative sample in order to obtain reliable knowledge about the author of the text (utterance) and the suitability of objects and samples for identification and diagnosis.

The problem of speech preparedness also includes doubts about the forensic and legal significance of establishing such characteristics of speech as spontaneity and preparedness when conducting a forensic linguistic or psychological-linguistic

examination, since the preparedness of speech is irrelevant to the unreliability of the information reported and, on the contrary, spontaneous speech does not indicate the independence and reliability of testimony.

Key words: prepared speech, spontaneous speech, forensic linguistics, forensic psychology, feature, evidential significance.

Особенностям устной, разговорной речи в ее сравнении с письменной посвящено большое число работ в области лингвистики, психолингвистики, психологии. В этом контексте особый интерес представляют характеристики спонтанной и неспонтанной речи с точки зрения не только их описания, но и возможности дифференциации. В ряде работ [Исаева 2016, Бердникова 2023] предприняты попытки систематизации существующих подходов к изучению спонтанности и подготовленности речи и отражена дискуссионность этого вопроса в работах ученых-лингвистов, среди которых К. А. Долинин, Н. И. Жинкин, Е. А. Земская, А. А. Исаева, О. А. Лаптева, К. Ф. Седов, О. Б. Сиротина, А. С. Степанов, Н. Ю. Шведова и др. Процессы и закономерности порождения речи, речевой деятельности глубоко исследовались в рамках психологической науки и психолингвистики Л. С. Выготским, А. Н. Леонтьевым, А. А. Леонтьевым.

В определенный момент интерес к различиям между устной и письменной речью, спонтанной и неспонтанной речью появился в связи с задачами криминалистики и стал одним из предметов криминалистического изучения речи. Эти характеристики представлялись важными с точки зрения различий в особенностях процесса порождения речи в связи с идентификацией говорящего и задачами раскрытия и расследования преступлений. Е. И. Галяшина отмечает важность лингвистической сопоставимости формы устной речи, записанной на спорных фонограммах, с записью образцов голоса и речи лица, подлежащего отождествлению при проведении фоноскопической экспертизы по идентификации диктора, когда основным методическим требованием является сопоставимость исследуемых устных текстов в системе признаков, по которым производится сравнение [Галяшина 2003: 78-79]. Другой важной работой в области судебной экспертизы явилось методическое письмо для экспертов «Дифференциация спонтанной (неподготовленной) и подготовленной устной речи» [Хитина 2003].

Как в науке, так и в прикладной сфере обращалось внимание на то, что степень спонтанности или степень подготовленности речи может быть различной. К. А. Долинин отмечал, что «между полной спонтанностью и полной неспонтанностью лежит целая гамма промежуточных ступеней», речь может быть более или менее подготовленной – не только с точки зрения ее смысловой структуры, но и с точки зрения конкретных формулировок, в речи используются некоторые слова, словосочетания, присутствующие в готовом виде еще до начала высказывания, в том числе более или менее развернутые и регулярно воспроизводимые речевые заготовки [Долинин 1987: 244-245].

В сфере судебной экспертизы это имеет особое значение и важна информативность признаков, по которым происходит дифференциация речи по степени подготовленности.

В монографии Е. И. Галяшиной признаки распределены по двум типам устной речи – заранее подготовленной речи и квазиспонтанной/спонтанной речи. При этом к первому типу отнесены пять видов речи (чтение вслух заранее неизвестного текста; чтение вслух заранее известного текста (предварительно прочитанного «про себя»); воспроизведение вслух выученного наизусть текста; изложение вслух письменного текста; пересказ вслух с опорой на письменный текст), а второй тип представлен девятью видами (такими, как речь за суфлером; стереотипная речь по шаблонному тексту в стереотипной ситуации; обдуманная речь по заранее составленному плану; репродукция вслух «чужой» речи; цитирование чужого текста; монологический рассказ на известную заранее тему; ответы на вопросы о хорошо известной теме; спонтанная монологическая речь; спонтанный диалог – речевая импровизация). При этом не указано, по каким критериям происходит различие между собой видов речи хотя бы в пределах одного типа.

Особого внимания заслуживает методическое письмо для экспертов, подготовленное М. В. Хитиной под научной редакцией Е. А. Брызгуновой [Хитина 2003]. В типологии речи автором используется шкала «подготовленная – неподготовленная речь», а под спонтанностью вслед за Е. А. Земской понимается инициативность высказывания («речь, возникающая без внешних импульсов, без воздействия извне»), в связи с чем говорение типизируется по двум параметрам – спонтанности и подготовленности, сочетание которых образует 4 вида (неспонтанная и неподготовленная, неспонтанная и подготовленная, спонтанная и неподготовленная, спонтанная и подготовленная). Вместе с тем отмечается, что признак «подготовленность» не носит абсолютного характера и может изменяться по шкале от полной неподготовленности (речь на тему, не известную заранее, осуществляемая как импровизация) до полной подготовленности (речь не производится в момент говорения, а читается или воспроизводится наизусть). Промежуточными являются 4 вида речи, границы между которыми часто размыты: речь на заранее известную тему; речь по обдуманному плану; речь по теме, на которую имеется письменный текст; речь, отдельные части которой обдуманы или подготовлены [Хитина 2003: 7-9]. Важно подчеркнуть, что помимо системы диагностических речевых признаков устанавливаемого вида речи необходимо иметь данные об информативности входящих в эту систему признаков. Однако автор обоснованно сожалеет, что нет полной информации о диагностической значимости признаков, частоте встречаемости и достоверности, и что реально эксперт может абсолютно надежно диагностировать тексты, относящиеся к крайним полюсам шкалы (спонтанная, неподготовленная речь, порождаемая в момент разговора / полностью подготовленная речь, читаемая или заученная и воспроизводимая наизусть).

В экспертной практике аналогичные или близкие градации речи, известные подходы к решению задачи на подготовленность и алгоритмы исследования адаптируются к различным экспертным ситуациям при проведении судебных экспертиз разных видов – лингвистической [Гончарова 2023], психологической [Цинкерман, Поликарпова

2016], психолого-лингво-фоноскопической [Хоменко 2017], в определенной мере валидируются. Однако до настоящего времени не выработаны критерии дифференциации и принятия экспертного решения. Эта задача на сегодняшний день является наиболее актуальной в условиях требований к доказательности и достоверности заключения эксперта, строгой научной обоснованности проводимого исследования.

В сфере судебной экспертизы помимо обозначенной можно отметить еще ряд проблем в контексте установления подготовленности речи.

Первая связана с подготовкой эксперта, его компетенциями. Анализ литературы показывает, что решаемые задачи характерны для фоноскопической экспертизы (экспертизы видео- и звукозаписи), и лингвистической экспертизы, поскольку установлению подлежат лингвистические признаки разных языковых уровней, в том числе фонетического. Это требует специальной подготовки эксперта и не может быть осуществлено без нее, например, психологами. Нельзя не поддержать позицию М. В. Хитиной, что диагностика звучащей речи по степени подготовленности экспертами, не имеющими необходимых лингвистических знаний, проблематична. Более того, внедряемые в практику «психологические модели» не основаны на психологических характеристиках речи и речевой деятельности, а используют все те же разноуровневые лингвистические признаки [Цинкерман, Поликарпова 2016]. В компетенции эксперта также входит навык аудитивного анализа речи и умение распознавать диагностически значимые характеристики звучания голоса и речи. От этого во многом зависит надежность и обоснованность экспертных оценок, что составляет еще одну важную проблему. Эксперты должны обладать знаниями и не забывать о возможной погрешности результата и вероятности возникновения ошибок [Гиверц, Грибер, Кокин 2022; Оберст, Оберладер 2024]. Вместе с тем даже при использовании инструментальных средств диагностики и методов автоматической классификации спонтанной и неспонтанной речи, математической обработки результатов минимальная ошибка оказывается существенной [Кенни и др. 1998]. В экспертной же практике доступность применения инструментальных методов исследования недостаточна.

Следующая и не менее важная проблема заключается в доказательственном значении вывода эксперта о подготовленности речи.

Как показывает экспертная практика, при назначении лингвистической и психологической, а также комплексной психолого-лингвистической экспертизы постановка вопросов о подготовленности (заученности/спонтанности) речи либо не обосновывается следователем, либо связывается с потребностью правовой оценки надежности и достоверности показаний. Такая экспертиза не служит цели установления особенностей говорящего для его идентификации, составления розыскного портрета и т. п., а назначается в связи с потребностью получить данные для оценки достоверности показаний либо установления факта влияния со стороны третьих лиц на содержание сведений, сообщаемых говорящим (часто он является допрашиваемым). Однако подготовленность речи ни в коей мере не может служить показателем недостоверности сообщаемых сведений. У следственных работников, назначающих экспертизу не без влияния со стороны некоторых представителей экспертного сообщества, формируется неверное представление о причинно-следственной связи между устанавливаемыми явлениями, в частности, между подготовленностью речи и недостоверностью показаний. ненаучные методы оценки показаний под видом установления особенностей коммуникативного поведения внедряются в экспертную практику [Цинкерман, Поликарпова 2016].

Вместе с тем спонтанность и неподготовленность речи не доказывают того факта, что показания являются надежными или достоверными. Ложные показания могут быть даны в речи, имеющей все характеристики спонтанности и неподготовленности, а правдивые показания могут показаться подготовленными. Более того, по закону допрашиваемое лицо вправе пользоваться документами и записями (ч. 3 ст. 189 УПК РФ). Воспоминание об интересующих следствие обстоятельствах в спокойной обстановке и использование записей при необходимости дачи показаний о психотравмирующих криминальных событиях в незнакомой и потому стрессогенной обстановке допроса или очной ставки способствуют более полным и последовательным показаниям. Наличие таких записей при очевидной подготовленности речи не может свидетельствовать о недобросовестности потерпевшего или недостоверности его показаний [Секераж 2021]. С другой стороны, спонтанность и неподготовленность речи также не может свидетельствовать о достоверности сообщаемой информации, а ее содержание может как соответствовать, так и не соответствовать действительности. Кроме того, уровень подготовленности речи может быть таким, что при всех признаках спонтанности и неподготовленности речь будет являться полностью подготовленной (ср. с работой актера, играющего роль). Критериев разграничения таких особенностей речи еще не выработано. Поэтому в настоящее время по аудиовизуальным материалам не могут быть решены вопросы об инсценировке коммуникации.

Кроме того, в публикациях, особенно зарубежных, активно обсуждаются вопросы подготовки различных участников процесса, в том числе свидетелей к даче показаний [Боккаччини, Гордон, Бродский 2005; Поузи, Райтсман 2005, Нил 2009 и др.]. В большинстве случаев подготовкой свидетелей занимаются адвокаты, но в некоторых случаях психологи, специалисты по коммуникациям, репетиторы. Отмечается, что такая подготовка направлена на улучшение показаний свидетелей и оказываемого на участников процесса впечатления, что связано с естественной предвзятостью людей и ошибками атрибуции, склонностью не доверять неуверенно ведущему себя, нервозному свидетелю и, напротив, доверять более уверенному, решительному, уравновешенному и убедительно говорящему человеку. «Существует множество причин, по которым честные свидетели нервничают во время дачи показаний, и подготовка помогает честным, но нервничающим свидетелям не выглядеть лжецами в глазах присяжных». Правдивый свидетель может быть сочтен нечестным из-за того, что он не был готов давать показания.

Поэтому методы подготовки направлены не только на запоминание и представление информации, но также на ознакомление с процедурой допроса и управление стрессом. Так, консультанты информируют свидетеля о структуре показаний, типах вопросов, на которые необходимо ответить, объясняют их роль и права в ходе процесса, помогают предвидеть потенциальные вопросы и формулировать на них эффективные ответы, проводят репетиции или имитации допроса, в ходе которых свидетели оттачивают свои коммуникативные навыки и постепенно приобретают уверенность, необходимую для эффективной дачи показаний. При этом тревогу вызывает возможность во время таких тренингов влиять на содержание показаний наводящими вопросами, подтверждающей или опровергающей информацией от других людей, частым воспроизведением воспоминаний. В конечном счете ответственность за то, чтобы методы обучения позволяли свидетелям давать правдивые показания, а не оказывали скрытое влияние на то, что они говорят, возлагается на адвокатов и консультантов и лежит в области этики их профессиональной деятельности [Салми 1999].

Таким образом, проблема подготовленности речи является многоаспектной, связана с необходимостью разработки и валидации комплекса признаков разной степени подготовленности устного высказывания, информативной значимости признаков, методов инструментального исследования и математической обработки данных, выработки критериев экспертной оценки и их проверки, определения вероятности возникновения ошибок, а самое важное – криминалистической и юридической значимости установления таких характеристик речи, как спонтанность и подготовленность.

Литература

- Бердникова Т. В.* Исследование спонтанности и подготовленности звучащей речи в судебной экспертизе: к постановке проблемы / Теория и практика судебной экспертизы. – 2023. – Т. 18. – № 4. – С. 6–11.
- Галышина Е. И.* Основы судебного речеведения: Монография / Под ред. проф. М. В. Горбаневского. М., 2003.
- Гивец П. В., Грибер А., Кокин А. В.* О критериях оценки заключения эксперта и экспертных методик участниками судопроизводства / Теория и практика судебной экспертизы. – 2022. – Т. 17. – № 1. – С. 27–37.
- Гончарова М. О.* Установление лингвистических признаков заученности или чтения в речи допрашиваемых лиц / Судебные лингвистическая, психологическая, политологическая экспертизы: вызовы времени и стратегия развития: материалы Всероссийской конференции «Восток–Запад: партнерство в судебной экспертизе» (г. Казань, 2–6 октября 2023 года) / Сост. Т. Н. Секераж, В. О. Кузнецов. М., 2024. С. 42–46.
- Долинин К. А.* Стилистика французского языка. М., 1987.
- Исаева А. А.* Маркеры дифференциации спонтанной и подготовленной речи / Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 4. – С. 37–48.
- Хитина М. В.* Дифференциация спонтанной (неподготовленной) и подготовленной устной речи. Методическое письмо для экспертов. М., 2003.
- Секераж Т. Н.* Судебная психологическая экспертиза информационных материалов: теория и практика: монография. М., 2021.
- Цинкерман М. В., Поликарпова О. С.* Критерии выявления психологических признаков заученности/подготовленности показаний / Комплексная психолого-психофизиологическая судебная экспертиза: современное состояние и перспективы развития: Сборник статей Международной научно-практической конференции. Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского. 2016. С. 246–255.
- Vaccacin M. T., Gordon T., Brodsky S. L.* Witness preparation with real and simulated criminal defendants / Behavioral Sciences and the Law. – 2005. – No. 23 – Pp. 659–687.
- Kenny O. P., Nelson D. J., Bodenschatz J. S. and McMonagle H.A.* Separation of non-spontaneous and spontaneous speech / Proceedings of the 1998 IEEE, Seattle, WA, USA – 1998. – Pp. 573–576. – Vol.1.
- Oeberst, A., & Oberlader, V.* Degrees of freedom as a breeding ground for biases – A threat to forensic practice. Law and Human Behavior. 2024.
- Posey A. J., Wrightsman L. S.* Trial consulting. New York, 2005.
- Salmi L. R.* Don't walk the line: Ethical consideration in preparing witnesses for deposition and trial / Review of Litigation. – 1999. – No. 18. – Pp. 135–179.
- Tess M. S. Neal.* Expert Witness Preparation: What Does the Literature Tell Us? American Society of Trial Consultants. – 2009. – Vol. 21. No 2.

References

- Berdnikova, T. V. (2023). The Study of Spontaneity and Preparedness of Oral Speech in Forensic Linguistics: To the Formulation of the Problem. Theory and Practice of Forensic Science, 18, 4, 6–11 (In Russian).
- Galyashina, E. I. (2003). Fundamentals of Forensic Speech Studies. Monograph. Moscow (In Russian).
- Isaeva, A. A. (2020). Differentiation Markers of Spontaneous and Prepared Speech. Proceedings of VSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 4, 37–48 (In Russian).
- Khitina, M. V. (2003). Differentiation of Spontaneous (Unprepared) and Prepared Oral Speech: Instructional Letter. Moscow (In Russian).

- Giverts, P., Griber, A., Kokin, A. V. (2022). On the Criteria for Evaluating an Expert's Opinion and Forensic Methods by Participants in the Legal Proceedings. *Theory and Practice of Forensic Science*, 17, 1, 27-37 (In Russian).
- Sekerazh, T. N. (2021). *Psychological Forensic Examination of Information Material: Theory and Practice: Monograph*. Moscow, (In Russian).
- Tsinkerman, M. V., Polikarpova, O. S. (2016). Comprehensive psychological and psychophysiological examination: current state and development prospects: Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. Kaluga State University named after. K. E. Tsiolkovsky, 246-255 (In Russian).
- Boccaccin, M. T., Gordon, T., Brodsky, S. L. (2005). Witness preparation with real and simulated criminal defendants. *Behavioral Sciences and the Law*, 23, 659-687.
- Kenny, O. P., Nelson, D. J., Bodenschatz, J. S. and McMonagle, H. A. (1998). Separation of non-spontaneous and spontaneous speech. *Proceedings of the 1998 IEEE*, Seattle, WA, USA, 1, 573-576.
- Oeberst, A., & Oberlader, V. (2024). Degrees of freedom as a breeding ground for biases – A threat to forensic practice. *Law and Human Behavior*.
- Posey, A. J., Wrightsman, L. S. (2005). *Trial consulting*. New York.
- Salmi, L. R. (1999). Don't walk the line: Ethical consideration in preparing witnesses for deposition and trial. *Review of Litigation*, 18, 135-179.
- Tess, M. S. Neal (2009). *Expert Witness Preparation: What Does the Literature Tell Us?* American Society of Trial Consultants, 21, 2.

Citation:

Секераж Т. Н. Разделение спонтанной и неспонтанной речи в судебной экспертизе: диагностическое и доказательственное значение признаков // Юрислингвистика. – 2024. – 34. – С. 108-112.

Sekerazh T. N. (2024) Separation of Spontaneous and Non-Spontaneous Speech in Forensic Examination: Information Content of Features and Evidential Significance. *Legal Linguistics*, 34, 108-112.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Дискурсивные стратегии в автороведческом исследовании секстинга

С. В. Доронина¹, И. Н. Мурса²

¹Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулева
наб. Макарова 8, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: doroninasv73@mail.ru

²Алтайская лаборатория судебной экспертизы Минюста РФ
пр. Ленина, 151 Г, 656011, г. Барнаул, Россия. E-mail: 10spore@mail.ru

Статья посвящена описанию экспертного опыта автороведческого исследования секстинга в целях решения идентификационных задач. Описаны существующие проблемы исследования, обусловленные особенностями электронной коммуникации. Изучение орфографических и пунктуационных признаков речевых навыков, а также исследование синтаксических структур не дает достоверных результатов автороведения. Поэтому большое значение приобретает исследование дискурсивных стратегий ведения диалога. В работе предлагается модель изучения речевых стратегий и тактик секстинга, в частности, тактики самопрезентации участника переписки, тактики анонсирования темы и персуазивной тактики, способов выражения ключевых понятий диалога и оценок собеседника. Перечисленные признаки, по мнению авторов исследования, формируют уникальный речевой портрет языковой личности, обладающий криминалистически значимым идентификационным потенциалом.

Ключевые слова: секстинг, педофилия, автороведческая экспертиза, дискурсивная стратегия, дискурсивная тактика.

Discursive Strategies in Authorship Studies of Sexting

S. V. Doronina¹, I. N. Mursa²

¹Military Academy of Logistics named after General of the Army A.V. Khrulev
8 Makarova Embankment, 199034, St. Petersburg, Russia. E-mail: doroninasv73@mail.ru

²Altai Forensic Laboratory of the Ministry of Justice of the Russian Federation
151 G Lenin St., 656011, Barnaul, Russia. E-mail: 10spore@mail.ru

The article covers the description of expertise practice in the authorship study of sexting in order to solve identification problems. The existing research problems caused by the peculiarities of electronic communication are described. The study of orthographic and punctuation features of speech skills, as well as the study of syntactic structures do not provide reliable results of authorship. Therefore, the study of discursive strategies for conducting a dialogue is of great importance. The paper proposes a model for studying speech strategies and tactics of sexting, in particular, the tactics of self-presentation of the participant in the correspondence, the tactics of announcing the topic and persuasive tactics, ways of expressing key concepts of the dialogue and the assessments of the interlocutor. The listed features, according to the authors of the study, form a unique speech portrait of a linguistic personality, which has a forensically significant identification potential.

Key words: sexting, pedophilia, authorship expertise, discursive strategy, discursive tactics.

Проблема, которой посвящено настоящее исследование, лежит в нескольких плоскостях. Объектом исследования являются коммуникативные практики секстинга, попадающие в сферу экспертного внимания в связи с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Как правило, задачей экспертного исследования в этом случае является тематический и лингво-прагматический анализ диалога с целью установления тем и форм речевого поведения, запрещенных в общении с детьми. С другой стороны, диалоги могут стать объектами судебной автороведческой экспертизы при необходимости атрибуции текста с анонимным авторством, а также если переписка с несовершеннолетним ведется в сети интернет с нескольких анонимных аккаунтов.

Методика автороведческого исследования для решения идентификационной задачи требует всестороннего сопоставительного исследования текстов, предположительно принадлежащих одному автору, и базируется на том, что в тексте содержится два вида информации: «основная – об объекте речи, дополнительная – о говорящем субъекте» [Вул 2007: 11]. Поскольку говорящий осуществляет отбор языковых средств для передачи информации, характер этого выбора является информативным. Важно то, что говорящий субъект не сосредоточен на выражении дополнительной информации о себе, поэтому не контролирует этот процесс. Таким образом, эксперт-авторвед может решать идентификационные задачи на основе анализа форм речевого выражения значений. Методика автороведческого исследования хорошо разработана в отношении индивидуальных письменно-речевых навыков на лексическом, грамматическом, орфографическом и пунктуационном уровне. В то же время дискурсивные особенности текста (его логические структуры, их правильность или ошибочность, сложность или бедность, избираемый тип аргументации), будучи обусловлены целями и характером ситуации письменного общения, являются весьма вариативными и тоже отражают особенности соответствующих навыков автора. Индивидуально-речевые особенности данного типа С. М. Вул называл признаками дискурсивных навыков письменной речи и определял их как «особенности структурной организации понятийно-смысловых элементов текста» [Вул 2007: 17]. Однако в настоящее время методы анализа дискурсивной деятельности и лингво-когнитивных особенностей речи автора по-прежнему требуют разработки.

Данный аспект автороведческого исследования приобретает особую актуальность в связи с появлением новых объектов – диалогических текстов электронной коммуникации, в которых орфографические признаки искажаются за счет работы встроенных сервисов проверки, а пунктуационные нормы намеренно игнорируются. Признаки других уровней также могут оказаться однообразными и малоинформативными, поскольку диалоги ведутся в разговорном регистре.

Решение практических вопросов идентификации языковой личности, к сожалению, обнаруживает и не до конца решенные вопросы теоретической лингвистики. Письменная разговорная речь является новой формой коммуникации, развивающейся в связи с вовлечением носителей языка в электронную переписку. Наблюдение за ее особенностями является актуальной задачей функциональной стилистики, поскольку возникшая на рубеже веков идея о том, что интернет-общение является графической фиксацией устной речи, все чаще подвергается критике [Литневская 2011]. Вопреки ожиданиям, лексико-грамматические признаки письменной разговорной речи порой дают весьма скудную информацию об авторе. На логико-смысловом уровне высказывания письменной разговорной речи могут характеризоваться низкой структурной оформленностью, на лексико-фразеологическом уровне – использованием бытовой нейтральной и экспрессивной сниженной лексики, на синтаксическом уровне – использованием разговорных синтаксических конструкций, характеризующихся краткостью, предикативностью, эллиптичностью, экспрессивностью. Все перечисленные признаки являются общими для жанров интернет-переписки. А ожидаемая лингвистами креативность коммуникации, обусловленная ненормируемостью речи, проявляется в них далеко не всегда. Письменной разговорной речи присущ аграмматизм, она зачастую составлена из обломков полноценных синтаксических конструкций. Например:

Давай так

У меня щас времени нету

А ты можешь мне их просто прислать

Погоди

Просто пришли мне их

В телеге

И пусть они тут на сервере хранятся

Продолжительные исследования в области лингвистической прагматики и, в частности, описание продуктов речевой деятельности более крупных, чем предложение, позволяют заметить, что модели речевого поведения обладают устойчивой формой. Многие коммуникативные стратегии «не рождаются спонтанно, в момент совершения речевого акта, а берутся из арсенала образцов, которые конвенционализированы русским узусом» [Янко 2001: 138]. Следовательно, речевое поведение предстает как «визитная карточка» человека в социуме.

Дискурсивные признаки в монологической и диалогической речи существенно различаются. Поэтому методы анализа дискурсивных навыков, предложенные С. М. Вулом для анализа письменной монологической речи преимущественно строгих жанров официально-делового и публицистического стиля, требуют дополнений. Для описания тех черт идиолекта, которые проявляются в электронных диалогах, требуются понятия лингвистической теории дискурса «речевая стратегия – речевая тактика – речевой ход» в их традиционном толковании, где коммуникативная стратегия определяется как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей, который включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [Иссерс 1999: 100]. Речевой тактикой «следует считать одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» [Иссерс 1999: 109-110]. В разных сферах коммуникации речевые стратегии и определяемые ими речевые тактики имеют существенные различия, о чем свидетельствуют исследования разных функциональных типов речи, например политического дискурса [Паршина 2012], педагогического дискурса [Щербинина 2010] и пр.

Секстинг как вид дискурсивной деятельности является продуктом электронной коммуникации. Согласно определению, секстинг – «коммуникативная практика обмена текстовыми и графическими сообщениями сексуальной направленности по мобильному телефону, планшету, ноутбуку и персональному компьютеру» [Зайцева,

Зобнина 2019: 154]. Отдельный эпизод текстовой и/или визуальной направленности называется секстом. Как правило, содержанием секстов является обмен интимными фотографиями, а также вербальная имитация полового акта, обуславливающая его подробное натуралистическое описание, поэтому ярким опознавательным признаком жанра является тематическое наполнение диалогов, проявляющееся в отборе лексики. Ключевые слова, маркирующие предмет обсуждения, включают обозначение разных форм полового акта и половых органов (при этом стилистическая принадлежность лексем характеризуется широкой вариативностью).

Ввиду многообразия способов общения людей на темы сексуальных отношений нам необходимо сосредоточиться именно на разговорах, попадающих в зону правового регулирования, в частности, на диалогах взрослых лиц с несовершеннолетними, которые строятся на основании достаточно однообразных коммуникативных стратегий, проявляющихся однообразным набором тактик. Следует отметить, что в судебной психологии в исследовании А. С. Жаркой предпринята попытка классификации стратегий психологического воздействия в ходе груминга [Секераж 2021: 282-283]. Однако задача, поставленная в данном исследовании (идентификация личности по дискурсивным признакам ее речи), лежит в иной практической области. Для ее решения нами исследованы материалы, фиксирующие достоверно установленную переписку одного и того же лица с несколькими несовершеннолетними.

При детальном рассмотрении секстинга как коммуникативного процесса выявляются структурные элементы диалога, в которых глобальная цель говорящего (побуждение несовершеннолетнего собеседника к сексуальным действиям) проявляет себя наиболее отчетливо.

1. Коммуникативные тактики самопрезентации.

В общении с несовершеннолетним говорящий может играть различные гендерные и возрастные роли: выступать в образе ровесника того же пола, что и адресат, или лица противоположного пола, как правило, подросткового или молодого возраста.

? : Привет! Мне Таня случайно отправила сообщение, а в нем твой номер был

Ж: привет

? : Только не говори ей, что я тебе написала, а то она нас спалит

Ж: а скинь свое лицо сколько тебе лет и в каком городе ты живешь

? : Мне 10, я из краснодара, а ты?

Ж: мне 11 я из новоалтайска

Избираемая половозрастная роль определяет выбор всех остальных речевых ходов в диалоге. Например, имитация детской речи с помощью диминутивов и подражание детскому произношению (сюсюканье) обусловлены развертыванием ролевой игры «родитель-ребенок»:

М: В чем крошечка будет бай?

Ж: Халатик

М: Мммм мозет показес 🤔🤔🤔или не

М: Зяйй показесь может в чем бай ляжешь?

2. Коммуникативные тактики анонсирования темы «половая жизнь».

В дискурсивных практиках секстинга имеет значение, на каком этапе разговора происходит переход к теме и в каких формах (прямых или косвенных) она представляется.

(1) М: Я пошлый, а ты любишь пошлых? (Собеседнице посылается фотоизображение полового члена).

(2) Ж: Ты любишь сладкое? Я очень люблю. И с удовольствием бы пососала твой чупа-чупс.

Открытое декларирование (пример 1) противопоставлено приему наведения темы (пример 2) – операции ассоциативного соскальзывания с обсуждения второстепенного для говорящего вопроса на главный.

3. Ключевые понятия и средства их выражения.

Ключевыми словами в секстинге безусловно являются лексемы, обозначающие интимные части тела человека, сексуальную роль и действия, способствующие сексуальному удовлетворению. В диалогах, принадлежащих одному и тому же участнику, они повторяются (что, вероятнее всего, обусловлено особенностями нервной деятельности субъекта), способствуя решению задачи идентификации автора. Помимо лексики повторяются также типы речевых актов, определяющих характер сексуального поведения. Чаще всего авторы выбирают:

- сообщение о совершаемых действиях (описание процесса полового акта, мастурбации)

Re: Просто если ты не против ты можешь позвать друга чтоб вы оба были в роли активов я вам обоим предоставлю удовольствие;

- побуждение собеседника к подобным сообщениям

К: Ты такая милая! Расскажи, как ты ласкаешь себя;

- побуждение собеседника к демонстрации интимных частей тела или действий с ними (к созданию и отправке фото и видео).

Наконец, речевое поведение создателей секстинга различается выбором формы выражения ключевых понятий. Помимо фиксации повторяющихся лексико-грамматических конструкций важным является также выбор стилового регистра. В разговоре на темы половой жизни автор, как правило, демонстрирует устойчивые привычки выбора лексики, варьирующейся в диапазоне от нецензурной и вульгарной до разговорной и даже диминутивной:

С: Пфоткайся так, в трусиках. А можно с раздвинутыми ножками? А теперь попочкой повернись?

Яркой чертой языковой личности является стремление к эвфемистичному обозначению ключевых понятий темы, например «там/везде/спереди/сзади», «откровенные фото», «чупа-чупс» (обозначение полового члена) и пр. В сфере электронной коммуникации эвфемизмы успешно создаются при помощи эмодзи и других иконических символов:

Ж: *Говори что-нибудь такое пошлое*

М: *Это всё что связано с 🍆🍑 (😏😏). А ты знаешь что такое 🍆🍑?*

Косвенные формы выражения темы «половые отношения» либо сохраняются на протяжении всего разговора, либо заменяются прямыми по мере его развития и формирования более доверительных отношений между коммуникантами.

4. Эмоционально-оценочные высказывания в адрес несовершеннолетнего собеседника.

Речевые жанры флирта и секстинга имеют схожую природу возникновения от поведенческого жанра. Однако, как справедливо отмечают исследователи, «границы флирта для секстинга оказываются тесными» [Бельская 2015: 171]. «Современный флирт утрачивает не только изощренную технику, но и в значительной степени игровой характер и даже косвенность» [Дементьев 2010: 431]. Вербальный комплимент является необязательным условием общения на тему половых отношений. Значение одобрения, положительной оценки собеседника выражается преимущественно с помощью эмодзи. Инициативные реплики диалога содержат прямо выраженные побуждения к началу виртуального общения и вопрос о возрасте собеседников:

Е: *Знакомы?*

Н: *Нет го общаться*

Е: *Сколько лет?*

Н: *24*

Е: *Понятно, общения не будет*

Е: *Ты меня на 10 лет старше*

Е: *Мне 13 лет*

Н: *Ты же говорила тебе 17*

Кроме этого, в своей начальной стадии секстинг часто содержит вопрос о степени половой зрелости и наличии у несовершеннолетнего собеседника сексуального опыта, после чего, если прямой отказ от обсуждения темы не поступает, начинается обсуждение интимных подробностей сексуальной жизни. Комплимент же используется как второстепенное средство речевого воздействия для поддержки начавшегося разговора на интимные темы. При этом положительно-оценочным высказываниям абсолютно не свойственна какая-либо креативность, характерная для флирта. Опыт экспертных наблюдений даже позволяет выделить наиболее частые речевые формулы комплимента в секстинге: «*фигурка секси/супер*» и «*я хочу тебя*». Таким образом, использование комплимента в вербальной форме, как и другие канонические признаки речевого жанра «флирт», является выдающейся характеристикой языковой личности в жанре секстинга.

5. Персуазивные тактики секстинга.

Одним из наиболее ярких признаков, отличающих участников переписки на темы секса, являются используемые ими волеизъявления, побуждающие собеседника к сексуальным действиям. Данные высказывания являются главными средствами воплощения речевых целей коммуникантов и представлены широким перечнем речевых актов, различающихся соотношением коммуникативных ролей участников. Речевые акты волеизъявления могут быть категоричными (требования) и некатегоричными (просьбы), допускающими отказ от исполнения поступившего волеизъявления.

Требование:

Х: *Читать внимательно. Не задавать вопросов, чтобы меня не сбивать. Когда напишу «спрашивай», тогда задашь // Встань // Не вижу тебя // Отверни камеру вправо // Читать умеешь, я такого не писала!!!!*

Просьба:

В: *А ты можешь фотку скинуть свою*

Т: *А можно поточнее? А то могу и интим скинуть*

В: *А что есть и такое?*

Т: *Да*

В: *Ну ни фига себе!Скинешь?*

Кроме того, говорящий может формулировать и предложения о совместном действии, либо предложение о совершении действий в пользу говорящего:

З: *Хочешь моего увидеть?*

Как правило, электронные диалоги на тему секса развиваются по кооперативному сценарию, поэтому в случае необходимости средством дополнительного эмоционального давления выступает тактика уговоров:

М: *Насть, какой у тебя уже размер?*

М: *Ну не стесняйся пожалуйста*

М: *Всё только между нами. Ок?*

Однако в некоторых случаях тема обмена сообщениями на тему секса может развиваться и по сценарию конфронтации, когда средством эмоционального воздействия служит угроза:

М: Слушай меня внимательно, я все выяснил где ты живёшь. Скинь мне свое голое фото и я тебя не буду трогать, я видел тебя вчера как ты была на улице. Так что я тебя поймаю и отвезу к себе домой и буду делать с тобой все что захочу. Если ты меня сейчас заблокируешь, тогда я сегодня буду тебя выжидать!!!

Коммуникативная тактика угрозы в секстинге не является основной, а встречается в сочетании со всеми перечисленными выше приемами при неуспешном развитии коммуникативного сценария (отказе ребенка соблюдать навязываемые ему правила). Помимо физической расправы, частыми являются угрозы разгласить информацию интимного характера родителям, одноклассникам, подписчикам собеседницы. Их целью является коммуникативный шантаж, принуждение исполнять навязываемую коммуникативную роль.

Совокупность перечисленных дискурсивных признаков, как правило, устойчива, индивидуальна и служит надежным идентификационным параметром, дополняющим лексико-грамматический анализ диалога в целях идентификации его участника. Во всех исследованных нами случаях наблюдалось единообразие в избираемом речевом поведении, позволившем выделить несколько относительно устойчиво воспроизводимых речевых стратегий, условно обозначаемых нами как «флирт», «эпатаж», «торг».

Коммуникативная стратегия флирта характеризуется выбором манипулятивных средств и представлена речевыми актами комплимента и объяснения в любви, плавным переходом к основной цели коммуникации (использованием тактики наведения темы), предпочтением вульгаризмов нецензурным выражениям при обозначении половых органов и полового акта. Именно при выборе этой стратегии говорящий использует прием речевой маски, создавая романтический образ. Наш материал позволяет наблюдать разные формы флирта и различное количество, порой ничтожно малое, комплементарных речевых актов:

М: Пообщаемся?

Ты симпатная

Я твоя эротическая фантазия!

Я парень из твоих снов.

Давай поговорим о сексе

Отвечай на вопросы....

Коммуникативная стратегия эпатажа предполагает внезапное начало разговора, немотивированное инициирование темы сексуальных отношений, как правило, с первых реплик диалога:

?: Здравствуйте мы семья из четырех человек. папе 34, маме 31 и дочерям 9 и 11. и мы хотим познакомиться с другими семьями, чтобы повеселиться в постели. тебе это интересно

?: Вы не против заняться сексом со мной и моими дочерьми?

Данное речевое поведение также характеризует полное отсутствие косвенных речевых актов, намеренно грубая лексика, демонстрация фотоизображений половых органов и сексуальных практик. В указанном типе дискурса встречается как волеизъявление о намерении обсуждать какие-либо темы, так и информирование собеседницы о собственном сексуальном опыте. Эти виды коммуникации непродолжительны и не повторяются с одним и тем же партнером.

Главным отличительным признаком коммуникативной стратегии торга является предложение материальных благ. Это могут быть как денежные средства, так и иные материальные и нематериальные ценности, и даже подписки и лайки в социальных сетях. По сравнению с предыдущей коммуникативной стратегией, данная выглядит крайне примитивно: диалог лишен приемов создания речевой маски и фигур намека, косвенных речевых актов. Преступник прямо сообщает о намерении получить фото/видеоизображения и называет цену. Однако при этом отличительные особенности речевого поведения могут иметь формы и содержание волеизъявлений, обращенных к несовершеннолетнему.

М: Тебе хочу подарить айфон

Так я тебе сам бесплатно подарю

Он 59000 рублей стоит

М: я тебе готов заплатить за встречу

Ж: Я отказалась от встреч предложила свои фото.

М: деньги за встречу предлагал и сейчас готов

что скажешь?

Таким образом, коммуникативные практики секстинга осуществляются в относительно устойчивых речевых формах, что позволяет подвергать их автороведческому исследованию. В свою очередь, методики идентификационного автороведения нуждаются в обновлении в связи с появлением новых объектов исследования и развитием методов дискурсивного анализа.

Литература

Бельская Н. С. Речевой жанр секстинга в судебной лингвистической экспертизе интернет-коммуникации при расследовании преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности / Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 1 (61). – Т. 2. – С. 170-176.

Вул С. М. Судебно-автороведческая идентификационная экспертиза: методические основы: Методическое пособие. Харьков, 2007.

Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М., 2010.

Зайцева О., Зобнина Н. Коммуникативные тактики сексуального онлайн взаимодействия (на материале секстинга и порномести) / Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы. Сборник докладов. Н. Новгород, 2019. – С. 154-160.

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск, 1999.

Комиссаров А. Ю. Криминалистическое исследование письменной речи с использованием ЭВМ. М., 2003.

Литневская Е. И. Письменные формы разговорной речи (К постановке проблемы). М., 2011.

Паршина О. Н. Российская политическая речь: теория и практика. М., 2012.

Секераж Т. Н. Судебная психологическая экспертиза информационных материалов: теория и практика. М., 2021.

Щербинина Ю. В. Педагогический дискурс: типическое и архетипическое / Наука и школа. – 2010. – №2. – С. 36-40.

Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.

References

Belskaya, N. S. (2015). Sexting speech genre in forensic linguistic examination of Internet communication in the investigation of crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual/ Bulletin of the Kemerovo State University, 1 (61), 2, 170-176 (In Russian).

Dementyev, V. V. (2010). Theory of speech genres. Moscow (In Russian).

Issers, O. S. (1999). Communicative strategies and tactics of Russian speech. Omsk (In Russian).

Komissarov, A. Yu. (2003). Forensic examination of written speech using a computer. Moscow (In Russian).

Litnevskaya, E. I. (2011). Written forms of colloquial speech (Towards the formulation of the problem). Moscow (In Russian).

Parshina, O. N. (2012). Russian political speech: theory and practice. Moscow (In Russian).

Sekerazh, T. N. (2022). Forensic psychological examination of information materials: theory and practice. Moscow (In Russian).

Shcherbinina, Yu. V. (2010). Pedagogical discourse: typical and archetypal. Science and School, 2, 36-40 (In Russian).

Vul, S. M. (2007). Forensic authorship identification examination: methodological foundations: Methodological manual (In Russian).

Yanko, T. E. (2001). Communicative strategies of Russian speech. Moscow (In Russian).

Zaitseva, O., Zobnina, N. (2019). Communicative tactics of sexual online interaction (based on sexting and revenge porn). International and national trends and prospects for the development of forensic science. Collection of reports. Nizhny Novgorod, 154-160 (In Russian).

Citation:

Доронина С. В., Мурса И. Н. Дискурсивные стратегии в автороведческом исследовании секстинга // Юрислингвистика. – 2024. – 34. – 113-118.

Doronina, S. V. Mursa, I. N. (2024). Discursive Strategies in Authorship Studies of Sexting, 34, 113-118.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Конфликтогенный потенциал публичного интервью

Е. А. Савочкина

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: savochkina71@mail.ru

Статья посвящена исследованию конфликтогенного потенциала публичных интервью. Материалом для исследования послужили интервью принцессы Дианы с Маратом Баширом в ноябре 1995 года и интервью принца Гарри и Меган Маркл с Опррой Уинфри в марте 2021. В ходе исследования было установлено, что оба интервью опосредованно были нацелены на коммуникацию с королевской семьей Великобритании, при которой с помощью конфликтогенов была создана конфликтогенная ситуация, породившая и усилившая разногласия внутри британской королевской семьи. Анализ скриптов исследуемых интервью выявил присутствие одинаковых конфликтогенов в высказываниях интервьюеров: негативные оценки, переход на личности; обращение к неприятной теме. В ответных репликах основными конфликтогенами являются завуалированные либо открытые обвинения. Таким образом, мы можем сделать следующие выводы: потенциальная конфликтогенность интервью задается конфликтогенами-стимулами, содержащимися в вопросах интервьюеров: во-первых, обращением к неприятной теме; во-вторых, негативными оценками и переходом на личности. Языковое воплощение эти конфликтогены получают в процессе реализации речевых стратегий контроля за темой, оценочности, интимизации и, в меньшей степени, карнавализации. Ответными конфликтогенами, реализующимися в ответах интервьюируемых, являются обвинения и, реже, юмор по отношению к партнеру. Основной речевой стратегией, применяемой всеми интервьюируемыми, является оценочность как проявление эмотивности и реализующаяся на лексическом уровне языковыми единицами с оценочным значением; на стилистическом уровне – метафорами, метонимиями, эпитетами, сравнениями и т. д.; на синтаксическом уровне: параллельными конструкциями, риторическими вопросами, повторами.

Ключевые слова: публичное интервью, конфликт, конфликтоген, речевая стратегия.

Conflict-Inducing Potential of Public Interviews

E. A. Savochkina

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: savochkina71@mail.ru

The article discusses conflict-inducing potential of public interview. It is the case study of the interview of Martin Bashir with Diana the Princess of Wales in November 1995, and the interview of Oprah Winfrey with Prince Harry and Meghan Markle in March 2021. The study proved that both interviews were indirectly intended for communication with the British royal family, when conflictogens were introduced to induce a conflict situation which brought forward and deepened the misunderstanding within the family. The transcript analysis made it clear that both interviewers applied the same conflictogens: negative assessments, personal attacks, addressing vulnerable topics. The reply speeches are characterized with the conflictogen of open or disguised blame. Thus, it can be stated that conflict-inducing potential of public interviews is charged with stimulating conflictogens in the utterances of interviewers: firstly, addressing vulnerable topics; secondly, negative assessments, personal attacks. These conflictogens are realized through the following speech strategies: topic control, assessment, making it intimate, and, to a smaller degree, making it a bit of carnival. The reply conflictogens present in the speech of the interviewed are represented by blames and, sometimes, bantering of a partner. The major speech strategy of all interviewed is negative assessment as manifestation of emotions. At language strata it is mostly represented with evaluative lexical units, metaphors, metonymies, epithets, parallel constructions, rhetoric questions and repetitions.

Key words: public interview, conflict, conflictogen, speech strategy.

С развитием общества и глобализацией количество конфликтов увеличилось, чему способствует расширение современных каналов коммуникации (различные социальные сети), благодаря которым информация быстро становится достоянием мировой общественности, а тексты, сами по себе не являющиеся конфликтными, влияют

на группы людей или даже целые нации (содержат некие конфликтогены). Возникает вопрос о конфликтогенной коммуникации, ее предпосылках, речевых стратегиях и тактиках, приводящих к социальным конфликтам.

Научные исследования второй половины XX и исследования XXI века отличаются междисциплинарным характером, изучение речевого поведения человека также не может производиться в отрыве от его социальной и национально-культурной принадлежности, экономических и политических факторов, гендерной и возрастной принадлежности и т.д. Исключением не является и конфликтогенная коммуникация, которую в данной работе нам предстоит рассмотреть с позиций конфликтологии и лингвистики.

Объектом данного исследования являются конфликтогенные тексты. Предмет исследования – особенности проявления конфликтогенов в интервью публичных личностей посредством специфических языковых средств, способных вызвать неприятие или оскорбить чувства определенного круга адресатов. Материалом для работы послужили видеозаписи и скрипты интервью принцессы Дианы с Маратом Баширом в ноябре 1995 года [Transcript of the BBC1 Panorama interview with the Princess of Wales URL] и интервью принца Гарри и Меган Маркл с Опррой Уинфри в марте 2021 года [Oprah with Prince Harry and Meghan Markle URL].

Несмотря на этикет, неприкосновенность и социальный статус, королевская семья Великобритании была замешана в конфликтах, которые часто происходили внутри самой семьи. От разногласий между супругами до соперничества между братьями и сестрами, в том числе и сексуальные скандалы, и дискриминационные высказывания: британская королевская семья видела многое и пережила немало переломных моментов. Драмы и конфликты повлияли не только на отношения между членами семьи, но и на образ монархии в целом. Одними из самых громких конфликтов стали измена принца Чарльза, сопровождавшаяся интервью принцессы Дианы в 1995 году и уход принца Гарри из королевской семьи с последующим интервью принца Гарри и его супруги Меган Маркл у Опры Уинфри. Интересен тот факт, что сами интервью конфликтными не являются, в их текстах не прослеживается никакого противостояния участников, однако выход этих интервью в свет породил конфликты в королевской семье Великобритании.

Теоретической базой данной работы послужили труды представителей отечественного и зарубежного языкознания, конфликтологии и социологии: Льюиса Козера [Coser 1957], О. С. Иссерс [Иссерс 2017], Н. Г. Кобызевой, А. Р. Калашниковой [Кобызева, Калашникова 2018], Г. И. Козырева [Козырев 2014], Т.В. Шмелёвой [Шмелёва 1998] и других ученых.

Как известно, конфликтология – междисциплинарная область знания, «наука о закономерностях развития конфликтов, технологии их предупреждения и разрешения» [Титова 2009: 3].

При коммуникативном исследовании конфликта обязательно учитывается коммуникативное пространство – обмен смыслами между отдельными индивидами либо социальными группами. Когда происходит трансляция определенных смыслов адресату, коммуникативное пространство опосредовано как теми отношениями, в которых состоят коммуниканты, так и их представлениями о том, какое впечатление их сообщение произведет на партнера. Коммуникация носит адресный характер, на основании анализа языковых единиц можно выявить сигналы об интенциях коммуникантов, их отношении друг к другу.

Необходимо установить, каким образом коммуникация определенных представителей социума может привести к возникновению конфликтов, то есть выяснить, когда коммуникация может стать конфликтогенной.

Впервые термин «конфликтоген» введен А. П. Егидесом [Егидес URL], описан А. Я. Анцуповым, А. И. Шипиловым [Анцупов, Шипилов 2010], М. М. Кашаповым [Кашапов 2003]. В данной работе конфликтоген понимается в соответствии с определением Е. В. Перова и М. Б. Перовой: «Конфликтоген — это то, что вызывает неприятие, раздражение, агрессию. Болезненно реагируя, индивидуум проявляет ответную агрессию, обычно более высокой интенсивности (эскалация конфликтогенов), т.е. любой провоцирующий конфликтоген вызывает ответный конфликтоген в виде напряженности, агрессии или другой негативной реакции» [Перов, Перова 2014].

Теория коммуникативных конфликтогенов была далее разработана отечественным психологом Н. И. Козловым [Козлов URL]. Автор выделяет следующие наиболее распространенные конфликтогены:

- возражения, категоричность, жесткий и агрессивный тон;
- негативные оценки, переход на личности;
- обращение к неприятной для человека теме;
- личная критика при посторонних;
- упреки, претензии, обвинения;
- давление и запреты;
- грубость, усиление обвинений и безадресный негатив;
- позиция превосходства;
- юмор по отношению к партнеру и оправдания.

В нашем исследовании коммуникация определенной социальной группы (членов королевской семьи) не является прямой, она опосредована публичным интервью, где тщательно продуманные вопросы интервьюера создают конфликтогенную ситуацию, порождающую и усиливающую разногласия внутри британской королевской семьи.

Применяя к публичному интервью методику его описания как речевого жанра, предложенную Т. В. Шмелевой [Шмелева 1997: 12-13], мы приходим к выводу, что интервью членов британской королевской семьи как тематическая разновидность данного речевого жанра существенно отличается от других интервью тем, что информация, полученная в его ходе, предназначена как широкой публике, так и, в первую очередь, остальным членам королевской семьи. Коммуникативная цель интервью – предоставить публике малоизвестные или неизвестные

факты, которые британская королевская семья не хотела бы предавать публичности, соответственно, здесь проявляется конфликтогенность коммуникативной ситуации. Участники коммуникации намеренно или спонтанно прибегают к коммуникативным конфликтогенам. Интервьюер заранее готовит вопросы, которые должны затронуть скрытые стороны отношений в королевской семье, члены семьи, дающие интервью, выбирая определенные речевые стратегии, определяют возможное коммуникативное воздействие на остальную семью, интересы которой, скорее всего, идут вразрез с их интересами.

Анализ скриптов публичных интервью принцессы Дианы с Маратом Баширом в ноябре 1995 года и интервью принца Гарри и Меган Маркл с Опррой Уинфри в марте 2021 года выявил присутствие одинаковых конфликтогенов в высказываниях интервьюеров: негативные оценки, переход на личности; обращение к неприятной теме. Эти конфликтогены звучат в тщательно продуманных вопросах и имеют отсроченное действие, поскольку провоцируют откровенные ответы участников интервью и воздействуют на представителей королевской семьи публично, когда они узнают о них вместе с миллионами других людей. Такими были вопросы М. Башира о послеродовой депрессии, булимии, измене Чарльза, разводе. Подобные же неудобные вопросы задавались и Меган Маркл относительно ее неаристократического происхождения, цвета кожи, цвета кожи ее сына и не родившейся еще дочери, а Гарри задавали вопросы об отношениях с отцом и старшим братом, о погибшей матери, о решении оставить королевский двор.

В ответных репликах основными конфликтогенами были завуалированные либо открытые обвинения, причем в высказываниях принцессы Дианы и герцогини Сассекской они были завуалированы, а Гарри позволил себе перейти на личности при обвинении.

Диана сетует, что никто никогда не говорил ей никакой похвалы, если она делала что-то хорошее, но стоило ей оступиться, в нее летели все камни.

BASHIR: When you say, when you say you were never given any credit, what do you mean?

*DIANA: Well anything good I ever did **nobody ever said a thing, never said, "well done", or "was it OK?"** But if I tripped up, which invariably I did, because I was new at the game, a ton of bricks came down on me.*

Меган на вопрос Опры Уинфри о том, кто же поднимал вопрос о цвете кожи ребенка, не отвечает, говорит, что ответ может быть слишком сокрушительным ударом.

Meghan: There were . . . there were several conversations about it.

Oprah: There's a conversation with you . . . ?

Meghan: With Harry.

Oprah: About how dark your baby is going to be?

Meghan: Potentially, and what that would mean or look like.

*Oprah: Whoa. **And you're not going to tell me who had the conversation?***

*Meghan: I think that would be very damaging **to them.***

Гарри же, наоборот, прямо упоминает отца (на тот момент принца Чарльза) и бабушку (королеву Елизавету).

*Harry: I had three conversations with **my grandmother** and two conversations **with my father** and — **before he stopped taking my calls** — and he said, 'Can you put this all in writing what your plan is?'*

В интервью принцессы Дианы прослеживается конфликтоген – юмор по отношению к партнеру. Он представлен весьма тонко. Например, Диана отметила, что Чарльз всегда завидовал ее популярности у медиа.

BASHIR: But were you flattered by the media attention particularly?

*DIANA: No, not particularly, because with the media attention came **a lot of jealousy, a great deal of complicated situations arose because of that.***

Высказывание Дианы о том, что узы ее брака всегда были тесноваты, поскольку в браке состояли трое, стало вирусным.

BASHIR: Do you think Mrs. Parker-Bowles was a factor in the breakdown of your marriage?

*DIANA: Well, **there were three of us in this marriage, so it was a bit crowded.***

Остановимся подробнее на речевых стратегиях, способствующих конфликтогенности интервью как коммуникации. При описании речевых стратегий, используемых во время интервью принцессы Дианы, принца Гарри и Меган Маркл, мы будем рассматривать отдельно стратегии интервьюера и дающих интервью членов британской королевской семьи.

О. С. Иссерс пишет, что речевая коммуникация есть «стратегический процесс, базисом для которого является выбор оптимальных языковых средств..., а стратегия включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [Иссерс 2017: 10, 54]. Речевые тактики же способствуют реализации стратегии, в качестве языковых индикаторов речевых тактик выступают семантика, лексика, лексико-грамматические и синтаксические показатели, а также прагматические показатели (то есть намеченная к достижению цель коммуникации).

Разработанные О. С. Иссерс положения о речевых стратегиях и тактиках положили начало многочисленным исследованиям различных областей дискурса, в том числе и конфликтогенного. В. Е. Ершова описала особенности конфликтогенного медиатекста ток-шоу [Ершова 2012], к которому можно отнести и публичное телевизионное интервью. В. Е. Ершова перечисляет следующие важные стратегии: подготовленность речи ведущего, (которую мы далее будем называть контролем над темой), интимизация коммуникации, стратегия карнавализации – повышение эмоциональной напряженности коммуникации.

И. В. Тубалова, Ю. А. Эмер, Д. А. Перевалова в своей статье «Конфликтогенный текст: когнитивные и языковые особенности порождения» [Тубалова, Эмер, Перевалова 2012] указывают на оценочные стратегии, оформляющие конфликтогенный сценарий с позиций участников интервью: они представлены прямым оцениванием, саркастическим оцениванием и формально-вежливым дистанцированным оцениванием. Эти стратегии применяются как теми, кто берет интервью (с целью получить определенные эмоции адресата), так и участниками интервью, которые доносят свои субъективные реакции до массового адресата и конкретной группы (в нашем случае, королевской семьи).

Основными стратегиями ведущего/интервьюера являются контроль над темой, оценочность и стратегия интимизации и, частично, карнавализации. Контроль означает, что в процессе речевого взаимодействия человек, берущий интервью, пытается направлять процессы участника(ов) (оценки, рассуждения) таким образом, чтобы они, в конечном счете, привели их к нужному ответу. Такую стратегию мы наблюдаем в интервью принцессы Дианы, принца Гарри и Меган Маркл, когда и Диане и Меган задавался вопрос о том, были ли они готовы взвалить на себя непомерный груз брака с членом королевской семьи. Диане задавался вопрос о трудностях вхождения в королевскую семью.

MARTIN BASHIR: Your Royal Highness, how prepared were you for the pressures that came with marrying into the Royal Family?

У Меган же спросили, каково это было выйти замуж за монархию, институт с историей в 1200 лет.

Oprah Winfrey: Everybody who gets married knows you're really marrying the family. But you weren't just marrying a family, you were marrying a 1,200-year-old institution, you're marrying the monarchy. What did you think it was going to be like?

Анализ скриптов интервью показывает, что и Мартин Башир, и Опра Уинфри постоянно применяют стратегию оценочности: вопросы задаются так, чтобы спровоцировать определенные эмоции, произвести сенсацию после обнародования интервью, при этом задевая чувства королевской семьи. Башир, например, задавал вопросы о том, как так случилось, что Диана резала себе вены.

MARTIN BASHIR: According to press reports, it was suggested that it was around this time things became so difficult that you actually tried to injure yourself.

Опра Уинфри любопытствует, правда ли у Меган была при дворе кличка Меган-ураган и что из-за нее плакала Кейт Мидлтон.

Oprah: So, there were rumours about you being Hurricane Meghan, for the departure of several high-profile palace staff members. And there was also a story – did you hear this one? – about you making Kate Middleton cry?

Цель стратегии интимизации состоит в том, чтобы привлечь и удержать внимание аудитории, максимально сделать ее участником события, а также расположить к себе участников интервью, а если это женщины – сделать им комплимент.

BASHIR: How did you handle the transition from being Lady Diana Spencer to the most photographed, the most talked-about, woman in the world?

Oprah: I remember sitting in the chapel – thanks for inviting me, by the way. I so recall this sense of magic. I never experienced anything like it. When you came through that door, you seemed like you were floating down the aisle. Were you even inside your body at that time?

Что же касается стратегии карнавализации, то она реализована лишь в речи Опры Уинфри. Она изобилует междометиями и сленгизмами: *wow, yeah, wolfing down a fruit, and there is no subject that's off limits* и так далее.

Это объясняется отличиями британской и американской культур, временными рамками интервью (25 лет), сменой парадигмы интервью, когда оно превращается в развлекательное шоу, основанное на сенсациях и легкой атмосфере.

Основной речевой стратегией, применяемой всеми интервьюируемыми, является оценочность как проявление эмотивности в ее формально-вежливой дистанцированной форме.

Конфликтогенные языковые средства имеют прямую и косвенную формы выражения. Е. Г. Князева, Е. В. Тихонова и И. А. Курбаков в своей статье, посвященной исследованию конфликтогенных языковых единиц [Князева, Тихонова, Курбаков 2019], говорят о контролируемой демонстрации эмоций в отношении адресата речи в современном медийном дискурсе, об эмотивности, которой пронизаны все речевые стратегии. На лексическом уровне эмотивность реализуется языковыми единицами с оценочным значением; на стилистическом уровне – метафорами, ирониями, аллюзиями, оксюморонами и т. д.; на синтаксическом уровне – параллельными конструкциями, риторическими вопросами, повторами; на прагматическом уровне – возбуждением у адресата конкретных прогнозируемых эмоций.

На лексическом уровне оценочность передается оценочной лексикой либо интенциональными заменами имен на местоимения, что можно наблюдать в обоих интервью. В интервью Мартину Баширу Диана описывает свое состояние после рождения первенца, когда семья видела ее «неприкрытые слезы» и это было «обескураживающее зрелище». Открытого обвинения в отсутствии поддержки нет, есть только риторический вопрос: «Если вы никогда раньше такого не видели, как вы можете оказать поддержку?»

BASHIR: What was the family's reaction to your post-natal depression?

DIANA: Well maybe I was the first person ever to be in this family who ever had a depression or was ever openly tearful. And obviously that was daunting, because if you've never seen it before how do you support it?

Конфликтоген обвинения просматривается и в следующем высказывании, где Диана называет мужа «он» и делает обобщение, что любой, кто любит, был бы обеспокоен, если его жена режет вены на руках.

BASHIR: What was your husband's reaction to this, when you began to injure yourself in this way?

DIANA: Well, I didn't actually always do it in front of **him**. But obviously anyone who loves someone would be very concerned about it.

В интервью 2021 г. в ответах на вопросы о членах королевской семьи Меган Маркл выбирает специфические замены слову «семья», она говорит «контора» и «они», такой выбор лексики работает как конфликтоген обвинения.

Oprah: So, all the time the stories were out that you had made Kate cry... you knew all along, and people around you knew that that wasn't true?

Meghan: **Everyone in the institution** knew it wasn't true.

Oprah: Whoo. And you're not going to tell me who had the conversation?

Meghan: I think that would be very damaging to **them**.

На стилистическом уровне тактики Дианы и Меган/Гарри отличаются: в речи Дианы присутствуют метафоры, сравнения, метонимии, в речи Меган – лишь антитезы, что может объясняться разным образованием и воспитанием в разной социальной среде и культуре.

В следующем отрывке, где Диана комментирует свое отношение к избыточному вниманию прессы к ней, она использует метафору, сравнивая себя с человеком, не умеющим плавать, – нужно быстро учиться, либо утонешь; гипербола рисует образ вездесущей прессы:

DIANA: But then here was a situation which hadn't ever happened before in history, in the sense that **the media were everywhere**, and here was a fairy story that everybody wanted to work. And so it was, it was isolating, but it was also a situation where you couldn't indulge in feeling sorry for yourself: **you had to either sink or swim**. And you had to learn that very fast.

BASHIR: And what did you do?

DIANA: **I swam**.

Меган Маркл признается, что не знала много о королевской семье в детстве и не узнала больше о правилах жизни и поведения, об особенностях жизни и системе перед свадьбой.

Meghan: I didn't feel any need to, because everything I needed to know he was sharing with me [...] I think, as Americans especially, what you do know about the royals is what you read in **fairytale**s, and you think is what you know about the royals. It's easy to have an image that is **so far from reality**.

Использование в одном контексте двух противоположных единиц "fairytale" и "far from reality" позволяет уловить контраст между ожиданиями молодой женщины и реальностью. При знакомстве с королевой Меган Маркл была удивлена тому, что ей необходимо присесть в реверансе, и она не знала, как это делать:

Meghan: He said 'Do you know how to curtsy?' 'What?' I thought genuinely **that's what happens outside**, that was part of the fanfare. I didn't think **that's what happens inside**."

В данном отрывке мы видим эпифорический повтор "that's what happens outside, that was part of the fanfare... that's what happens inside", который подчеркивает удивление Меган тому, насколько подвержена жизнь в королевской семье соблюдению столетних традиций, когда глубокий реверанс перед королевой нужно делать и в домашней обстановке; контраст подчеркивает и антитеза outside-inside.

Скрытая оценка присутствует на синтаксическом уровне в обоих интервью и представлена анафорическими и эпифорическими повторами, повышающими эмоциональный потенциал высказывания.

После объявления разделения семьи отношение к принцессе Диане со стороны медиа и королевского двора поменялось кардинально:

"People's agendas changed overnight. **I was now separated wife of the Prince of Wales, I was a problem, I was a liability (seen as), and how are we going to deal with her?**"

Эмоциональность высказывания усиливается анафорическими повторами I was. В этой фразе нет прямого обвинения, оно читается в подтексте, когда Диана называет себя «проблемой» и «ответственностью», читатель понимает для кого – бывшего супруга и королевского двора. Ей не позволяли выполнять ее обязанности, несмотря на то, что ей хотелось продолжать заниматься благотворительностью.

Меган Маркл в интервью Опры Уинфри упоминает, как сильно она была обеспокоена, когда Королевский двор отказал герцогу Сассексому и его семье в особой охране в 2020 году:

Meghan: I even wrote letters to his family saying, 'Please, it's very clear the protection of me or Archie is not a priority. I accept that. That is fine. **Please keep my husband safe**. I see the death threats. I see the racist propaganda. **Please keep him safe. Please don't pull his security** and announce to the world when he and we are most vulnerable' And they said it's just not possible.

Основной коммуникативный конфликтоген здесь – обвинение. Несколько анафорических повторов, повтор слова please показывают эмоциональный накал речи Меган: "Please keep my husband safe... Please keep him safe... Please don't pull his security".

Оба интервью вызвали бурную реакцию общественности, равно как и реакцию королевской семьи. После интервью принцессы Дианы, по словам ее бывшего личного секретаря Патрика Джефсона, она стала очень уязвимой, возле нее не оказалось людей, которые могли бы должным образом защищать ее. Считается, что интервью могло послужить причиной убийства принцессы Дианы. BBC принес официальные извинения принцу Гарри и принцу Уильяму, а позже и принцу Чарльзу и Чарльзу Спенсеру – брату принцессы Дианы. Принц Уильям позже заявил, что ее подвел не только Мартин Башир, но и руководство BBC. Принц Гарри обвинил токсичную культуру медиа в смерти своей матери, назвав процесс «цепной реакцией культуры эксплуатации и неэтичных практик», упомянул,

что практика до сих пор широко распространена. Даже спустя 25 лет после интервью люди продолжают говорить о нем (интервью Меган Маркл и принца Гарри лишь вновь привлекло к нему внимание). Королевская семья не отреагировала на интервью официально, однако сэр Ричард Эйр рассказал в документальном фильме Channel 5 «Diana: The Interview That Shocked The World in 2020», что в 1995 году обедал с Елизаветой II, и она была расстроена из-за интервью. На ее вопрос о делах BBC он ответил: "Oh well, fine" («Ну, хорошо») – на что ее реакцией стало: "Frightful thing to do, frightful thing that my daughter-in-law did." («Ужасный поступок, ужасный поступок моей невестки») [Channel 5 URL].

Реакция на интервью с Опррой Уинфри была еще громче и масштабнее. Многих людей в соцсетях беспокоил расизм по отношению к Меган Маркл и связанные с ним угрозы и унижения. FoxNews сняли репортаж после смерти принца Филиппа, утверждая, что интервью очень сильно подкосило его здоровье, буквально обвиняя Меган Маркл в смерти принца Филиппа.

Сразу после интервью медиа обратились к королевской семье за комментариями по поводу ситуации. Например, принца Уильяма и Кейт Миддлтон остановили прямо на улице с вопросами. Принц Уильям ответил, что еще не говорил со своим братом, но обязательно это сделает, и подчеркнул, что королевская семья – не расисты [Prince William says royals 'very much not a racist family' URL]. Позже Дворец выпустил заявление от лица Королевы о том, что вся семья расстроена, узнав, насколько трудными были последние годы для Гарри и Меган, что поднятие проблемы расы очень настораживает и что проблема будет поднята на обсуждение внутри семьи [Queen Elizabeth responds to Harry and Meghan's Oprah interview URL].

Таким образом, подводя итог, мы можем сделать следующие выводы: потенциальная конфликтность интервью задается конфликтогенами-стимулами, содержащимися в вопросах интервьюеров: во-первых, обращением к неприятной теме; во-вторых, негативными оценками и переходом на личности. Языковое воплощение эти конфликтогены получают в процессе реализации речевых стратегий контроля за темой, оценочности, интимизации и, в меньшей степени, карнавализации.

Ответными конфликтогенами, реализующимися в ответах интервьюируемых, являются обвинения и, реже, юмор по отношению к партнеру. Основной речевой стратегией, применяемой всеми интервьюируемыми, является оценочность как проявление эмотивности и реализующаяся на лексическом уровне языковыми единицами с оценочным значением; на стилистическом уровне – метафорами, метонимиями, эпитетами, сравнениями и т. д.; на синтаксическом уровне – параллельными конструкциями, риторическими вопросами, повторами.

Литература

Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Словарь конфликтолога. М., 2010.

Егидес А. П. Психотехника синтонного общения. URL: <https://www.klex.ru/cgg>

Ершова В. Е. Стилистические особенности конфликтных текстов ток-шоу / Вестн. Том. гос. ун-та. - 2012. - №365. - С.15-18.

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2017.

Кашапов М. М. Теория и практика решения конфликтных ситуаций: краткий словарь. М., 2003.

Кобызева Н. Г., Калашникова А. Р. Семантический компонент конфликтогенных языковых средств в рамках педагогической коммуникации / Научный альманах. - 2018. - № 10-1(48). - С.159-163.

Князева Е. Г., Тихонова Е. В., Курбаков И. А. Психолингвистическое исследование конфликтогенных языковых единиц в современном медийном дискурсе / Вопросы психолингвистики. - 2019. - №1. - С. 102-117

Козлов Н. И. Коммуникативные конфликтогены. URL: <https://psychologos.ru/articles/view/kommunikativnye-konfliktogeny>

Козырев Г. И. Коммуникация вражды: конфликтологический анализ / Коммуникология. - 2014. - №3. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikatsiya-vrazhdy-konfliktologicheskij-analiz>

Перов Е. В., Перова М. Б. Концепция конфликтогенности общества / УЭК. - 2014. - №12 (72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-konfliktogennosti-obschestva>

Рогожникова Т. М. Аналитические инструменты для психолингвистической экспертизы конфликтогенных текстов / Политическая лингвистика. - 2020. - № 5 (83). - С.164-182.

Титова Л. Г. Конфликтология. Ярославль, 2009.

Тубалова И. В., Эмер Ю. А. Конфликтный текст в устной и виртуальной повседневной коммуникации / Вестн. Том. гос. ун-та. - 2013. - №377. - С. 33-38.

Шмелёва Т. В. Культура речи. М., 1998.

Щербина А. В. Коммуникативная парадигма в конфликтологии / Дискурс. - 2017. - №4. - С.103-112.

Channel 5. Diana: The Interview That Shocked the World in 2020. URL: <https://www.imdb.com/title/tt13438690/>

Coser Lewis A. Social Conflict and the Theory of Social Change / The British Journal of Sociology. - 1957. - Vol. 8. - № 3. - P. 197-207.

Oprah with Prince Harry and Meghan Markle. URL: Interview Transcript <https://web.archive.org/web/20210905042915/https://iamkateshaw.medium.com/oprah-with-prince-harry-and-meghan-markle-interview-transcript-30071fdb2c00>

Prince William says royals 'very much not a racist family'. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/europe/prince->

william-response-racism-britain/2021/03/11/c5de88ce-825d-11eb-be22-32d331d87530_story.html
 Queen Elizabeth responds to Harry and Meghan's Oprah interview, says racism claim will be addressed, 2021. URL: <https://www.cnn.com/2021/03/09/buckingham-palaces-reaction-after-harry-and-meghans-oprah-interview.html>
 Transcript of the BBC1 Panorama interview with the Princess of Wales. URL: https://www.google.com/search?q=This+is+a+transcript+of+the+BBC1+Panorama+interview+with+the+Princess+of+Wales%2C+broadcast+in+November+1995#vhid=zephyr:0&vssid=atritem-https://docenti.unimc.it/sharifah.alatas/teaching/2017/2000004150/files/111-i-anno/ii-semester-lady-diana-and-the-panorama-interview/at_download/file

References

- Antsupov, A. Ya., Shipilov, A. I. (2010). Dictionary of conflict scientist (in Russian).
- Egides, A. P. Psychotechnique of synthon communication (in Russian). Available from: <https://www.klex.ru/cgg>
- Ershova, V. E. (2012). Stylistic features of conflict texts of talk-shows. Bulletin of Tomsk state university, 365, 15-18 (in Russian).
- Issers, O. S. (2017). Communication strategies and tactics of Russian speech. Moscow (in Russian).
- Kashapov, M. M. (2003). Theory and practice of conflict resolution: concise dictionary. Moscow (in Russian).
- Kobyzeva, N. G., Kalashnikova, A. R. (2018). Semantic aspect of conflict inducing language units as part of educational communication. Science almanac, 10-1(48), 159-163 (in Russian).
- Knyazeva, E. G., Tihonova, E. V., Kurbakov, I. A. (2019). A psycholinguistic research into conflictogenous verbal means in modern media discourse. Journal of psycholinguistics, 1, 102-117 (in Russian).
- Kozlov, N. I. Communication conflict inducers. Available from: <https://psychologos.ru/articles/view/kommunikativnye-konfliktogeny> (in Russian).
- Kozyrev, G. I. (2014). Communication of animosity: conflict analysis. Conflict studies, 3. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikatsiya-vrazhdy-konfliktologicheskij-analiz> (in Russian).
- Perov, E. V., Perova, M. B. (2014). Concept of conflict inducement in society. UExS, 12 (72). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-konfliktogennosti-obschestva> (in Russian).
- Rogozhnikova, T. M. (2020). Psycholinguistic expertise of conflictogenic communication products. Political linguistics, 5 (83), 164-182 (in Russian).
- Titova, L. G. (2009). Conflict studies. Yaroslavl (in Russian).
- Tubalova, I. V., Emer, Yu. A. (2013). Conflict text in speech and digital every day communication. Bulletin of Tomsk state university, 377, 33-38 (in Russian).
- Shmeleva, T. V. (1998). Standard of speech. Moscow (in Russian).
- Shcherbina, A. V. (2017). Communication paradigm in conflict studies. Discourse, 4, 103-112 (in Russian).
- Channel 5. Diana: The Interview That Shocked the World in 2020. Available from: <https://www.imdb.com/title/tt13438690/>
- Coser Lewis A. (1957). Social Conflict and the Theory of Social Change. The British Journal of Sociology, 8, 3, 197-207.
- Oprah with Prince Harry and Meghan Markle. Available from: Interview Transcript <https://web.archive.org/web/20210905042915/https://iamkateshaw.medium.com/oprah-with-prince-harry-and-meghan-markle-interview-transcript-30071fdb2c00>
- Prince William says royals 'very much not a racist family'. Available from: https://www.washingtonpost.com/world/europe/prince-william-response-racism-britain/2021/03/11/c5de88ce-825d-11eb-be22-32d331d87530_story.html
- Queen Elizabeth responds to Harry and Meghan's Oprah interview, says racism claim will be addressed, 2021. Available from: <https://www.cnn.com/2021/03/09/buckingham-palaces-reaction-after-harry-and-meghans-oprah-interview.html>
 Transcript of the BBC1 Panorama interview with the Princess of Wales. Available from: https://www.google.com/search?q=This+is+a+transcript+of+the+BBC1+Panorama+interview+with+the+Princess+of+Wales%2C+broadcast+in+November+1995#vhid=zephyr:0&vssid=atritem-https://docenti.unimc.it/sharifah.alatas/teaching/2017/2000004150/files/111-i-anno/ii-semester-lady-diana-and-the-panorama-interview/at_download/file

Citation:

Савочкина Е. А. Конфликтотенный потенциал публичного интервью // Юрислингвистика. – 2024. – 34. – С. 119-125.

Savochkina E. A. (2024) Conflict-Inducing Potential of Public Interviews. Legal Linguistics, 34, 119-125.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Симбиотическая природа деструктивного дискурса в аспекте лингвистической экспертологии

А. Л. Дединкин

*Витебский филиал Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО»*

ул. М. Шагала, 8А, 210015, Витебск, Республика Беларусь. E-mail: alexanderdedinkin@yandex.by

Статья посвящена исследованию природы деструктивного дискурса в аспекте лингвистической экспертологии. Дискурс определен как текстовый корпус, фрагменты которого имеют смысловую конвергенцию и интертекстуальную связь, выраженную особыми прагматическими и семантическими маркерами. Сделан вывод о том, что исследование спорных текстов как элементов того или иного дискурса необходимо осуществлять в рамках прагмасемантической парадигмы. Для этого эксперт должен определить влияние прагматических факторов на характер передаваемого сообщения, а также выявить лексико-семантические средства, которые были использованы для реализации коммуникативных задач. Сильной стороной данного подхода является учет таких специфических свойств дискурса, как интенциональность, интеракциональность и социальная обусловленность. Установлено, что деструктивность является важнейшей категорией, которая определяет прагматику дискурса. В статье определено содержание категории «деструктивность» в рамках философских концепций, рассмотрены факторы деструктивного поведения с точки зрения физиологии и генетики, определены психические и социокультурные основания деструктивности. В аспекте юрислингвистики автором под деструктивностью понимается характеристика дискурса, в рамках которого адресантом используются конфликтогенные речевые технологии, провоцирующие адресата к противоправным действиям. Соответственно, деструктивный дискурс представляет собой особый тип дискурсивной практики, где субъектом речепорождения выступает делинквентная языковая личность, а продуктом является конфликтогенный текстовый корпус, содержание которого имеет признаки противоправности. Деструктивный дискурс имеет симбиотическую природу и реализуется в рамках религиозного, этнического, расового, политического и других дискурсов. При исследовании спорных текстов различных видов дискурса эксперты в первую очередь выявляют высказывания, содержащие оскорбительные номинации и публичные призывы к насильственным действиям в отношении представителей других рас, этнических групп, конфессий, а также маркеры пропаганды исключительности, превосходства или неполноценности граждан по тому или иному признаку.

Ключевые слова: дискурс, деструктивность, деструктивный дискурс, юрислингвистика, лингвистическая экспертология.

The Symbiotic Nature of Destructive Discourse in Respect of Linguistic Expertise

A. L. Dziadzinkin

Vitebsk Branch "International University "MITSO"

8A M. Shagal Str., 210015, Vitebsk, Republic of Belarus. E-mail: alexanderdedinkin@yandex.by

The article discusses the nature of destructive discourse in respect of linguistic expertise. Discourse is defined as a text corpus, fragments of which have semantic convergence and intertextual connection, expressed by special pragmatic and semantic markers. It is concluded that the study of controversial texts as elements of a particular discourse must be carried out within the framework of the pragmasemantic paradigm. To do this, the expert must determine the influence of pragmatic factors on the nature of the conveyed message, as well as identify lexical and semantic means that were used to implement communicative tasks. The asset of this approach is in taking into account such specific properties of discourse as intentionality, interactionality and social conditioning. It is established that destructiveness is the most important category that defines the pragmatics of discourse. The article defines the content of the category "destructiveness" in the scope of philosophical concepts, considers the factors of destructive behavior from the point of view of physiology and genetics, defines the mental and socio-cultural foundations of destructiveness. In relation to legal linguistics, the author understands

destructiveness as a characteristic of discourse, in which the addressee uses conflictogenic speech technologies that provoke the addressee to illegal actions. Accordingly, destructive discourse is a special type of discursive practice, where the subject of speech generation is a delinquent linguistic persona, and the product is a conflictogenic text corpus, the content of which has signs of illegality. Destructive discourse has a symbiotic nature and is implemented within the framework of religious, ethnic, racial, political and other discourses. When studying controversial texts of various types of discourse, experts primarily identify statements containing offensive nominations and public calls for violent actions against representatives of other races, ethnic groups, faiths, as well as markers of propaganda of exclusivity, superiority or inferiority of citizens on one or another basis.

Key words: discourse, destructiveness, destructive discourse, legal linguistics, linguistic expertise.

В терминосистеме лингвистики понятие «дискурс» закрепилось в XX веке. Уже порядка восьмидесяти лет делаются попытки осмысления данного феномена, определяются его лингвистические и экстралингвистические свойства. Вместе с тем общей позиции не выработалось. Отсюда и наличие множества дефиниций. В юрислингвистике понятие «дискурс» до настоящего времени также остается неопределенным, нет четких критериев для разграничения категорий «дискурс» и «текст», отсутствует общая позиция о том, в рамках какой парадигмы следует выполнять судебные лингвистические исследования. Указанную проблему, на наш взгляд, необходимо решать с учетом коммуникативного, социально-прагматического и когнитивного подходов. Некоторые их положения легли в основу предлагаемой нами концепции дискурса в аспекте юрислингвистики.

Во-первых, при решении прикладных задач на стыке языка и права множественность подходов к толкованию дискурса недопустима. Для эксперта-лингвиста определенность терминологии является важнейшим условием.

Во-вторых, эксперт не имеет права выходить за рамки своей компетенции, а при анализе поступившего на экспертизу речевого произведения может давать только лингвистическую оценку. Следовательно, и толкование дискурса должно осуществляться с позиции, которая наиболее когерентна с его лингвистической природой.

В-третьих, в каждом конкретном дискурсе (политическом, этническом, религиозном и т. д.) актуализируются специфические языковые конструкции. Соответственно, юрислингвистикой должны быть выявлены особенности работы с этими видами дискурса.

В-четвертых, экспертная практика подразумевает, что лингвистическому анализу будут подвергаться «информационные следы» различных дискурсов. Ими являются тексты (в терминологии юрислингвистики – спорные тексты).

На основе сформулированных выше положений понятие «дискурс» приобретает узкоспециализированное значение. В качестве его дефиниции можно предложить следующую: дискурс – это текстовый корпус, фрагменты которого имеют смысловую конвергенцию и интертекстуальную связь, выраженную особыми прагматическими и семантическими маркерами.

Конституирующими признаками дискурса в аспекте юрислингвистики являются тематическое единство текстового пространства и его прагмасемантическое своеобразие. Подобный вывод коррелирует с позицией Е. Кубряковой о том, что «за каждым типом дискурса проступает свой "возможный мир", действия и объекты в котором оцениваются и осмысливаются по логике этого мира» [Кубрякова 2004: 529].

Опираясь на предложенную нами дефиницию дискурса, считаем, что экспертное лингвистическое исследование следует проводить в рамках прагмасемантической парадигмы.

Прагмасемантический подход предполагает взаимное проникновение семантики и прагматики, когда семантическое описание опирается на прагматический анализ и наоборот. Можно согласиться с тем, что прагмасемантику называют «сильной семантикой» [Золян 2016]. Семантические законы функционирования дискурса в этом случае определяются вместе с прагматическими аспектами, исследуется то, что сказано, с учетом того, кем, кому, зачем и в каком контексте это было сказано. Сильной стороной данной концепции является учет экспертом-лингвистом таких специфических свойств дискурса, как интенциональность, интеракциональность и социальная обусловленность.

Объектами лингвистического исследования в рамках прагмасемантического подхода являются спорные тексты как фрагменты того или иного дискурса. Чтобы интерпретировать содержание спорного текста, эксперт должен определить влияние прагматических факторов на характер передаваемого сообщения, а также выявить лексико-семантические средства, которые были использованы для реализации коммуникативных задач.

Понятие «деструктивный дискурс» является относительно молодым. Для того, чтобы определить его природу в аспекте юрислингвистики, нужно понимать, какой смысл вкладывается в такую категорию, как деструктивность.

Деструктивность является важнейшей категорией, которая определяет прагматику дискурса. Ее рассматривают как характеристику человеческой деятельности, в основе которой лежит направленность на разрушение существующих общественных отношений. Соответствующий термин был введен в научный оборот еще в 1973 году немецко-американским социологом и психоаналитиком Э. Фроммом.

Изначально феномен деструктивности был предметом исследования философии [Волкова 2014; Немчинова 2005].

Социально-детерминистский подход к проблеме деструктивности сформировался уже в эпоху Просвещения. Ш. Монтескье, К. Гельвеций, Ж.-Ж. Руссо и другие мыслители называли причинами деструктивного поведения социальную несправедливость и воспитание граждан в духе эгоизма. Последователи социального утопизма (Р. Оуэн, Ш. Фурье, А. Сен-Симон) указывали на такие предпосылки человеческой деструктивности, как господство частной

собственности и эксплуатации. Г. Гегель выработал диалектическое понимание категории негативности, считал, что развитие общества осуществляется путем взаимодействия и борьбы противоположностей (добра и зла). Экономическая теория деструктивности была сформулирована К. Марксом и Ф. Энгельсом, которые полагали, что противоречия между способом производства и существующими производственными отношениями приводят к порабощению эксплуатируемого класса, в результате чего происходят социальные революции. Ф. Ницше в своих трудах аргументировал полезность насилия для развития творческого духа свободной личности. Классики философской антропологии рассматривали деструкцию как проявление бессилия духа (М. Шелер), эксцентричность в борьбе с рефлексией (Г. Плеснер), биологическую ущербность, порождающую «атомарную агрессивность» (А. Гелен). В русской религиозной философии (В. Соловьев, Н. Бердяев, Л. Шестов) деструктивное поведение объяснялось неполнотой бытия человека, нарушением соразмерности в его отношениях с миром. Философы-экзистенциалисты (А. Камю, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр) связывали разрушительное начало, скрытое в человеке, со страхом перед неопределенным будущим. В философии постмодернизма (М. Фуко, Ж. Бодрийяр, Р. Барт, А. Кожев) основой для исследования проблемы деструктивности стал анализ «машинерии бессознательного», «негативной субъективности».

В рамках философских концепций определено содержание категории «деструктивность», однако репрезентация ее свойств представлена лишь в самом общем виде.

Рассмотрим факторы деструктивного поведения с точки зрения физиологии и генетики [Батыршина 2022; Лысак 1999].

К физиологическим основаниям деструктивности относятся, во-первых, нейроанатомические особенности головного мозга. Многочисленные экспериментальные данные свидетельствуют о том, что к деструкции приводят аномалии в его коре. Доказано, что при повреждении лобной доли неокортекса человек становится импульсивным и раздражительным. Зафиксировано, что значимыми участками головного мозга, которые влияют на характер поведения людей, являются архипалеокортекс и гипоталамус. Кроме этого, эмоциональная реактивность модифицируется вследствие ослабления функций амигдал и гиппокампа. Во-вторых, это гормональный дисбаланс. Так, высокую эмоциональность определяют гормоны, вырабатываемые мозговым веществом надпочечников. Переизбыток дофамина приводит к увеличению двигательной активности, тем самым косвенно стимулирует проявление человеком положительных эмоций во время актов агрессии. Переизбыток норадреналина («гормона ярости») или адреналина («гормона страха») повышает уровень агрессии напрямую. Серотонин отвечает за торможение спонтанных реакций, но если его в ткани мозга недостаточно, то повышается уровень тревожности и люди проявляют агрессию по отношению к себе. Кроме этого, исследования последних лет показали определенную корреляцию между высоким уровнем агрессивности и повышенным уровнем тестостерона.

Отдельные ученые связывают деструктивную направленность деятельности человека с генетическими дисфункциями. Во-первых, появились сведения о влиянии на поведение человека белкового фермента моноаминоксидаза. Снижение его уровня приводит к накоплению нейромедиаторов и перевозбуждению мозга. Во-вторых, установлено, что склонность к деструкции проявляется в большей степени у людей с кариотипом ХУУ. Имеются статистические данные, свидетельствующие, что среди преступников, совершивших акты насилия, указанный хромосомный тип является наиболее частотным.

Приведенные выше факты свидетельствуют о биологической детерминации деструктивной деятельности, однако веские доказательства ее прямой обусловленности физиологическими или генетическими аномалиями отсутствуют.

Детерминанты деструктивного поведения личности исследуются в различных парадигмах психологии [Кузнецов 1992; Фромм 1994].

Основатель психоанализа З. Фрейд полагал, что в основе деструктивной деятельности лежит инстинкт смерти. Следовательно, человек одержим желанием разрушить либо себя, либо окружающих. К. Лоренс в духе фрейдизма трактует деструкцию как первичный и спонтанный инстинкт, который невозможно подавить. По мнению исследователя, актуализация инстинкта освобождает человека от накопившегося эмоционального напряжения. И. Эйбл-Эйбесфельд считал, что деструктивная деятельность имеет филогенетические корни и свойственна как первобытным, так и цивилизованным сообществам. В основе бихевиористских теорий деструкции (А. Басс, Л. Берковиц) лежит модель поведения «стимул – реакция». Исследователями отмечена исключительная роль внешних факторов (оскорбления, физического насилия) в порождении деструктивных актов. В соответствии с теорией А. Маслоу, неудовлетворение базовых потребностей человека приводит к формированию чувства неполноценности, которое провоцирует различного рода деструкции. Э. Фромм доказал, что деструктивная деятельность вызывается не фрустрацией, а «несправедливой ситуацией», в которую попадает человек, а также сделал вывод о том, что стиль поведения в конфликте напрямую зависит от характера человека. А. Адлер в качестве ключевой предпосылки деструктивной деятельности назвал стремление к превосходству, которое обнаруживается у эгоистически настроенных людей со слабой способностью к адаптации.

В рассмотренных концепциях с опорой на эмпирический материал определены психические основания деструктивности, однако не учтен социокультурный контекст деятельности человека.

Социологами и криминологами проблема деструктивности исследуется в рамках концепции девиантного поведения [Богдан 2010; Тард 2019].

С опорой на статистику еще в XIX веке учеными было установлено, что число деструктивных актов (в первую очередь – преступлений) значительно вырастает в период войн и экономических кризисов. Отсюда, закономерным является вывод бельгийского социолога А. Кетле о том, что преступниками не рождаются, а становятся под воздействием социальных условий. Французский социолог Г. Тард также утверждал, что преступность порождается

социальной средой. В частности, он связывал это с таким механизмом коммуникативной деятельности, как подражание. Фундаментальные исследования социальных девиаций были проведены еще одним французским социологом Э. Дюркгеймом. Им была обоснована теория «аномии», т. е. социальной дезорганизации, когда старые нормы уже не соответствуют сложившимся общественным отношениям. Именно в таком обществе, по мнению автора, наблюдается рост проявлений девиантности. Р. Мертон объяснял деструктивный характер деятельности человека закономерным порождением общества, когда нарушение социального кодекса является «нормальным» ответом на сложившуюся ситуацию. По мнению Т. Парсонса, причинами девиаций являются социальные различия между участниками коммуникации (уровень доходов, политическое положение, престиж профессии и др.), а также невыполнение ожиданий. Целая группа исследователей (А. Коэн, Р. Клауорд, Л. Оулин и др.) придерживается позиции о том, что причиной деструктивного поведения является столкновение интересов делинквентных сообществ с ценностями доминирующей культуры.

В указанных концепциях фиксируется, что деструктивность является порождением сложных социокультурных процессов. Вместе с тем всесторонний анализ деструктивной деятельности отсутствует.

Таким образом, деструктивность является многогранным феноменом, содержание которого можно определить только путем комплексного исследования его биологических, психических и социокультурных оснований. В аспекте юрислингвистики дефиницию данного термина предлагаем конкретизировать следующим образом: деструктивность – это характеристика дискурса, в рамках которого адресантом используются конфликтогенные речевые технологии, провоцирующие адресата к противоправным действиям.

Опираясь на сформулированные нами дефиниции дискурса и деструктивности, полагаем, что деструктивный дискурс – это особый тип дискурсивной практики, где субъектом речепорождения выступает делинквентная языковая личность, а продуктом является конфликтогенный текстовый корпус, содержание которого имеет признаки противоправности. Таким образом, в рамках юрислингвистической парадигмы между категориями «деструктивный» и «противоправный» мы ставим знак равенства. Это в значительной степени коррелирует с позицией Н. Арутюновой, которая еще в конце 1990-х годов указывала на то, что язык способен на преступные действия [Арутюнова 1998: 3]. Соответственно, преступным может быть и сам дискурс.

Деструктивный дискурс имеет симбиотическую природу и реализуется в рамках религиозного, этнического, расового, политического и других дискурсов.

Симбиоз религиозного и деструктивного дискурсов.

Религиозный дискурс включает в себя различные по содержанию и коммуникативной направленности тексты. Вероучительные и богослужебные произведения традиционных для Республики Беларусь конфессий (православия, католицизма, протестантизма, ислама и иудаизма) не вступают в противоречие с белорусским антиэкстремистским законодательством. Священные Писания и канонические молитвы воспринимаются как «знаки, исполненные высшей духовности, мудрости, нравственного совершенства» [Мишланов 2015: 87]. Чаще всего объектом судебной лингвистической экспертизы выступают тексты неорелигиозных движений, авторами которых являются последователи харизматических культов и тоталитарных сект. Конфликтогенными являются тексты таких жанров, как миссионерские проповеди, выступления религиозных лидеров по общественно-политическим вопросам, а также религиозно-публицистические трактаты. На наш взгляд, экспертизе могут подвергаться также толкования священных текстов, которые не согласуются с устоявшимися теологическими догматами.

При исследовании текстового корпуса религиозного дискурса внимание экспертов сосредоточено на высказываниях, содержащих:

- оскорбительные номинации и публичные призывы к насильственным действиям в отношении представителей других конфессий (разжигание религиозной вражды);
- пропаганду исключительности, превосходства или неполноценности граждан по признаку их религиозной принадлежности (разжигание религиозной розни);
- информацию, направленную на оскорбление чувств верующих, демонстрацию неуважения к их святыням.

Симбиоз этнического и деструктивного дискурсов.

Стремление народа сохранить этническую идентичность под влиянием целого ряда факторов может трансформироваться в идею этноцентризма, реализация которой сопряжена с сепаратизмом и шовинизмом. Этнический дискурс в таком случае приобретает интолерантный националистический характер.

В националистическом дискурсе, как правило, используется коммуникативная стратегия, направленная на противопоставление двух сообществ: «местных» (к примеру, славян) и «пришлых» (цыган, евреев, «кавказцев» и т. д.) [Ракачёва 2004]. Местные в данном случае выступают как «хозяева», которые устанавливают на своей земле порядок, в то время как пришлые рассматриваются как «непрошенные гости», обязанные этому порядку беспрекословно следовать. Несоблюдение правил оценивается доминантной группой как нарушение, за которым обязательно должно последовать наказание в форме насильственных действий в отношении представителей рецессивной группы.

При исследовании спорных текстов националистического дискурса эксперты подвергают анализу высказывания, содержащие:

- оскорбительные номинации и публичные призывы к насильственным действиям в отношении представителей других этнических групп (разжигание национальной вражды);
- пропаганду исключительности, превосходства или неполноценности граждан по признаку их национальной принадлежности (разжигание национальной розни);

- информацию, направленную на оскорбление национальных чувств, формирующую презрительное отношение к национальным символам, обычаям и традициям.

Симбиоз расового и деструктивного дискурсов.

Расовый дискурс сегодня уже не сводится к идеям о врожденных особенностях людей и их цвете кожи. С учетом «политкорректности» говорят о культурном своеобразии народов [Шнирельман 2005]. Вместе с тем на уровне обывателей в расе по-прежнему усматривается генетическая природа, а в «дискурсе о культуре» имплицитно проявляется теория расовой чистоты, оправдывающая социальное неравенство и создающая предпосылки для иерархической организации общества, где одни группы доминируют над другими. Подобный дискурс, на наш взгляд, следует называть расистским.

Дискурс расизма на постсоветском пространстве впитал те негативные социальные установки и клише, которые были выработаны западной культурой. В сознании представителей европеоидной расы укоренился стереотип о том, что «темнокожие» являются ленивыми и глупыми людьми, склонными к преступной деятельности.

При исследовании спорных текстов расового дискурса эксперты подвергают анализу высказывания, содержащие:

- оскорбительные номинации и публичные призывы к насильственным действиям в отношении представителей других рас (разжигание расовой вражды);
- пропаганду исключительности, превосходства или неполноценности граждан по признаку их расовой принадлежности (разжигание расовой розни);
- постулаты о неустрашимости различий между расами, о том, что биологические особенности людей являются источником для их социальной дифференциации.

Симбиоз политического и деструктивного дискурсов.

Деструктивность в политическом дискурсе предопределена интенцией борьбы за власть. Соответственно, данный дискурс имеет агональный характер, что влияет на выбор стратегий коммуникативного поведения [Волкова 2016]. К этим стратегиям относятся позитивная презентация собственной программы на фоне негативной оценки политического курса государства; дискредитация оппонента как личности; использование обвинительных высказываний в отношении действующей власти, а также издевок, передразниваний, оскорбительных прозвищ в адрес высших государственных служащих и т. д.

При исследовании текстового корпуса политического дискурса внимание экспертов сосредоточено на высказываниях, содержащих:

- оскорбительные номинации и публичные призывы к насильственным действиям в отношении политических оппонентов (разжигание политической вражды);
- распространение заведомо ложных сведений о политическом, международном, социально-экономическом положении государства;
- дискредитацию органов государственной власти и управления;
- оскорбления в адрес Главы государства и иных представителей власти в связи с исполнением ими служебных обязанностей;
- публичные призывы к проведению незаконных массовых мероприятий, а также к иным действиям, представляющим угрозу национальной безопасности государства.

Таким образом, деструктивный дискурс имеет симбиотическую природу и реализуется в рамках религиозного, этнического, расового, политического и других дискурсов. При исследовании спорных текстов различных видов дискурса эксперты в первую очередь выявляют высказывания, содержащие оскорбительные номинации и публичные призывы к насильственным действиям в отношении представителей других рас, этнических групп, конфессий, а также маркеры пропаганды исключительности, превосходства или неполноценности граждан по тому или иному признаку.

Литература

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1998.

Батыршина А. Р. Агрессия с точки зрения нейрофизиологии поведения / Научно-практический журнал «Гуманизация образования». - 2022. - № 4. - С. 97-103.

Богдан С. С. Человеческая деструктивность как социокультурный феномен / Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. - 2010. - № 124. - С. 310-320.

Волкова Я. А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: монография. Волгоград, 2014.

Волкова Я. А. Деструктивность в политическом дискурсе / Russian Journal of Linguistics. - 2016. - № 4. - С. 161-178.

Золян С. Т. Семиотика и прагматика политического дискурса / Политическая наука. - 2016. - № 3. - С. 47-75.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.

Кузнецов Н. С. Человек: потребности и ценности. Закончится ли спор Иисуса Христа с Великим Инквизитором? Свердловск, 1992.

Лысак И. В. Человек-разрушитель: деструктивная деятельность человека как социокультурный феномен. Таганрог, 1999.

Мишланов В. А., Салимовский В. А. Современный церковно-религиозный дискурс в аспекте проблем судебной лингвистики / Вестник Пермского университета. - 2015. - № 2 (30). - С. 84-96.

- Немчинова А. Л. Понятие человеческой деструктивности: сущность метафизического подхода / Нефтегазовые технологии и экологическая безопасность. - 2005. - № 5. - С. 17-26.
- Ракачёва Я. В. Против кого дружим? Этнический дискурс в кубанской прессе / Человек. Сообщество. Управление. - 2004. - № 1. - С. 104-118.
- Тард Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы. М., 2010.
- Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.
- Шнирельман В. А. Расизм: вчера и сегодня / Pro et contra. - 2005. - № 2 (9). - С. 41-65.

References

- Arutyunova, N. D. (1998). Types of language meanings: Assessment. Event. Fact. Moscow (in Russian).
- Batyrshina, A. R. (2022). Aggression from the point of view of the neurophysiology of behavior. Scientific and practical journal "Humanization of education", 4, 97-103 (in Russian).
- Bogdan, S. S. (2010). Human destructiveness as a sociocultural phenomenon. Proceedings of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, 124, 310-320 (in Russian).
- Fromm, E. (1994). The anatomy of human destructiveness. Moscow (in Russian).
- Kubryakova, E. S. (2004). Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world. Moscow (in Russian).
- Kuznetsov, N. S. (1992). Man: needs and values. Will the dispute between Jesus Christ and the Grand Inquisitor end? Sverdlovsk (in Russian).
- Lysak, I. V. (1999). The human destroyer: destructive human activity as a socio-cultural phenomenon. Taganrog (in Russian).
- Mishlanov, V. A., Salimovsky, V. A. (2015). Modern church-religious discourse in the aspect of problems of judicial linguistics. Bulletin of the Perm University, 2 (30), 84-96 (in Russian).
- Nemchinova, A. L. (2005). The concept of human destructiveness: the essence of the metaphysical approach. Oil and gas technologies and environmental safety, 5, 17-26 (in Russian).
- Rakacheva, Ya. V. (2004). Who are we friends with? Ethnic discourse in the Kuban press. Human. Community. Management, 1, 104-118 (in Russian).
- Shnirelman, V. A. (2005). Racism: yesterday and today. Pro et contra, 2 (9), 41-65.
- Tarde, G. (2010). The criminal and the crime. Comparative crime. Mob crimes. Moscow (in Russian).
- Volkova, Ya. A. (2014). Destructive communication in the cognitive-discursive aspect: a monograph. Volgograd (in Russian).
- Volkova, Ya. A. (2016). Destructiveness in political discourse. Russian Journal of Linguistics, 4, 161-178 (in Russian).
- Zolyan, S. T. (2016). Semiotics and pragmasemantics of political discourse. Political science, 3, 47-75 (in Russian).

Citation:

Дединкин А. Л. Симбиотическая природа деструктивного дискурса в аспекте лингвистической экспертологии // Юрислингвистика. – 2024. – 34. – С. 126-131.

Dziadzinkin A. L. (2024) The Symbiotic Nature of Destructive Discourse in Respect of Linguistic Expertise. Legal Linguistics, 34, 126-131.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

К проблеме методики анализа качества судебного перевода в Российской Федерации

Е. В. Глушко¹, В. В. Орлова²

*Одинцовский филиал Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»
Ул. Новоспортивная, 3, 143007, Одинцово, Россия. E-mail: ¹e.glushko@odin.mgimo.ru,
²v.orlova.nir@gmail.com*

Статья посвящена исследованию возможностей оценки качества судебного перевода (как устного, так и письменного) по методике, учитывающей полноту передачи смысла терминологических и нетерминологических единиц исходного сообщения. Авторы предлагают совершенствовать описываемую методику для целей ее использования в повседневной практике отбора переводчиков для перспективного включения в запланированный реестр специалистов в сфере устного и письменного перевода, а также в качестве одного из этапов верификации адекватности выполненного перевода в тех случаях, когда это необходимо. Полнота перевода определяется посредством сопоставления количества и состава пропозиций в оригинальном и переводном тексте. Таким образом осуществляется примерная количественная и качественная оценка объема смысла, который удалось передать в процессе перевода. Ввиду того, что процедура создания и закрепления института судебных переводчиков в Российской Федерации предполагает выполнение комплексных задач на разных этапах в течение многих лет, рассмотрение оптимального способа оценки качества, не привязанного к конкретному языку или группе языков, целесообразно вести уже сейчас, тестируя методику на максимально разнообразном лингвистическом материале. Полнота перевода наиболее важна в случаях, когда информативность оригинального текста осложнена характерными для профессиональной судебной речи средствами выразительности, введение которых рассчитано на создание прагматического эффекта судебного мероприятия в целом.

Бытующие ныне эрратологические и экспертные подходы не позволяют добиться объективности, универсальности суждения о качестве продукта перевода в жизненно важных сферах деятельности общества, к которым относится и судопроизводство.

Ключевые слова: судебный перевод, качество перевода, критерии оценки качества, пропозиции.

On the Methodology for Analyzing the Quality of Judicial Translation in the Russian Federation

E. V. Glushko¹, V. V. Orlova²

MGIMO University, Odintsovo Branch

*3 Novosportivnaya Str., 143007, Odintsovo, Russia. E-mail: ¹e.glushko@odin.mgimo.ru,
²v.orlova.nir@gmail.com*

The article concentrates on the study of possibilities for assessing the quality of court translation (both oral and written) using a methodology that takes into account the completeness of conveying the meaning of terminological and non-terminological units of the original message. The authors propose to improve the methodology in question for the purpose of its use in the daily practice of selecting translators and interpreters for prospective inclusion in the planned register of specialists in the field of interpretation and translation, as well as one of the stages of adequacy verification for translation performed (in those cases where it is necessary). The completeness of translation is determined by comparing the number and composition of propositions in the original and translated texts. In this way, an approximate quantitative and qualitative assessment of the amount of meaning that has been conveyed in the translation process is made. Since the procedure for establishing and consolidating the institution of court interpreters in the Russian Federation involves fulfillment of complex tasks at different stages over many years, it would be relevant to consider as early as now the optimal method of quality assessment that is not

tied to a specific language or group of languages, testing the methodology on the most diverse linguistic material possible. The completeness of translation is most important in cases where the informative nature of the original text is complicated by expressive means characteristic of professional court speech, the employment of which is designed to create a pragmatic effect of the court event as a whole.

The current erratological and expert approaches do not allow achieving objectivity, universality of judgment about the quality of translation product in vital spheres of society's function which include court proceedings.

Key words: court translation, translation quality, quality assessment criteria, propositions.

На данный момент одной из приоритетных задач, стоящих перед российскими правоохранительными и судебными органами, является создание института судебных переводчиков в Российской Федерации. В настоящее время судебный перевод в РФ осуществлялся согласно лишь двум требованиям, указанным в УПК РФ: незаинтересованность переводчика в исходе дела и свободное владение языком [Дриц 2016]. При этом, в отличие от других стран [Дриц 2016; Азбука переводов URL], в РФ отсутствует требование сертификации судебного переводчика, а в его достаточной квалификации, согласно законодательству, должен убедиться следователь [Дриц 2016]. Ранее подобная ситуация вынуждала сотрудников правоохранительных органов искать переводчиков как в переводческих агентствах, так и через «сарафанное радио» [Гарант Образование 2020 URL], что фактически чревато не просто недопониманиями в ходе следствия и слушания в суде, а предоставлением недостоверных данных, дачей ложных показаний и юридической ответственностью для самого переводчика.

Немаловажным фактом является и то, что судебные переводчики фактически частично наделены полномочиями нотариуса, что делает их работу значительно ответственнее. Во-первых, сам присяжный переводчик является представителем государства. Во-вторых, заверенные таким переводчиком документы могут быть использованы в качестве доказательств. Поэтому ответственность при осуществлении судебного перевода значительно выше, чем при осуществлении многих других видов перевода [Азбука переводов URL].

Именно поэтому многие специалисты в области юридической и переводческой деятельности выступают за учреждение института судебного перевода с созданием реестра судебных переводчиков, обладающих надлежащей квалификацией и сертификацией, особенно в условиях усиливающихся процессов глобализации и миграции [Дриц 2016; Пресс-релиз МГЛУ 2024; Поликарпов, Французова 2020].

Международный опыт показывает [Дриц 2016; Поликарпов, Французова 2020], что сертификация должна касаться как письменного, так и устного перевода. Подтверждение квалификации устного судебного переводчика посредством сертификации крайне важно ввиду наличия определенных сложностей осуществления устного перевода при недостаточной квалификации переводчика. Так, если при осуществлении письменного перевода специалист может пользоваться вспомогательными средствами (словарями, справочниками, электронными переводчиками, консультацией с более квалифицированными коллегами), то при устном переводе такой возможности нет. Следовательно, для осуществления качественного и справедливого судопроизводства сотрудники правоохранительных и судебных органов должны быть уверены, что устным судебным переводчиком информация будет донесена максимально полно и точно, то есть, выражаясь лингвистическим языком, с высоким уровнем полноты перевода и низкой степенью искажений.

Помимо правового соответствия передаваемой информации ввиду действия в суде принципа состязательности сторон при судебном переводе переводчиком должна также передаваться особая экспрессивность оригинальных сообщений. Анализ Л. М. Жолос, М. С. Медведевой и Е. С. Гайломазовой показывает, что судебный дискурс изобилует средствами выразительности, которые призваны оказать большее воздействие на слушателей и, соответственно, помочь выиграть процесс той или иной стороне [Жолос, Медведева, Гайломазова 2021]. Таким образом, если переводчик будет опускать, обобщать или иным образом трансформировать смысл исходного сообщения, это может изменить прагматический эффект перевода, и судебный перевод, на наш взгляд, должен считаться неполным, поскольку посредством некачественного перевода будет нарушаться один из фундаментальных принципов судебного процесса.

Дж. Колин и Р. Моррис указывают также, что судебный переводчик должен максимально точно передавать интонацию говорящего, то есть не только то, что произносится, но и как осуществляется данный процесс, поскольку при переводе высказываний обвиняемого, например, все нюансы его речи являются также элементами доказательства, а при переводе речи адвокатов или представителей правоохранительных органов эмоциональной экспрессивностью проверяют правдивость показаний свидетелей [Колин, Моррис 2008: 54]. Соответственно, в отличие от обычных коммуникативных ситуаций, в которых работает большинство устных переводчиков и которые должны придерживаться нейтрального стиля перевода, следственные мероприятия и судебный процесс ставят перед устными переводчиками особую функциональную задачу, при которой стиль перевода должен соответствовать стилю речи говорящего.

Немаловажным фактором является также квалификация переводчика, позволяющая ему полно и точно переводить информацию при общении правоохранительных органов с детьми, не говорящими на языке судопроизводства. Дж. Колин и Р. Моррис подчеркивают, что наиболее приемлемым видом перевода при работе с детьми, не говорящими на языке судопроизводства или являющимися слабослышащими или глухими, является последовательный перевод, что обязывает переводчика обладать хорошим навыком ведения рабочих записей и хорошо развитой кратковременной памятью. Детей не рекомендуется перебивать и, кроме того, переводчик должен

переставать говорить, если ребенок возобновляет разговор. Все это затрудняет задачу присяжного переводчика передавать полную информации [Колин, Моррис 2008: 34]. Эти же авторы не рекомендуют переводчикам просить делать паузы при даче показаний обвиняемыми и свидетелями, чтобы не вмешиваться в процесс представления доказательств [Колин, Моррис 2008: 54], что опять же требует от устного судебного переводчика незаурядных лингвистических способностей, а также умения осуществлять переводческую запись или фиксировать информацию в памяти.

Следовательно, для качества судебного устного перевода именно полнота перевода, его точность должны выступать ключевой характеристикой. Авторы работы «Переводчики и судебный процесс» Дж. Колин и Р. Моррис также подтверждают, что основной обязанностью переводчика в суде, во время допросов и других следственных мероприятий является точность и полнота передачи информации в рамках коммуникации [Колин, Моррис 2008: 26]. Ни стилистика речи, ни презентационные качества переводчика, ни грамотное применение переводческих трансформаций в судебном переводе не играют такой значительной роли, как донесение в точности и во всей полноте той информации, которая звучит как во время следственных мероприятий, так и во время судебного процесса в зале суда.

Стоит отметить, что на сегодняшний момент среди отечественных и зарубежных исследователей в области устного перевода далеко не все учитывают такие критерии качества перевода, как его точность или полнота. Многие ссылаются на необходимость достижения адекватности перевода, но при этом не учитывают, что адекватность должна включать в себя достижение семантической и прагматической эквивалентности, где под первым элементом и подразумевается полнота или точность перевода. Именно в таком случае будет достигнута и функциональная эквивалентность перевода.

Авторы коллективной монографии «Подготовка переводчика: коммуникативные и дидактические аспекты» под редакцией В. А. Митягиной определяют полноту перевода как «полная/неполная передача основной, уточняющей, второстепенной информации». Мы считаем, что данное понятие должно быть расширено также наличием или отсутствием таких характеристик, как опущения, искажения информации и дополнения новой информации, поскольку от данных аспектов напрямую зависит достижение как смысловой эквивалентности, так и эквивалентного прагматического эффекта [Митягина и др. 2022: 290]. Получаем, что полнота перевода – это воспроизведение смысла исходного высказывания с той же семантической наполненностью с учетом наличия или отсутствия опущений, искажений и дополнений в тексте перевода.

Проблемой оценки качества устного перевода в целом занимались и занимаются многие известные отечественные и зарубежные ученые. Однако, например, В. Н. Комиссаров, Л. К. Латышев, Р. К. Миньяр-Белоручев, В. И. Провоторов для его оценки выделяют в основном лишь два типа ошибок (в языковом оформлении и в передаче содержания в целом) [Митягина и др. 2022: 148]. Е. В. Аликина выделяет ошибки понимания (пропуск фактов, искажения логики и фактов, добавления, переспросы) исходного текста [Митягина и др. 2022: 148] и предлагает осуществлять экспертное оценивание переводчиков с помощью анализа «отрицательного материала» [Аликина 2017: 145]. В продолжение данной концепции Н. В. Лягушкина и И. В. Савитский дают более подробный анализ ошибкам при осуществлении перевода (эрратологический анализ) [Лягушкина, Савитский 2012]. То есть вышеуказанные исследователи не вводят критерий полноты или точности перевода, а концентрируют внимание на его элементах.

Авторы монографии под редакцией В. А. Митягиной в оценку качества перевода уже вводят критерий полноты перевода. В него включена полная/неполная передача основной, уточняющей и второстепенной информации. Однако исследователи не описывают в деталях процесс оценивания по данным критериям [Митягина и др. 2022: 290, 151].

В рамках интерпретативной теории перевода Е. А. Алексеева описывает такие критерии оценки практики перевода, как соответствие идеям текста и соблюдение логических отношений между идеями. Оцениванием в данной системе занимается экзаменационная комиссия до 9 человек, состоящая как из преподавателей, так и из приглашенных профессиональных переводчиков [Алексеева 2017: 61].

Преподавательский состав Института перевода им. Мари Апс при Лувенском университете (Бельгия) оценивает качество перевода студентов посредством фокусирования на такой группе ошибок, как ошибки, нарушающие точность смысла высказывания. В нее входят следующие ошибки в порядке их убывания по значимости: грубая смысловая ошибка (полное искажение смысла, логики или дается обратный смысл); макротекстуальная смысловая ошибка (влияющая на весь смысл текста перевода); микротекстуальная (влияющая на смысл ближайшего контекста); незначительная смысловая ошибка (неточность, неправильная коннотация, опущение незначительных деталей); добавления; опущения; двусмысленность [Митягина и др. 2022: 266].

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает разработанная Дж. Ли система оценивания перевода, которая подчеркивает значимость критерия «Точность» (Assiguasy). При этом исследователь дает определение понятию «точность»: точное понимание источника, смысл которого нужно воспроизвести переводчику и достичь того же эффекта на языке перевода, которого достиг бы оригинальный текст на исходном языке. Данный критерий учитывает опущения, добавления, логику и необоснованные или ошибочные изменения оригинального текста. Оценивание качества перевода проводится по рейтинговой системе таким образом, что эксперт может выставить балл от 0 до 6 по критерию «Точность» [Lee 2008].

Из приведенного выше анализа видно, что далеко не все модели оценки качества перевода включают в себя критерии точности или полноты перевода. Также немаловажным фактом является и то, что в подавляющем большинстве случаев оценивание качества перевода проводится на основе экспертной оценки, что придает ей

субъективный характер, поскольку заключения о качестве перевода могут различаться в зависимости от личности привлеченного эксперта.

В своей диссертационной работе Е. А. Ковальчук актуализирует разработку четких лингвистически измеримых параметров качества перевода и метода определения числовой оценки без непосредственного участия в процессе оценивающего эксперта [Ковальчук 2015]. Разработкой метода экспертной оценки с увеличением степени ее объективности занимаются также Е. А. Княжева и Е. А. Пирко. Ими предложено проведение опроса экспертов и последующее использование системного анализа и метода анализа иерархий (МАИ), являющегося одним из наиболее эффективных методов принятия решений. За счет данных инструментов специалисты исследуют степень согласованности мнений экспертов, благодаря чему степень объективности оценки качества перевода повышается [Княжева, Пирко 2013]. Тем не менее среди предлагаемых исследователями критериев качества перевода отсутствуют характеристики, напрямую связанные с точностью или полнотой перевода. Кроме того, во-первых, данная методология требует обязательного наличия группы экспертов, что не всегда возможно. Во-вторых, в учебных целях или при проведении самоподготовки может представлять сложность разработка математической модели, требуемая для проведения оценки качества перевода данным способом.

Таким образом, для оценивания устного перевода, а тем более устного судебного перевода, актуальна разработка более универсального, простого и объективного метода, который снизит вероятность отбора неквалифицированных судебных переводчиков и, соответственно, будет способствовать повышению качества правосудия.

Для увеличения объективности оценки качества устного перевода в судебной сфере мы будем применять статистический анализ, сопоставительный анализ и регистрационный метод показателей качества [Ярцева 1990] в рамках постпереводческого анализа переводного текста, то есть сопоставление семантической составляющей текста оригинала в количественном измерении с семантической составляющей текста перевода после осуществления устного судебного перевода в том же разрезе.

Исходя из вышесказанного, возникает необходимость выразить точность перевода, его полноту количественно.

При этом важно подчеркнуть, что под точностью перевода необходимо понимать не точный перевод использованных лексических единиц в языке оригинала и тем более не дословный перевод, а полное донесение смысла исходящей информации. То есть особое внимание должно быть уделено не языковым единицам, а смысловым, которые в лингвистике принято называть пропозициями.

Как отмечает Н. В. Соловьева, пропозиция представляет собой элемент смысла, или «своеобразный мысленный каркас внеязыковой ситуации», центральным организующим ядром которой является предикат, используемый для формирования «смыслового «макета» внеязыковой ситуации» [Соловьева 2020]. В свою очередь, А. С. Кравец выделяет формулу пропозиции: «Нечто/Некто обладает свойством» [Кравец 2001: 73].

Таким образом, можно заключить, что пропозиция – это смысловая единица, в которой субъект или объект выполняет какое-либо действие или обладает каким-либо качеством.

На следующих примерах мы продемонстрируем, как может быть донесен смысловой аспект высказывания с минимальным использованием языковых единиц исходного предложения:

Пример 1.

Исходное высказывание:

Судья: Каким образом нарушены ваши права?

Данный вопрос может быть выражен следующими смысловыми единицами:

- *Как были нарушены ваши права?*
- *Каким образом были нарушены ваши права?*
- *Как нарушаются ваши права?*

Пример 2.

Исходное высказывание:

Адвокат: Мы подготовили ходатайство.

Может быть выражено следующими смысловыми единицами:

- *У нас есть ходатайство для суда.*
- *Нами подготовлено ходатайство.*

Пример 3.

Исходное высказывание:

Судья: Ходатайства еще есть?

Может быть выражено следующими смысловыми единицами:

- *Имеются ли еще ходатайства?*
- *Есть ли у вас еще ходатайства?*
- *Остались ли еще ходатайства?*

- У вас есть еще ходатайства?

Пример 4.

Исходное высказывание:

Судья: Вам понятно предъявленное обвинение?

Может быть выражено следующими смысловыми единицами:

- Все ли ясно в предъявленном вам обвинении?
- Вы понимаете суть предъявленного обвинения?
- Вам понятно, в чем состоит предъявленное обвинение?
- Ясен ли Вам смысл предъявляемого Вам обвинения?

Из вышеприведенных примеров можно заключить, что смысловые единицы исходного сообщения равны единицам смысла в перефразированных сообщениях, из чего следует, что количество таких единиц может быть подсчитано как в тексте оригинала, так и в тексте перевода, после чего может быть проведено их сравнение и сопоставление. Именно таким способом можно выразить количественно семантическое содержание текста и его перевода.

Таким образом, если посчитать полный объем смысла исходного сообщения, а затем посчитать объем переданного смысла при переводе, после чего посчитать соотношение данных показателей, то можно определить долю смысловой информации, переданной при устном судебном переводе, что и составит показатель полноты судебного перевода. Аналогичным образом можно определить и долю искажений при переводе.

В практическом выражении метод оценки полноты перевода происходит по следующему алгоритму:

- 1) членение исходного сообщения на пропозиции и подсчет их количества (T , total);
- 2) членение текста перевода на пропозиции и подсчет их количества (после предварительной транскрипции текста перевода, если понадобится);
- 3) фиксирование точных смысловых единиц (P , proposition), обобщений нескольких идей (G , generalization), дополнений новой информации (A , addition), неточностей (M , mistake) и искажения смысла, включая противоречия (F , fault);
- 4) подсчет точно воспроизведенных, обобщенных, дополненных, искаженных идей;
- 5) расчет полноты перевода f по формуле $f = \frac{P+G}{T} \times 100\%$;
- 6) расчет доли отступлений в переводе от смысла оригинального текста d по формуле $d = \frac{A+M}{T} \times 100\%$;
- 7) расчет доли искажений смысла оригинального текста в переводе e по формуле $e = \frac{F}{T} \times 100\%$;
- 8) составление заключения об адекватности перевода.

В качестве примера приведем фрагмент стенографии заседания Калининского районного суда г. Тюмени по уголовному делу №1-51-2012 и проведем его членение на пропозиции [Протокол судебного заседания 2012].

Прокурор: Прошу в удовлетворении ходатайства отказать, поскольку оно заявлено преждевременно, при этом необходимо отметить, что постановление о назначении судебно-медицинской экспертизы трупа В. от 09.06.2011 года и заключение эксперта № 1332 от 04.07.2011 года в обвинительном заключении в качестве доказательств виновности Ш. в совершении преступления не представлены.

Пропозиции, использованные в тексте:

- 1) прошу в удовлетворении ходатайства отказать;
- 2) поскольку оно заявлено преждевременно;
- 3) при этом необходимо отметить;
- 4) постановление не представлено;
- 5) постановление о назначении экспертизы не представлено;
- 6) постановление о назначении судебно-медицинской экспертизы не представлено;
- 7) постановление о назначении судебно-медицинской экспертизы трупа В. не представлено;
- 8) постановление о назначении судебно-медицинской экспертизы трупа В. от 09.06.2011 не представлено;
- 9) заключение эксперта не представлено;
- 10) заключение эксперта № 1332 не представлено;
- 11) заключение эксперта № 1332 от 04.07.2011 года не представлено;
- 12) не представлено в обвинительном заключении;
- 13) не представлено в качестве доказательств виновности Ш.;
- 14) не представлено в качестве доказательств виновности Ш. в совершении преступления.

Таким образом, в приведенном фрагменте мы можем зарегистрировать 14 пропозиций в качестве количественной составляющей общего смысла высказывания.

Разметка в данном фрагменте может выглядеть следующим образом:

Прокурор: (1) Прошу в удовлетворении ходатайства отказать, (2) поскольку оно заявлено преждевременно, (3) при

этом необходимо отметить, (4) что постановление (5) о назначении (6) судебно-медицинской экспертизы (7) трупа В. (8) от 09.06.2011 года и (9) заключение эксперта (10) № 1332 (11) от 04.07.2011 года (12) в обвинительном заключении (13) в качестве доказательств виновности Ш. (14) в совершении преступления не представлены.

Пусть языком перевода будет английский язык. Предположим, что в результате устного судебного перевода на языке перевода данный фрагмент будет выглядеть следующим образом:

Prosecutor: I request that the motion be denied, the ruling on a forensic medical examination of the corpse of July 09, 2011 and the expert report No. 1332 of July 04, 2011 are not presented in the conclusion as evidence of Sh's involvement in the crime.

Для дальнейшего проведения расчета показателя полноты перевода необходимо провести маркировку пропозиций оригинального текста в соответствии с вышеуказанными условными обозначениями.

Прокурор: (1, P+) Прошу в удовлетворении ходатайства отказать, (2, O-) поскольку оно заявлено преждевременно, (3, O-) при этом необходимо отметить, (4, P+) что постановление (5, O-) о назначении (6, P+) судебно-медицинской экспертизы (7, G) трупа В. (8, F) от 09.06.2011 года и (9, P+) заключение эксперта (10, P+) № 1332 (11, P+) от 04.07.2011 года (12, F) в обвинительном заключении (13, M) в качестве доказательств виновности Ш. (14, P+) в совершении преступления не представлены.

Пропозиции, обозначенные как P+, говорят о полном донесении смысла при переводе. Идеи с условным обозначением O- отсутствуют в переводе. Пропозиция № 7, обозначенная G, обобщена ввиду отсутствия в переводе фамилии потерпевшего. Пропозиция № 8 отмечена как F (грубая ошибка, искажение, противоречивая информация) ввиду того, что в переводе указан неверный месяц выдачи постановления. Пропозиция № 12 также отмечена как грубое нарушение ввиду неверно подобранного эквивалента на языке перевода устным судебным переводчиком: вместо слова indictment использовано conclusion, что меняет смысл оригинального высказывания. Пропозиция № 13 отмечена как незначительное искажение информации M, так как при переводе переводчик исключил коннотацию «виновности» Ш., что также искажает смысл исходного сообщения, хотя общий смысл тем не менее донесен.

Таким образом, в тексте перевода содержится:

- а) 7 точно переведенных пропозиций;
- б) 3 опущенных пропозиции;
- в) 1 обобщенно переведенная пропозиция;
- г) 1 неточно переведенная пропозиция;
- д) 2 пропозиции с искаженным смыслом;
- е) 0 добавлений, отсутствующих в исходном сообщении.

Следовательно, после применения вышеуказанных формул полнота перевода f составит 57,1% от исходного текста. Доля отступлений d – 7,1%, доля искажений смысла e – 14,3%. В итоге реципиент получит менее 60% точно озвученной информации и при этом около 20% информации будет в той или иной степени искажено.

Необходимо отметить, что достижение уровня показателя полноты перевода, равного 100%, является непростой задачей. Тем не менее с появлением возможности количественной оценки точности перевода работа центров подготовки судебных переводчиков и работа сертификационных комиссий может быть существенно облегчена, поскольку предложенная система дает наглядную и объективную оценку навыкам устного судебного переводчика. Кроме того, за счет оценки полноты перевода признанных высококвалифицированных устных судебных переводчиков можно установить эталонные значения предлагаемых в данной работе показателей, что позволит готовить устных судебных переводчиков аналогичного уровня.

Метод требует дальнейшей апробации и носит дискуссионный характер.

Литература

Азбука переводов: Нотариальный перевод. Кто такой присяжный переводчик? URL: https://abcbp.ru/articles/notarialnyy_perevod_dokumentov_kto_takoy_prisyazhnyy_perevodchik.

Алексеева Е. А. Французский опыт подготовки переводчиков: переводческий и дидактический аспекты: Учебно-методическое пособие. Воронеж, 2017.

Аликина Е. В. Концепция обучения устной переводческой деятельности в системе высшего лингвистического образования на основе интегративного подхода: диссертация на соискание ученой степени доктора пед. наук: 13.00.02. Нижний Новгород, 2017.

Гарант Образование: Союз переводчиков России предложил институционализировать в России судебный (присяжный) перевод. 2020. URL: <https://edu.garant.ru/relevant/main/1402680> (дата обращения: 10.06.2024).

Дриц К. В. Институт сертификации судебных переводчиков: зарубежный опыт и возможность его применения в России / Юридический вестник молодых ученых. - 2016. - №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-sertifikatsii-sudebnyh-perevodchikov-zarubezhnyy-opyt-i-vozmozhnost-ego-primeneniya-v-rossii>.

- Жолос Л. М., Медведева М. С., Гайломазова Е. С. Особенности перевода судебной речи (на примере переводов речей знаменитых юристов / Гуманитарные и социальные науки. - 2021. - №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-sudebnoy-rechi-na-primere-perevodov-rechey-znamenityh-yuristov>.
- Княжева Е. А., Пирко Е. А. Оценка качества перевода в русле методологии системного анализа / Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. - 2013. - №1. - С. 145-151.
- Ковальчук Е. А. Квантитативно-системный подход к оценке качества перевода / Древняя и Новая Романия. - 2015. - № 16. - С. 507-523.
- Коллин Дж., Моррис Р. Переводчики и судебный процесс. Отрывки из книги / Центр правовых программ. 2008. URL: https://legaltrainingspb.com/files/ppt/uk-25-1/translators_and_litigation.pdf.
- Кравец А. С. Структура смысла: от слова к предложению / Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. - 2001. - №1. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/hyman/2001/01/Kravec.pdf>.
- Лягушкина Н. В., Савитский И. В. Эрратологический анализ переводческих решений: теоретический и прикладной аспекты / Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2012. - №4 - Тамбов, 2012. - С. 86-90.
- Подготовка переводчика: коммуникативные и дидактические аспекты : колл. монография / авт. колл.: В. А. Митягина и др. ; под общ. ред. В. А. Митягиной. 5-е изд., стер. М., 2022.
- Поликарпов А. М., Французова А. Д. Об устном судебном переводе в Швеции / Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. - 2020. - №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-ustnom-sudebnom-perevode-v-shvetsii>.
- Протокол судебного заседания по уголовному делу №1-51-2012. Тюмень, 2012. URL: <https://www.nntobsme.ru/uploads/Pogranichnik/protosudzas11.01-24.02.2012.pdf>.
- Работа по институализации судебного перевода будет продолжена. Пресс-релиз / Московский государственный лингвистический университет. 2024. URL: <https://linguanet.ru/upload/medialibrary/ef8/qjd9vs9x0qbj6cjcw51nuev0xrue2e46.pdf>.
- Соловьева Н. В. Пропозиция как инвариант коммуникативной парадигмы предложения: Коммуникативная лингвистика. Лекция. Ч. 1. 2020. URL: <https://bspu.by/blog/soloviova/article/lection/kommunikativnaya-lingvistika-lectiya-propoziciya-kak-invariant-kommunikativnoj-paradigmy-predlozheniya-ch-1>.
- Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. URL: <https://tapemark.narod.ru/les/>.
- Lee Jieun. Rating Scales for Interpreting Performance Assessment / The Interpreter And Translator Trainer. - 2008. - 2(2). - P. 165-184.

References

- Alekseeva, E. A. (2017). French experience of translator training: translation and didactic aspects: Educational and methodological manual. Voronezh (in Russian).
- Alikina, E. V. (2017). The concept of teaching oral translation activity in the system of higher linguistic education on the basis of integrative approach: dissertation for the degree of Doctor of Pedagogical Sciences: 13.00.02. Nizhny Novgorod (in Russian). Azbuka Perevodov: Notarized translation. Who is a sworn translator? Available from: https://abcbp.ru/articles/notarialnyy_perevod_dokumentov_kto_takoy_prisyazhnyy_perevodchik (in Russian).
- Colin, J., Morris, R. (2008). Interpreters and the Legal Process. Excerpts from the book / Center for Legal Programs. Available from: https://legaltrainingspb.com/files/ppt/uk-25-1/translators_and_litigation.pdf (in Russian).
- Drits, K. V. (2016). Institute of certification of court interpreters: foreign experience and the possibility of its application in Russia. Legal Bulletin of Young Scientists, 3. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-sertifikatsii-sudebnyh-perevodchikov-zarubezhnyy-opyt-i-vozmozhnost-ego-primeneniya-v-rossii> (in Russian).
- Garant Obrazovanie: Union of translators of Russia proposed to institutionalize court (sworn) translation in Russia (2020). Available from: <https://edu.garant.ru/relevant/main/1402680> (in Russian).
- Knyazheva, E. A., Pirko, E. A. (2013). Evaluation of translation quality in the context of the methodology of system analysis. Vestnik VSU. Series: Linguistics and intercultural communication, 1, 145-151 (in Russian).
- Kovalchuk, E. A. (2015). A Systematic Quantitative Approach to the Translation Quality Assessment. Ancient and New Romania, 16, 507-523 (in Russian).
- Kravets, A. S. (2001). The structure of meaning: from word to sentence. Vestnik Voronezh State University. Series: Humanities, 1. Available from: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/hyman/2001/01/Kravec.pdf> (in Russian).
- Lee, Jieun (2008). Rating Scales for Interpreting Performance Assessment / The Interpreter And Translator Trainer, 2(2), 165-184.
- Lyagushkina, N. V., Savitsky, I. V. (2012). Erratological analysis of translation solutions: theoretical and applied aspects. Philological Sciences. Voprosy teorii i praktika, 4, 86-90. Tambov (in Russian).
- Minutes of the court session on criminal case No. 1-51-2012 (2012). Tyumen. Available from: <https://www.nntobsme.ru/uploads/Pogranichnik/protosudzas11.01-24.02.2012.pdf> (in Russian).
- Mityagina, V. A. et al. (2022). Translator training: communicative and didactic aspects: a collective monograph. Moscow (in Russian).
- Polikarpov, A. M., Frantsuzova, A. D. (2020). On court interpreting in Sweden. Research result. Theoretical and Applied Linguistics, 4. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-ustnom-sudebnom-perevode-v-shvetsii> (in Russian).

Solovieva, N. V. (2020). Proposition as an invariant of the communicative paradigm of the sentence: Communicative linguistics. Lecture Part 1. Available from: <https://bspu.by/blog/soloviowa/article/lection/kommunikativnaya-lingvistika-lekciya-propoziciya-kak-invariant-kommunikativnoj-paradigmy-predlozheniya-ch-1> (in Russian).

The work on the institutionalization of court translation will be continued (2024). Press release. Moscow State Linguistic University. Available from: <https://linguanet.ru/upload/medialibrary/ef8/qjd9vs9x0qbj6cjcw51nuev0xrue2e46.pdf> (in Russian).

Yartseva, V.N. (1990) Linguistic encyclopedic dictionary. Moscow. Available from: <https://tapemark.narod.ru/les> (in Russian).

Zholos', L. M., Medvedeva, M. S., Gaylomazova, E. S. (2021). Special features of the judicial speech translation (on the example of translations of speeches of famous lawyers). Humanities and Social Sciences, 6. Available from:

<https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-sudebnoy-rechi-na-primere-perevodov-rechey-znamenityh-yuristov> (in Russian).

Citation:

Глушко Е. В., Орлова В. В. К проблеме методики анализа качества судебного перевода в Российской Федерации // Юрислингвистика. – 2024. – 34. – С. 132-139.

Glushko E. V., Orlova V. V. (2024) On the Methodology for Analyzing the Quality of Judicial Translation in the Russian Federation. Legal Linguistics, 34, 132-139.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

К проблеме эквивалентности и толкования терминов аутентичных текстов Договора о правовой помощи по гражданским делам (Мадрид, 1990 г.) на русском и испанском языках

А. Д. Фокина¹, С. А. Данилова²

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
проспект Вернадского, 76, 119454, Москва, Россия. E-mail: ¹alexandra-fokina@mail.ru,
²danilova.mgimo@yandex.ru*

Статья посвящена исследованию проблем, связанных с несовершенством юридической техники при составлении аутентичных текстов действующего Договора о правовой помощи по гражданским делам, заключенного между СССР и Королевством Испания в 1990 году, на русском и испанском языках. Актуальность темы исследования обусловлена важностью обеспечения максимальной эквивалентности терминов, используемых в равных по юридической силе текстах международных договоров, составленных на разных языках, поскольку заложенные в них терминологические противоречия приводят к невозможности формирования единообразной судебной практики толкования Договора судами двух государств. Кроме того, отсутствие эквивалентности терминов, используемых в международном договоре, проявляется в формировании практики отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений, что противоречит основным целям, поставленным перед собой государствами при заключении Договора о правовой помощи по гражданским делам. На примере конкретного решения суда Испании об отказе в признании и приведении в исполнение решения арбитражного суда России рассмотрена проблема, связанная с неточным переводом названия российского судебного органа на испанский язык, и предложен иной вариант перевода для предотвращения дальнейшего отказа судами Испании в признании и приведении в исполнение решений российских арбитражных судов. В результате проведенного исследования авторами установлена недостаточная эквивалентность отдельных лексико-грамматических единиц, используемых в русском и испанском вариантах рассматриваемого Договора, выявлены возникающие в связи с этим проблемы его применения и сформулированы практические рекомендации по уточнению терминов на русском и испанском языках.

Ключевые слова: аутентичность текста, юридический дискурс, юридический перевод, юридическая техника, юридические термины.

The Problem of Equivalence of Translation and Interpretation of Authentic Texts of the Agreement on Legal Assistance in Civil Matters (Madrid, 1990) in Russian and Spanish

A. D. Fokina¹, S. A. Danilova²

*Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the
Russian Federation
76 Vernadskogo Avenue, Moscow, Russia. E-mail: ¹alexandra-fokina@mail.ru,
²danilova.mgimo@yandex.ru*

The article considers the problems associated with the imperfections of legal technique in the preparation of authentic texts of the current Treaty on Legal Assistance in Civil Cases, concluded between the USSR and the Kingdom of Spain in 1990, in Russian and Spanish languages. The relevance of the research topic is conditioned by the importance of ensuring maximum equivalence of the terms used in the texts of international treaties in different languages, which are equal in legal force,

because the terminological contradictions embedded in them lead to the impossibility of forming a uniform judicial practice of interpretation of the Treaty by the courts of two states when solving the issue of recognition and enforcement of foreign judgments. In addition, the lack of equivalence of the terms used in the international treaty manifests itself in the formation of the practice of refusal to recognise and enforce foreign judgments, which contradicts the main objectives set by the States at the conclusion of the Treaty on Legal Assistance. Using the example of a specific decision of a Spanish court refusing to recognise and enforce a Russian arbitration court award, the authors examine the problem associated with inaccurate translation of a name of a Russian judicial authority into Spanish and propose their own translation to prevent Spanish courts from refusing to recognise and enforce Russian arbitration court awards. As a result of the study, the authors have established insufficient equivalence of certain lexico-grammatical units used in the Russian and Spanish versions of the Treaty in question, identified the problems of its application arising in this connection and formulated practical recommendations for clarification of terms in Russian and Spanish.

Key words: legal discourse, legal translation, legal technique, legal terms, text authenticity.

Введение

В современном мире прослеживается увеличение числа внешнеторговых сделок, изменение государства проживания и государства ведения предпринимательской деятельности, места нахождения активов. Для целей правового регулирования частно-правовых отношений, потенциально осложненных иностранным элементом различного характера, крайне важно наличие многосторонних и двусторонних международных договоров, обеспечивающих эффективное взаимодействие государств по вопросам сотрудничества в сфере осуществления процессуальных действий, отправления правосудия, сбора и обмена различной информацией в рамках рассмотрения споров.

В последние десятилетия наблюдался устойчивый рост частно-правовых отношений, осложненных иностранным элементом, которые связаны с правовыми системами Российской Федерации и Королевства Испании. В этой связи в 1990 г. в Мадриде между СССР и Королевством Испании был подписан Договор о правовой помощи по гражданским делам (далее – Договор) с целью облегчения доступа граждан одного государства в суды другого государства, обеспечения признания и исполнения судебных решений, вынесенных на территории другого государства, а также взаимного предоставления правовой помощи по гражданским делам. Договор вступил в силу лишь в 1997 г., то есть начал применяться к отношениям между Испанией и Российской Федерацией, ставшей правопреемником СССР в отношении участия в международных договорах (ст. 67.1 Конституции РФ), и до настоящего времени является действующим международным договором [Перечень международных договоров РФ по вопросам правовой помощи URL].

Актуальность настоящего исследования обусловлена следующими обстоятельствами. Ст. 28 Договора содержит стандартную для двусторонних международных договоров формулировку о том, что текст договора составлен в двух экземплярах, на русском и испанском языках, и при этом оба текста имеют равную юридическую силу – иными словами, являются аутентичными. Однако в процессе правоприменительной практики был выявлен ряд сложностей, связанных с несоответствием положений текстов Договора, составленных на двух языках. Указанные несоответствия приводят к невозможности обеспечить единообразие практики толкования Договора судами двух государств при решении вопроса о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений и к случаям отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений.

Цель исследования – установить терминологические несоответствия и противоречия в текстах Договора на русском и испанском языках и представить предложения по их устранению для обеспечения эквивалентности двух текстов.

Юридическая техника, эквивалентность и адекватность перевода

До настоящего времени отсутствует единообразие понимания концепта юридической техники, и в науке международного права не сформирован самостоятельный раздел, посвященный юридико-технической проблематике [Малахов 2019: 252–253], несмотря на исключительную и очевидную важность применительно к международным договорам. Следует констатировать, что ввиду специфики различных языков и междисциплинарного характера вопроса объективно невозможна разработка универсальной юридической техники составления аутентичных текстов международных договоров.

Для целей настоящего юридико-лингвистического исследования под юридической техникой понимается система средств и приемов, используемых при выработке и систематизации нормативных актов в целях обеспечения их совершенства. По своему содержанию юридическая техника предполагает, среди прочего, применение технических средств, к которым относят юридические конструкции и терминологию [Алексеев 1982: 267–288]. Кроме того, юридическая техника представляет собой вид юридической деятельности и подразумевает «два искусства» – создания права и применения права [Краснов 2014: 1]. С учетом указанного в случае двух текстов, имеющих равную юридическую силу и составленных на разных языках, надлежащее применение технических средств предполагает обеспечение максимальной эквивалентности терминов и конструкций, используемых в двух аутентичных текстах. В процессе нормотворчества и правоприменения проблема аутентичности фактически сводится к проблеме эквивалентности перевода. Недостаточную степень эквивалентности используемой терминологии на русском и испанском языке следует относить к несовершенству юридической техники в ходе заключения договоров – процессе,

который должен подразумевать прежде всего составление равно аутентичных текстов на разных языках [Аветян 2023: 160].

Эквивалентность перевода – это общность содержания (смысловая близость), равноценность текстов оригинала и перевода. Данный термин является одним из центральных понятий перевода, поскольку достижение эквивалентности является конечной целью и основной задачей переводчика. Сложность понятия обусловлена тем, что абсолютная эквивалентность (то есть тождественность) исходного и переводного текстов невозможна из-за семантических, структурных и прагматических различий между текстами на разных языках [Основные понятия переводоведения: 220-221]. Кроме того, при переводе юридического документа необходимо учитывать правовые реалии конкретной страны и соответствующую им терминологию [Алимов 2005: 13]. Вероятно, именно это стало причиной различий даже в названии акта: в испанской версии это Договор не о правовой, а о судебной помощи по гражданским делам (*Convenio sobre asistencia judicial en materia civil*).

Возможно добиться эквивалентности конкретных юридических терминов, но не юридических текстов. Более достижимой целью по сравнению с эквивалентным переводом является адекватный перевод юридических терминов, предполагающий соответствие переведенного текста цели перевода и ожиданиям участников коммуникации [Основные понятия переводоведения 2010: 9]. Адекватность перевода является необходимым условием сопоставимости понятий, используемых в аутентичных текстах, соблюдения закона тождества и недопущения двусмысленности при толковании текстов международных договоров [Ларионова, Фокина 2023: 42]. Именно она предопределяет идентичную применимость норм, сформулированных на двух языках, единообразное судебное толкование и складывание на основе правовой позиции единообразной и предсказуемой судебной практики.

Рассмотрим некоторые положения Договора на русском и испанском языках, которые содержат лексико-грамматические единицы, вызывающие проблемы при применении и толковании.

Положение об исключительной компетенции суда, вынесшего решение

В соответствии с п. 5 ст. 18 Договора препятствием для признания и исполнения иностранного судебного решения является ситуация, когда в законодательстве государства, на территории которого должно быть признано и исполнено судебное решение, устанавливается исключительная компетенция его учреждений на рассмотрение данного дела. В частности, суд, вынесший решение, обладает исключительной компетенцией по заявлениям относительно действительности **записей в книгах записи актов гражданского состояния**, если записи ведутся в государстве суда (ст. 20 Договора). В РФ к актам гражданского состояния, подлежащим государственной регистрации, относятся рождение, заключение брака, расторжение брака, усыновление (удочерение), установление отцовства, перемена имени и смерть (ФЗ от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния», п. 2 ст. 3), и в отношении перечисленных актов, регистрируемых в России, российские суды обладают исключительной подсудностью. Следует отметить, что термин «книги», используемый в Договоре, является устаревшим: в настоящее время государственная регистрация акта гражданского состояния производится посредством внесения не в книги, а в Единый государственный реестр записей актов гражданского состояния соответствующей записи, на основании которой выдается свидетельство (ФЗ от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния», п. 2 ст. 6).

В испанском варианте ст. 20 Договора указано, что суд, вынесший решение, обладает исключительной компетенцией в отношении действительности **записей в государственных реестрах** (*inscripciones en los Registros públicos*), которые ведутся на территории этого государства. В испанском национальном законодательстве содержится аналогичная норма о том, что испанские суды обладают исключительной компетенцией и во всех случаях имеют преимущество перед любыми другими судами при рассмотрении исков, связанных с действительностью или ничтожностью записей, сделанных в испанском реестре (*inscripciones practicadas en un registro español*) (Органический закон о судебной власти № 6 от 01.07.1985, ст. 22, в ред. Органического закона № 7 от 21.07.2015). В Испании к государственным реестрам относятся: реестр собственности (*registro de la propiedad*), торговый реестр (*registro mercantil*), реестр сведений о банкротстве (*registro público concursal*), реестр движимого имущества (*registro de bienes muebles*), реестр объектов интеллектуальной собственности (*registro de propiedad intelectual*), реестр доменов (*registro de dominios*) и др. Следовательно, термин *registros públicos* подразумевает гораздо более широкий перечень понятий, который не ограничивается видами актов гражданского состояния, предусмотренных в русскоязычном варианте Договора.

В результате применения может сложиться противоречивая судебная практика в судах РФ и Испании, поскольку при исполнении решений испанских судов российский суд может исходить из того, что испанские суды обладают исключительной компетенцией только в отношении актов гражданского состояния. В отношении иных реестров, не относящихся к органам ЗАГС, исключительная подсудность суда Испании не будет столь очевидной. Напротив, в судах Испании исключительная подсудность российского суда в отношении всех видов государственных реестров будет неоспоримо следовать из текста Договора. Следует признать, что испанский вариант п. 3 ст. 20 Договора более точен, и в русском варианте данный пункт было бы целесообразно сформулировать следующим образом: «по заявлениям относительно действительности записей в государственных реестрах, – если реестры ведутся в данном государстве».

Требование о заверении перевода документов, прилагаемых к ходатайству о признании и принудительном исполнении решения иностранного суда

Согласно п. 3 ст. 23 Договора на русском языке к ходатайству о признании судебного решения и выдаче

разрешения на приведение его в исполнение должен прилагаться **заверенный перевод** текста ходатайства, заверенной копии судебного решения со справкой о том, что оно вступило в законную силу и подлежит исполнению (если это не следует из самого текста решения), а также документа, подтверждающего надлежащее извещение о судебном разбирательстве стороны (или ее представителя), которая не принимала участия в процессе. В Договоре не указываются уполномоченный орган и требования к форме заверения, однако исходя из положений ст. 81 «Основ законодательства РФ о нотариате» нотариус свидетельствует верность перевода с одного языка на другой, если он сам владеет соответствующими языками; в ином случае перевод может быть осуществлен переводчиком, и в этом случае нотариус свидетельствует подлинность его подписи. Следовательно, можно утверждать, что в тексте Договора на русском языке подразумевается совершение нотариального действия в соответствии с российским законодательством о нотариате.

В п. 3 ст. 23 Договора на испанском языке для обозначения заверенного перевода используется термин **traducción legalizada**. Глагол *legalizar* означает удостоверить подлинность документа или подписи лицом, имеющим на это полномочия, а термин *legalización*, в свою очередь, означает подтверждение подлинности, подписанное государственным органом [DPE] URL]. Следует отметить, что несмотря на схожесть с термином «легализация», в данном случае речь идет о совершенно иной процедуре: осуществление официальных переводов с иностранных языков в Испании возлагается на специально уполномоченных переводчиков – *traductores jurados*, которые находятся в ведении Министерства иностранных дел, Европейского союза и международного сотрудничества Испании (*Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación*). Переводы, выполняемые специально уполномоченными переводчиками, приобретают характер официальных и могут быть представлены в судебные и административные органы Испании. Достоверность перевода обеспечивается алгоритмом, установленным Министерством иностранных дел Испании, и проставлением подписей и печатей специально уполномоченных переводчиков. Аргументом, подтверждающим, что в ст. 23 речь идет не о требовании легализации перевода, служит факт участия России и Испании в Конвенции, отменяющей требования легализации иностранных официальных документов (Гаага, 1961 г.).

Однако в тексте Договора на испанском языке термины *legalización* и *legalizado* используются также в другой статье и в совершенно ином значении. Сравним текст п. 1 ст. 14 Договора на русском и испанском языках:

<p>Документы, которые выданы или засвидетельствованы по установленной форме..., не требуют на территории другой Договаривающейся Стороны какого-либо удостоверения.</p>	<p>Los documentos que hayan sido expedidos o testificados conforme a las normas establecidas ..., no requerirán en el territorio de la otra Parte Contratante legalización alguna.</p>
---	--

<p>Это относится также ... к подписям, засвидетельствованным по правилам одной из Договаривающихся сторон.</p>	<p>Lo mismo se aplicará también en relación con firmas en los documentos y legalizadas según el procedimiento interno de las Partes Contratantes.</p>
---	--

При сопоставлении текстов договора становится очевидным, что русскому термину «засвидетельствованный» соответствуют два разных термина испанского языка; при этом *testificado* предполагает как простое подтверждение какого-либо факта в качестве достоверного, так и его подтверждение с помощью свидетельских показаний, а *legalizado*, как было сказано выше, – подтверждение документа надлежащим органом. Однако в этой статье термин *legalización* использован в значении «легализация», а не простое «удостоверение»: именно эта норма Договора отменяет необходимость какой-либо легализации, в том числе проставления апостиля, документов, используемых в рамках сотрудничества по гражданским делам между Россией и Испанией. Именно в этом значении термин *legalización* используется в названии и в тексте упомянутой выше Конвенции, отменяющей требования легализации иностранных официальных документов – *Convención suprimiendo la exigencia de la legalización de los actos públicos extranjeros*. Следует согласиться с тем, что в текстах договоров недопустима подобная полисемия терминов, основанная на некотором сходстве правовых явлений [Вежновец 2018: 130].

Проблемы толкования термина «арбитражные решения» (*laudos arbitrales*) при решении вопроса о признании и приведении в исполнение решений арбитражных судов Российской Федерации в Испании

В соответствии с пп. 4 п. 3 ст. 17 Договора положения о признании и исполнении судебных решений не применяются в отношении **арбитражных решений**. Арбитражное решение – решение, принимаемое в письменной форме единоличным арбитром или арбитрами, которые избираются сторонами спора на основании соглашения о передаче в арбитраж всех или определенных споров, которые возникли или могут возникнуть между ними в связи с конкретным правоотношением (ст. 7, 10, 34 Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»). В случае трансграничных споров арбитражное решение – это решение международного коммерческого арбитража аналогичного содержания (ст. 31 Федерального закона «О международном коммерческом арбитраже»). Таким образом, арбитражное решение в контексте Договора – это решение арбитража как особого органа, отличного от государственного суда.

В испаноязычном тексте указанной статьи для обозначения арбитражных решений используется термин **laudos arbitrales**. Отметим, что испанский термин следует считать эквивалентным русскому: в Словаре испанского

юридического языка Королевской академии испанского языка он определяется как решение арбитра, являющееся альтернативным судебному процессу способом разрешения споров, который применяется в некоторых случаях по выбору сторон или в силу закона [DPE] URL]. В сфере международного коммерческого арбитража более узкий термин *laudo arbitral internacional* означает решение, вынесенное арбитрами, назначенными для рассмотрения конкретного дела, или постоянными арбитражными органами, в которые обратились стороны.

Несмотря на эквивалентность исследуемых терминов, на практике при применении ст. 17 Договора возникла проблема, связанная с пониманием правовой природы решений, выносимых российскими арбитражными судами, которые являются федеральными судами, входящими в судебную систему Российской Федерации. Арбитражные суды в России не являются третейскими судами и не относятся к альтернативным способам разрешения споров, однако в суде Испании сходство терминов, используемых для совершенно разных способов рассмотрения споров, стало причиной отказа в признании и приведении в исполнение решения российского суда.

Суд Провинции Валенсии рассмотрел апелляционную жалобу на решение испанского суда первой инстанции, в котором было отказано в признании и приведении в исполнение решения Арбитражного суда Калининградской области [Sentencia de la Audiencia Provincial de Valencia URL]. В тексте решения испанского суда первой инстанции российский судебный орган указан как *Tribunal de Arbitraje de la provincia de Kaliningrado*. В апелляционной жалобе утверждалось, что суд первой инстанции ошибочно счел указанный суд арбитражным органом (*tribunal arbitral*) и на этом основании отказался признать его решение, рассматриваемое вследствие этого как арбитражное решение, на основании пп. 4 п. 3 ст. 17 Договора. Признавая, что речь идет не об арбитражном решении, а о судебном решении (*resolución judicial*), суд апелляционной инстанции указал, что в силу ст. 4 Федерального конституционного закона – речь идет о ФКЗ от 31.12.1996 №1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» – данный орган полностью обособлен от иных судов, рассматривающих гражданские дела (*está perfectamente delimitado de los demás tribunales en el ámbito civil*). И на основании этого был сделан вывод о том, что в рассматриваемом деле речь идет об «иностранном арбитражном решении» (*sentencia arbitral extranjera*), которое не может быть признано и исполнено, поскольку такие решения не распространяется действие Договора (пп. 4 п. 3 ст. 17).

Следует обратить внимание на очевидное логическое противоречие вывода, сделанного испанским судом, который в целом признал судебную природу решения российского арбитражного суда. Существительное *sentencia* используется в отношении решений, вынесенных судебным органом, о чем свидетельствуют его словарные дефиниции, и в этой связи с ним не вполне корректно использовать прилагательное *arbitral*, которое относится к решениям арбитража как альтернативного, отличного от судебного средства разрешения споров.

Отметим, что пример использования терминологического словосочетания *sentencia arbitral extranjera* встречается в испанском тексте Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, заключенной в Нью-Йорке в 1958 году (*Convención sobre el Reconocimiento y la Ejecución de las Sentencias Arbitrales Extranjeras*, далее – Нью-Йоркская конвенция). В п. 2 ст. 1 указано, что термин «арбитражные решения» (*sentencias arbitrales*) включает не только арбитражные решения, вынесенные арбитрами, назначенными по отдельному делу, но и арбитражные решения, вынесенные постоянными арбитражными органами, к которым стороны обратились. Возможно, испанский суд апелляционной инстанции счел российский арбитражный суд постоянным арбитражным органом в том значении, в котором термин использован в Нью-Йоркской конвенции, однако и в этом случае возникает противоречие: постоянные арбитражные органы – это постоянно действующие учреждения, перечень которых строго ограничен. Для внесения конкретного арбитражного учреждения в указанный перечень требуется соблюдение целого ряда формальностей. На данный момент на официальном сайте Министерства юстиции Российской Федерации представлен перечень постоянно действующих арбитражных учреждений, получивших право на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения [Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации URL], и Арбитражный суд Калининградской области в него не включен (и не мог быть включен ввиду иной правовой природы, очевидной в контексте российского законодательства). Как правило, министерства юстиции ведут реестр учреждений постоянно действующих арбитражных учреждений зарубежных государств, который основывается на соответствующих национальных перечнях, в связи с чем включение российского арбитражного суда в какой-либо перечень постоянно действующих арбитражных учреждений технически невозможно.

Следовательно, испанский суд указал в своем решении не существующую в природе юридическую конструкцию, фактически признав решение Арбитражного суда Калининградской области арбитражным решением судебного органа, не включенного в списки арбитражных учреждений.

Для предотвращения подобных ситуаций предполагается целесообразным уделять особое внимание наименованию органов судебной власти при осуществлении перевода с русского языка на испанский. Безусловно некорректно использование терминов *arbitraje* или *arbitral* при переводе на испанский язык названия российских арбитражных судов и видов выносимых ими решений. Для обеспечения адекватности толкования в рассматриваемом случае при переводе рекомендуется использовать словосочетание *juzgado de lo mercantil* – суд по торговым спорам. В Испании данным термином обозначаются специализированные суды, относящиеся к системе государственных судов, которым подсудны иски из частноправовых отношений, и которые рассматривают споры, возникающие в связи с несостоятельностью, а также относящиеся к торговому праву (вопросы промышленной собственности, недобросовестной конкуренции, рекламы, транспорта, морского права и т.д.), в качестве судов первой инстанции. Поскольку арбитражные суды в РФ рассматривают аналогичные категории споров, а Арбитражный суд Калининградской области рассматривает дела в качестве суда первой инстанции, предлагаемый вариант перевода

российского судебного органа на испанский язык – *Juzgado de lo Mercantil de la provincia de Kaliningrado*.

Заключение

Договор между СССР и Королевством Испании о правовой помощи по гражданским делам – важный двусторонний договор, целью которого является отправление правосудия и который должен обеспечивать надлежащий уровень защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц государств, участвующих в договоре, а затем и исполнение принятого судебного акта по конкретному гражданскому делу.

Вместе с тем именно некорректное применение международного договора является одной из самых распространенных причин возникновения судебных ошибок наряду с неприменением договора, который надлежит применить, и игнорированием принципа приоритета международного договора по отношению к внутреннему (национальному) праву [Запросов 2023: 198].

Двусмысленность в толковании текстов международных договоров приводит к недостижимости главной цели, которую ставят перед собой государства при их заключении, к снижению уровня доверия граждан к судам, решения которых не могут быть признаны и исполнены на территории другого государства, и в целом к ухудшению отношений между государствами. В контексте сотрудничества России и Испании в сфере правовой помощи по гражданским делам неточности перевода, допущенные при составлении текста международного Договора, могут привести к невозможности или ошибкам применения отдельных его положений, их надлежащего толкования на основе общепризнанных принципов и норм международного права и принципов международного гражданского процесса.

Кроме того, несоответствие отдельных элементов текстов договора на двух языках создает возможность для недобросовестной стороны извлечь выгоду в силу большего благоприятствования ей норм международного договора.

В заключение отметим, что проблему несоответствия терминов невозможно решить с помощью двуязычных словарей юридических терминов, поскольку различный контекст их использования требует профессиональных экстралингвистических знаний о том, какой вариант перевода является более подходящим в конкретном случае. Один из вариантов преодоления трудностей – совместная работа или консультации со специалистами права, обращение к большому массиву документов, включающих искомую терминологию, для установления лингвистического окружения термина и его сочетаемости [Киндеркнехт 2015: 123]. Однако эффективность исследования зависит от комплексного и интегрального подхода, который должен опираться на дискурсивный, контекстуальный, интерпретативный и структурно-семантический анализ. Применение всех этих методов позволило авторам статьи установить ряд несоответствий текстов Договора на русском и испанском языках и предложить возможные пути их разрешения.

Литература

- Аветян Н. А. Особенности перевода юридических документов на материале международных договоров / Наука и просвещение: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей X Международной научно-практической конференции, Пенза, 30 мая 2023 года. Пенза, 2023. С. 160–162.
- Алексеев С. С. Общая теория права: курс лекций. М., 1982. Т. 2.
- Алимов В. В. Теория перевода. Перевод в сфере профессиональной коммуникации: Учебное пособие. Изд. 3-е, стереотипное. М., 2005.
- Вежновец В. Н. Конструирование международных договоров / Философия права. – 2018. – № 2(85). – С. 126–132.
- Запросов А. А. Судебные ошибки в применении норм международных договоров в России / Юридическая наука. – 2023. – № 12. – С. 196–200.
- Киндеркнехт А. С. Особенности перевода юридических текстов / Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 5. – С. 123–127.
- Краснов Ю. К., Надвикова В. В., Шкатулла В. И. Юридическая техника: учебник. М., 2014. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/krasnov_uk_nadvikova_vv_shkatulla_vi_juridicheskaja_tehnika/.
- Ларионова М. В., Фокина А. Д. Трудности перевода терминологии в контексте анализа нормативного типа испанского юридического дискурса / Вопросы современной лингвистики. – 2023. – № 6. – С. 40–52.
- Малахов В. П., Лановая Г. М. Проблемы юридической техники в науке международного права / Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 3. – С. 251–254.
- Перечень международных договоров РФ по вопросам правовой помощи. Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/perechen-mezhdunarodnyh/>.
- Перечень постоянно действующих арбитражных учреждений, получивших право на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения. Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/deponirovannye-pravila-arbitrazha/>
- Органический закон № 7 от 21.07.2015 о внесении изменений в Органический закон о судебной власти № 6 от 01.07.1985 (Ley Orgánica 7/2015, de 21 de julio, por la que se modifica la Ley Orgánica 6/1985, de 1 de julio, del Poder Judicial). URL: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-2015-8167>.

Основные понятия переводоведения (отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник / Отв. редактор канд. филол. наук Раренко М. Б. М., 2010.

Convenio Bilateral entre el Reino de España y la Unión de Repúblicas Socialistas Soviéticas sobre asistencia judicial en materia civil. URL: <https://spain.mid.ru/upload/iblock/184/9celq6drt0o1rdcfuwboqwhwcqtm7vk.pdf>.

Diccionario panhispánico del español jurídico, 2023. URL: <https://dpej.rae.es/lema/laudo-arbitral>.

Sentencia de la Audiencia Provincial de Valencia, sección sexta, auto № 171, 24/05/2019. URL: <https://fernandezrozas.com/wp-content/uploads/2019/09/arbitraje-aap-valencia-6c2ba-24-mayo-2019.pdf>.

References

Alekseev, S. S. (1982). General theory of law: a course of lectures. T. 2. (in Russian).

Alimov, V. V. (2005). Translation in the field of professional communication. Translation Theory. Textbook. 3rd edition, 160 (in Russian).

Avetyan, N. A. (2023). Peculiarities of translation of legal documents on the example of international treaties. Science and Education: current issues, achievements and innovations : collection of articles of the X International Scientific and Practical Conference, Penza, May 30, 2023, 160-162 (in Russian).

Bilateral Agreement between the Kingdom of Spain and the Union of Soviet Socialist Republics on legal assistance in civil matters. Available from: <https://spain.mid.ru/upload/iblock/184/9celq6drt0o1rdcfuwboqwhwcqtm7vk.pdf> (In Russian, In Spanish).

Kinderknecht, A. S. (2015). Peculiarities of translation of legal texts. Academic notes of OSU. Series: Humanities and Social Sciences, 5, 123-127 (In Russian).

Krasnov, Y.K., Nadvikova, V.V., Shkatulla, V.I. Legal technique: textbook. Mos-cow: Justitsinform, 2014. Available from: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/krasnov_uk_nadvikova_vv_shkatulla_vi_juridicheskaja_tehnika/ (In Russian).

Larionova, M. V. Fokina, A. D. (2023). Difficulties of terminology translation in the context of analyzing the normative type of Spanish legal discourse. Problems of modern linguistics. 6, 40-52 (In Russian).

List of international treaties of the Russian Federation on legal assistance. Official website of the Ministry of Justice of the Russian Federation. Available from: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/perechen-mezhdunarodnyh/> (In Russian).

List of permanent arbitration institutions that have obtained the right to perform the functions of a permanent arbitration institution. Official website of the Ministry of Justice of the Russian Federation. Available from: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/deponirovannye-pravila-arbitrazha/> (In Russian).

Malakhov, V. P. (2019). Problems of legal technique in the science of international law. Vestnik of Economic Security, 3, 251-254 (In Russian).

Organic Law № 7 of 21.07.2015 amending the Organic Law on the Judiciary № 6 of 01.07.1985 (Ley Orgánica 7/2015, de 21 de julio, por la que se modifica la Ley Orgánica 6/1985, de 1 de julio, del Poder Judicial). Available from: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-2015-8167> (In Spanish).

Pan-Hispanic dictionary of legal Spanish, 2023. Available from: <https://dpej.rae.es/lema/laudo-arbitral> (In Spanish).

Rarenko, M. B. (2010). Basic concepts of translation studies (domestic experience). Terminological dictionary-guide (In Russian).

Sentence of the Provincial Court of Valencia, sixth section, auto № 171, 24/05/2019. Available from: <https://fernandezrozas.com/wp-content/uploads/2019/09/arbitraje-aap-valencia-6c2ba-24-mayo-2019.pdf> (In Spanish).

Vezhnovets, V. N. (2018). Constructing international treaties. Philosophy of Law, 2 (85), 126-132 (in Russian).

Zaprosov, A. A. (2023). Judicial errors in the application of norms of international treaties in Russia. Juridicheskaya nauka, 12, 196-200 (In Russian).

Citation:

Фокина А. Д., Данилова С. А. К проблеме эквивалентности и толкования терминов аутентичных текстов Договора о правовой помощи по гражданским делам (Мадрид, 1990 г.) на русском и испанском языках // Юрислингвистика. – 2024. – 34. – С. 140-146.

Fokina A. D., Danilova S. A. (2024) The Problem of Equivalence of Translation and Interpretation of Authentic Texts of the Agreement on Legal Assistance in Civil Matters (Madrid, 1990) in Russian and Spanish. Legal Linguistics, 34, 140-146.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Российские духовно-нравственные ценности и их уголовно-правовая охрана в XVI–XIX веках

Ф. В. Чирков

Адыгейский государственный университет

ул. Первомайская, 208, 385000, Майкоп, Россия. E-mail: Fil-chirkov@mail.ru

Автор прослеживает становление системы официально признаваемых и публично декларируемых ценностных ориентаций на протяжении XVI–XIX столетий в России. Данная система была окончательно сформирована на основе Стоглава, Домостроя, Устава благочиния, а также комплекса правовых норм, направленных на охрану традиционных ценностей, и включала в себя предписания уголовного и полицейского права. В структурном отношении она включала в себя предупредительные нормы и положения об ответственности за религиозные преступления, преступления против общественной нравственности, преступления в области половой морали, семейные преступления. Автор приходит к выводу, что существенным моментом эволюции этой соционормативной системы к концу XIX века стало признание ценности индивидуальной личности, ее прав и свобод, которое во многом предопределило дальнейшее развитие ценностных ориентаций общества и их уголовно-правовой охраны. Дело защиты и уголовно-правовой охраны традиционных ценностей и моральных норм было признано делом государственной важности.

Ключевые слова: история уголовного права, уголовно-правовая охрана традиционных ценностей, Стоглав, Домострой, религиозные преступления, преступления против нравственности, семейные преступления.

Russian Spiritual and Moral Values and their Criminal-Legal Protection in the 16th – 19th Centuries

F. V. Chirkov

Adyghe State University

208 Pervomayskaya St., Maikop, Russia. E-mail: Fil-chirkov@mail.ru

The author traces the development of the system of officially recognized and publicly declared value orientations during the 16th – 19th centuries in Russia. This system was finally formed on the basis of the Stoglav, Domostroy, the Charter of Decency, as well as a set of legal norms aimed at protecting traditional values, and included the prescriptions of criminal and police law. Structurally, it included preventive norms and provisions on liability for religious crimes, crimes against public morals, sexual offences and family crimes. The author comes to the conclusion that an essential moment in the evolution of this socio-normative system by the end of the 19th century was the recognition of the value of the individual, his or her rights and freedoms, which largely predetermined the further development of the value system of society and its criminal-legal protection. The matter of protection and criminal-legal protection of traditional values and moral norms was recognized as a matter of national importance.

Key words: history of criminal law; criminal-legal protection of traditional values; Stoglav; Domostroy; religious crimes; crimes against morality; family crimes.

Формирование, развитие русского государства в период Московского царства и его последующая трансформация в империю через серию реформ и завоеваний Петра I опирались (прямо или косвенно) на определенный набор ценностных норм и ориентаций, которые были созвучны православному христианству (как официальной государственной религии) и обеспечивались в правовом отношении взаимными усилиями светской и церковной властей. При этом именно церковь выступала главным носителем, хранителем и ретранслятором тех идей, которые сегодня именуется традиционными российскими духовно-нравственными ценностями. Церковь обеспечивала их идеологическое обоснование, в то время как государство по мере сжатия автономной судебной юрисдикции церкви

на волне усиления абсолютистских тенденций стремилось максимизировать собственные, в том числе правовые и уголовно-правовые возможности в деле их защиты.

Ярким, крупным свидетельством «сотрапачиваества» светской и церковной властей в деле презентации и защиты ценностей в рассматриваемый временной отрезок можно признать содержание уникального исторического памятника, к сожалению, редко вовлекаемого в исторический обзор при проведении уголовно-правовых исследований – Стоглава.

Стоглав представляет собой сборник решений поместного собора Русской православной церкви, который проходил в 1551 году по инициативе и при непосредственном участии царя Ивана IV Грозного. Особое место в обсуждении собора и подготовленном по его итогам Уложении (получившем наименование Стоглав [Чистяков 1984]) заняли именно царские вопросы к иерархам церкви, направленные на искоренение ересей и народных суеверий, укрепление благочиния, принятие мер к развитию религиозного образования. Обоснование ответов на них в предписаниях Собора охватывает большое число тем: от полемики по поводу вероисповедных догматов с еретиками до критики различных житейских обычаев, которые отвергались как безнравственные или откровенно языческие [Дылевский 2022: 21–22].

Оценивая этот документ, историю его появления, содержание и значение, можно утверждать, что в нем мы встречаем первую попытку официального обсуждения и закрепления системы ценностных ориентаций российского общества. Преодолев в основных чертах двоеверие (конкуренцию христианства и язычества), преодолев раздробленность, создав и укрепив систему органов централизованной государственной власти, российское общество и государство подводило определенный итог предшествовавшему этапу развития и определяло для себя ценностные ориентиры будущего. При этом, что особенно важно, – определяло официально, письменно, при совместном участии государственного аппарата и церковной организации.

«Моральному облику» мирян посвящены Главы 33, 36 – 40, 52 Стоглава. В них внимание Собора привлекают такие проблемы, как:

- внешний вид прихожан в церкви («в церквах божиих в соборных и приходных стоят без страха и в тафьях, и в шапках, и с посохи. ... и говор, и ропот, и всяко прекословие, и беседы, и смрадные словеса»);
- внешний вид граждан в быту («порицаемсяхрестьяне а в тридцать лет и старые главы бреют и брады и ус, и платье и одежи иноверных земель носят, то почему познатихрестьян»);
- пьянство («понеже бо пьянство начало и конец всем злым», «иже бо чрево насыщаяй излишне и блудно и пьянственнотживый сей есть враг Христов»);
- сквернословие («лаются без зазору всегда всякими укоризнами неподобными, скаредными... и богомерзкими речьями»);
- бытовое межличностное общение («чтобы промеж себя и в соседстве жили любовно: не крали и не розбивали, и не ябедничали, и налживе не послушествовали, и чюжого не восхищали, и сами не обидели и скверными речьями не укорялись»);
- половая распущенность («А содомския бы скверныя дела в православных крестьянех мужеложство и скотоложство и рукоблудие и всякая нечистота никогда же не именовалася вашим священническим поучением и наказанием»);
- семейное воспитание детей («Также и чада их родителей своих почитали бы и слушали во всем по священным правилам. Иже четет родителя своя, той оцыстится от грех своих и от бога прославится. Аще ли кто злословит родителя, и сей пред богом грешен есть, а от людей проклят. Аще ли биет отца или мать, от церкви да отлучится и смертию да умрет»);
- необходимость повышение уровня грамотности и нравственности детей («чтобы ... все православные хрестьяне в коемждо граде предавали им своих детей на учение грамоте ... И те бы священники ... учили своих учеников страху божию и грамоте и писати и пети и чести со всяким духовным наказанием, наипаче же всего учеников бы своих берегли и хранили во всякой чистоте и блюли их ото всякого растления, наипаче же от скверного содомского греха и рукоблудия и ото всякия нечистоты»);
- пренебрежение исконными обычаями и заимствование иностранных нравов («В коейждо, убо рече, стране законы и отчиная не приходят друг ко другу, но своего обычая кийждо закон держит; мы же православнии, закон истинный от бога приемше, розных стран беззакония осквернихомся, обычая злая от них приимше, темже от тех стран томимы есмь и расточаями виною наша похоти и обычая, и сего ради казнит нас бог за таковая преступления»);
- распространение ересей, лжеучений, лжепророков, нежелательной литературы («во своем пределе по всем градом запретити и заповедати с великим духовным запрещением, чтобы православные хрестьяне таких богоотреченных и ... отверженных тех всех еретических книг у себя не держали и не чли»; «и где таковые прелестники, нарицаемые лживые пророки, обрящутся и учнут смущати православных крестьян всякими богомерзкими прельщениями, ... и таких бы прелестников православные хрестьяне не слушали и из домов от себя изгоняли»).

Как видим, вполне явственно оформлен корпус высоко нравственных, непосредственно связанных с православием, ценностных ориентиров, которым по совместному представлению церковной и светской иерархии должно отвечать российское общество и государство. Эти ориентиры были названы, а в поддержку им определена необходимость одновременного – и светского, и церковного служения. Составители Стоглава пытались опереться и на светскую власть, призывая царя налагать наказания на виновных в нарушении и поругании ценностей, и на власть церкви,

определяя путь исправления морального облика мирян посредством наставлений и поучений духовных лиц, а также оказания помощи незащищенным группам населения [Лунин 2000: 19, 20].

Важно при этом подчеркнуть, что в своеобразной и характерной для средневековья форме провозглашенные ценности были вполне отчетливо отрефлексированы в качестве основы, выражаясь современным языком, политики национальной безопасности. А именно: они были признаны условием исполнения исторической миссии человека и государства, которая нашла отражение в известных установках религиозной историософии о соотношении земной и небесной жизни. Если главная цель истории – полная реализация замысла Творца и установление Царства Божьего, то вся земная жизнь человека должна служить приготовлением к этому «финалу». Но поскольку только соблюдение определенных нравственных императивов может обеспечить человеку место с Богом на небесах, то задача не только церкви, но государя (чья власть – от бога) и государства в целом обеспечить и по возможности гарантировать этот процесс нравственного предуготовления человека к загробной и вечной жизни. Это обстоятельство сегодня прямо зафиксировано в Основах социальной концепции Русской православной церкви. Так сказано, в частности: «Возникновение земного государства должно быть понимаемо не как изначально богоустановленная реальность, но как предоставление Богом людям возможности устроить свою общественную жизнь исходя из их свободного волеизъявления, с тем чтобы таковое устройство, являющееся ответом на искаженную грехом земную реальность, помогало избежать еще большего греха через противодействие ему средствами мирской власти» [Основы социальной концепции: п. III.1]. «Священное Писание призывает власть имущих использовать силу государства для ограничения зла и поддержки добра, в чем и видится нравственный смысл существования государства» [Там же: п. III.2]. Той же цели призвано и право. Как верно заключают современные исследователи, в рамках религиозной традиции «государство и право, таким образом, есть установленные людьми богособразные средства, при помощи которых они должны противостоять греху, способствуя достижению цели исторического процесса – построению Царства Божьего» [Пудовочкин 2023: 61]. Отказывать этой средневековой идее спасения в принципиальном тождестве с современной идеей обеспечения безопасности едва ли будет правильным. Религиозная средневековая концепция безопасности и есть, по сути, концепция спасения, в рамках которой соблюдение нравственных, духовных ценностей является краеугольным компонентом.

Эта мысль была прямо зафиксирована еще в одном средневековом документе XVI века – Домострое [Колесов 1994: 88 – 133], часть 28 которого гласила: «А кто живет не по-божески, не по-христиански, страха Божия не имеет и отческого предания не хранит, и о церкви Божьей не радуется, и Святого Писания не требует, и отца духовного не слушает, совету добрых людей и наставлениям не вникает по-божески, чинит неправды всякие и насилие, (далее шло масштабное перечисление различных преступлений и пороков – Ф.Ч.) прямоком все вместе в ад попадут, да и здесь уже прокляты всеми. Во всех тех запретных делах не помилует Бог, люди же проклянут». Подчинение и почитание государственной власти (как и власти вообще) здесь также рассматривается в качестве элемента концепции спасения (читай – безопасности). В части 6 Домостроя сказано: «Бойся царя и служи ему верно, всегда о нем Бога моли. И лживо никогда не говори с ним, но с почетом правду ему отвечай, как самому Богу, во всем ему повинуюсь. Если земному царю с правдою служишь и боишься его, научишься и небесного царя страшиться: этот – временен, а небесный вечен, он – судья нелицемерный, каждому воздаст по делам его. Также и князьям покоряйтесь, воздавая им должную почесть, ибо посланы Богом карать злодеев и награждать добродетельны».

С историко-правовой точки зрения важно заметить, что в отличие от Стоглава, в котором наблюдается некоторое смешение религиозных и государственных нормативных установлений, Домострой – литературный памятник, содержащий всецело нравственные поучения, «очищенные» от государственной и правовой догмы, четко обрисовывавший обязанности человека по отношению к церкви, царю и другим людям. В дополнение и в некотором (формальном) смысле в противовес ему развивается система сугубо правовых норм и предписаний, отраженная в Судебниках XIV–XVI веков и достигшая своего расцвета в Соборном Уложении 1649 года. К XVII веку две системы нормативной регуляции – мораль и право – были окончательно «разведены», приобрели автономный статус, что существенным образом отразилось в последующем на всей соционормативной системе и сфере правосознания. Как писал В. Н. Кудрявцев, характеризуя этот момент истории, «если обычаи и традиции представляли собой некое единство норм поведения и отношения к ним населения, то с появлением права произошло расчленение, расхождение этих двух элементов: с одной стороны, официальные нормы, установленные извне, с другой – правосознание народа, то есть знание, понимание, принятие или отвержение этих норм» [Кудрявцев 2002: 34].

Историческое «разведение» морали и права, конечно не привело к деморализации права вообще. Оно лишь открыло путь к внедрению в правовые документы нормативных предписаний подчеркнуто управленческого свойства, лишенных нравственной коннотации, а порой и нравственной поддержки общества (что открыто проявило себя в правовой истории Петровской России). В то же время такое «разведение» позволило государству избирательно подходить к решению вопроса о том, какие моральные нормы поддерживать репрессивной силой уголовного права, какие – изживать, а какие – внедрять. Иными словами, право стало не просто устанавливать санкции за нарушение сложившихся моральных норм, но и активно участвовать в формировании морального уклада. При этом ядро уголовного права – нормы о защите традиционных моральных ценностей – остается достаточно устойчивым еще долгое время, вплоть до начала XX века, когда трансформации подвергаются сами традиционные ценности.

Устойчивость уголовно-правовой защиты моральных ценностей, оформившихся к XVI столетию, наблюдается в трех таких разных по историческим меркам документах, как Соборное Уложение 1649 года, Воинские Артикулы 1715 года и Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Хотя эти уголовно-правовые источники и отражают коренные преобразования российского общества и государства, хотя они и соответствуют трем различным

эпохам в истории России, с точки зрения нашего исследования допустимо их рассматривать в качестве свидетельства единого подхода государства к защите традиционных духовно-нравственных ценностей, поскольку: а) сами ценности, несмотря на все преобразования, в основе своей оставались неизменными и предопределялись христианским вероучением, ставшим не просто официальной, но государственной идеологией; б) механизм уголовно-правовой защиты ценностей не претерпел серьезных изменений. Надо лишь отметить, что этот механизм, начиная с XVI–XVII веков, все более эволюционировал в направлении более четкого разграничения светской и церковной юрисдикции с ограничением возможностей последней. Не обсуждая этот сложный и противоречивый процесс, зафиксируем главное в контексте нашей темы: светская власть, ограничивая правовую и судебную автономию церкви, активно брала именно под свою (то есть собственно государственную) защиту тот набор ценностей, просветительскому утверждению которых должна была способствовать церковь. Тем самым дело защиты и уголовно-правовой охраны традиционных ценностей и моральных норм было признано делом государственной важности. Именно государственный, то есть унифицированный в масштабах всей страны, всеобщий, правовой (а не церковно-корпоративный и даже не совместный государственно-церковный) характер охраны традиционных ценностей определял состояние и движение уголовного закона в исследуемой нами сфере.

Обозревая тексты Соборного Уложения, Воинских Артикулов и Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, можно зафиксировать более качественное в юридико-техническом отношении и систематизированное представление правовых норм, направленных на защиту ценностных ориентиров российского общества.

Первая и весьма обширная их группа была посвящена защите православной веры как официальной идеологической основы русского общества и статуса церкви в государстве.

Соборное уложение [Софоненко 1957] явилось первым светским законодательным памятником, в котором были подробно разработаны, определены и поставлены на первое место составы преступных деяний против религии. Составы преступных деяний против веры были намечены на Стоглавом Соборе 1551 года, а глава I Уложения являлась как бы прямым выполнением его решений. Среди запрещенных деяний значились богохульство, перерыв литургии, церковный «мятеж», то есть нарушение церковной службы произнесением непристойных речей, совершение в церкви бесчинств всякого рода. Вводилось наказание за совращение православных в иную веру («А будет кого бусурман какими ни будь мерами, насильством, или обманом Руского человека к своей бусурманской вере принудит»). Весьма подробно соответствующие деяния были описаны в Воинских Артикулах [Софоненко 1961], существенно усиливших наказание в случае их совершения. В первом артикуле значилось, в частности: «ежели кто из воинских людей найдется идолопоклонник, чернокнижец, ружья заговоритель, суеверный и богохулительный чародей: оный по состоянию дела в жестоком заключении, в железах, гонянием шпицрутен наказан или весьма сожжен имеет быть». Ответственность предусматривалась также за склонение чародея к причинению вреда другим лицам (арт. 2), недонесение о богохульстве (арт. 5). Самостоятельный раздел о религиозных преступлениях предусматривало и Уложение 1845 года (Раздел II. О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих оную постановлений, ст. 182–262) [Уложение о наказаниях уголовных и исправительных]. Оно дифференцировало ответственность за богохуление по признаку публичности и места совершения преступления (ст. 183, 184), предусматривало санкции за кощунство («язвительные насмешки, доказывающие явное неуважение к правилам и обрядам церкви», ст. 188), установило наказание за создание и распространение печатной и иной подобного рода продукции богохулительного или кощунственного содержания (ст. 187, 189). Самостоятельной регламентации здесь подверглись деяния, связанные с отступлением от веры и постановлений церкви (отвлечение от православной веры, в том числе насильственное, в веру нехристианскую – ст. 190, отвлечение от православной веры в иное христианское вероисповедание – ст. 195, воспрепятствование переходу в православную веру – ст. 199, воспитание детей не в христианской вере – ст. 192, 198 и др.). Большое внимание уделено ответственности за распространение ереси и раскольнического учения (ст. 206 и др.), уклонение от исполнения постановлений церкви, оскорбление святынь и нарушение церковного благочиния.

Вторая группа норм, весьма активно развивавшаяся на пространстве XVII–XIX столетий, – о защите общественной нравственности. Пожалуй, как никакая другая группа предписаний, она, с одной стороны, отражала государственный идеал нравственного состояния общества, а с другой – демонстрировала интенсивное, активное внедрение уголовного права в область регулирования нравственного поведения людей.

В силу особенностей самой истории общественной жизни (то есть жизни за пределами семьи и вне государственного аппарата), соответствующие нормы росли по мере роста сферы общественного проявления личности. На первых порах они ограничивались, по преимуществу, запретами азартных игр (здесь – явное влияние христианства и церкви) и буйства в общественных местах (здесь – большее влияние государственных интересов). Так, Соборное Уложение в главе XXI «О разбойных и о татиных делех» вводило новый состав преступления – «игра в карты и зернь» по причине тесной связи таковых деяний со множеством иных преступлений против безопасности и собственности («А которые воры на Москве и в городах воруют, карты и зерню играют, и проигрався воруют, ходя по улицам, людей режут, и грабят»). Петр I в Воинских артикулах установил наказание за любое уличное беспокойство («Кто ночью в крепостях, или городах на улице, какой крик или какия излишества учинит» – арт. 48). Сохраняются традиционные нормы о запрете пьянства (арт. 42, 43 Воинского артикула), публичного сквернословия (арт. 177 «от позорных речей и блядских песней достойно и надобно всякому под наказанием удержаться») и публичного непотребства (арт. 25 «А будет кто мужескаго полу, или женскаго, забыв страх Божий и Христианский закон, учнут делатисвады женками и девками на блудное дело»). Косвенно нравственные принципы и нормы морали защищались

уникальными нормами о наказании за неоказание помощи лицам, подвергшимся разбойному нападению либо в уклонении от погони за нападавшими («А где учинитца разбой, а которые сторонние люди, слышачи крик и вопь розбитых людей, ... на крик и на вопь не пойдут .., или ... разбитые люди учнут за разбойники в погоню и на след звать, а те люди в погоню за разбойники или на след не пойдут» – ст. 26 Уставной книги Разбойного приказа 1616 – 1617 годов [Черепнин 1959], а также нормами о запрете разграбления социальных объектов и насилия над мирным населением во время военных действий («Когда город или крепость штурмом взяты будут, тогда никто да не дерзает хотя вышняго или нижняго чина, церкви, школы или иные духовные дома, шпитали без позволения и аказу грабить, или разбивать» – арт. 104). Но развернутую, обширную систему предписания, защищающие идеалы нравственного поведения в обществе, приобрели в Уложении 1845 года. Детальная нормативная регламентация всех сторон общественной жизни человека обусловила соответствующим образом и множество норм об ответственности за нарушение регламентов. В рамках нашей темы наибольший интерес вызывает, в частности: Раздел VIII Уложения «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния», в нем: а) Глава 3 «О нарушении общественного спокойствия, порядка и ограждающих оныя постановлений», а в ее рамках: отд. 2 – о распространении вредных слухов (ст. 1156–1158), отд. 3 – о подложном проявлении чудес и сего рода обманах (ст. 1159–1164), отд. 6, ч. 1 – о бродяжничестве (ст. 1176–1180), отд. 7 – о нарушении правил о прощении подаяния (ст. 1219–1224), отд. 10 – о запрещенных играх, содержании мест для игры сего рода и недозволенных лотереях (ст. 1274–1280); б) Глава 4 «О преступлениях против общественной нравственности и нарушении ограждающих оную постановлений», а в ее рамках: отд. 1 – о соблазнительном развратном поведении, о противоязвенных пороках и сводничестве (ст. 1281–1300), отд. 2 – о противных нравственности и благопристойности сочинениях, изображениях, представлениях и речах (ст. 1301–1305); в) Глава 5 «О нарушении постановлений о цензуре» (ст. 1306–1318); г) Глава 6 «О нарушении постановлений о воспитании юношества» (ст. 1319–1322).

Третью группу норм можно оставить без подробного освещения. Ее образуют традиционные и «вечные» предписания, направленные на защиту сложившегося уклада половых отношений и предусматривавшие ответственность за противоестественные формы удовлетворения сексуальных потребностей, за насильственные половые преступления, кровосмешение, прелюбодеяния, внебрачные половые сношения и др.

Гораздо больший интерес представляют нормативные предписания, выделенные нами в четвертую группу, отражающие возросшее значение ценности человека в общественном сознании, положившие начало признанию человека, его прав и свобод ценностью, достойной включения в разряд традиционных духовно-нравственных. В рассматриваемый период, разумеется, были сделаны только первые шаги в этом направлении. Исходной точкой при этом стали нормы о защите традиционных семейных ценностей.

С одной стороны, они по-прежнему определялись религиозными догматами и императивами Домостроя. В Соборном Уложении, к примеру, вводилась повышенная ответственность за убийство родителей («за отеческое, или за матерне убийство, казнитисмертию же безо всякий пощады» – ст. 1). Здесь же впервые в светском памятнике устанавливалось наказание за насилие или оскорбление родителей со стороны детей («А будет кто сын, или дочь, не помня закона Христианскаго, учнет отцу, или матери грубыя речи говорить, или отца и мать с дерзости рукою зашибет, ... бити кнутом» – ст. 4). В Уложении 1845 года эта норма была дополнена предписанием об ответственности детей (по требованию родителей) за «упорное неповиновение родительской власти, развратную жизнь и другие явные пороки» (ст. 2085). Традиционными были и нормы о защите института брака. В Уложении 1845 года им был посвящен самостоятельный раздел (Раздел XI «О преступлениях против союза брачного»), в рамках которого предусматривалось наказание за противозаконные формы заключения брака (похищение с целью вступления в брак – ст. 2040, принуждение к браку – ст. 2041, заключение брака путем обмана – ст. 2042, двоебрачие – ст. 2045, 2046, вступление в брак в недозволенной степени родства – ст. 2050 и др.).

С другой стороны, к XVIII веку происходит принципиально важное, по сути, эпохальное «открытие» семьи для внешнего государственного вмешательства, снижение абсолютной власти родителей внутри семьи и переход ее под контроль суда и закона. В уголовно-правовой сфере это нашло отражение в формировании корпуса внутрисемейных преступлений против детей и членов семьи. Так, Раздел XI Уложения 1845 года «О преступлениях против прав семейственных» в отд. 3 «О злоупотреблении прав и нарушении обязанностей супружества» (ст. 2075–2077) первой главы содержал нормы об ответственности за жестокое обращение мужа с женой или жены с мужем, за принуждение супруга к какому-либо противозаконному деянию, а отд. 1 «О злоупотреблении власти родительской» (ст. 2078–2082) главы 2 Уложения «О злоупотреблении родительской властью и о преступлениях детей против родителей» содержало нормы о наказании за принуждение родителями своих детей к браку, к монашеству, за вовлечение их в преступление.

Этот фундаментальный ценностный сдвиг (признание ценности личности) сопровождался разработкой и закреплением иных нормативных предписаний, направленных на защиту прав и свобод человека, разумеется, в духе и в пределах, заданных общественным и государственным строем. Среди них – нормы Уложения 1845 года о личных оскорблениях (ст. 2008–2016), о нарушении и присвоении прав состояния (ст. 1852–1877), о противозаконном задержании и заключении (ст. 2025–2030), угрозах (ст. 2035–2039), о произвольном оставлении человека в опасности и неоказании помощи погибающему (ст. 1986–1997).

Как видим, уголовно-правовые нормы о защите ценностного уклада российского общества эволюционировали, будучи в основе своей направленными на сохранение и поддержание порядка, который с позиций сегодняшнего дня уже вполне может быть оценен как порядок, основанный на традиционных российских духовно-нравственных ценностях. Уголовное право при этом, следуя своей основной задаче, вычленило из группы нарушений ценностного

уклада наиболее опасные в представлении государства деяния, угрожая в случае их совершения и суровыми карательными санкциями, и мерами исправительного воздействия со стороны церковных властей. Государство при этом отчетливо сознавало, что далеко не все нарушения, с одной стороны, достойны уголовно-карательных санкций, а с другой – могут быть эффективно предупреждены исключительно просветительскими мерами. По этой причине важно обратить внимание на то, что к охране ценностного и нравственного порядка в обществе с конца XVIII века привлекается еще одна, новая отрасль права – право полицейское (административное – в современной его интерпретации). В 1782 году «для споспешества доброму порядку» Екатерина II утверждает Устав благочиния или полицейский [Индова 1987: 326–388], просуществовавший с изменениями вплоть до 1862 года, когда была проведена полицейская реформа.

«Благочиние» – есть добрый порядок, благопристойное поведение. И уже в первых статьях Устава Екатерина в духе просвещенного абсолютизма формулирует идеальные представления о пристойном поведении граждан, разделив соответствующие моральные требования на три группы:

а) правила поведения человека вообще («правила добронравия»: не чини ближнему чего сам терпеть не хочешь; нетокмо ближнему не твори лиха, но твори ему добро колико можешь; буде кто ближнему сотворил обиду личную, или в имени или в добром звании, да удовлетворит по возможности; в добром помогите друг другу, веди слепаго, дай кровлю неимеющему, напой жаждущего; сжался над утопающим, протяни руку помощи падающему; блажен кто и скот милует, буде скотина и злодея твоего споткнется подними ее; с пути сошедшему указывай путь);

б) правила поведения в семье («правила обязательств общественных»: муж да прилепится к своей жене в согласии и любви, уважая, защищая и извиняя ее недостатки, облегчая ее немощи доставляет ей пропитание и содержание по состоянию и возможности хозяина; жена да пребывает в любви, почтении и послушании к своему мужу; и да оказывает ему всякое угождение и привязанность аки хозяйка; родители суть властелины над своими детьми, природная любовь к детям предписывает им долг дать детям пропитание, одежду и воспитание доброе и честное по состоянию; дети долг имеют оказывать родителям чистосердечное почтение, послушание, покорность и любовь, и служить им самым делом, словами же и речьми отзываться об них величайшим почтением, сносить родительские поправки и увещания терпеливо без ропота, и да продолжится почтение и по кончине родителей);

в) правила поведения по службе («правила определеннаго к благочинию начальства и правила его должности»: здравый разум, добрая воля в отправлении порученного, человеколюбие, верность к службе императорского величества, усердие к общему добру, рдение о должности, честность и безкорыстие).

Этот своего рода «моральный кодекс» подданного Российской империи подтверждался развернутой и обширной системой предписаний (ст. 233–274), определяющих список запрещенных деяний и санкций за их совершение, среди которых были не только известные уголовному праву преступления, но также и новые, «малозначимые» деяния, подсудные непосредственно полиции.

Обозревая памятники уголовного права на большом историческом отрезке, стоит еще раз заметить, что несмотря на известные и весьма существенные изменения в государственной и общественной жизни, несмотря на кардинальные изменения в организации и системе права, в области уголовно-правовой охраны нравственных ценностей наблюдается принципиальное единство, определяемое господством традиционной русской культуры с его ставкой на религиозность, коллективизм, авторитет власти, высокие моральные стандарты личного и общественного поведения. Главными направлениями развития аксиологической истории уголовного права в этот период стали: формирование и поддержка правом христианских ценностей, официальное декларирование признаваемых ценностей, уточнение сферы ответственности церкви и государства в работе по защите традиционных ценностей, расширение области светского уголовно-правового регулирования ценностно-значимого поведения. Устойчивый в содержательном отношении набор уголовно-правовых норм, ориентированных на защиту ценностей, сформировавшийся к XV–XVI векам, остался стабильным вплоть до конца XIX века. Вместе с тем существенным моментом истории ценностей в этот период стало оформление (пусть пока не вполне ясное, внятное и отчетливое, но все же оформление) идеи о ценности человека, его прав и свобод. Развитие этой идеи, как нам представляется, стало определяющим моментом последующей эволюции отечественной культуры, правовой и уголовно-правовой системы.

Литература

Домострой / изд. подгот. В. В. Колесов, В. В. Рождественская. СПб., 1994.

Дылевский М. Стоглавый Собор: предпосылки, ход, значение / Новосибирский временник. – 2022. – № 1. – С. 21 – 35.

Кудрявцев В. Н. Преступность и нравы переходного общества. М., 2002.

Лунин С. В. Правонарушения и юридическая ответственность по Стоглаву 1551 г.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Грозный, 2000.

Основы социальной концепции Русской православной Церкви. Приняты Освященным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви, 13–16 августа 2000 г. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 13.08.2024).

Памятники русского права. В 8 вып. Выпуск восьмой. Законодательные акты Петра I. Первая четверть XVIII в. / под ред. К. А. Софроненко. М., 1961.

Памятники русского права. В 8 вып. Выпуск пятый. Памятники права периода сословно-представительной монархии. Первая половина XVII в.в. / под ред. Л. В. Черепнина. М., 1959.

Памятники русского права. В 8 вып. Выпуск шестой. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. К. А. Софроненко. М., 1957.

Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Преступность в контексте философии истории / Lexrussica. – 2023. – Т. 76, № 11. – С. 57–73.

Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1984.

Российское законодательство X–XX веков. В 9-ти т. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма / отв. ред. Е.И. Индова. М., 1987.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845.

References

Domostroy(1994).Prepared by V.V. Kolesov, V.V. Rozhdestvenskaya. St. Petersburg [in Russian].

Dylevsky, M. (2022).Stoglav Council: prerequisites, course, significance. Novosibirsk Vremyanik, 1, 21–35 [in Russian].

Kudryavtsev, V.N. (2002). Crime and customs of a transitional society. Moscow [in Russian].

Lunin, S.V. (2000). Offenses and legal liability under Stoglav of 1551: author's abstract diss. ... candidate of legal sciences.

Grozny [in Russian].

Fundamentals of the social concept of the Russian Orthodox Church. Adopted by the Holy Bishops' Council of the Russian Orthodox Church, August 13-16, 2000. Available from: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> [in Russian].

Monuments of Russian law. In 8 issues. Issue 8. Legislative acts of Peter I. First quarter of the 18th century (1961).Edited by K. A. Sofronenko. Moscow [in Russian].

Monuments of Russian law. In 8 issues. Issue 5. Monuments of law from the period of estate-representative monarchy. First half of the 17th century (1959).Edited by L. V. Cherepnin. Moscow [in Russian].

Monuments of Russian law. In 8 issues. Issue 6. The Cathedral Code of Tsar Alexei Mikhailovich of 1649 (1957).Edited by K. A. Sofronenko. Moscow [in Russian].

Pudovochkin, Yu.E., Babaev, M.M. (2023). Crime in the context of the philosophy of history. Lex russica, 76, 11, 57–73 [in Russian].

Russian legislation of the 10th – 20th centuries. In 9 volumes. Volume 2. Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state (1984). Under the general editorship of O.I. Chistyakov. Moscow [in Russian].

Russian legislation of the 10th – 20th centuries. In 9 volumes. Vol. 5. Legislation of the heyday of absolutism (1987).Edited by E. I. Indov. Moscow [in Russian].

Code of criminal and correctional punishments (1845). St. Petersburg [in Russian].

Citation:

ЧирковФ. В. Российские духовно-нравственныеценности и ихуголовно-правоваяохрана в XVI – XIX веках// Юрислингвистика. – 2024. – 34. – С. 147-153.

Chirkov F. V. (2024)Russian Spiritual and Moral Values and their Criminal-Legal Protection in the 16th – 19th Centuries. Legal Linguistics, 34, 147-153.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Подписано в печать 23.12.2024 г.

Дата публикации издания 27.12.2024 г.

Адрес издательства: 656049, Алтайский край, г. Барнаул,
пр. Ленина, 61.

© Алтайский государственный университет, 2024